

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

А. Н. Мазур

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ
В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ :
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — XX В.)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2012

УДК 325.111

ББК С546.22

М139

*Исследование и публикация поддержаны
Российским гуманитарным научным фондом
(проекты № 08-01-00418а, 12-01-16148д)*

Научный редактор О . В . Г о р б а ч е в, доктор исторических наук,
профессор Уральского государственного педагогического университета

Рецензенты:

сектор аграрной истории Института истории СО РАН (зав. сектором
докт. ист. наук В . А . И л ь и н ы х);

П . М . П о л я н — докт. геогр. наук, вед. науч. сотр. отдела соци-
ально-экономической географии Института географии РАН

Мазур, Л. Н.

М 139 Российская деревня в условиях урбанизации: региональное изме-
рение (вторая половина XIX—XX в.) / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 472 с.

ISBN 978-5-7996-0756-2

Рассматриваются проблемы эволюции уральской деревни в условиях ста-
новления индустриального общества и урбанизации. Исследуются пути и ме-
ханизмы реконструкции деревни, основные факторы урбанизации сельской
местности. Особое внимание уделяется миграции и политике государства в
вопросах благоустройства сельской местности. Анализируются основные
этапы сельской урбанизации и ее цивилизационные и региональные особен-
ности, эволюция образа жизни крестьянства.

Монография адресована историкам, географам, демографам, социологам,
краоведам, всем, кто интересуется проблемами сельской истории.

УДК 325.111

ББК С 546.22

ISBN 978-5-7996-0756-2

© Мазур Л. Н., 2012

ОТ АВТОРА

Я, как и многие в нашей стране, городской житель, привыкший к шуму и суете большого города и не представляющий себе другой жизни. И, как большинство горожан, я потомок крестьян. Мои родители в молодости переехали из своей деревни в город, став участниками «великого переселения народов», той глобальной драмы, которую мы привычно называем урбанизацией. Может быть, поэтому во мне живет желание понять, что произошло с моей семьей, моей страной за последние 150 лет, понять и оценить глубину социальных сдвигов, отделяющих современное общество от традиционного.

Термин «урбанизация» стал уже настолько привычным, что воспринимается нами как вполне обыденный. В результате перемещения слова из научного языка в повседневный речевой оборот невольно начинают размываться и множиться его смыслы, затрудняя понимание и применение в качестве инструмента исследования. Поэтому вновь возникает необходимость проанализировать семантику понятия и уточнить его научное наполнение.

В книге сделан упор на анализе отдельных составных процессов урбанизации, перестройке сельской местности в разных ее сферах — поселенческой, бытовой, культурной.

Такой подход предопределил структуру монографии. Первый раздел посвящен общим вопросам сельской урбанизации — характеристике ее содержания, основных направлений и этапов. Второй раздел на материалах Урала раскрывает факторы, определившие пространственные черты урбанизации. В третьем внимание уделено анализу государственной политики в области расселения и переустройства сельской местности. В четвертом разделе на материалах Уральского региона раскрываются

условия жизни сельского населения и их изменение в ходе урбанизационной перестройки. Пятый раздел описывает процессы формирования новой культурно-бытовой среды в уральской деревне. Шестой посвящен проблеме трансформации образа жизни уральского крестьянства как важнейшего индикатора уровня урбанизационной перестройки.

Обращение к региональному материалу позволило выделить как общие, так и специфические черты изучаемого явления. Причем опыт урбанизации Урала можно рассматривать в некотором смысле как универсальный, поскольку здесь реализуются сразу несколько моделей урбанизации (индустриальная, сельскохозяйственная, лесохозяйственная), характерных и для других территорий России. Учитывая этот момент, автор посчитал возможным сконцентрировать внимание не столько на региональных, сколько на общероссийских закономерностях урбанизации.

Эта работа посвящается моей семье, прежде всего маме и дочери, которые всегда были моей надеждой и опорой и без которых я не смогла бы ничего создать. Хочу высказать слова благодарности О. В. Горбачеву, моему верному другу, коллеге и незаменимому помощнику в работе над монографией, который и словом, и делом поддерживал и вдохновлял меня.

ВВЕДЕНИЕ

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...
Н. Рубцов

Понятие «урбанизация» начинает научно разрабатываться в 1950-е гг., изначально приобретая междисциплинарный характер. Оно становилось объектом изучения географической, социологической, демографической, экономической и, наконец, исторической науки. В каждой из них формировались свои подходы к определению понятия, свои схемы периодизации и критерии оценки переходных состояний.

Основной смысл современного понятия урбанизации как исторического процесса сводится к трем положениям: 1) повышение роли городов в развитии общества; 2) сосредоточение населения, материальной и духовной культуры в городах; 3) распространение городской культуры и образа жизни¹. Причем все три варианта определения отражают взаимодополняемые процессы трансформации экистической, экономической, социальной, демографической, культурной сфер жизни общества, источником которых выступает городская среда как особое социокультурное явление. В этом проявляется сложившееся в общественном сознании и подсознании противопоставление города и деревни, преодоление которого составляет социальный смысл урбанизации.

Этот тезис становится еще более очевидным, если мы обратимся к этимологии самого слова «урбанизация» (от лат. *urbanus* — городской). В обиходном словаре его начинают использовать со второй половины XIX в., вкладывая поведенческие смыслы. В самом начале слово «урбанизировать» означало «делать вежливым», «преобразовывать что-либо или кого-либо» в нечто утонченное, что ассоциировалось именно с городской средой и культурой. Этот посыл к трансформации сохраняется в семантике слова и сегодня, поскольку урбанизация рассматривается как п р о ц е с с и з м е н е н и й².

Такое позднее распространение слова не случайно, оно появилось как результат рефлексии двух качественно отличных состояний (город и село, городской образ жизни и сельский), как отражение происходящих кардинальных трансформаций. В традиционном обществе культурный разрыв городского и сельского образа жизни не был таким очевидным и глубоким. Он становится ощутимым только на начальной стадии урбанизации, когда города уже начинают жить по новым законам, а деревня остается хранителем традиционных ценностей. Восприятие урбанизации с позиций противопоставления города и села во многом связано с асинхронным протеканием изменений в различных подсистемах общества: сначала преобразуется городская среда и только потом в этот процесс качественных трансформаций образа жизни включается сельская местность. Сложная диалектика взаимодействия города и села в условиях урбанизации пока слабо раскрыта в литературе и выступает в качестве основного объекта исследования в представленной монографии.

Начало изучения урбанизации в отечественной науке связано с именем В. П. Семенова-Тян-Шанского, который провел анализ существующей системы расселения, уделив особое внимание характеристике и генезису русского города³. В его работе «Город и деревня в Европейской России» приведены наблюдения, касающиеся начального этапа урбанизации⁴. В частности, он отметил такое характерное для России явление, как наличие «мнимых»

городов, которые только назывались так, фактически оставаясь сельским поселением. Основным критерием «истинного» города ученый считал «торгово-промысловую бойкость», определявшую его качественные отличия по образу жизни.

Однако эти теоретические подходы не получили дальнейшего развития. Последовавшие за выходом книги события — мировая война, революция, Гражданская война — на время прервали изучение процессов урбанизации. Только в 1920-е гг. проблемы развития городов вновь попадают в поле зрения ученых. Наиболее активные дискуссии развернулись среди архитекторов, которые предлагали разные варианты развития города в условиях строительства социализма.

В 1930-е гг. дискуссия была директивно прекращена; утвердилась одна точка зрения, в рамках которой город воспринимался как место концентрации рабочей силы, а также экономических, интеллектуальных и материальных ресурсов. Город стал важнейшим объектом регулирования и управления, а весь процесс трансформации расселения в условиях строительства социализма рассматривался в контексте постепенного укрупнения поселенческой сети, которое включало не только рост и укрупнение уже существующих городов, но и преобразование «нищей и темной» деревни в разновидность города. Эти представления о путях развития города и деревни, сложившиеся в 1930-е гг., с небольшими коррективами просуществовали вплоть до 1990-х гг., определяя соответствующим образом и направления научного поиска.

Новый всплеск интереса к вопросам модернизации городского и сельского расселения наблюдается в 1950-е гг. К этому времени урбанизация стала одним из важнейших факторов, влияющих на жизнь общества, а ее изучение актуализировалось в связи с необходимостью разработки градостроительных решений. Основной вклад в изучение урбанизации в этот период внесли географы, на долгое время монополизировавшие данное направление.

Все концепции урбанизации, появившиеся в науке в 1960—1980-е гг., имели практическую направленность и были нацелены на

поиск оптимальных вариантов системы расселения и инструментов ее регулирования. Среди них наиболее значимую роль сыграли три концепции.

- Теория групповых систем населенных мест. Автор — В. Г. Давидович, считающий, что в ходе урбанизации поселенческая сеть будет эволюционировать путем формирования групповых систем, в качестве которых рассматривались взаимосвязанные городские и сельские поселения разной величины и профиля, объединенные территориально-производственными связями и общей инфраструктурой⁵. Эту концепцию поддержали также А. В. Кочетков, Ф. М. Листенгурт, А. Г. Вишневский, Ю. Л. Пивоваров, которые считали этот процесс неизбежным и необратимым⁶.

- В 1960-е гг. в географии складывается другое теоретическое направление, получившее название концепции Единой системы расселения (ЕСР). Она была разработана в Центре по изучению проблем народонаселения в МГУ и наиболее полно отражена в работах Б. С. Хорева⁷. Основная идея состояла в том, что в условиях централизованного планирования государство может обеспечить равные условия и возможности для развития сельских и городских поселений, рационального (равномерного) размещения населения.

- В 1970-е гг. появляется концепция опорного каркаса расселения, в качестве одного из разработчиков которой выступил Г. М. Лаппо⁸. Опорный каркас расселения рассматривался им как наиболее устойчивый элемент системы расселения, включающий города и наиболее крупные сельские населенные пункты, соединенные транспортными связями. Развивая каркас расселения, государство формирует наиболее оптимальную поселенческую среду. Дальнейшая разработка этих идей принадлежит П. М. Поляну, который предложил методику выделения городских агломераций, обосновал критерии города-ядра и способы определения границ спутниковой зоны⁹.

Все рассмотренные выше теоретические схемы исходили из того, что расселение подлежит совершенствованию и развитию

с помощью планирования. Их базовые идеи были положены в основу Генеральной схемы расселения СССР, которая была основным инструментом регулирования урбанизации. Составной частью перспективного плана стали мероприятия, связанные с разрушением, ликвидацией традиционной сельской поселенческой сети и созданием на ее месте новой системы расселения, отвечающей городским стандартам.

Первая версия Генеральной схемы расселения была разработана ЦНИИПградостроительства (Москва) в 1975 г. с опорой на Генеральную схему размещения производительных сил СССР. Центральная идея Генеральной схемы заключалась в формировании на территории СССР единой системы расселения и развитии групповых систем населенных мест как основы поселенческой структуры. С этой целью были выделены 62 крупных групповых системы расселения, 169 средних и 323 малых¹⁰, которые следовало развивать.

В середине 1980-х гг. появляется новый вариант Генеральной схемы расселения, в котором нашли отражение как итоги дискуссии между сторонниками равномерного расселения и урбанистами, так и новые представления о закономерностях эволюции систем расселения¹¹.

Впервые на циклический характер эволюции расселения обратил внимание в 1963 г. Дж. Джиббс, выделив пять основных стадий урбанизации, связанных со спецификой взаимодействия города и села. В отечественной науке эти идеи получили развитие в работах Ж. А. Зайончковской¹², которая, учитывая динамику демографических процессов и роль городов, выделила три этапа эволюции расселения: 1) традиционный (аграрный), 2) индустриальный и 3) постиндустриальный. В современной урбанистике стадийные теории стали основой для понимания эволюции и механизмов урбанизации¹³.

Свой вклад в изучение проблем урбанизации внесла региональная наука. В 1960—1980-е гг. в Перми и Свердловске складываются научные центры по изучению территориальных систем расселения¹⁴. Урал, будучи одним из наиболее урбанизированных регионов

страны наряду с Московским и Северо-Западным, давал возможность на «опытном» уровне проанализировать процессы, связанные с формированием и развитием агломераций, их влиянием на трансформацию городской поселенческой сети¹⁵. Проблемы развития сельской местности в условиях урбанизации, а также взаимодействия городского и сельского расселения в 1970-е гг. получили отражение в работах Г. Ф. Важенина¹⁶. Заметный вклад в изучение вопросов сельской урбанизации внесли новосибирские ученые (под. рук. Т. И. Заславской), положившие начало новому научному направлению — социологии расселения¹⁷.

В исторической науке во второй половине XX в. выделилось несколько направлений, так или иначе затрагивающих проблемы сельской урбанизации: историческая урбанистика, аграрная история, новая социальная история (история повседневности, ментальности).

Историческая урбанистика складывается как научное направление в 1950-е гг., но окончательно оформляется лишь к началу XXI в. С учетом тематики и характера исследований можно выделить следующие этапы развития исторической урбанистики:

- 1950—1970-е гг. — изучение отдельных историй российских городов¹⁸;
- 1980—1990-е гг. — появление обобщающих трудов по истории городов (В. Б. Жиромская, Б. Н. Миронов, П. Г. Рындзюнский, А. С. Сеньявский и др.)¹⁹;
- начало XXI в. — от истории городов к изучению урбанизации (А. С. Сеньявский, О. Л. Лейбович и др.)²⁰.

Среди исторических исследований особо следует выделить труды А. С. Сеньявского, благодаря которому в научный оборот было введено понятие исторической урбанистики²¹. Комплексной оценке урбанизации как составной части модернизации российского общества была посвящена также работа уральских историков, опубликованная в 2000 г.²²

Весьма активно в 1990-е гг. историками изучается уральский город²³. Этой тематике посвящен ряд исследований Е. Ю. Алферовой,

рассмотревшей демографические и экономические стороны развития уральского города в пореформенный период²⁴. На рубеже веков появляется серия изданий, подготовленных коллективом авторов под руководством проф. Н. А. Миненко и посвященных уральскому городу XVIII—XIX вв., в т. ч. духовным, социальным аспектам городской жизни, проблемам взаимодействия аграрной и индустриальной среды, вопросам самоуправления и пр.²⁵

Исторические аспекты развития уральских городов в XX в. нашли отражение в ряде публикаций, подготовленных в Институте истории и археологии УрО РАН²⁶. В частности, в препринте А. Г. Оруджиевой, где с опорой на переписи населения дана общая характеристика развития городов и городского населения, оценивается уровень урбанизации территории, характеризуются ее региональные особенности²⁷.

Проблемы изучения малых городов в XX в. поднимаются и в монографии С. А. Баканова²⁸. Для анализа депрессивных городов им были использованы такие малоизученные источники, как паспорта городов, на основе которых были рассмотрены не только демографические процессы, их динамика и структура, но и состояние инфраструктуры городов, в т. ч. обеспеченность жильем, уровень благоустройства.

Особую роль в понимании специфики урбанизации на Урале играют исследования, направленные на изучение опыта взаимодействия промышленной и аграрной среды. На примере горнозаводских центров Урала и Западной Сибири уральскими историками Н. А. Миненко, И. В. Побережниковым, Е. Ю. Апкаримовой и С. В. Голиковой были рассмотрены проблемы взаимодействия горнозаводских центров и аграрного окружения как в хозяйственной, так и в культурно-бытовой и социально-сословной сферах в XVIII — первой половине XIX в. При этом особый акцент был сделан на характеристике путей, способов интеграции деревни в горнозаводское производство и участие в этом процессе государства²⁹.

Если оценивать состояние региональной науки и ее вклад в изучение проблем урбанизации Среднего Урала, то следует отметить,

что основное внимание в последние годы уделялось исследованию городского развития, и в этой области были достигнуты весьма внушительные результаты. В результате мы имеем достаточно полное представление о динамике, характере, особенностях развития городов на Урале. Причем в зону внимания попали не только крупные города, но и поселки городского типа, которые в целом изучались очень мало и в советский, и в постсоветский периоды. Следует отметить, что для Урала именно эта категория поселений имеет принципиальное значение в силу их многочисленности, а также того, что в ряде регионов именно они несут на себе основную административную и хозяйственную нагрузку. В этом отношении интерес представляет диссертация М. А. Григоровича, в которой нашли отражение как исторические, так и современные аспекты развития поселков городского типа на примере Среднего Урала³⁰. Появление таких работ позволяет расширить наши представления о развитии городской поселенческой сети и ее перспективах.

Анализируя особенности изучения урбанизации представителями исторической науки, следует отметить, что большая часть исследований ведется в контексте истории городов. Рассмотрение эволюции сельского расселения опирается на историографическую традицию, как правило, не связанную с пониманием ее в контексте урбанизации. В большинстве работ урбанизация рассматривается как внешний фактор перестройки сельской местности, но не как ее основной смысл. И в этом видится серьезное методологическое ограничение, не позволяющее корректно оценить содержание и результаты, а также характер перемен, происходящих в сельской местности. Первой попыткой нового прочтения истории уральской деревни была монография Л. Н. Мазур и Л. И. Бродской, посвященная эволюции сельского расселения Среднего Урала XX в.³¹ Динамический анализ развития сельской поселенческой сети и выделенные авторами региональные модели послужили основой для дальнейшего углубленного изучения урбанизации как социального явления, связанного с трансформацией условий и образа жизни населения. Очень важным стало

понимание неразрывности всех процессов, которые происходят в обществе: изменение роли городов, формирование городского образа жизни неизменно влечет за собой перемены в сельской местности, сначала прилегающей к границам городов, а потом и на отдаленных территориях. Меняется все: внешний облик поселений, жилища и бытовые условия, культура, повседневность, ментальность. Деревенский житель развитого урбанизированного общества отличается от городского, но не принципиально: он имеет такое же образование, сходный круг потребностей, одинаковый горизонт ожиданий. Урбанизация, а не социализм способствует формированию однородного общества, снимая различия между городом и деревней в информационном и социокультурном планах, но одновременно сохраняя вариативность жизненных укладов, открывая новые возможности и перспективы горизонтальной мобильности.

Итак, комплексные работы о закономерностях социально-культурной трансформации деревни в условиях урбанизации пока отсутствуют. Но это не свидетельствует об отсутствии историографической базы: история российской деревни исследовалась на протяжении второй половины XX в. весьма интенсивно и продуктивно в рамках такого фундаментального направления, как аграрная история.

В советский период активно изучались различные стороны жизни советской деревни: история сельского хозяйства и сельского населения, образование, культурно-бытовое развитие сельской местности, сельское строительство, аграрная политика и пр. Итоги аграрного развития России в советский период были подведены в многотомном издании, посвященном истории советского крестьянства³², и ряде обобщающих трудов, отражающих отдельные этапы и аспекты аграрной истории (И. М. Волков, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, Ю. В. Арутюнян, А. П. Тюрина и др.)³³. В 1980-е гг. появляются обобщающие труды по аграрной истории не только на общесоюзном, но и на региональном уровне. В частности, на Урале эти вопросы исследовались весьма активно в 1970—1980-е гг., в результате чего выходит в свет ряд работ по истории уральской деревни и крестьянства³⁴.

Несмотря на давление идеологических установок и «заказной» характер изучаемой проблематики, в отечественной науке были достигнуты заметные успехи в исследовании широкого круга вопросов, прежде всего производственно-организационного и социального плана. Важнейшим достоинством научных работ этого периода является богатство фактографических данных, почерпнутых из архивных фондов, статистических справочников. Внимание к проблемам, связанным с производительными силами и производственными отношениями, в конечном итоге способствовало формированию предпосылок для изучения тем, которые в тот момент находились на периферии научных изысканий, но впоследствии вышли на первый план. К числу таких вопросов можно отнести и проблемы урбанизации сельской местности.

Постсоветский период аграрной историографии характеризуется расширением тематики исследований, круга источников, методологического и методического арсенала науки, в том числе использованием новых подходов, позволяющих по-новому оценить судьбу сельской России в XX в. На современном этапе выделяются следующие направления аграрных исторических исследований, в той или иной степени затрагивающих проблему урбанизации сельской местности.

- Изучение аграрного строя и тенденций развития сельского хозяйства в России в XX в. Это направление связано с теоретическим переосмыслением характера, содержания той перестройки, которая произошла в аграрной сфере. Причем наряду с работами, ориентированными на анализ собственно производственных показателей, появляются труды, в которых дается концептуальная оценка трансформации аграрной сферы:

1) к о н ц е п ц и я к а п и т а л и з а ц и и (М. А. Безнин, Т. М. Димони) с позиций формационной парадигмы предполагает отказ от признания социалистической природы отношений, сложившихся в аграрной сфере, и рассмотрение их с точки зрения капитализации, т. е. в качестве разновидности государственного капитализма с использованием архаичных (феодалных) механизмов накопления первичного капитала³⁵;

2) концепция агроперехода (Г. Е. Корнилов) опирается на модернизационные подходы и рассматривает изменения в аграрной сфере через призму индустриализации сельского хозяйства³⁶. Отражая процессы перестройки сельскохозяйственной сферы, агропереход охватывает промышленную, демографическую, социальную, культурную, поселенческую сферы жизни деревни и является составной частью модернизации;

3) концепция аграрного строя (В. А. Ильиных), в которой сформулирована идея о дискретном характере аграрной экономики, состоящей из совокупности вариативных аграрных моделей, формирующихся под влиянием комплекса природных, экономических, политических факторов. Аграрный строй обладает временными и пространственными характеристиками и нуждается в точечном изучении, основанном на приемах микроанализа. Выявление моделей аграрного строя и оценка характера их взаимодействия во времени и пространстве дает возможность понять механизмы аграрного развития, нацеленные на поиск оптимальной модели³⁷.

- Исследование аграрной политики государства и аграрного реформирования в XX в. В центре внимания историков-аграрников в последнее десятилетие находятся наиболее важные и значимые для судеб страны мероприятия: реформы П. А. Столыпина, коллективизация, хрущевские реформы 1950-х гг., политика брежневского времени 1965—1982 гг. Особенностью литературы последних лет стало внимание к альтернативам проведенных реформ, анализу возможных вариантов развития и комплексной оценке их результатов. Большое внимание уделяется личности руководителей, реализуемой в решениях, системе ценностей, а также вопросам ответственности за их принятие³⁸. Значительное место в этом разделе занимают публикации по истории коллективизации и раскулачивания, а также формирования и развития в стране лагерной системы, оказавшей значительное влияние на специфику урбанизации северных и восточных территорий России, в т. ч. Урала³⁹.

- Изучение форм организации сельскохозяйственного производства (колхозы, совхозы, крестьянские хозяйства, аграрно-

промышленные комплексы) и их развития. Литература, посвященная изучению организационных сельскохозяйственных форм и их эволюции, охватывает все основные варианты — крестьянские хозяйства, колхозы, госхозы⁴⁰. Причем особое внимание уделяется истории крестьянского хозяйства. Активно исследуется структура крестьянского хозяйства на разных этапах истории XX в., динамика производственных показателей, его экономическая эффективность. В последние годы растет число региональных исследований, охватывающих преимущественно начало XX в. и 1920-е гг.⁴¹

- Историко-демографические исследования сельского населения. Литература, посвященная анализу структуры и динамики численности сельского населения, имеет принципиальное значение для понимания процессов сельской урбанизации. Особенно важна сельская миграция, которая стала одним из важнейших каналов урбанизации. В историко-демографических исследованиях выделяются ряд направлений: анализ демографических катастроф XX в. и их последствий, изучение динамики численности населения и процессов воспроизводства в контексте теории «демоперехода», изучение семьи, изучение структуры и динамики миграционных потоков⁴².

- Культура и быт крестьян, архитектура, строительство и благоустройство сельской местности. Урбанизация сельской местности находит непосредственное отражение в изменении культурно-бытовой инфраструктуры, внешнего облика и благоустройства населенных пунктов, формировании нового образа жизни крестьян. Эти проблемы за последнее десятилетие потихоньку переключались из социологических и экономических работ в исторические и нашли отражение в ряде изданий общероссийского и регионального плана, отражая возрастающий интерес исследователей к сюжетам, связанным с историей обыденности и ментальности⁴³.

В качестве одного из направлений аграрных исследований следует выделить изучение эволюции сельского населения в XX в. (Л. Н. Денисова, Л. Н. Мазур, И. В. Русинов и др.)⁴⁴. Внешняя сторона урбанизации связана с перестройкой

поселенческой структуры, и в совокупности они могут выступать объективной основой для оценки уровня урбанизации.

Наряду с рассмотренными выше направлениями аграрной истории также следует выделить новые подходы к изучению сельской истории. Сюда относятся работы по социальной истории архитектуры и жилища, ментальности крестьян и их памяти (И. А. Кознова), истории сельских женщин (Л. Н. Денисова), труда (М. Н. Глумная), голода (В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов)⁴⁵.

Все перечисленные выше исследования не ставили своей непосредственной задачей изучение урбанизации деревни, но неизбежно затрагивали эту проблему. Важнейшим результатом изучения урбанизации во второй половине XX в. стало понимание ее как комплексного процесса перестройки всего общества, который охватывает не только городскую среду, но и сельскую местность, способствуя ее преобразованию на городских началах и созданию новых форм интегрированного расселения.

С учетом накопленного теоретического и методического опыта в изучении процессов сельской урбанизации можно выделить следующие задачи, которые требуют решения:

- выделить и обосновать хронологические рамки, этапы и итоги переустройства российской деревни;
- обосновать уровни урбанизации и их критерии;
- изучить исторические модели (типы) сельской урбанизации;
- выделить основные каналы формирования новой социокультурной среды (сельское образование, средства массовой информации, миграция) и оценить их роль;
- проследить эволюцию архитектурно-планировочного облика российской деревни (планировка, сельское строительство, сельская архитектура, благоустройство);
- изучить основные механизмы раскрестьянивания и изменения образа жизни.

1. МОДЕРНИЗАЦИЯ И СЕЛЬСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1. Особенности российской урбанизации

Деревня начала XXI в., несмотря на узнаваемость и сохранение многих традиционных черт, представляет собой совершенно новое явление. Она отличается от села конца XIX в. по внешнему облику, уровню благоустройства, общему строю жизни. Изменения охватили все уровни организации сельского общества — систему расселения, само поселение, крестьянский двор и образ жизни, который формируется под влиянием трех основных факторов: аграрного производства, семьи, а также инфраструктурных сдвигов, связанных с развитием социокультурного пространства.

Общую направленность изменений, происходивших в российском обществе в XX в., можно назвать одним очень емким и многозначным словом — м о д е р н и з а ц и е й. Это сложный процесс, охвативший все сферы жизнедеятельности социума и связанный с переходом от традиционной стадии к индустриальной и постиндустриальной. Составной частью модернизации выступает у р б а н и з а ц и я.

В узком смысле урбанизация воспринимается как процесс «сосредоточения населения и экономической жизни в городах при одновременном преобразовании сел в поселки городского типа»¹, т. е. достаточно упрощенно. В рамках более широкого подхода урбанизация рассматривается как комплексная перестройка условий

и образа жизни населения на городских началах. Такая постановка проблемы позволяет осмыслить урбанизацию в социальном измерении и отказаться от укоренившихся в научных практиках схем, ориентированных исключительно на экономико-географический анализ городской системы². Важной составной частью изучения предмета являются вопросы, связанные с анализом преобразования сельской среды в условиях урбанизации, которые, как правило, остаются в стороне.

Исследователи, анализируя особенности российской урбанизации, указывают на ее с е л ь с к и й х а р а к т е р³. Подобная оценка очень точна: с одной стороны, города сохраняют и воспроизводят в своей структуре, пространственной организации, социальной среде сельские качества, а с другой — перестройка сельской местности приобретает деформированно городской характер, пытаясь преодолеть свое вековое отставание по качеству и уровню жизни. Трансформация городского и сельского расселения — это два неразрывно связанных процесса, которые нуждаются в комплексном изучении на глобальном и региональном уровнях.

Комплексный характер урбанизации проявляется в том, что она охватывает не только собственно городские поселения, преобразуя их жизнь (экономическую, социальную, демографическую, бытовую, культурную и т. д.), но и сельскую местность. Результат этих преобразований долгое время оценивался односторонне — как процесс постепенной трансформации сельских поселений в городские. Вопреки этим прогнозам, сельская местность не исчезла, поглощенная городом, она остается важной составляющей частью современного общества, выполняя хозяйственные, культурные и рекреационные функции. Сохраняются специфика сельской местности и ее особый статус, в том числе правовой. Здесь проживает значительная часть населения. По данным переписи 2002 г. численность сельских жителей в РФ составила 38 738 000 чел. (26,7 % общей численности населения), на Урале — 5 214 335 (26,4 %)⁴. Сельская местность является не только средоточием земельных и материальных богатств, но и выступает как важнейший рекреа-

ционный ресурс, значимость которого возрастает в современных условиях многократно.

Изучая урбанизацию в историческом плане, прежде всего сталкиваешься с проблемой ее периодизации, в основе которой лежит вопрос о начале, отправной точке урбанизационных изменений. При этом необходимо признать принципиальную невозможность зафиксировать во времени точную дату, но дать хотя бы относительные ориентиры необходимо. Иначе нет смысла говорить о существенных характеристиках, стадиях этого процесса, его результатах и перспективах.

Особенность изучения урбанизации состоит в том, что в рамках разных наук сложились свои подходы к ее периодизации, в том числе разные оценки начальной стадии развития урбанизации. В географической науке этот процесс трактуется либо очень широко, в контексте истории городов⁵, и соответственно начальный этап соотносится с появлением древних городов, либо урбанизация связывается преимущественно с формированием интегрированных форм расселения — агломерациями и мегаполисами⁶. В демографической науке в качестве основного критерия урбанизации выступает удельный вес городского населения, а точнее, миграционные процессы, связанные с массовым перемещением сельских жителей в города. Подобные демографические сдвиги наблюдаются в России уже в конце XIX — начале XX в. и достигают своего пика в послевоенный период⁷. С позиций экономической науки урбанизация рассматривается как процесс сосредоточения населения и экономической жизни в городах при одновременном преобразовании сел в поселки городского типа⁸. Причем основой, организующей жизнь городского населения в условиях урбанизации, является производство товаров и услуг. В этом контексте процессы урбанизации жестко соотносятся с индустриализацией, а в социальном плане — с формированием общества потребления.

Таким образом, с учетом критериев, предложенных в географической, экономической науках и демографии, урбанизация — это явление, относящееся к Новейшему времени и связанное с формированием

современного общества. Однако его хронологические рамки остаются неопределенными, так как основаны на оценке продолжающихся, растянутых во времени экономических и демографических процессов переходного характера.

Помимо экономико-демографической стороны, урбанизация включает социальные смыслы, связанные с изменением образа жизни. Если учесть этот аспект, то процессы урбанизации предстают как более сложное явление. Они приводят к принципиальным изменениям в структуре занятости, образе жизни, характере социальных связей. Важным следствием урбанизации стало формирование новой системы социокультурных отношений, отличных от традиционных (общинных, сословных) и ориентированных на самостоятельную личность — индивидуума, права и интересы которого становятся приоритетными. В результате происходит смена традиционных общественных, политических, образовательных, культурных институтов, создание новых, построенных на бессловном принципе, гражданских правах и свободах, и именно они начинают определять характер и содержание городской среды и городского образа жизни.

В социально-культурном плане урбанизацию необходимо рассматривать как процесс модернизации образа жизни, в том числе собственно городского — от его традиционного варианта к современному — и создание некоторого общего стандарта, который реализуется и в городской, и в сельской среде, но неодновременно и с определенными вариациями. Таким образом, в ходе урбанизации меняется как город, так и деревня. Трансформацию сельского образа жизни можно определить как вторичный процесс, поскольку ее тренд и характер задаются влиянием не только факторов макроуровня, но и контактной городской среды.

Для изучения урбанизации в социальном измерении возникает потребность разграничить понятие «образа жизни» в вертикальном (временном) и горизонтальном планах и уточнить содержание понятий традиционного и урбанизированного; городского и сельского образа жизни. Они соотносятся с определенными направлениями

и стадиями урбанизации, которая первоначально охватывает городскую среду, способствуя превращению городов в центры модернизационных (технических, культурных, политических и пр.) инноваций и появлению новых стандартов условий жизни, труда, отдыха и поведения, соответствующих современному пониманию «городского образа жизни». В дальнейшем город становится источником распространения данной модели и внедрения ее в границах контактного пространства, которое постоянно расширяется. Отличительной особенностью эволюции/урбанизации сельского образа жизни является ее запаздывающий характер, низкие темпы перестройки и сохранение в течение длительного времени традиционных черт, в том числе тесной связи сельских жителей с окружающей природной средой, определяющей жизненные циклы сельской повседневности.

В настоящее время сложились два основных методологических подхода к периодизации урбанизации в исторических и социально-культурных исследованиях: мир-системный и модернизационный.

Подход к урбанизации как всеобщему единому историческому процессу нашел наиболее полное воплощение в концепции «мир-система», возникновение которой относится к 1970-м гг. и связано с именами А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина, Дж. Арриги и Т. дос Сантоса. По И. Валлерстайну, мир-системный подход — это теория, описывающая генезис, механизм функционирования и эволюцию «исторических систем» или «мир-систем», т. е. длительно существующих, интегрированных явлений, внутреннее единство которых обеспечивается экономическими, политическими и культурными взаимодействиями⁹. Структура и границы мир-системы определяются общественным разделением труда и подразделяются на два типа: мини-системы (первобытные общества) и миры-системы, представленные в ранний период империями (с 8000 г. до н. э. до 1500 г. н. э.), позднее мир-экономиками. К последнему типу относят капитализм, который оказался единственной экономической мир-системой, сложившейся и устоявшей в перипетиях Нового и Новейшего

времени (начиная с XVI в. и вплоть до сегодняшнего дня). Социализму в этом отношении не так повезло, хотя его исторический опыт полностью не отрицается.

Свое место в мир-системной концепции занимает понятие урбанизации, которая рассматривается как основа государственности и соотносится с процессом формирования государств в IV — начале III тыс. до н. э., ранней формой которых был собственно городской вариант. В этом случае процессы урбанизации измеряются в глобальном масштабе и соотносятся с историей создания и развития городов как таковых. Уязвимым местом подобного подхода является то, что город как исторический факт очень многолик: от укрепленного поселения до города-государства и царской резиденции. Все это многообразие, доходящее до очевидной несопоставимости изучаемых явлений, свойственно традиционному обществу, особенно его древнему периоду. Город Нового и Новейшего времени — более однородное понятие, оно не совпадает по своим характеристикам, функциям и роли с ранними историческими вариантами. Это дает основание усомниться в возможности оценивать урбанизацию как единый трансисторический процесс.

В контексте *модернизационной* теории урбанизация рассматривается как глобальная кардинальная перестройка общества на городских началах, которая соотносится с определенной стадией исторического развития — переходом от аграрного общества к индустриальному. В этом случае учитываются отличия городской системы традиционного общества от урбанизированного. Точкой отсчета взаимосвязанных процессов индустриализации и урбанизации нередко называют Промышленную революцию конца XVIII в.¹⁰ В частности, Г. А. Дидерикс, характеризуя процессы модернизации стран Западной Европы в XV—XX вв., однозначно соотносит урбанизацию с индустриальной стадией и рассматривает ее как результат концентрации производства и населения в городах¹¹. При этом он подчеркивает, что города существовали на более ранней стадии и представляли собой один из вариантов традиционной организации общества. Несмотря на выполнение значимых

функций (военных, административных, ремесленных и пр.), они не имели того влияния, как в более поздний период, и были вписаны в сельскую округу, т. е. выступали ее составным элементом, в то время как в урбанизированном обществе город — это структурообразующий фактор.

К данной точке зрения очень близка позиция Б. Н. Миронова, посвятившего много времени изучению истории российских городов, динамике их развития в имперский период¹². В частности, в своих работах он акцентирует внимание на определенном этапе российской истории (XVII — начало XX в.), когда город и деревня переживают серьезные перемены. До середины XVII в., по его мнению, российский город и деревня «представляли собой единое в социальном, экономическом и культурном отношении пространство»¹³. Только с середины XVII в. в законодательстве и на практике начинают устанавливаться различия между городом и деревней, дифференцирующие их в административном отношении. В ходе петровских преобразований эти отличия усиливаются в результате европеизации быта и культуры российского города. Процесс дифференциации достигает своего логического завершения к 1861 г., в связи с экономическим обособлением городской и сельской среды.

В рамках этого процесса размежевания выделяется очень важный для понимания специфики российской урбанизации период — 1775—1785 гг., когда произошло официальное разделение города и деревни с определением критериев статуса поселения и приданием новых функций городам, не только административных, но и культурных, информационных и пр.

Б. Н. Миронов выдвигает тезис о цикличности процессов взаимодействия города и деревни в условиях урбанизации: от однородности пространственного континуума к его дифференциации и формированию топологического связанного пространства и затем вновь к его интеграции. По мнению исследователя, завершение стадии размежевания относится к 1860-м гг., и уже в пореформенное время складывается тенденция к их интеграции, которая не успела реализоваться к 1917 г.¹⁴, как, впрочем, и к настоящему времени.

С учетом характера взаимодействия между городом и селом Б. Н. Миронов выделяет следующие стадии развития российского общества:

— до XVII в. — отсутствие принципиальных различий между городом и деревней в правовом, социальном, культурном, экономическом отношениях, что свойственно традиционному обществу;

— стадия дифференциации города и села (XVII — середина XIX в.) как следствие сначала административных решений, а затем социальных, экономических, политических, культурных процессов модернизации. В этих условиях все факторы развития концентрируются в городах и создают предпосылки для трансформации и модернизации городской среды, способствуя углублению различий с деревней и формируя их оппозицию;

— стадия интеграции (вторая половина XIX — XX в.). Под влиянием города урбанизационная перестройка начинает захватывать сельскую местность и образ жизни, транслируя на нее городские стандарты и нормы жизни.

Таким образом, в рамках данной периодизации вторая и третья стадии (дифференциация и интеграция) соотносятся непосредственно с урбанизацией. Эти идеи созвучны стадийным концепциям урбанизации, сформулированным в западной науке, в частности в теории Дж. Джиббса¹⁵.

Своеобразный синтез мир-системного и модернизационного подходов в понимании процессов урбанизации в России характерен для работ А. С. Сенявского¹⁶, который предложил следующую схему:

— первая стадия, или протоурбанизация, — период, связанный с возникновением и развитием городской сети в традиционном обществе (до середины XIX в.), когда были заложены основы современной сети городских поселений и сформировались механизмы и традиции градообразования и городской жизни, отличные от сельской местности;

— вторая стадия — урбанизационный переход — «качественно выделяющаяся высшая стадия урбанизационного процесса, которая

ведет к радикальному преобразованию всего общества на “городских началах”»¹⁷. Начало этому этапу положили преобразования 1860—1870-х гг., и прежде всего отмена крепостного права. В рамках урбанизационного перехода выделяются несколько циклов, тесно связанных с волнами российской индустриализации.

Если говорить в целом об авторской дефиниции термина «урбанизация», то А. С. Сеньявский отталкивается от понимания ее как процесса «городского освоения» территорий и соотносит его с формированием городской сети как таковой¹⁸.

Таким образом, в отечественной исторической науке складываются свои подходы к изучению урбанизации как особого этапа в истории городов и российского общества в целом, хотя концептуализация этого направления (исторической урбанистики) еще не завершена и требует дальнейшей разработки. При этом хотелось бы подчеркнуть, что урбанизацию как процесс, на наш взгляд, нельзя однозначно соотносить с историей городов. Города появляются на определенной стадии развития общества как результат общественного разделения труда и выполняют особые исторически обусловленные функции, связанные с управлением, обороной, торговлей, ремесленным производством и т. д., т. е. выступают в качестве обязательного элемента территориальной организации общества. Древние и средневековые города — это особое явление, и их следует воспринимать как элемент традиционного общества. Они принципиально отличаются от современного города по своим функциям, структуре, среде обитания, планировке, т. е. по всем системным характеристикам, и эти изменения являются результатом урбанизационной перестройки общества.

Раймонд Уильямс, исследуя эти вопросы в своей работе «Деревня и город», изданной в 1973 г., доказал, что современная модель городской жизни возникает под влиянием промышленного переворота и развития капиталистических отношений¹⁹. Ее формирование связано с новыми информационными каналами и общественными институтами — средствами массовой информации и коммуникации, учреждениями культуры и образования, общественными

и политические организации, клубами и т. п. В результате этих нововведений нарушается целостность бытия и мировосприятия человека традиционного общества. Для городской модели характерна культурная полифония, ставящая человека перед выбором и включающая культуру интеллектуального меньшинства, народную городскую культуру и коммерческую культуру. По своим характеристикам она противостоит деревенской культуре, сохранившей черты традиционности и воспринимаемой в новой городской среде как проявление отсталости, «деревенского идиотизма».

Учитывая этот тезис, истоки урбанизации следует искать в тех переменах, которые переживает средневековый город в условиях промышленной революции и формирования гражданского общества. Причем в разных странах этот процесс имеет свои особенности, которые определяются темпами и характером индустриализации, особенностями политического режима, ролью государства в процессах модернизации общества. Различаться будут и временные характеристики начального этапа урбанизации.

Цивилизационные особенности российской урбанизации неоднократно отмечались исследователями²⁰. Среди них обращает на себя внимание прежде всего сжатый во времени и неравномерный характер урбанизации, который определяется историческими циклами российской государственности с ее многочисленными революциями, войнами и реформами, приходящимися преимущественно на вторую половину XIX и XX в. Во многом это обусловило скачкообразную динамику: этапы активной перестройки и развития сменяются периодами застоя и даже возвратными процессами, как, например, в годы Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, на протяжении почти всей Новой и Новейшей истории свобода передвижения населения в России была существенно ограничена, что приводило к деформациям как процессов концентрации населения, так и деконцентрации.

Особенностью российской урбанизации было и то, что в формировании и развитии современной городской сети значительную роль играло государство, что наложило отпечаток на функции

городов. Исторически сложилось так, что собственно административная функция и определяла статус города. Более того, в результате губернских реформ XVIII в., особенно реформы 1775 г., когда города фактически получили официальный статус, административный принцип градообразования становится основным, определяя особенности развития городской сети в условиях урбанизации.

Здесь следует подчеркнуть принципиальное отличие процессов градообразования в XVIII—XX вв. от более раннего периода. В исторической науке существует достаточно много теорий возникновения средневековых городов, отражающих «естественные» модели их эволюции. К их числу можно отнести так называемые «бурговую», «рыночную», «марковую» и прочие теории, которые рассматривали различные варианты образования города в связи с появлением крепости, на пересечении торговых путей либо как результат роста и развития сельской общины²¹. Все они так или иначе учитывают процессы разделения труда и выполнение городом особых функций — оборонных, торговых, административных. Таким образом, процесс градообразования определялся объективным потенциалом населенных мест.

Если обратиться к истории древнерусских городов, то для них также были характерны эти варианты. Города возникали прежде всего как торговые и ремесленные центры, т. е. в ходе «естественного» развития. Появившись как результат экономического разделения труда, города получали административные, военные, культурные функции, обеспечивая развитие и защиту всей прилегающей округи. Так, например, В. О. Ключевский писал: «Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути “из Варяг в Греки”, по линии Днепра — Волхова!»²²

Этот процесс «естественного» градообразования, несмотря на все коллизии российской истории, прослеживается вплоть до XVIII в., когда в условиях начавшейся модернизации происходит упорядоче-

ние административно-территориального деления страны, составной частью которого стало законодательное оформление понятия «город», его функций и статусных отличий. Начавшись при Петре I в 1708 г., формирование новой губернской системы продолжалось на протяжении всего XVIII столетия и было завершено только при Александре I. Следует отметить, что поиск оптимальной системы административно-территориальных единиц (АТЕ) на протяжении XVIII в. шел в двух направлениях: количество губерний и их величина, а также внутреннее деление. Сама новая административная единица (губерния) оказалась достаточно эффективной с точки зрения решения управленческих задач и формирования новой системы местной власти, соответствующей задачам модернизации. Ее принципиальное отличие от старой системы АТЕ состояло в унификации и создании публичных органов управления, обеспечивающих развитие территорий и контролируемых центральной властью.

Важно, что одновременно с новым губернским делением фактически сформировалась новая сеть городов, которая частично включила уже сложившиеся центры и создала новые (уездные), переведя из разряда слобод и сел в категорию городов те из них, которые в наибольшей степени соответствовали формальным признакам центра, но не города. При определении претендентов на роль города учитывался размер поселений, их расположение, наличие транспортных путей. Все города утверждались императорским указом и получали герб. Всего же, если судить по преамбуле к Грамоте городам, за 23 года своего царствования Екатерина II учредила 216 городов, воздвигнутых «повсюду, где того требовали или местные выгоды, или стечение окрестных жителей»²³. Так была сформирована та городская сеть, которая стала площадкой для дальнейшей урбанизации. Города подразделялись с учетом административных функций на губернские, уездные, чуть позднее (при Павле I) были выделены заштатные, и часто они отличались от сельского поселения только номинально. В дальнейшем это сыграло свою роль, придав российской урбанизации уже отмеченные нами «сельские» черты.

Губернский и уездный города становятся обязательным элементом новой административной структуры. В них в соответствии с «Учреждением для управления губерний...»²⁴ формируется система публичных органов управления на принципах сословности и разделения административной и судебной властей. В губерниях учреждались губернские правления, казенные палаты. Создавались новые административные структуры: приказы общественного призрения, дворянские опеки, городской сиротский суд, совестный суд. По своей социальной сути это были учреждения, которые, по выражению С. Ф. Платонова, «притягивая к себе силы местных обществ, вносили нечто новое в жизнь и отношения сословий»²⁵. Аналогичная структура административного управления складывается на уездном уровне.

Процесс отделения города от сельского поселения был завершен принятием в 1785 г. Грамоты на права и выгоды городам Российской империи, которая закрепляла особый статус городского поселения, а также права горожан и особую систему управления. Согласно грамоте, предлагалось учредить городскую думу во главе с городским головой, которую избирали горожане, разделенные на шесть сословных разрядов в зависимости от их имущественного положения и занятий. Общая дума выбирала так называемую шестигласную думу, и обе они были подчинены губернатору. Таким образом, местные общества получили возможность участия в делах управления, причем не только дворяне, но и горожане и даже люди из низших слоев.

Отличие появившихся в ходе реформы «новых» городов от средневековых состояло в том, что они имели «надлежащее управление», а также свободы для развития «рукоделия, промыслов и торговли от принуждений и притеснений». Выполнение определенного набора функций (административной, судебной, социальной, культурной) обеспечивало конкурентные преимущества новых городов.

Течение городской жизни зависело непосредственно от места, которое занимали города в структуре государственного управления.

Активно развивались столицы, причем столичные города имели возможность комплексного развития своей инфраструктуры. Наблюдается рост торговых и промышленных центров губернского уровня, которые могли рассчитывать только на развитие определенной сферы без надежды на комплексное благоустройство. Не случайно в нашей стране городов, удобных для жизни, практически не найти, так как столицы некомфортны по определению своей столичной суетой и ритмом, а нестоличные уступают по показателям комфортности из-за «вечной» слабости местной власти и проблем с финансами, что непосредственно сказывается на их инфраструктуре.

Уездные города, созданные часто искусственно, оказались «слабым звеном» урбанизации, поскольку выполнение административных функций центра территории не гарантировало формирование необходимых предпосылок для создания городской среды и нового образа жизни. Именно они стали основой для появления так называемых «мнимых» городов, на которые обратил внимание в начале XX в. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Он писал: «Официальное разделение на города и селения, отстав от жизни и основываясь исключительно на административных соображениях, сохранило донныне в числе “городов” много пунктов, не имеющих никакого экономического значения и, наоборот, не признало до сих пор за города многих часто весьма крупных поселений, давным-давно самостоятельно прибравших чисто городской экономический характер...»²⁶

Дифференциация российских городов на «мнимые» и «истинные» стала очевидной уже к середине XIX в. и существенно ограничила возможности и темпы российской урбанизации, придав ей специфические черты. Рассмотрим на примере Пермской губернии процесс формирования региональной системы городского расселения и его результаты к концу XIX в.

20 ноября (1 декабря) 1780 г. императрица Екатерина II подписала указ о создании Пермского наместничества в составе двух областей, Пермской и Екатеринбургской, и учреждении губернского города Пермь. Открытие города и наместничества состоялось

18(29) октября 1781 г. Первоначально в состав Пермского наместничества вошли 16 уездов: Пермский, Екатеринбургский, Чердынский, Соликамский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Красноуфимский, Верхотурский, Камышловский, Ирбитский, Шадринский, Челябинский, Обвинский, Далматовский и Алапаевский. В 1783 г. Челябинский уезд отошел к Оренбургской губернии. Одновременно с устройством наместничества был определен список городов. Из 15 городов один (Пермь) был губернским городом, 14 уездных, три из которых позднее были переведены в заштатные (Дедюхин, Алапаевск, Далматов). Практически все уральские города (за исключением Кунгура, Соликамска и Верхотурья) получили свой статус в 1775—1781 гг. По времени образования они подразделяются на следующие группы:

XV в. — 2 города: Соликамск и Чердынь, древнейшие города края, происхождение которых связано с его заселением;

XVI в. — 3 города: Верхотурье, Оса, Оханск;

XVII в. — 7 городов: Ирбит, Камышлов, Кунгур, Шадринск, Алапаевск, Дедюхин, Далматов;

XVIII в. — 2 города: Екатеринбург, Красноуфимск.

Интересна история строительства Перми. Специалисты до сих пор спорят о дате возникновения города, которую официально связывают с 1647 г. — годом основания деревни (починка) Егошихинской (Брюхановки), где позднее был возведен завод. Однако, по мнению ряда исследователей, город Пермь, построенный в 1781 г. Е. Кашкиным и И. Ламбом, и Егошихинский завод и его слобода, созданные В. И. де Генниным, В. Одинцовым и Ю. Берглином, не имеют прямого отношения друг к другу²⁷, т. е. город фактически был построен заново. Возникает вопрос, почему в 1781 г. губернским городом был выбран не Екатеринбург, который имел к тому времени уже около 8 тыс. жителей, а Егошихинский завод. Ответ прост: более удобное для центральной власти местоположение — на берегу судоходной реки, ближе к центру, т. е. более управляемое и контролируемое центром поселение. Подобные факторы принимались во внимание властью при определении поселений на роль административных центров.

С учетом стартовых позиций преимущества имели два уральских города — Пермь и Екатеринбург. Они иллюстрируют разные модели развития городов в условиях начального этапа урбанизации — административную и индустриальную. Пермь как губернский центр стал средоточием культурной, административной, торговой жизни края. Екатеринбург исторически занимал особое место в горнозаводской отрасли и был прежде всего промышленным и деловым центром.

Численность населения к 1869 г. составила в Перми 29 092 чел., в Екатеринбурге — чуть меньше, 25 035 человек. Города отличались развитой промышленной, торговой и культурно-бытовой сферой. Так, например, в Перми к середине XIX в. насчитывалось 2 пристани, 33 завода и фабрики, 11 церквей, 8 учебных заведений, библиотека, больница, тюрьма, телеграфная станция, 9 ярмарок. Екатеринбург не уступал губернскому центру и имел Монетный двор, Уральское горное управление, Гранильную фабрику, 21 завод, 11 церквей, 7 учебных заведений, обсерваторию, тюрьму, гостиный двор и пр.²⁸

В конце XVIII в. численность жителей этих городов выросла почти в 3 раза, что свидетельствует о начале процессов урбанизации. Ее приметами стали не только быстрый рост населения, но и формирование новой городской среды: развитие каменного строительства, появление новых форм публичной жизни, в том числе периодической печати, учебных заведений, театров, учреждений социального призрения и т. д. Все это позволяет говорить о развитии урбанизации в регионе и формировании нового городского образа жизни, отличного от сельского.

Специфика развития региональной системы городского расселения проявилась в том, что на Среднем Урале складываются два центра, где идет становление нового образа жизни. Это во многом определялось размерами территории, а также особенностями рельефа. Предуралье и горный Урал составляют самостоятельные географические зоны со своими линиями притяжения. Если принять во внимание, что складывание «истинной» городской сети в условиях индустриализации связано с определенными закономерностями,

в том числе тяготением каркаса расселения к структуре кристаллической решетки, обеспечивающей равномерный охват территории, то эта специфика вполне объяснима. Основу каркаса расселения традиционно составляют транспортные пути. В XIX в. к водной и сухопутной системе коммуникаций добавляется железнодорожная и постепенно приобретает первостепенное значение, формируя новые линии притяжения. Если созданные в XVIII в. города оказывались на них, то это способствовало их дальнейшему развитию. Если располагались в стороне от новой транспортной сетки, как, например, Верхотурье, то это вело к потере перспективы стать «истинным» городом.

Уездные города Пермской губернии, как и в большинстве регионов России, представляли собой достаточно однородное явление с численностью жителей от 1,5 до 10 тыс. человек. В Пермской губернии города распределялись по численности населения следующим образом: до 2 тыс. чел. — один город (Оханск), от 2 до 4 тыс. — 5 городов, 4 — 10 тыс. — два, свыше 10 тыс. человек — один город (Кунгур). Средняя численность жителей уральского уездного города составила 4 096 человек²⁹.

Все уездные города имели необходимый минимальный набор учреждений, обеспечивающих выполнение ими функций центра территории: уездное правление, церковь, училище, почтовая станция, а также промышленные предприятия, кузницы, мельницы. Промышленность уездных городов была ориентирована преимущественно на местный потребительский рынок и связана с развитием кожевенных, мыловаренных, водочных, кирпичных, саловаренных и других предприятий. Обязательным элементом уездного города были еженедельные ярмарки и базары, через которые шел товарообмен сельскохозяйственной и промышленной продукцией. Среди уездных городов по деловой активности выделялись Ирбит, Кунгур и Шадринск, остальные служили типичной иллюстрацией тихих провинциальных российских городов с размеренным бытом и сохранением традиционных основ жизни.

В Пермской губернии было три заштатных города — Алапаевск, Дедюхин, Далматов, которые по размерам не уступали

уездным городам, но в экономическом и культурно-бытовом плане имели свои особенности. Далматов развивался как монастырский, религиозный центр, Алапаевск выступал в качестве административно-промышленного центра, где располагалось Главное управление Алапаевских горных заводов. Дедюхин был небольшим аграрным поселением (город прекратил свое существование в 1960-е гг. — был затоплен во время строительства Камской ГЭС).

Практически все из перечисленных городов сохранили свой статус (и административные функции) в XX в. Этому способствовала преемственность административно-территориального деления, а также сформировавшиеся в XIX в. на локальном уровне административные, экономические, торговые и культурно-бытовые связи, закрепившие за этими поселениями роль локальных центров. Но судьба бывших уездных и заштатных городов разная. Значительная их часть, сохранив функции районного центра (например, Верхотурье, Камышлов), так и не доросла до уровня настоящего города прежде всего по показателям образа жизни, благоустройства, пополнив ряды депрессивных поселений. Более того, по характеристикам экономической активности они значительно уступали городам, возникшим или получившим этот статус в XX в. Их обошли новые промышленные центры Урала — Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск, Серов и другие, бывшие в XIX в. просто заводскими поселками. Данный факт свидетельствует об искусственности и неполноценности заложенной в XVIII в. сети городских поселений, что непосредственно отразилось на характере и интенсивности процессов урбанизации.

В целом, анализ региональной городской системы расселения в XVIII — середине XIX в. позволяет проиллюстрировать особенности начального этапа урбанизации. На Урале он связан с промышленным освоением края и формированием горнозаводского расселения в XVIII в., а также с губернской реформой Екатерины II, которая официально определила состав городов и соответственно заложила основы городского расселения, создав необходимые предпосылки для развития урбанизации.

Но поскольку выбор городских поселений был основан на формальных принципах и не принимал во внимание реальные перспективы и экономический потенциал создаваемых городов, а учитывал только их соответствие критериям административного центра, то неудивительно, что в условиях промышленной революции происходит дифференциация уральских городов на «истинные» и «мнимые». И как показывает исторический опыт, значительная часть уездных городов оказалась в стороне от магистральных направлений урбанизации. Напротив, те поселения (заводские поселки), которые в условиях индустриализации объективно включались в этот процесс, не могли в полной мере реализовать свои возможности, потому что были официально лишены городского статуса. Одной из основных причин появления «мнимых» городов стал административный подход к процессам градообразования, утвердившийся в России с конца XVIII в. и сохранивший свое влияние на протяжении XIX—XX вв. Причем административный подход в XVIII в. во многом опирался на традиционные представления о месте и роли городов в обществе. В XX в. он несколько трансформируется: развитие городской системы проходит в административном поле, но с учетом экономических факторов и тенденций развития индустриального общества, что повышало эффективность управленческих решений. Однако основной принцип градообразования оставался фактически прежним: власть решала, какому поселению быть городом, а какому — не быть.

Административный подход, утвердившийся в городском расселении, наложил свой отпечаток и на исследовательскую практику, поскольку он задает параметры города и влияет на деформированное восприятие его только как административного центра. Научные исследования и сегодня ориентированы, как правило, на официальную статистику, которая не дает адекватного представления о численности и характеристике «истинных» городов и затрудняет анализ тех изменений, которые происходят в ходе урбанизации в городской и сельской местностях.

1.2. Опыт периодизации сельской урбанизации

Урбанизация — это процесс, развернутый во времени и имеющий внутреннюю логику и структуру. Первоначально изменения охватывают городскую среду, а уже затем с некоторым запозданием разворачиваются в сельской местности. В результате начало урбанизационной перестройки в городах и сельской местности — это взаимосвязанные, но разорванные во времени события. Одно следует за другим и отражает пространственную экспансию модернизационных трансформаций, в которых город выполняет роль транслятора новых отношений и норм. В этом случае существует необходимость соотнесения и координации общего процесса урбанизации и сельской урбанизации (табл.1.1). Это тем более важно, что разработанные схемы периодизации российской урбанизации обычно опираются на критерии состояния городской среды, без учета уровня вовлеченности в эти процессы сельской местности.

Представленная в табл. 1.1 хронология демонстрирует, во-первых, обусловленность урбанизации сельской местности состоянием и уровнем развития городской поселенческой сети, во-вторых, жесткую связь с индустриализацией и индустриальным развитием, в-третьих, механизмы урбанизации: преобразование всего общества, в том числе и деревни, происходит через внедрение новых институтов, стандарта поведения, образа жизни, культурных ценностей.

Следует отметить и еще один момент: сельская урбанизация началась позднее городской почти на сто лет, но темпы перестройки села были гораздо более высокими. Из-за войн и революций процессы трансформации сельской местности набирают скорость к середине XX в., достигая наивысшей точки в 1960—1980-е гг., т. е. именно на это время приходятся принципиальные изменения в сельской местности, связанные с формированием нового образа

жизни. Они проходят в чрезвычайно сжатые сроки. Уже к 1990-м гг. достигается необходимая синхронизация процессов урбанизации — интегрированная стадия расселения, в рамках которой город и село рассматриваются не с позиций противопоставления, а как две подсистемы, дополняющие друг друга. Отмеченные отличия в динамике процессов общей и сельской урбанизации связаны

Т а б л и ц а 1.1

Основные этапы урбанизации, в т. ч. сельской, в России

Хронологические рамки	Этапы урбанизации	
	общероссийской	сельской
XVIII — первая половина XIX в.	Начальный этап. Формирование современной сети городских поселений, новых условий и традиций городской жизни. Удельный вес горожан соответствует критериям традиционного общества и не превышает 10—12 %. К концу первого этапа происходит существенный рост городского населения — в 2—3 раза. Городские поселения приобретают новый статус и функции, становятся экономическими, торговыми, административными центрами территорий	Предурбанизация. Сельская местность сохраняет традиционные черты. Только к середине XIX в. в деревне появляются новые элементы инфраструктуры (школы, библиотеки, сельская торговля и проч.), т. е. формируются предпосылки для качественных изменений
Середина XIX в. — 1920-е гг.	Бурный рост городов, многократное увеличение численности городского населения, возрастает их значение в жизни общества, они становятся центрами политической, культурной, экономической активности. Формируется городской образ жизни, характерный для индустриального общества	Начальный этап. Рост сельской миграции, начало перестройки поселенческой среды и сельского образа жизни под влиянием города. Рост численности сельских поселений, их структурная перестройка (появление новых типов поселений)

О к о н ч а н и е т а б л . 1.1

Хронологические рамки	Этапы урбанизации	
	общероссийской	сельской
1930 — 1980-е гг.	Урбанизационный переход — резкое расширение городской сети, взрывоподобный рост городского населения, формирование агломераций и мегаполисов, т. е. интегрированных форм расселения	Второй этап (1930—1950-е) — внешняя урбанизация. Сокращение численности сельских поселений под влиянием сельской миграции, укрупнение поселенческой сети
		Третий этап (1960—1980-е) — внутренняя урбанизация. Урбанизация образа жизни сельского населения
1990 — 2000-е гг.	Дезурбанизация — перемещение жителей городов в сельскую пригородную зону	Четвертый этап — субурбанизация. Вторичное рекреационное освоение сельской местности. Распространение урбанизированного образа жизни среди сельского населения

с внутренними закономерностями модернизации, протекающей по типу диффузных механизмов. Город в этом случае выступает как носитель, актор инноваций, село — как реципиент. Реалии информационного общества корректируют эти роли.

Предпосылки урбанизации сельской местности складываются при условии: 1) возрастания роли города в жизни общества не только как административного, военного или культурного центра, но и как экономического организма; 2) наделения юридическими правами основной массы населения (крестьянства). Эти условия формируются в России только после проведения Великих реформ 1860—1870-х гг., заложивших правовые основы гражданского

общества и подтолкнувшие процессы индустриализации и сельской миграции.

С учетом всех факторов преобразования сельской поселенческой сети (демографических, экистических, культурно-бытовых и проч.) можно выделить следующие этапы сельской урбанизации, которые непосредственно соотносятся и логически дополняют общую периодизацию урбанизации в России:

- начальный этап (вторая половина XIX в. — 1920-е гг.;
- второй этап (1930—1950-е) — внешняя урбанизация;
- третий этап (1960—1990-е) — внутренняя урбанизация;
- четвертый этап (1990-е — начало 2000-х) — субурбанизация.

Помимо указанных этапов, напрашивается еще один — этап предурбанизации, относящийся к периоду становления современной городской системы и ее последующей дифференциации на истинные и мнимые города. Истинные города (в том числе имевшие статус сельских поселений) являются агентами модернизации, они в условиях промышленной революции и складывания всероссийского рынка постепенно превращаются в экономические центры, преобразуя не только себя, но и контактную сельскую территорию, которая по мере развития технологий и коммуникаций становится все обширнее. Волны урбанизации постепенно захватывают самые отдаленные территории и слои населения, формируя новый образ жизни.

Каждый из выделенных этапов характеризуется сочетанием базовых параметров (расселенческих, демографических, экономических, социокультурных), влияющих на образ жизни сельского населения, который в конечном счете выступает как интегративный показатель уровня урбанизации (табл. 1.2). Для каждого нового этапа сельской урбанизации характерны принципиальные отличия по отмеченным критериям и преобладание определенного типа образа жизни среди сельского населения — традиционного, колхозно-совхозного, сельско-урбанизированного; урбанизированного.

Таблица 1.2

Системные характеристики этапов сельской урбанизации в России

Этап	Стадия системы расселения	Демографические процессы	Макроэкономические характеристики	Аграрное производство	Роль государства	Состояние социокультурной сферы	Образ жизни
Начальный. Вторая половина XIX в. — 1920-е гг.	Традиционная — рост и развитие городского и сельского расселения	Традиционный тип демографического поведения. Первый этап демографической революции. Начало массовой сельской миграции. Рост городского населения.	Рыночная экономика, общинное землепользование	Крестьянское хозяйство, основное преобладающее традиционно на сельскохозяйственных технологиях	Развитие сельского местно-сти осуществляется через органы местного самоуправления — земства, сельские общества	Формирование социокультурной инфраструктуры, адаптивной к специфике сельской местности	Преодолеет традиционный тип

Продолжение табл. 1.2

Этап	Стадия системы расселения	Демографические процессы	Макроэкономические характеристики	Аграрное производство	Роль государства	Состояние социокультурной сферы	Образ жизни
Второй (внешняя урбанизация) 1930 — 1950-е гг.	Индустриальное расселение — начало урбанизационного перехода: формирование агломераций, сокращение и концентрация сельской поселенческой сети	Демографический переход. Развитие массовой сельской миграции (организованной и неорганизованной). Рост городского населения	Индустриализация, коллективизация. Планирование-распределительная экономика	Коллективные хозяйства с элементами механизированных технологий	Усиление контрольных и регулирующих функций государства с использованием экономических и политических рычагов влияния на развитие сельской местности	Создание централизованной системы учреждений социальной ально-культурного обслуживания, учитывающей особенности традиционной системы расселения	Преобладает колхозно-совхозный тип

Продолжение табл. 1.2

Этап	Стадия системы расселения	Демографические процессы	Макроэкономические характеристики	Аграрное производство	Роль государства	Состояние социальной сферы	Образ жизни
Третий (внутренняя урбанизация) 1960 — 1980-е гг.	Интегрированное расселение — преобладание агломераций и других форм интегрированного расселения. Сокращение численности, укрупнение и поляризация сельских поселений	Формирование нового типа демографического поведения. Начало процессов депопуляции сельского населения. Интенсивность сельской миграции достигает своего максимума	Научно-техническая революция. Планово-распределительная экономика	Крупные хозяйства (колхозы, совхозы), основанные на механизации труда и интенсификации производственных технологиях	Активное вмешательство государства в процессы расселения. Политика реконструкции советской деревни и селекции малых деревень	Укрупнение системы социальной культуры обслуживания и ее централизация. Дифференциация поселений по уровню культурного обслуживания.	Преобладает сельский урбанизированный тип

Окончание табл. 1.2

Этап	Стадия системы расселения	Демографические процессы	Макроэкономические характеристики	Аграрное производство	Роль государства	Состояние социокультурной сферы	Образ жизни
Четвертый этап (контр-урбанизация) 1990-е — начало XXI в.	Интегрированное расселение с признаками субурбанизации: вторичное рекреационное освоение сельской местности	Превышение смертности над рождаемостью. Депопуляция населения (сельского и городского). Снижение роли внутренней миграции и возрастные внешние. Маятниковая трудовая миграция	Система государственно-рыночного регулирования	Многоукладное, механизированное аграрное производство	Формирование системных органов власти, которые осуществляют управление, а также реализация проектных принципов управления	Кризис и децентрализация системы социально-культурного обслуживания	Урбанизированный тип

В результате всех изменений на протяжении второй половины XIX и в XX в. складывается новый урбанизированный вариант сельской местности, кардинально отличающийся от традиционной модели. Рассмотрим подробнее характеристику каждого из выделенных этапов сельской урбанизации.

При анализе урбанизационных изменений необходимо обратить внимание на три системных уровня трансформаций, связанных с этим процессом:

1) преобразование системы расселения в целом: переход от традиционного аграрного расселения к индустриальному и интегрированному;

2) изменение пространственной, коммуникационной и социально-культурной среды сельских поселений как результат диффузии городских стандартов и форм жизни;

3) трансформация образа жизни сельского населения.

Н а ч а л ь н ы й этап сельской урбанизации достаточно четко маркируется датой отмены крепостного права, которая непосредственно отразилась в развитии городских поселений. Начинается бурный рост городов, усиливается их значение в жизни общества. Характерной чертой этого этапа становится превращение сельской миграции в заметное социально-экономическое явление: к 1870-м гг. в России она возрастает по сравнению с началом 1860-х гг. почти в 2 раза³⁰.

До 1917 г. на территории Пермской губернии только 15 поселений имели статус города. Кроме официальных городов, однако, на Среднем Урале было большое количество горнозаводских центров, которые юридически не являлись городами, но по уровню организации хозяйственной жизни и функциям фактически были таковыми. Это во многом стало предпосылкой «городской революции» 1920-х гг. По переписи 1926 г. число городских поселений в Уралобласти (городов и поселений городского типа) выросло до 160, а численность горожан составила 20,7 % всей численности населения³¹. Такой резкий градостроительный взрыв в значительной мере

был связан с административными решениями, в частности с принятием 15 сентября 1924 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР, которое утвердило Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках³², и пересмотром списков городов в соответствии с новыми критериями.

Наряду с городами в структуре расселения появляется новый тип городских поселений — рабочие поселки. Во многом их создание имело идеологическую подоплеку, но были и объективные предпосылки: они отличались от традиционных сельских поселений по составу населения, функциям и экономическому потенциалу. Всего в СССР за 1918—1926 гг. к городам было отнесено около 200 населенных пунктов — фабричных сел, заводских поселков, административных центров³³.

В системе сельского расселения во второй половине XIX в. происходят определенные структурные изменения: наряду с традиционными типами сельских поселений (села, деревни, выселки, починок и пр.) появляются новые: пристанционные, фабричные, торговые, лесопромышленные, рудничные поселки, связанные с формированием сети несельскохозяйственных населенных пунктов.

Основной тенденцией первого этапа урбанизации стало расширение сельской поселенческой сети, которая под влиянием целого ряда факторов — демографических, экономических, политических — стремится к равномерному, более плотному сельскохозяйственному и промышленному освоению территории. Рельефнее всего эта тенденция проявляется в регионах, где разворачивается индустриализация. В Пермской губернии, например, динамика численности сельских поселений на протяжении всего XIX в. имела тенденцию к росту. Если в 1795 г. количество сельских населенных пунктов в губернии составило 6 324³⁴, то в 1869 г. их насчитывалось уже 9 420³⁵, а в 1904 г. — 14 113³⁶, т. е. на протяжении XIX в. сельская поселенческая сеть выросла более чем в 2 раза, в том числе за счет появления новых транспортных, заводских, приисковых поселений. Увеличилась и плотность заселения, поскольку стали осваиваться водоразделы, что обеспечивало более

равномерную структуру расселения. Важнейшим событием для российской деревни стала реформа П. А. Столыпина, которая существенно повлияла на систему расселения в связи с развитием хуторской и отрубной форм землепользования, а также переселением крестьян за Урал.

Первая мировая война, а затем революция и Гражданская война несколько затормозили урбанизационные процессы. В годы НЭПа наблюдается возвратный эффект: сельская поселенческая сеть реставрировалась на традиционной основе, стремясь к равномерному охвату сельскохозяйственных территорий. Этому способствовала в значительной мере политика государства в области землеустройства. В это время в стране повсеместно проводилось расселение крупных сел, образование хуторов и выселков. Так, например, в трех округах Уральской области — Свердловском, Ирбитском и Тагильском — в 1928 г. хутора и выселки составили 15,9 %³⁷.

Традиционные варианты развития сельского расселения в этот период начинают дополняться новыми: в конце 1920-х гг. на неосвоенных землях возникают совхозы, формируется система лесохозяйственных поселений, в сельской местности возводятся объекты промышленного, транспортного, санаторно-курортного назначения. В результате на протяжении 1920-х гг. наблюдается рост численности сельских поселений как сельскохозяйственного, так и несельскохозяйственного типа. Эта тенденция прослеживается вплоть до конца 1930-х гг.: если в 1926 г. в РСФСР насчитывалось 404 808 сельских населенных пунктов, то в 1939 г. — 406 958³⁸. К 1926 г. общее количество сельских поселений Уралобласти составило 30 080³⁹, а в границах территории Свердловской области — 5 179⁴⁰. В сравнении с данными начала века можно говорить об увеличении сельской поселенческой сети почти в два раза.

Меняются не только количественные и качественные характеристики сельского расселения, но и условия жизни крестьян. Важнейшим фактором трансформации социально-культурной среды стало формирование сети культурно-бытовых учреждений: сельские школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, больницы,

акушерские и ветеринарные пункты, потребительская кооперация, почта и пр.

Первые сельские школы и библиотеки появляются еще в начале XIX в. Свой вклад в формирование новой инфраструктуры внесли реформы государственной деревни (1839—1844), автором которых был П. Д. Киселев. Однако полноценная система социально-культурного обслуживания деревни, соответствующая новым условиям, была создана во второй половине XIX в. благодаря деятельности земств.

Ядром нового социокультурного пространства российской деревни второй половины XIX — начала XX в. стала сельская школа. Школьная сеть формировалась таким образом, чтобы практически все дети 8—10 лет могли посещать школу, а расстояние до школы не должно было превышать 3 версты. В результате накануне Первой мировой войны в основном были созданы предпосылки для реализации задачи всеобщего начального образования крестьянского населения.

Организация школ способствовала появлению сопутствующих культурных учреждений — библиотек, изб-читален, народных домов. В целом деятельность земств по формированию новой социально-культурной среды в деревне можно рассматривать как интересный опыт, в рамках которого была разработана особая стратегия постепенного внедрения, приспособления новых элементов городской культуры к традиционным формам жизнедеятельности, а не их насильственной ломки. Процессы культурной диффузии, таким образом, носили в этот период адаптивный характер.

После революции ситуация меняется. На смену постепенным эволюционным процессам преобразования сельской местности приходит идеология «большого скачка», «культурной революции», призванной кардинально изменить сельскую местность через разрушение старых, отживших традиционных форм и формирование новых социалистических институтов. Отличительными чертами развития социально-культурной инфраструктуры села стали централизация, унификация и жесткий государственный контроль.

Положение о единой трудовой школе РСФСР 1918 г. заложило основы 2-ступенчатой средней общеобразовательной школы, ориентированной на 9-летнее обучение. С этого момента школа становится не столько элементом гражданского общества, как в предшествующий период, сколько государственным инструментом воспитания подрастающего поколения и регулирования общественного сознания. Аналогичные функции были предписаны библиотечным и клубным учреждениям, которые возрождаются в сельской местности в 1920-е гг. Наиболее распространенным вариантом культурно-просветительских учреждений в деревне этого времени стали избы-читальни, ставшие центрами политического и идеологического перевоспитания крестьянства.

Вместе с тем, несмотря на централизацию школьной и клубно-библиотечной сети и ее идеологизацию, развитие социально-культурной сферы деревни в 1920-е гг. во многом соответствовало той схеме, которая была заложена земскими учреждениями. Это проявилось в сохранении инициативы крестьянских обществ по организации и поддержке культурно-просветительских учреждений, учету потребностей и интересов сельчан.

В 1920-е гг. поднимается вопрос и о том, какой должна быть новая советская деревня. Реализация первого пятилетнего плана обещала сделать сказку былью: «Каждый город будущего станет рабочим поселком рядом с заводом. А заводы и промышленные комплексы не будут сосредоточены в одном месте как сейчас: они будут распределены по всей территории страны в соответствии с рациональным планом... Но для этого нам нужны новые дома и города, а нашу жизнь нужно изменить вплоть до последней кастрюли... У нас не будет деревень... грани между городом и деревней сотрутся...»⁴¹

В качестве основной мифологемы, транслируемой советской идеологией и политикой, была идея сближения города и деревни, которая по-разному интерпретировалась властью: первоначально, в 1920-е гг., преобладал дезурбанистический подход к пониманию перспектив пространственной реорганизации советского общества,

позднее, в 1930-е гг., победило урбанистическое видение будущего. Эти подходы нашли отражение в архитектурных концепциях «города-сада», «города-коммуны» и «соцгорода». Первые две теории, возникшие еще в начале XX в., включали дезурбанистические смыслы и были связаны с представлениями о постепенном отмирании капиталистического города и деревни и «замене их по всей советской территории единообразными структурами со смешанным городским и сельским населением»⁴².

Все эти «новые» элементы появляются в сельской местности на начальном этапе (во второй половине XIX — начале XX в.), однако их влияние на сельскую местность оставалось ограниченным и не затрагивало основ традиционного расселения и образа жизни. В известной степени сохранялась и автономия села, обусловленная проблемами транспортной доступности. В этих условиях влияние города было опосредованным и спорадическим. Перелом наступает в 1930-е гг., когда в ходе «социалистического строительства» началась ускоренная индустриализация, подтолкнув процессы урбанизации общества на всех уровнях его организации.

Второй этап сельской урбанизации в России (1930—1950-е) связан с изменением прежде всего количественных системных параметров, что позволяет охарактеризовать его как этап «внешней урбанизации». Он отличается следующими чертами: лавинообразный рост городской сети, сопровождающийся формированием предпосылок к укрупнению и сокращению сельской поселенческой сети; организационная перестройка (коллективизация, совхозизация) и механизация аграрной сферы; формирование в сельской местности единой системы государственного школьного образования, сети библиотек, клубов, медицинских, торговых, бытовых учреждений. В это время также получила развитие система коммуникаций (транспорт, телефонная связь, радиофикация), обеспечивающая доступность, управляемость и контролируемость сельской местности и сельского населения. Тем самым произошло включение российской деревни в зону политического, экономического, культурного влияния города/госу-

дарства, исключив возможность автономии, столь характерной для сельской местности на предыдущем этапе.

На втором этапе, особенно в предвоенный период, реализуются процессы, которые можно назвать в н е ш н и м р а с к р е с т ь я н и - в а н и е м. Они связаны в первую очередь с ростом миграции и сокращением численности сельского населения, с изменением его социальной структуры (появление механизаторов, административно-управленческого звена и прочих некрестьянских категорий населения).

Наиболее активно сокращение сельского населения шло в промышленных регионах. Так, например, в Свердловской области при общем росте численности населения в 1926—1959 гг. с 1 716,0 тыс. до 4 044,7 тыс. (более чем в 2 раза), сельское население сократилось с 1 159,0 тыс. до 970,4 тыс. человек⁴³. В этой динамике важно учитывать изменение удельного веса сельских жителей: в 1926 г. они составляли 67,5 %, а в 1959 г. — 24,0 %, т. е. результатом внешнего раскрестьянивания стало формирование структуры населения региона, свойственной индустриальному обществу. В сельскохозяйственных регионах Урала и России процессы социально-демографической трансформации шли медленнее. Так, например, в Курганской области к концу 1950-х гг. доля сельского населения составляла 66,2 %, в Оренбургской — 54,9 %⁴⁴. Замедленные темпы урбанизации характерны и для национальных образований: в Удмуртской АССР удельный вес сельского населения в 1959 г. достиг 55,6 %, Башкирской АССР — 61,8 %⁴⁵.

Сокращение численности сельского населения происходило под влиянием нескольких факторов, среди которых по значимости выделяются индустриализация и демографический переход, связанный с формированием нового типа демографического поведения. Немалую роль также сыграла война, а также репрессивная/дискриминационная политика государства по отношению к крестьянству. В совокупности эти факторы деформировали естественные демографические процессы, усилив половозрастные диспропорции сельского населения и ускорив негативные последствия урбанизации — старение и депопуляцию села.

Сокращение численности сельского населения — важный демографический показатель урбанизации, однако говорить о принципиальных переменах в образе жизни сельских жителей в этот период еще не приходится. Это касается прежде всего сохранения традиционной системы ценностей и форм деятельности (производственной, бытовой, досуговой). В этом смысле коллективизация с ее общинными чертами и ценностями не входила в кардинальное противоречие с жизненными установками и поведением крестьян.

Основными факторами преобразования сельской местности в 1930—1950-е гг. стали коллективизация и создание совхозов, сопровождавшиеся изменением технологической основы сельскохозяйственного производства, а также политика государства, ориентированная на радикальную реконструкцию деревни в соответствии с идеями социалистического строительства. В результате складывается новый рисунок поселенческой сети, более устойчивый и четкий, ориентированный на промышленные узлы и транспортные линии. Свой отпечаток на развитие системы расселения наложила репрессивная политика государства 1930—1940-х гг., в результате которой формируется особая сеть лагерных поселений и спецпоселков, ставших визитной карточкой северных и восточных регионов страны. Сотни тысяч человек были высланы на Урал, в Сибирь, на Север. И как память об этой трагической странице истории остались на карте поселения, которые появились благодаря труду и усилиям спецпереселенцев⁴⁶.

Создание колхозно-совхозной системы придало определенный импульс развитию поселенческой сети и одновременно заложило основы ее дальнейшей коренной перестройки в соответствии с потребностями крупного производства. Уже в 1935—1937 гг. предпринимаются первые попытки укрупнения колхозов, хотя большинство хозяйств сохраняют относительно небольшие размеры. В 1939 г. начинается крупномасштабная кампания по сселению хуторов. Эти тенденции получили дальнейшее развитие в 1950-е гг. В частности, в начале 1950-х гг. развернулась кампания по укрупнению колхозов, продолжавшаяся с некоторыми перерывами

вплоть до конца 1950-х гг. и усиленная целинной эпопеей, а также мероприятиями по преобразованию колхозов в совхозы.

В результате сформировалась новая внутривоспроизводственная многоуровневая система расселения, отличная от традиционно-колхозной. По данным ЦСУ РСФСР на начало 1963 г. в РСФСР насчитывалось 5 396 совхозов и 17 900 колхозов, имеющих в своем составе около 201 тыс. населенных пунктов. На одно хозяйство в среднем приходилось 8—9 поселений⁴⁷. Из них наиболее крупное поселение принимало на себя функции центральной усадьбы, в остальных располагались отделения и фермы укрупненного хозяйства. Это деление на центральные и периферийные поселения в дальнейшем было дополнено представлениями о перспективных и неперспективных населенных пунктах, которые следует или не следует развивать. А лучше всего (с экономической точки зрения) последние ликвидировать, оптимизируя тем самым структуру расселения.

Именно эти идеи получили развитие в рамках программы реконструкции советской деревни, реализованной в 1960—1970-е гг., под влиянием которой естественные процессы концентрации и сокращения сельской поселенческой сети приобретают гипертрофированный характер, приводя к прогрессирующему обезлюдению сельской местности.

В 1930—1950-е гг. происходят серьезные перемены в культурной жизни российской деревни. В рамках культурной революции в сельской местности разворачивается борьба с неграмотностью, вводится обязательное начальное, а в 1950-е гг. — семилетнее образование. Большое внимание уделяется развитию в деревне библиотечной и клубной системы, потребительской кооперации. Свой вклад в перестройку поведенческих и мировоззренческих ориентиров крестьянства внесли радио и кино, проникшие в сельскую среду в 1930-е гг. Дополненные «шефскими» мероприятиями, организуемыми художественной интеллигенцией, — концертами, спектаклями, лекциями и беседами, они стали мощным инструментом воздействия на сознание и поведение деревенского жителя, преобразуя его быт и досуг.

Главная задача сельских культурно-просветительских учреждений определялась как идеологическое воспитание колхозников, однако помимо него сельские библиотеки, клубы и школы способствовали внедрению в сознание крестьян новых представлений о культурных и бытовых нормах, в том числе формированию новой советской праздничной культуры. В послевоенный период кино и радио стали уже привычным элементом информационной среды, способствуя преодолению культурной изоляции деревни и включению сельской местности в зону влияния массовой советской культуры.

При анализе динамики социально-культурной инфраструктуры села в 1930—1950-е гг. необходимо учитывать, что ее развитие регулировалось административно, поскольку в 1930-е гг. вводятся нормативы культурно-бытового обслуживания сельской местности, в соответствии с которыми в зависимости от численности населения определялось, сколько библиотек, школ, торговых точек, фельдшерских пунктов и больниц должно быть на территории сельсовета. Такой подход объективно способствовал концентрации культурно-просветительских учреждений в административных центрах сельсоветов и их перспективному сокращению.

В 1950-е гг. в развитии культурно-бытовой сферы советской деревни прослеживается ряд противоречивых тенденций: с одной стороны, в связи с массовым капитальным строительством в деревне складываются предпосылки для дальнейшего развития социальной инфраструктуры. Но одновременно формируется и другая тенденция — концентрация и укрупнение сети культурно-просветительских учреждений. В значительной степени она была отражением процессов, происходящих в системе расселения, но имела и собственную логику развития, в целом совпадающую с общей тенденцией.

Процессы концентрации затронули в первую очередь общеобразовательную школу. Ее перестройка была связана с введением обязательного семилетнего образования, в результате чего в сельской местности началось сокращение начальных школ и создание сети укрупненных семилетних и средних образовательных

учреждений. Параллельно набирал обороты процесс свертывания колхозной библиотечной и клубной сети. Число колхозных библиотек в РСФСР сократилось с 22,2 тыс. в 1951 г. до 18,7 тыс. в 1955 г., уменьшилось и число колхозных клубов (с 32, 1 тыс. до 25,5 тысяч⁴⁸). Они исчезали в ходе реорганизации колхозов в совхозы, что негативно отражалось на перспективах сельских поселений. На конец 1950-х гг. приходится начало массового исхода сельчан в города, одной из причин которого, как ни парадоксально, стало расширение сети средних школ в сельской местности.

Таким образом, демографические, расселенческие, социально-культурные процессы, тесно переплетаясь, формировали предпосылки для перехода на следующую стадию, которую можно обозначить как «внутренняя урбанизация».

Соединение «внешней» и «внутренней» урбанизации приходится на 1960—1980-е гг. — т р е т и й э т а п. Его характерной чертой стал переход к индустриальному (урбанизированному) расселению, которое отличается тем, что в городах сосредоточивается преобладающая часть населения, в то время как численность сельского населения резко сокращается. В сельской местности происходит сжатие и измельчание поселенческой сети, стягивание ее в пригородные зоны. Сельское расселение из равномерного трансформируется в очаговое, совпадающее по своей конфигурации с городской сетью и транспортными линиями. Процесс концентрации охватывает не только городскую, но и сельскую местность, дифференцируя сельские поселения по темпам роста и хозяйственному развитию. Все удаленные деревни, независимо от их размеров и выполняемых функций, начинают активно терять население.

В целом, с 1939 по 1989 г. сокращение сельской поселенческой сети по РСФСР составило 2,7 раза, по Уралу — 2,8 раза. Причем наиболее активный этап преобразования расселения пришелся на период с 1959 по 1970 г. и следующий за ним промежуток времени. С 1939 по 1959 г. численность сельских поселений в РСФСР сократилась на 27,7 %, что во многом было связано с разрушениями в ходе войны, на Урале — на 20,9 %. Учтем при анализе, что этот

временной интервал охватывает 20 лет. С 1959 по 1970 г. убыль составила по РСФСР — 26,7 %, по Уралу — 32,7 %, в последующие годы темпы сокращения несколько снизились. Уменьшение учетных показателей за 1959—1989 гг. составило почти 1,5 раза (по РСФСР — на 52,0 %, по Уралу — 45,9 %). Одновременно происходил рост средней численности жителей сельских поселений по Уральскому региону — с 208 чел. на 1 селение в 1939 г. до 307 в 1989 г., при этом снизилась численность мелких населенных пунктов и соответственно вырос удельный вес крупных⁴⁹.

Особенностью данного этапа стало активное вмешательство государства в процессы расселения с целью оптимизации поселенческой сети и ее благоустройства. Составной частью государственной политики в области расселения стало сселение «неперспективных деревень», достигшее наибольшего наката в конце 1960-х — первой половине 1970-х гг. В этот период под сселение попадали вполне жизнеспособные деревни. В результате процессы свертывания сельской поселенческой сети искусственно и необоснованно ускорялись, нанося удар и сельскохозяйственному производству, и крестьянскому миру. В эти годы сотни малых деревень прекратили свое существование. Многие из них умирали активно, теряя население, но не все.

В Свердловской области, имевшей высокий промышленный потенциал, наблюдалось наиболее активное сокращение сельских поселений. В 1940—1950-е гг. из списков населенных мест было исключено 109 населенных пунктов, в 1960-е гг. — 349, в 1970-е — 514, в 1980-е — 427⁵⁰. В первую очередь исчезали из списков поселения, в которых средняя численность населения на протяжении XX в. не превышала 200 человек. Их удельный вес составил 82,2 %. Средние по величине поселения встречаются среди закрытых в 13,1 % случаев, часть их были укрупнены путем слияния, другие — потеряли население. Так, например, среди 215 сельскохозяйственных поселений, закрытых в сельской местности в 1980-е гг., 38 относились к категории средних и 9 — крупных. Если мелкие поселения — это та группа, которая объективно исчезает в условиях

урбанизации, то судьба средних поселений, превратившихся в пустоши, более трагична. Их жизнеспособность была объективно выше и при соответствующей поддержке эти деревни можно было сохранить, тем более что они наряду с крупными составляют каркас сельского расселения.

Только в 1980-е гг. с существенным опозданием приходит понимание того, что российская деревня нуждается в поддержке. Больше внимания стали уделять сохранению и развитию существующих сельских населенных пунктов. Но остановить процессы обезлюдения сельской местности было уже невозможно.

В этот период происходят коренные изменения в условиях и образе жизни сельского населения. Меняется базовый элемент сельского образа жизни — крестьянское подворье. Те трансформации, которые начались еще в период коллективизации и были связаны с изменениями отраслевой структуры и объемов производства крестьянского хозяйства, к 1960-м гг. привели к закономерному результату. Основной ячейкой сельского поселения становится *приусадебное* (приквартирное) *хозяйство*, имевшее серьезные отличия от традиционного по структуре и роли в формировании бюджета семьи. Оно в полном смысле слова становится подсобным, что позволило ряду исследователей говорить о появлении в деревне новой социальной группы — «наемных рабочих с огородом»⁵¹.

Свою лепту в раскрестьянивание и формирование нового образа жизни, который можно охарактеризовать как сельско-урбанизированный, внесли достижения научно-технического прогресса, постепенно проникавшие в сельскую среду: телевидение, радио, кино, бытовая техника и т. п. Все эти новшества стали доступны сельскому населению с завершением электрификации сельской местности в 1960—1970-е гг. В результате в деревне формируются новые условия, способствующие изменению не только условий труда, но и быта. Складывается новая система ценностей, которая нашла образное выражение в словах героя В. Шукшина из фильма «Печки-лавочки», оценивающего свое благополучие через следующий набор значимых для него благ: «телевизор, корова, свинья».

Характерной чертой третьего этапа урбанизации стало дальнейшее сокращение и укрупнение школьной, клубной и библиотечной сети и появление новых организационных форм, ориентированных на комплексное массовое культурное обслуживание населения и ставших уже привычным элементом сельской жизни⁵².

Таким образом, на третьем этапе в условиях иной информационной среды вырабатываются новые стандарты культурного поведения и культурного потребления, соответственно формируется новый сельско-урбанистический образ жизни.

Ч е т в е р т ы й э т а п сельской урбанизации в России приходится на 1990-е — начало 2000-х гг., когда проявляются некоторые новые черты, отмеченные в европейских странах еще в 1960-е гг. и получившие название с у б у р б а н и з а ц и и — переселения городских жителей в сельскую местность, сначала в ближние пригороды, а затем и в довольно удаленные от крупных городов районы. Субурбанизация является закономерным этапом урбанизации и может служить индикатором перехода к постиндустриальному уровню социально-экономического развития.

Вторичное заселение сельской местности имеет в России свою специфику, она проявляется в распространении садово-огороднических вариантов расселения. Начало садоводческому движению было положено Постановлением СНК СССР от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального огородничества»⁵³. В нем предлагалось отвести под огороды для рабочих небольшие участки (до ¼ га) свободных земель. Следующий шаг был сделан в послевоенный период. В 1949 г. появляется Постановление Совета Министров СССР от 20 февраля «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», которое можно рассматривать как попытку решения проблем продовольственного обеспечения горожан в условиях послевоенного кризиса. Но садоводческое движение оказалось очень жизнеспособным, отвечая потребностям и привычкам недавних сельских жителей. В 1965 г. по приблизительным данным в РСФСР под сады

и индивидуальные огороды использовалось около 500 тыс. га земли⁵⁴. Только в пригородах Москвы в 1966 г. под сады было отведено 10 тыс. га земли и построено около 1 тыс. садовых поселков⁵⁵.

На протяжении последующих лет движение садоводов и огородников, несмотря на зигзаги политики, в целом расширилось, охватывая все новые слои города. К 1979 г. в РСФСР 3,6 млн семей рабочих и служащих имели сады общей площадью 230,2 тыс. га, коллективным огородничеством занимались 4,8 млн семей на площади 360 тыс. га⁵⁶. К 1990 г. садовые участки имели уже 8,5 млн семей, а огороды — 5,1 млн⁵⁷.

Появление коллективных садов нельзя однозначно трактовать как проявление субурбанизации, так как это в значительной степени была попытка решения проблемы продовольственного обеспечения городского населения, одна из многих в течение советского периода. Характерно и то, что государство обращало внимание на этот дополнительный источник сельскохозяйственной продукции, как правило, в кризисные годы, меняя политику на противоположную, как только ситуация несколько улучшалась. Однако строительство индивидуальных дач и коллективных садов формировало условия для постепенного перераспределения функций между городом и селом. Более благоприятная экология, близость к природе заставляли и заставляют горожан стремиться к улучшению качества своей жизни путем приобретения или строительства второго дома. В результате к концу XX в. сельская местность постепенно преобразуется в рекреационную зону.

Коллективный сад или дачу, по мнению исследователей, можно считать вариантом сезонной субурбанизации⁵⁸, однако она кардинально отличается от западного варианта: там перемещение в сельские пригороды было связано с переменой постоянного места жительства и сопровождалось созданием достойных условий существования, сопоставимых с уровнем городского благоустройства. В 1990-е гг. садово-кооперативное расселение дополняется коттеджным строительством, более сопоставимым с западной моделью.

В целом, в силу деформированности сельской урбанизации и ее незавершенности, субурбанизация развивается очень медленно и достаточно однобоко, охватывая только пространства, входящие в крупные агломерации. Остальные территории в условиях постсоветского кризиса быстро деградируют и превращаются в пустоши.

Таким образом, в ходе урбанизации формируется новый — у р б а н и з и р о в а н н ы й — в а р и а н т с е л ь с к о й м е с т н о с т и, кардинально отличающийся от традиционной модели. Прежде всего меняются структурные характеристики сельского расселения, связанные с укрупнением и поляризацией поселенческой сети (увеличивается доля крупных и мелких поселений в противовес средним); происходит упрощение типологической структуры (сведение всего многообразия поселений к трем основным типам — поселок, село, деревня). Важнейшей составной частью перестройки системы сельского расселения выступает появление новых вариантов населенных пунктов, отличных от традиционных сел и деревень, — промышленных, транспортных, лесохозяйственных, курортных и дачных (рекреационных) поселков, в результате чего в структуре расселения растет удельный вес несельскохозяйственных поселений. Так, например, в Пермской губернии в 1908 г. доля несельскохозяйственных поселений (рудничных, приисковых и др.) составляла 3,25 %⁵⁹. К 1939 г. их удельный вес в структуре сельского расселения в РСФСР вырос до 12,8 %, а в Свердловской области — до 27,4 %⁶⁰. В 1989 г. несельскохозяйственных поселений насчитывалось 22,5 %⁶¹.

Одновременно с изменением структурных характеристик системы сельского расселения происходит преобразование поселений в соответствии с новыми стандартами жизни, приближенными к городским эталонам. Традиционная деревня, основанная на подворном принципе организации территории с максимальным использованием особенностей ландшафта и характерной усадебной застройкой, постепенно уступает место новой деревне. Ее отличительной чертой становится р е г у л я р н а я п л а н и р о в к а

(уличная или квартальная), внедрение которой начинается с реализации Министерством государственных имуществ проектов по перепланировке деревень в 1840-е гг., а позднее подкрепляется деятельностью земств. В советский период принципы регулярной планировки и зонирования стали основными при проектировании новых поселений, где четко выделялись жилая, производственная, общественно-административная зоны. Во второй половине XX в. благодаря использованию новых строительных материалов и технологий, типовых проектов меняется не только архитектурный облик сельских поселений, но и само представление о деревне.

В традиционном обществе деревня функционировала как особый социально-хозяйственный организм и составляла первичную производственную ячейку аграрной экономики. В условиях индустриального общества «деревня» — это место жительства социально-разнородных групп, связанных между собой соседскими отношениями. Экономические, профессиональные и даже родственные контакты отходят на второй план и уже не определяют образ жизни сельского населения. Важно подчеркнуть еще одну особенность сельских поселений Нового времени — отказ от принципа автономности и самообеспечения, свойственного традиционному обществу. Современная деревня включена в общую инфраструктуру территории (транспортную, социально-бытовую, культурную, административную), без которой ее существование ставится под угрозу, что находит подтверждение в судьбе сотен исчезнувших во второй половине XX в. деревень.

Важно подчеркнуть, что урбанизация деревни не предполагает ее полное исчезновение и замену всех поселений только городскими типами. Сельский населенный пункт как особый тип сохраняется, выполняя свои специфические функции (рекреационную, сельскохозяйственную, культурную и проч.), но условия жизни, уровень благоустройства и доступность материальных и культурных благ — качественно другие.

В условиях урбанизационного перехода кардинально меняется и крестьянское подворье — основа сельского образа жизни.

Мир крестьянской усадьбы отражал тот строй жизни, ту систему ценностей, которая была свойственна традиционному обществу и которая теряет свою значимость в новых условиях. В XX в. крестьянский двор преобразуется в новое явление — приусадебное (приквартирное) хозяйство, которое по своим организационным и функциональным характеристикам принципиально отличается от крестьянского подворья. Отличительные черты приусадебного хозяйства: урезанная отраслевая структура; свертывание наиболее трудоемкой отрасли — животноводства; сокращение земельных наделов и переориентация сельскохозяйственного производства с хозяйственных нужд на личное потребление. Эта тенденция несколько замедляется в 1990-е гг., однако сохраняется и влияет в целом на формирование нового образа жизни сельского населения, ничего общего не имеющего с традиционным крестьянским укладом.

Следует подчеркнуть незавершенность процессов урбанизации сельской местности, что характерно для подавляющего большинства сельских районов России. Только в зоне влияния крупных агломераций прослеживается переход к более высокой стадии — интегрированному расселению, в рамках которого уровень развития сельской местности соответствует минимальным стандартам урбанизированного общества.

Таким образом, особенности российской урбанизации непосредственно отразились на облике сельской местности. Форсированное развитие городской системы и сосредоточие всех усилий и средств на формировании городской сети оказали негативное влияние на село, замедляя естественные процессы его эволюции. Российская деревня, ставшая основным источником средств и ресурсов для индустриализации и городского развития, утратила внутренний потенциал и силы для модернизации. Это нашло отражение в консервации низкого уровня жизни сельских жителей, сохранении вплоть до настоящего времени условий быта, характерных для традиционного общества.

Среди каналов урбанизации следует выделить прежде всего такие, как миграция, культура и образование, средства массовой

информации и коммуникации, торговля и сфера бытового обслуживания, жилищное строительство. Каждый из них вносит свою лепту в перестройку сельской местности, причем их нагрузка с течением времени меняется. Если на ранних этапах урбанизации основную роль играли личностные каналы (миграция), а также система образования, библиотеки, клубы, то в 1930—1980-е гг. возрастает значение средств массовой информации (особенно радио, кино и телевидения), а также тех каналов, которые связаны с изменением условий быта (торговля, строительство и благоустройство сельской местности).

Все эти механизмы (факторы) сельской урбанизации непосредственно связаны с политикой государства, которая определяет их содержание и направленность, а значит, социально-культурные последствия и издержки урбанизации. В политических решениях в полную силу проявились идеологические и мифологические штампы, присущие власти и обществу в целом, в контексте которых российская деревня рассматривалась как оплот «...хозяйственной и культурной отсталости»⁶². И в этом, пожалуй, состоит основная проблема российской деревни, за которой не хотят признать права на самобытное существование.

1.3. Региональные модели урбанизации

Характерной чертой российской урбанизации является ее многоликость. В силу разнообразия природно-географических и экономических условий различные регионы нашей страны включаются в модернизационные процессы неодновременно, что в конечном счете приводит к дифференциации их по уровню урбанизации и появлению разных моделей.

В первую очередь исследователи обращают внимание на сроки прохождения стадий урбанизации и достигнутый уровень. С учетом этих критериев в географической науке принято деление регионов на следующие типы⁶³.

1. Регионы с ранним урбанизационным переходом (до 1941). Это наиболее урбанизированные территории России, где городское население превысило сельское еще до Великой Отечественной войны. Среди областей Урала к этому типу относятся Свердловская и Челябинская. К 1980-м гг. удельный вес горожан здесь превышал 80 %. Причем в Свердловской области — самой урбанизированной — этот показатель достиг 87,0 % (табл. 1.3).

2. Регионы с относительно ранним урбанизационным переходом (1941—1960). Тип, близкий к средним показателям по России. Для него характерны высокие темпы урбанизации и высокие показатели: 75—80 % городского населения. В основном это индустриальные регионы Севера, Центра, Поволжья, Урала. Среди областей Урала к этому типу относится Пермская область, которая по своему тренду является эталонной и копирует среднюю траекторию всей европейской части России (табл. 1.3).

3. Регионы со средним по времени урбанизационным переходом (1961—1970). Этому типу соответствует динамика развития Удмуртии, где к началу 1990-х гг. был достигнут 70%-й барьер. В Оренбургской области уровень урбанизации не поднялся выше 65 % (табл. 1.3);

4. Регионы с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971). Это в основном сельскохозяйственные регионы, отставшие по развитию городов от своих соседей. Помимо позднего урбанизационного перехода для них характерны высокие темпы урбанизации, максимальные среди всех типов. Стартуя с уровня урбанизованности в 25 % в конце 1940-х гг., они к 1990-м достигли уровня 55—65 %. В эту группу из территорий Уральского региона входят Башкирия и Курганская область (см. табл. 1.3).

5. Регионы с неровным урбанизационным переходом. Расположены на территории Северо-Кавказского региона. Для них характерно то, что доля горожан в структуре населения подвержена резким колебаниям и определяется динамикой развития сельской местности. Сельское население, напротив, очень стабильно и держится примерно на одном уровне.

Т а б л и ц а 1.3

*Удельный вес городского и сельского населения
СССР, РСФСР, Урала в 1959—1989 гг., %**

Республика, область	Городское население				Сельское население			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
СССР	47,9	56,3	62,0	65,7	52,1	43,7	38,0	34,3
РСФСР	52,2	62,1	69,1	73,4	47,8	37,9	30,9	26,6
Уральский регион	57,7	64,5	70,9	74,7	42,3	35,5	29,1	25,3
Курганская	32,4	42,5	50,3	54,6	67,6	57,5	49,7	45,4
Оренбургская	44,8	52,9	60,3	64,8	55,2	47,1	39,7	35,2
Пермская	59,0	67,2	73,9	77,4	41,0	32,8	26,1	22,6
Свердловская	75,9	80,6	85,0	87,0	24,1	19,4	15,0	13,0
Челябинская	76,2	77,8	81,2	82,5	23,8	22,2	18,8	17,5
Башкирская АССР	38,2	48,0	56,8	63,8	61,8	52,0	43,2	36,2
Удмуртская АССР	44,1	57,0	65,4	69,7	55,9	43,0	34,6	30,3

*Источник: Уральский экономический район. Основные итоги переписи населения. Екатеринбург, 1991. С. 11.

6. Регионы, не осуществившие урбанизационный переход. Здесь сельское население по-прежнему остается преобладающим. Это Карачаево-Черкесия, Дагестан, Чечено-Ингушетия, Калмыкия.

Недостатки приведенной выше типологии связаны с тем, что оценка уровня урбанизации в ней дается весьма упрощенно, основываясь только на показателях удельного веса городского населения и его роста. Это дает возможность охарактеризовать уровень концентрации населения, но не качественные аспекты урбанизации (см. карту 1 на вклейке).

Для более точной оценки уровня, а также особенностей урбанизации конкретного региона необходимо учитывать характеристики взаимодействия городской и сельской среды, который формирует определенные модели (варианты) урбанизации. В них отражаются особенности демографических (плотность населения)

и экономических (отраслевая структура, характер хозяйственного освоения территории) процессов, а также природных условий. Можно выделить следующие модели урбанизации: 1) индустриальная (промышленная), 2) аграрная (агропромышленная), 3) лесопромышленная, 4) санаторно-курортная, 5) нефтепромысловая и др. Первые три из них представлены на территории Свердловской области (см. карту 2).

И н д у с т р и а л ь н а я м о д е л ь характерна для территорий, заселение и развитие которых было связано с промышленностью (горнозаводской Урал). В XX в. процессы урбанизации в этой зоне идут под влиянием закономерностей промышленного развития и характеризуются следующими чертами:

- преимущественное развитие городской поселенческой сети, в том числе за счет демографических ресурсов сельской местности;
- усиление очагового характера сельского расселения;
- формирование агломераций и создание в их зонах интегрированного расселения.

Разновидностью индустриальной модели является горнозаводской вариант урбанизации, формирующийся на основе горнодобывающего и перерабатывающего (металлургического) промышленного комплекса, составляющего основу экономики Свердловской, Челябинской, Пермской областей, а также характерного для хозяйства Республики Башкортостан, где горнодобывающая отрасль занимает заметное место в структуре экономики. В данном случае особенности размещения природных ресурсов, динамика их освоения оказывают непосредственное влияние на структуру и эволюцию системы расселения. В ней преобладают моноотраслевые промышленные поселения, которые становятся центрами освоения территории, и их перспективы зависят от состояния дел в отрасли. Сельская местность в рамках данной модели находится под влиянием горнозаводской среды и трансформируется в соответствии с ее потребностями, формируя зоны сельскохозяйственного расселения в зоне притяжения городских центров.

В рамках рассматриваемой индустриальной модели можно выделить локальные варианты, учитывающие местные особенности. Так, например, на территории горнозаводского Урала выделяются три экономических района (см. карту 2), которые по-разному переживали стадию урбанизации и с разными результатами.

- В Северном районе (север горнозаводского Урала) расселение сохранило редкоочаговый характер. Его перестройка в сельской и городской местности протекала изолированно и с разными результатами: в зоне скопления городов сложились зоны индустриального расселения при деградации и измельчании поселенческой сети в сельской местности. Удельный вес городского населения в этой зоне к 1989 г. достиг показателя 90 %⁶⁴, однако качество городской и сельской среды по уровню благоустройства и плотности транспортной сети низкое.

- В Центральном горнозаводском районе на фоне формирования Нижнетагильской агломерации происходило образование урбанизированного расселения в ее ядре и перестройка сельской поселенческой сети на периферии. В результате наблюдается общее сокращение числа сельских поселений и преобразование структуры из мелкоселенной в средне- и крупноселенную с сохранением основного каркаса. Доля городского населения к 1989 г. составила 78,5 %⁶⁵, что свидетельствует о завершении стадии урбанизационного перехода. По плотности городской поселенческой сети Центральный район уступает только Южному. Большая часть городских поселений относится к моноотраслевым, что отражается на качестве жизни населения.

- В Южном горнозаводском районе, в пределах Свердловской агломерации, сложилась обширная зона интегрированного расселения, для которой характерна функционально-отраслевая перестройка сельской местности. Тесное взаимодействие аграрной и промышленной среды в этой зоне стало основой для постепенной концентрации людских ресурсов и более плотной интеграции городского и сельского расселения. Несмотря на снижение плотности поселенческой сети к концу века, здесь сохраняется относительно

равномерное расселение с преобладанием средних и крупных сельских поселений. Удельный вес городского населения самый высокий в области — 93,4 %, как и плотность населения⁶⁶. С этими показателями коррелируют плотность транспортной сети и качество благоустройства территории.

Для индустриальной модели свойственны наиболее заметные изменения в образе жизни населения и его дифференциация. В зоне влияния крупных агломераций образ жизни сельского и городского населения отличается несущественно и характеризуется внутренним единством, что усиливается маятниковой миграцией. В отдаленных от городов поселениях наблюдается архаизация и деградация образа жизни, который не связан с возвратом к традиционному крестьянскому типу и представляет его маргинальный суррогат.

Урбанизация в регионах, имеющих сельскохозяйственную специализацию (южные районы Свердловской области, расположенные в Предуралье и Зауралье), соответствует *а г р а р н о й м о д е л и*, основными чертами которой выступают:

- более позднее в сравнении с промышленными территориями вступление в стадию урбанизационного перехода;
- сохранение относительно равномерной структуры расселения с преобладанием сельскохозяйственных поселений;
- урбанизация развивается под влиянием процессов интенсификации сельскохозяйственного производства и определяется ими;
- развитие городов подчинено потребностям сельской местности.

Городская поселенческая сеть Свердловской области в данной зоне была заложена еще в XVII—XIX вв. и в советский период существенно не изменилась. Удельный вес горожан в сельскохозяйственных районах области на 1989 г. составил 54,4—58,3 %⁶⁷. Таким образом, общий характер урбанизации в рамках рассматриваемой модели связан в большей степени с перестройкой сельской местности, чем городской среды.

Имеются внутренние отличия по географическим зонам: если в Юго-Западном сельскохозяйственном районе наблюдается более

мягкий вариант урбанизационной перестройки, в ходе которого поселенческий каркас сельской местности был сохранен и даже получил дальнейшее развитие, то в Юго-Восточном произошло его частичное разрушение и деградация. В значительной степени это связано с тем, что развитие Юго-Восточного района шло по пути формирования агропромышленного комплекса, наложившего свой отпечаток на процессы урбанизации.

Для аграрной модели характерно формирование сельско-урбанистического образа жизни, который связан с активным преобразованием культурно-бытовых условий, но сохраняет приверженность сельскохозяйственным занятиям.

Л е с о п р о м ы ш л е н н ы й в а р и а н т у р б а н и з а - ц и и прослеживается на слабозаселенных территориях, имеющих лесозаготовительную и лесопромышленную специализацию (например, северо-восток Свердловской области). На протяжении XX в. здесь происходит разрушение сельскохозяйственной поселенческой сети и замена ее другой — лесопромышленной, транспортной, лагерной. Особенностью данного варианта урбанизации является то, что роль городов сведена к минимуму. Здесь расположено всего два города — Туринск и Тавда, и их влияние на развитие территории очень ограниченное. Удельный вес городского населения достиг к 1989 г. 63,3 %⁶⁸. Носителем тенденций урбанизации как на уровне региональной системы расселения, так и отдельных населенных пунктов выступает лесопромышленный комплекс. Для данной модели характерны низкая плотность населения, рассредоточенная редкая сеть небольших, преимущественно временных, населенных пунктов, отсутствие развитой городской сети. Все это в совокупности влияет на образ жизни населения, который можно обозначить как «поселковый». Для него характерны специфические черты: неразвитая культурно-бытовая сфера, низкий уровень благоустройства, отсутствие развитого личного подсобного хозяйства, т. е. что-то промежуточное между городом и селом.

Помимо рассмотренных выше моделей, следует охарактеризовать региональные варианты урбанизации, имеющие другую

экономическую основу и связанные с санаторно-курортной, охотопромысловой, горнорудной и нефтегазодобывающей деятельностью. Так, например, с а н а т о р н о - к у р о р т н а я модель реализуется на тех территориях, где хозяйственная специализация связана с рекреационной сферой и наличием определенных природных ресурсов (Кавказские Минеральные воды, Причерноморье и пр.). Ей свойственны ранняя дезурбанизационная тенденция и создание развитой инфраструктуры, обеспечивающей сферу досуга и рекреации населения и влияющей на более высокий уровень жизни и благоустройства сельской местности и городской среды. В результате этого образ жизни в сельской и городской местности сближается, придавая городам сельские черты. Отличительной чертой жилищного ландшафта курортной зоны является преобладание индивидуальной застройки и наличие приусадебных участков у значительной доли населения и в городах, и в сельской местности. Образ жизни населения в значительной степени определяется тенденциями развития курортной отрасли и ее спецификой.

Н е ф т е г а з о п р о м ы с л о в а я модель у р б а н и з а - ц и и складывается в районах добычи энергоресурсов (в том числе на Тюменском Севере, в Республике Башкортостан), где освоение и развитие территорий связано с размещением природных ресурсов и технологиями их добычи и транспортировки. Для данной модели свойственно создание каркаса расселения, представленного преимущественно небольшими поселениями городского типа и сетью временных поселений, выполняющих исключительно производственные функции. Поддержание жизнедеятельности временных поселений связано с созданием системы трудовых миграций (вахты). В результате формируется особый вахтовый образ жизни, сочетающий достаточно высокие запросы и возможности населения в вопросах материального обеспечения и вместе с тем сохранение специфических условий труда и отдыха, часто неудовлетворительных.

Каждый из вариантов урбанизации, а их перечень не исчерпывается приведенными выше, нуждается в детальном

изучении на региональном материале с целью выявления общих и специфических черт и закономерностей. Анализ моделей урбанизации, реализованных на территории Свердловской области, свидетельствует об их репрезентативности по отношению к другим территориям России, обладающим сходными социально-экономическими характеристиками.

1.4. Отражение процессов урбанизации в топонимике

Все изменения, происходящие в обществе, получают свое отражение в языке и в тех названиях, которыми мы кодируем явления окружающего мира: это могут быть наименования учреждений или организаций, органов власти, улиц и площадей, имена людей и названия городов. Обозначение элементов окружающего мира — способ его познать и изменить. С этих позиций любопытно проследить, как урбанизационные процессы отразились в словаре названий — прежде всего в топонимах.

Географические названия являются важнейшим источником, с помощью которого можно приблизиться к пониманию ментальности народа, особенностей восприятия окружающего мира, его истории и социально-экономических трансформаций. По справедливому замечанию Г. М. Керта, топонимы — это часть окружающей культурной среды народа, отражающая его мироощущение, миропонимание и мироконструирование⁶⁹.

Названия природных объектов (рек, гор, озер и пр.) можно отнести к внешнему семантическому кругу сознания человека, влияние которого ограничивается функциями обозначения пространства, освоенного в большей или меньшей степени. В отличие от других видов топонимов, имена поселений (ойконимы) выступают в большей степени как отражение социальной практики людей: они максимально приближены к его частной жизни, являясь важнейшим элементом ближайшего, почти «домашнего» окружения.

Названия населенных пунктов более динамичны и изменчивы, чем гидронимы или оронимы, и максимально приближены к локальным конкретно-историческим процессам и событиям. Важно подчеркнуть информационные и социальные смыслы ойконимов. Они не просто обозначали поселение, а несли информацию о характере объекта (слобода, погост, село), указывали, кому оно принадлежит, обеспечивали адресацию.

Топонимическая карта расселения постоянно меняется, и ее эволюция имеет свои закономерности. К числу наиболее ранних относятся названия поселений, отражающие физико-географические особенности местности: практически везде есть деревни с названием *Брод* (с. Косой Брод в Свердловской области), что свидетельствовало о наличии возле данного места речной переправы; *Устье* — место впадения реки в озеро, другую реку или море. Традиционный вариант именования основан на использовании названий расположенных рядом рек, озер. К примеру, один из крупнейших городов Среднего Урала — *Нижний Тагил* — получил свое название по местоположению на реке Тагил, как и села *Таборы*, *Манчаж*, города *Сухой Лог*, *Тавда* и пр.

Есть немало названий, имеющих этническое происхождение, это уже более поздний слой ойконимов. Деревня *Сызги* (Красноуфимский район Свердловской области) получила свое имя от названия башкирского племени сызги; деревня *Литовская* (Верхотурский район) указывает на происхождение жителей из Литвы или подчиненных ей в прошлом территорий. Название села *Корелы* (Невьянский район) свидетельствует о том, что в освоении Среднего Урала наряду с русскими принимало участие финно-угорское население.

Однако чаще других среди названий сел и деревень встречаются имена, имеющие антропонимическое происхождение. По подсчетам специалистов, до 70 % названий русских сел и деревень образованы от антропонимов⁷⁰. Причем в создании названий поселений в равной степени участвовали разные виды антропонимов: имена собственные, отчества, фамилии и прозвища.

Более раннее происхождение имеют, как правило, поселения, в названии которых используется имя, позднее появляются населенные пункты, обозначенные по фамилии первопоселенцев. Так, например, деревня *Сутормина* (Туринский район) получила свое название от русского имени Суторма. В основе названия деревни *Старобухарово* (Нижнесергинский район) лежит башкирско-татарский антропоним (в документе 1765 г. упоминается дер. *Бухарова* Айминской волости Челябинского уезда и сотник Бухар Авязов)⁷¹.

По типологии имен можно судить о степени освоения окружающего пространства: для ранних стадий заселения территории свойственно преобладание в структуре ойконимикона названий географического происхождения. Когда возрастает доля антропонимов, то можно говорить о формировании обжитого пространства с тесными соседскими связями и отношениями.

На Урале, где активная колонизация территории начинается с XVI в., прослеживаются те же закономерности: названия наиболее старых поселений, как правило, имеют природно-географическую привязку, сельские поселения с антропонимическими названиями появляются позднее, в XVII—XIX вв. К этому же времени относится и возникновение поселений, наименование которых основано на характеристике занятий населения: так, например, дер. *Поварня* (Белоярский район) — это «место, где готовят пищу на открытом воздухе, летняя кухня», «место, где всей деревней варили пиво на праздники», «постройка для отдыха и ночлега проезжающих»; название дер. *Подволошная* образовано от слова «волок» — длинная дорога в безлюдном месте, обычно через лес, т. е. деревня возникла на старом тракте; с. *Рудное* (Свердловская область) появилось в 1631 г. в связи с разработкой месторождения руды.

Учитывая эти закономерности имяобразования, исследователи имеют возможность выделять временные топонимические срезы, отражающие определенные стадии заселения края. Так из названий поселений складывается живая картина освоения территории с ее многочисленными сюжетами и коллизиями. За каждым названием практически всегда стоит легенда, поясняющая и закрепляющая его

в сознании людей как социальный факт. Имя несет в себе элемент сакральности, в нем заложена не только история, происхождение, но и судьба, будущее.

Поскольку именование тесно связано с социальной практикой населения, это нашло отражение в переименованиях поселений. В традиционном обществе в большинстве случаев переименование было результатом естественной эволюции поселения, в том числе получения нового статуса, функций в системе расселения, каких-то событий местной истории. Так, например в 1631—1633 гг. на реке Ирбит возникла *Ирбейская слободка*, которая в дальнейшем выросла в уездный город Ирбит. Село *Караульское* (Новолялинский район) первоначально в конце XVI в. именовалось *Лялинский караул*, так как здесь была учреждена таможня. Причиной переименования могло быть строительство храма, такой обычай возник еще в XV в. и способствовал появлению сел и деревень с названиями *Рождественское*, *Вознесенское*, *Троицкое*, *Богородское* и т. п., которые можно найти на любой губернской карте. В Пермской губернии в 1909 г. по пяти уездам (Верхотурскому, Красноуфимскому, Екатеринбургскому, Камышловскому, Ирбитскому) насчитывалось три села с названием *Покровское*, 2 *Никольских*, 2 *Петропавловских*, 3 деревни *Воскресенская*, 3 села с названием *Троицкое* и т. д. Многие из них имели второе название, более раннее. Так, например, село Троицкое Екатеринбургского уезда Пермской губернии называлось *Карасий Исток*, а деревня Воскресенская имела второе имя — *Клепинина*, село Богородское Красноуфимского уезда ранее обозначалось как *Арийское* (по названию реки)⁷².

В дореволюционной России встречаются примеры переименований по политическим причинам, но они были единичны. Среди наиболее известных фактов обычно упоминается Указ Екатерины II, которая в 1775 г. повелела переименовать реку Яик в *Урал*, а Яицкий городок в *Уральск* «для предания... полному забвению» событий, связанных с восстанием Пугачева. Город Хлынов в 1780 г.

при проведении административной реформы был переименован в *Вятку* в наказание за строптивость жителей, которые в XV в. сопротивлялись присоединению к Московскому государству.

Известно и стремление Екатерины II увековечить на карте России свое имя, а также имена сына и внуков. В 1782 г. возникли *Екатеринодар* и *Екатеринослав* (административный центр Новороссии), в 1783 г. были основаны *Павлоград* и *Мариуполь*. А имена внуков получили уже существовавшие селения — село *Усовка* было переименовано в *Александровск*, а крепость *Белёвская* — в *Константиноград*. В царствование Павла I готовился указ о переименовании города Ставрополя в Павловск, однако он не был принят, но при жизни царя были переименованы Севастополь (в 1796—1802 гг. *Бахтияр*) и Екатеринослав (в те же годы *Новороссийск*).

В качестве одной из специфических причин изменения наименований были разночтения в написании названий и развитие языка в грамматическом и фонетическом плане.

В общей сложности естественный уровень переименований в традиционном обществе составляет около 10 % общей численности поселений. Так, например, в «Списке населенных мест Пермской губернии по состоянию на 1869 г.» 942 поселения из 9 405 имели по два имени и более, что существенно осложняло задачу их учета. Причем официально удостоверенных поселений с двумя названиями было зафиксировано только 83, и еще 859 были отмечены в волостных списках (контрольных), но отсутствовали в основном списке. По мнению самих составителей, это произошло потому, что в разных списках одни и те же поселения были обозначены разными именами⁷³. По списку деревень с парными названиями можно проследить логику и стандартные варианты переименования: чаще всего это смена имени, производного от гидронимов, на антропоморфные; или названия, производного от антропонима, на профессиональные. Так, например, в Пермском уезде старое название деревни *У реки Каменки* заменено на *Шабалят*; *Верх реки Яша-шер* — на *Пяткова*; в Оханском уезде деревня, названная по первopоселенцу, *У Ягея Шмырина*, получила более позднее название

Васильева; в Соликамском уезде деревня *Верх-Малая Вишня* зафиксирована под вторым названием — *Пьянкова*, д. *Заболотная* — *Чираева*, д. *Кирилова* — *Войлоков*⁷⁴.

Ситуация с переименованиями кардинальным образом меняется в XX в., их интенсивность возросла необычайно. В общей сложности около половины поселений оказались охвачены этим процессом, прежде всего города. В результате к концу XX в. мы имеем в значительной степени обновленный список населенных мест, в котором с трудом можно найти старые имена, а еще сложнее проследить их преемственность, так как топонимические волны перекрывали одна другую, формируя исторические напластования ойконимов, отражающих особенности эпохи.

В целом, на протяжении XX в. выделяются два крупных периода, когда происходил пересмотр сложившегося списка населенных мест: 1914—1956 гг. и 1957—1990-е гг. В первой половине XX в. изменение названий охватило преимущественно городское и внутригородское пространство, а в качестве причин переименований преобладали политические и идеологические. Во второй половине XX в. этот процесс развернулся в полную силу в сельской местности, изменились и причины, среди которых стали преобладать факторы, связанные с общими глобальными изменениями, в том числе с урбанизацией.

В рамках каждого из периодов выделяются топонимические волны 10—12-летней продолжительности, которые непрерывно накрывали советское общество, оставляя заметный след в списках населенных мест, уничтожая старые названия и создавая новые. Больше всего пострадали от них новые поселения, имена которых в большей степени несли в себе дух советской эпохи.

В публикациях, посвященных изучению проблем развития городских и сельских ойконимов в XX в., подчеркивается два основных момента: 1) существенная роль политического фактора (государства) в процессах именования населенных мест; 2) изменения в топонимах стали отражением значительных мировоззренческих и ментальных сдвигов в обществе⁷⁵. Последнее обстоятельство

в определенной степени является следствием революционных преобразований и связано с потребностью общества (на подсознательном уровне) привести в соответствие свои социальные ожидания с системой обозначений и образов, которая заложена в названиях населенных мест.

Учитывая этот момент, все же подчеркнем, что потребность в изменении топонимических обозначений стала ощущаться в российском обществе еще до Октябрьского переворота, поэтому было бы не совсем верно соотносить волну переименований только с революцией. Не менее важным фактором, на наш взгляд, становятся модернизационные процессы, охватившие российское общество в конце XIX — начале XX в.

Толчком к началу топонимической чехарды послужили события Первой мировой войны, когда под влиянием антинемецких настроений столица империи была переименована в Петроград. События февраля 1917 г. получили отражение в названиях городских улиц и площадей, не затронув, однако, уровень населенных пунктов.

В 1920—1930-е гг. выделяются две крупные кампании по переименованию населенных мест. Первая приходится на 1920-е гг. и разворачивается после окончания Гражданской войны в условиях НЭПа. Победа советской власти сопровождалась маркировкой завоеванного пространства и утверждением новой символики. Особая роль в этом процессе отводилась увековечению имени Ленина, которое стало одной из наиболее употребляемых основ для формирования ойконимов советского периода. На территории Свердловской области в конце 1920-х гг. насчитывалось 14 населенных пунктов, в названиях которых использовалось имя Ленина⁷⁶.

В 1920-е гг. переименования затронули преимущественно города и внутригородское пространство: улицы и площади получали имена вождей революционного движения и Гражданской войны; названия, связанные с символикой пролетарского движения и социалистическими идеями. Новая власть создавала новые знаковые системы, утверждаясь в сознании людей.

Процесс переименования населенных мест был непосредственно связан с упорядочением административно-территориального деления молодого советского государства и созданием новой системы учета населенных мест. Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г.⁷⁷ регистрация вновь возникающих поселений и их учет были возложены на административные отделы областных и губернских исполнительных комитетов и народные комиссариаты внутренних дел автономных республик. 30 декабря 1926 г. Административной комиссией ВЦИК была утверждена Инструкция о порядке регистрации, наименования и учета населенных пунктов, которая стала основным документом, регламентирующим на практике учет поселенческой сети.

В результате происходит смена механизмов именования населенных мест. Если ранее присвоение имени было результатом самоназвания, принятого окружающим сообществом и впоследствии зарегистрированного административными органами, то в советский период власть стала инициатором и во многих случаях автором названия, которое сначала официально утверждалось, а потом уже воспринималось населением.

Переименованиями в 1920-е гг. были охвачены прежде всего крупные города. По данным Г. М. Лаппо, свои названия сменили почти 400 городов РСФСР, в том числе около половины городов-миллионеров, 40 % крупнейших, 20 % крупных и больших и только 8—9 % малых и средних городов⁷⁸. Новые имена отражали политические реалии советского строя и его партийно-революционный пантеон.

Помимо переименований шел активный процесс переосмысления имеющихся названий. В качестве примера можно привести г. Красноуфимск (Свердловская область), основанный в 1736 г. как крепость и получивший свое название по урочищу *Красный Яр*, расположенному на берегу реки Уфы. Сначала крепость называлась *Красноярская* и *Уфимская*, с 1781 г. она изменила статус и стала уездным городом с названием *Красноуфимск*. После революции слово «красный» приобрело новую семантическую окраску и стало

восприниматься не как «красивый», а как синоним прилагательного «революционный».

В числе первых были изменены названия городов, в которых упоминались имена царской фамилии: еще в 1918 г. г. Николаевск был переименован по предложению Чапаева в *Пугачев*. Несколько позднее, в 1920 г., Екатеринодар стал *Краснодаром*, в 1921 г. Романов-на-Мурмане — *Мурманском*. Екатеринбург был переименован в *Свердловск* в 1924 г. В 1926 г. Новониколаевск получил имя *Новосибирск*, а Екатеринослав стал *Днепропетровском*. Список примеров можно продолжить, и он весьма показателен, так как переименования затронули преимущественно губернские центры и отразились на номенклатуре административно-территориальных единиц.

В сельской местности революционные названия получали преимущественно новообразования — поселки, хутора, выселки, возникавшие в 1920-е гг. в результате расселения крупных деревень, организации колхозов и совхозов, промышленного и лесохозяйственного строительства. В «Списках населенных пунктов Уральской области» 1928 г. во множестве встречаются поселения с названиями *Беднота* (в 3 районах области), *Пролетарский*, *Батракова*. Особенно популярным было название *Первомайский* (12 поселений в 5 округах Уралобласти). В именах широко использовалось прилагательное «красный» — *Красный Борец*, *Красный Горняк*, *Красный Луч*, *Красный Маяк* и пр. Весьма показательно, что среди названий встречаются и такие эмоционально окрашенные имена, как дер. *Веселая* (Таборинский, Лялинский, Надеждинский районы), хутор *Мирок Природы* (Баженовский район), выс. *Восход Солнца* (Слободотуринский район).

Переименования встречались достаточно редко и в основном касались деревень и сел, названия которых содержали религиозные смыслы. В конце 1920-х гг. с закрытием храмов исчезли с карты названия многих сел, хотя сами поселения оставались. Они получили новые, чаще всего революционные имена. Село Христовыдвиженское Томской губернии еще в 1923 г. стало *Отрадным*, Спасское —

Коларовым (в честь болгарского революционера). Интересно, что в советский период сумели сохранить свои старые имена некоторые населенные пункты с названиями *Троицкое, Покровское, Никольское*.

Показательно, что названия — традиционные или модернизированные — получали преимущественно сельскохозяйственные поселения. Промышленные, транспортные, лесохозяйственные поселки часто их не имели совсем и обозначались в списках как производственные объекты: барак *Авиавышка*, пос. *Мельница № 3, Мельница № 4* и т. д., *Бревенчатый элеватор, Метеогорка, Будка 13 км, 87 км* и т. д.⁸⁰ В дальнейшем эта тенденция сохраняется и даже получает развитие, придавая перечню населенных мест характер инвентарного списка (популярным становится использование нумерации поселков без присвоения им имен). Это достаточно важный момент, так как для традиционного сознания свойственно стремление к одушевлению объектов окружающего мира (в том числе поселений), что выражается в широком использовании антропонимов. Усиление рационального в условиях модернизации проявляется в стремлении формализовать очень тонкий творческий процесс именования и придать ему четкий алгоритм. Отсюда широкое использование нумерации, стремление объединить производственные и жилые объекты под одним именем, т. е. упростить все процедуры.

В целом, регулирование процесса присвоения имен сельским поселениям (в отличие от городов) в 1920—1930-е гг. было организовано плохо, административные органы этим серьезно не занимались. Попытки навести порядок в организации учета поселенческой сети предпринимались неоднократно, в частности перед войной. Этим вопросам был посвящен специальный доклад по вопросам классификации населенных пунктов, направленный в президиум Верховного Совета РСФСР, где прямо указывалось на отсутствие налаженной системы учета и слабую разработанность нормативной базы административно-территориального регулирования⁸¹.

В 1930-е гг. страну накрыла новая топонимическая волна, захлестнувшая вновь преимущественно города, а в сельской местности

отразившаяся на формировании параллельной системы наименований, на долгие годы затенившей традиционную поселенческую сеть. Речь идет о создании колхозов и совхозов на месте бывших сельских обществ и превращении их в основную хозяйственную единицу, фактически подменившую собой административное деление.

Колхозы стали именоваться в честь вождей партии и революции, съездов и конференций партии, годовщин Октябрьской революции и других революционных событий. Особую группу составляли хозяйства, носящие имена с позитивными революционно заряженными образами — *Заря*, *Восход*, *Светлый путь*, *Победа* и т. д. С этого времени во всех учетных документах на первом месте находились списки колхозов, МТС и совхозов, а в качестве дополнений шли перечни населенных мест. Подмена сельских поселений колхозами и совхозами шла не только на официальном, но и на бытовом уровне, особенно рельефно это проявлялось на этапе становления и развития колхозного строя, реализующего модель «колхоз-деревня».

Расширение списка и изменения в названиях в 1930-е гг. непосредственно связаны с рядом факторов: утверждение культа личности с его стремлением к фетишизации имени вождей, а также индустриализация и соответственно вступление страны в стадию урбанизационного перехода, сопровождавшегося взрывоподобным ростом численности городов. Стремление придать новым городам «социалистические» имена, тем самым отделив их от прошлого, было обоюдным, поддержанным властью и определенной частью общества, прежде всего молодежью. В этой связи весьма показательным примером выступает письмо пионеров М. И. Калинин, сохранившееся в архиве и отразившее общий настрой молодого поколения страны Советов:

Михаил Иванович, мы были бы рады если бы Вы исполнили нашу маленькую просьбу. За это мы будем учиться на «отлично». Эта просьба совсем маленькая. Столица цветущей Украины г. Киев носит

некрасивое имя, между прочим когда сам город очень красивый, а имеет такое название. Мы просим переименовать его в более грозное и привлекательное имя. Значит, город Киев и Киевскую область переименовать в город «Неаполь» и «Неаполитанскую область». Михаил Иванович, город Неаполь есть в Италии. Но это ничего не стоит переименовать Киев... Просим не отказать в нашей просьбе. Ведь хорошо было бы, если столица Украины был город Неаполь. Еще, Михаил Иванович, просим переименовать город Тбилиси в «Тибиллион», а Петрозаводск на имя германского вождя Тельмана. Столицу Казахстана город Алма-Ата в Джамбул. Хотя есть город Джамбул, но его можно переименовать в другое имя. Ташкент в Ленинабад. А Ленинабад в Таджикистане переименовать в Молотобад. А Ашхабад — в Советский Багдад⁸².

Центральные исполнительные и законодательные органы были завалены письмами пионеров, комсомольцев, трудящихся, вносивших свои предложения по переименованию городов и селений⁸³. ЦИК СССР пришлось подготовить специальное письмо, разъясняющее процедуры переименования городов и районов. В нем указывалось, что переименование может иметь место только в исключительных случаях, имеющих политическое значение⁸⁴. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1936 г. был установлен порядок разрешения вопросов о переименовании населенных мест: СНК СССР принимал решения по объектам союзного значения, СНК республик — по населенным местам республиканского значения⁸⁵.

Усиление централизации в решении подобных вопросов не могло не отразиться на процедуре переименований, приобретших в условиях формирования тоталитарного строя вполне определенный характер. Наиболее популярным вариантом переименований стало присвоение областям, районам, городам, предприятиям, не говоря уже об улицах и площадях, имен партийных и советских руководителей, а также героев-революционеров. Если в 1920-е гг. такие решения принимались с целью увековечения памяти политической и революционной элиты, то в 1930-е гг. они стали доказательством преданности и любви к вождям. А это в условиях

развертывания массовых репрессий было чревато последствиями. Так, например, г. Надеждинск (первоначально — Надеждинский завод), расположенный на Северном Урале, получил городские права в 1926 г. В 1934 г. он был переименован в Кабаковск по имени тогдашнего первого секретаря обкома партии. После того как И. Д. Кабаков был репрессирован, город в 1937 г. вновь стал Надеждинском. А через два года, в 1939 г. назван Серовым в честь летчика Анатолия Серова, заслужившего звание Героя Советского Союза в небе Испании.

Практически все областные центры Урала и прилегающих территорий оказались жертвами кампании по переименованию. 5 декабря 1934 г. постановлением ВЦИК Вятка была переименована в город Киров. В 1938 г., когда погиб Валерий Чкалов, Оренбург стал носить его имя, хотя сам летчик ни разу сюда не приезжал. Область соответственно стала называться Чкаловской. В марте 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР г. Пермь был переименован в Молотов, а Пермская область — в Молотовскую⁸⁶. Подобная судьба едва не постигла Челябинск, где в конце 1930-х гг. обсуждался вопрос о переименовании его в честь Сталина. Предлагались разные варианты — Коба, Сталин, Сталинград, Сталино, Сталиногорск, Сталинск, Сталинабад, Сталинири⁸⁷. Много позже пришла очередь Ижевска, переименованного в 1984 г. в Устинов.

Тиражирование имен руководителей государства в названиях административно-территориальных единиц и населенных пунктов приводило к региональному и национальному обезличиванию территории, превращению ее в разновидность памятника умершим и здравствующим партийным и государственным вождям. По подсчетам В. П. Андреева, в городах РСФСР в 1939 г. насчитывалось по 4 Ждановских и Свердловских района, 6 Ворошиловских, 7 — Орджоникидзе-вских, 9 — Кагановичских, по 12 — Кировских. Куйбышевских и Молотовских, 27 — Сталинских⁸⁸.

Таким образом, к 1940-м гг. в значительной степени был обновлен перечень российских городов, которые в эпоху индустриализации приобрели не только новый облик, но и новое имя.

В списке городов исторические варианты названий стали составлять незначительную часть, и, напротив, существенно выросла доля городов и рабочих поселков, порожденных индустриализацией, с соответствующими названиями — *Новошахтинск, Лесозаводск, Углегорск, Краснозаводск, Апатиты, Сланцы, Асбест, Электроугли, Электросталь, Бокситогорск, Медногорск, Магнитогорск, Оленегорск, Лениногорск, Углегорск* и т. п.

В сравнении с городами факты переименования сельских поселений в 1930-е гг. были немногочисленными, и все они, как правило, были обусловлены политическими причинами. Так, например, в Оренбургской области в 1935 г. село Тимашево было переименовано по ходатайству пионеров в пос. *Хлебобоб*. Просьба обосновывалась тем, что село было названо по имени крупного помещика Тимашева⁸⁹. В 1938 г. в Молотовской области было принято решение о переименовании села Каширино. До 1918 г. оно называлось Рождественское, в годы Гражданской войны ему было дано новое имя, Каширино, в честь командира Красной армии Каширина. Однако в 1938 г. он был арестован как враг народа, в связи с чем Каширинский сельсовет выступил с ходатайством переименовании его в *Пушкинский* в честь А. С. Пушкина, а также село и колхоз⁹⁰. Несколько позднее, в 1939 г., в Молотовской области были рассмотрены ходатайства о переименовании дер. Борисова в *Чапаевку*, с. Сатино — в *Дзержинское*, с. Екатерининск — в *Чкаловск* в связи с тем, что населенные пункты были названы в честь бывших помещиков и купцов. Однако это ходатайство было отклонено⁹¹.

В качестве причин переименования в это время часто звучат антирелигиозные мотивы. По нескольким населенным пунктам решение было принято: села Богородское, Сретенское, Рождественское, Острожка, Гальяны Молотовской области были переименованы, так как, по мнению властей, их наименования «дискредитировали советскую власть»⁹². Новые названия включали имена деятелей советской власти и революционную символику: *Октябрьское, Ворошилово, Кирово* и т. д. В Свердловской области

Указом от 27 декабря 1940 г. село Гробово Нижнесергинского района стало называться *Первомайским*⁹³.

Таким образом, вслед за городами пришел черед смены топонимов в сельской местности. Факты переименований встречаются до войны, однако массовый характер они приобретают несколько позже.

Следует подчеркнуть, что переименования сельских поселений были связаны с политическими причинами вплоть до начала 1960-х гг. В их числе особое место занимают депортации народов и сопутствующие им решения о переименовании прежних мест расселения⁹⁴. Начало положило Постановление СНК и ЦК ВКП(б) о переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей от 26 августа 1941 г. 12 октября 1943 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории». В 1944 г. настала очередь чеченцев и ингушей, обвиненных в предательстве и измене Родине. Чтобы стереть с географической карты память об этих народах, 19 июня 1944 г. Грозненский обком ВКП(б) принял решение о переименовании районых, районных центров и населенных пунктов области. В ходе кампании село Средний Калаус было переименовано в *Красноармейское*, Новый Юрт — в *Виноградовку*, Старый Юрт — в *Толстово* и т. д.⁹⁵ В общей сложности были изменены названия 73 сельсоветов и 80 населенных пунктов. Принцип присвоения новых имен был ориентирован на «местные географические названия».

Вслед за Чечено-Ингушской АССР указом от 8 апреля 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР переименовывается в Кабардинскую АССР, часть ее территории включается в состав Грузинской ССР, а почти 37 тыс. балкарцев выселяются с родной земли⁹⁶. В числе депортированных народов оказались и месхетинские турки, перемещенные из Грузии в Среднюю Азию, а также крымские татары. Во всех случаях выселение сопровождалось изменением топонимикона территории и стиранием его исторических и национальных особенностей. Такой подход был направлен на формирование

новой исторической памяти переселенцев, размещенных на опустевшем месте.

Особую страницу в летописи переименований занимает освоение территорий, завоеванных СССР в годы Второй мировой войны, в частности о. Сахалин, где Указом от 15 октября 1947 г. были изменены с японских на русские названия 363 населенных пунктов. Так, дер. Накакиро стала называться *Верхнереченской*, Асахи — *Подгорной*, Мороцу — *Каменкой* и т. д.⁹⁷

История Сахалина является ярким примером смены топонимических слоев, отражающих разные исторические периоды и разные культуры. Захваченный в XVIII в. сначала маньчжурами, а потом, в 1786 г., Японией, остров был провозглашен в 1806 г. частью Российской империи и вплоть до 1905 г. развивался в ее составе, хотя Япония признала этот факт только в 1875 г. В XIX в. здесь была заложена сеть постов, охранявших интересы Российской империи и положивших начало развитию поселенческой сети. С 1905 по 1945 г. остров частично или полностью находился под контролем Японии, которая пыталась закрепиться здесь всеми доступными способами, в том числе активно формируя свою поселенческую сеть. В северной (советской) части о. Сахалин на начало 1926 г. насчитывалось 4 района (Оханский, пос. Оха; Рыбновский, с. Верецагино; Рыковский, с. Рыковское; Александровский) и один город — Александровск-Сахалинский (с 1947 г. Южно-Сахалинск). К 1932 г. число административных единиц выросло до шести. В южной части сложилась система поселений, основанная на национальных принципах, которая и подверглась изменениям в послевоенный период.

Во второй половине 1940-х гг. новый виток получила кампания возвеличивания Сталина путем присвоения его имени городам⁹⁸. В письмах в Верховный Совет предлагалось переименовать Москву в г. Сталина, Сталинград — в Сталин-Сталинград или Сталинград-на-Волге, Кенигсберг — в Сталинград-на-Балтике⁹⁹. Одной из последних топонимических волн политических переименований стала кампания 1957 г., когда в ходе борьбы с культом личности

были приняты решения о переименовании или возвращении исторических имен многим областям, районам, городам, названным в честь Молотова, Кагановича, Сталина и других политических лидеров, попавших в опалу. Так, например, в г. Свердловске были переименованы два района: Молотовский — в Верх-Исетский, Кагановический — в Железнодорожный. Аналогичные переименования произошли в Уфе, Перми. Молотовская область 2 октября 1957 г. вновь стала Пермской¹⁰⁰. Не повезло также тем сельским населенным пунктам, которые носили имя советских лидеров. Поселок Ворошиловка Бузулукского района Чкаловской области в связи с новыми требованиями был переименован в пос. Затокский, село Ворошиловка Ново-Покровского района — в с. Березовка, поселок Путь Ворошилова Ташлинского района — в пос. Луговой¹⁰¹. Указом от 4 декабря 1957 г. было возвращено историческое имя г. Оренбургу и Оренбургской области¹⁰².

Все эти решения стали следствием принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР 1957 г., в котором были регламентированы вопросы наименования населенных пунктов¹⁰³. Изданный в целях борьбы с последствиями культа личности, он тем не менее внес определенную упорядоченность в вопросы учета поселенческой сети. В частности, в указе были определены полномочия органов власти в присвоении имени. В 1968 г. были приняты дополнения к данному постановлению, несколько упрощавшие процедуру присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов¹⁰⁴.

Вслед за переименованием городов и областей пришел черед реформ в вопросах учета и регистрации населенных мест. При подготовке к переписи 1959 г. было обращено внимание на ситуацию с регистрацией сельских населенных пунктов, которая была очень тяжелой. Ни в центре, ни на местах точных данных о поселенческой сети не было. Многие деревни были разрушены в ходе боев и не восстановлены, а кроме того, появились новые населенные пункты промышленного, транспортного, лесохозяйственного профиля. Чаще всего они не имели собственного имени

и назывались как производственные объекты. К ним добавились новые сельскохозяйственные поселения, возникшие в результате освоения целинных и залежных земель, развития совхозной системы. К концу 1950-х гг. топонимическая картина сельской местности была очень запутанной.

Стандартным приемом стала нумерация поселений, в результате чего возникали проблемы в восприятии пространственных объектов. Такая обезличенность поселений в известной мере соответствовала центральной идее социалистического сознания, где коллектив — это основа, а конкретный человек — это винтик, солдат, не имеющий индивидуальности. Подобное восприятие коллективизма и получило отражение в пространственной картине общества.

Хрущевская оттепель затронула и эту сторону жизни советской страны. Такого количества переименований, как в конце 1950-х — 1960-е гг., история, наверное, не знала. Повсеместно областные исполнительные комитеты начали проводить работу по уточнению списков, перерегистрации населенных мест, попутно внося предложения о переименованиях. Эти ходатайства рассматривались в Верховном Совете СССР и превращались в указы, выходящие десятками по всем регионам страны. И если сначала переименования еще обосновывались необходимостью расстаться с образами старого мира — именами помещиков и кулаков, религиозными и классовыми символами, то позднее достаточным основанием для изменения названия стала неблагозвучность, «оскорбительность» имени, несоответствие его социалистическому образу деревни.

Так, например, Указом от 8 января 1958 г. о переименовании некоторых населенных пунктов Александровского района Оренбургской области пос. Плешаново был переименован в пос. *Малые Горки*; Хутор 2-й Холодовский — в пос. *Зеленая Роща*; Хутор 4-й Холодовский — в пос. *Подгорный*; хутор 5-й Холодовский — в пос. *Крымский* (на хуторе проживало население, переселившееся из Крыма); хутор 6-й Холодовский — в пос. *Заречный*; хутор 7-й Холодовский — в пос. *Буранный*.

Все эти поселения возникли как отделения целинного совхоза и первоначально приняли на себя имя близлежащих деревень. Интересно, что необходимость переименования мотивировалась тем, что названия поселков воспроизводят фамилии бывших местных помещиков — Плешанова и Холодовского¹⁰⁵, в чем отчетливо слышны отголоски сталинского времени.

Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1959 г. пос. Вифания Александровского района Оренбургской области был переименован в пос. *Мирный*. Мотивация переименования была следующей: поселок носит религиозное наименование, данное в свое время баптистами при основании поселения в память «священного места», расположено вблизи Иерусалима¹⁰⁶.

В Пермской области в начале 1960-х гг. были переименованы более 200 населенных пунктов, которые назывались по производственным объектам, например, пос. *База*, пос. *Подстанция*, хутор *Радиорубка* и др.¹⁰⁷ В Свердловской области количество таких поселений превысило 100, в Оренбургской — 280¹⁰⁸. Иногда это приводило к забавным ситуациям. Так, например, во многих областях долго сохранялись поселки МТС, хотя сами станции были реорганизованы в 1958 г.¹⁰⁹

В отдельную категорию нужно выделить факты переименований, связанных с реабилитацией и возвращением на историческую родину депортированных в 1940-е гг. народов. Населенные пункты Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР стали называться с учетом местной традиции, однако это не были старые имена. Например, село Лермонтово стало называться с. *Лермонтов Юрт*, село Подгорное — *Шалажи*, с. Зеленая Роща — *Шаами-Юрт*¹¹⁰.

Среди законодательных документов, принятых в этот период, наиболее значимым является Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР¹¹¹. В указе были оговорены принципы наименования и переименования населенных мест, а также процедурные моменты. В частности, предлагалось давать имя поселению, исходя из географических,

исторических, национальных, а также местных природных условий. Этот подход в известной мере напоминает традиционные способы наименования поселений, но в более упрощенном и стерилизованном виде. «Учет местных природных условий» на практике сводился к тиражированию типовых названий — *Полевое, Привольное, Луговое, Заречное, Ключи* и т. п. Жесткому регулированию подвергся принцип присвоения названия, включающего антропоморфные смыслы. Допускалось только присвоение имен государственных и общественных деятелей, которое регулировалось Указом 1957 г.

Результатом введения новых правил регистрации и учета сельских населенных пунктов стало создание новой пространственной и топонимической картины сельского расселения. Упорядочение учета сопровождалось активным переименованием населенных мест, причем основным мотивом стало стремление властей изменить «устаревшие» названия и дать селам и деревням более благозвучные и приятные имена, «отвечающие духу времени и отражающие специфику сельской местности»¹¹².

В 1964 г. в дополнение к Указу 1962 г. было принято сначала постановление Президиума Верховного Совета СССР, а чуть позже постановление Президиума Верховного Совета РСФСР, регламентирующие порядок наименования и переименования административно-территориальных единиц¹¹³. В центре внимания в этот период оказались вопросы, связанные с наличием одноименных поселений в границах территориальных единиц. Была продолжена кампания, направленная против некрасивых и чуждых имен, не соответствующих представлениям о социалистической деревне. В этот период сотни поселений с названиями Холоповка, Лапоть, Батраки, Грязевка получили более красивые, но безликие имена.

Дополнительным фактором, влияющим на усиление топонимической чехарды, стала реформа административно-территориального деления 1963—1964 гг., связанная с попыткой создания системы сельских и промышленных районов. Новое деление вызвало серьезные проблемы в управлении территориями. В ряде

случаев недовольство вылилось в организованное противостояние населения, как это было, например, в Стерлибашевском районе Башкирской АССР, где дело дошло до открытого протеста в связи с переносом районного центра в село Федоровка¹¹⁴. Возврат к старой системе административно-территориального деления начался уже в 1964 г., однако вплоть до конца 1960-х гг. шел процесс перестройки административной структуры территорий в сочетании с процессами укрупнения сельсоветов и массового образования поселков городского типа и преобразования их в города. Продолжилась и ревизия сельской поселенческой сети, сопровождавшаяся переименованиями многих поселений. В 1964—1966 гг. Курганский облисполком в результате упорядочения учета населенных пунктов переименовал 98 поселений¹¹⁵.

Новые названия сел и деревень стали отражением нового восприятия сельской местности, которое сформировалось в обществе в условиях урбанизационного перехода. В них, с одной стороны, звучало противопоставление городскому образу, а с другой — усиленно использовалась советская символика. Так, например, среди наименований районов и поселений часто встречались Октябрьский, Ленинский, Кировский, Калининский, Первомайский и т. д.¹¹⁶ В 1965 г. 6 районов в РСФСР носили название Красноармейский и 33 района — Октябрьский, было 2 города Горнозаводска и 2 поселка Мирный и Ударный¹¹⁷. В 1966 г. в РСФСР было переименовано около 900 населенных пунктов, а в 1967 г. — 138¹¹⁸. Только в Оренбургской области в 1966 г. было предложено переименовать 217 населенных пунктов и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 октября 1966 г. были утверждены новые названия 215 селений, из которых 205 именовались прежде по производственным объектам, 5 имели неблагозвучное наименование дер. *Сумкино*, *Грязной*, *Богомазово*, 2 деревни *Пьянковки*), 5 изменили наименование в связи с тем, что подобные названия уже есть. Например, пос. Погроминского сельскохозяйственного техникума был переименован в пос. *Молодежный*, поселок центральной усадьбы совхоза Тоцкий — в пос. *Суворовский*,

село Пьянковка Сорочинского района — в с. Янтарное и т. д.¹¹⁹ Свердловский облисполком ходатайствовал о переименовании 102 населенных пунктов. Среди них в Белоярском районе пос. участка № 1 Косулинского совхоза был переименован в пос. *Растущий*, в Богдановичском районе пос. Подсобного хозяйства откормочного совхоза — в пос. *Луч*, поселок станции искусственного осеменения — в пос. *Красный Маяк* и т. д.¹²⁰

Таким образом, к концу 1960-х гг. утвердилась новая система наименования сельских поселений, отразившая реалии того периода и новое восприятие сельской местности с позиций противопоставления городу. В результате прослеживается очевидный акцент на сельско-ландшафтных особенностях, отраженных в топонимах поселений. В 1970-е гг. волна переименований спадает. В это время все внимание и силы властей были направлены на оптимизацию сельского расселения за счет сселения неперспективных деревень и благоустройства крупных поселений. Однако к началу 1980-х гг., когда провал политики реконструкции сельской местности за счет ее укрупнения стал очевидным, наблюдается новый всплеск переименований, который в большей степени затронул регионы, где программа сселения малых деревень по каким-то причинам не была реализована. Под переименование попали те населенные пункты, которые планировались к сселению, но по каким-то причинам уцелели, а «устаревшие» названия не устраивали руководителей районов.

Если в Оренбургской области, Башкирской АССР фиксируются только единичные случаи переименований, то в Саратовской области в 1984 г. около 54 поселений были переименованы. Интересно, что в большинстве случаев населенные пункты, сменившие названия, были образованы в 1930—1950-е гг. как поселки отделений и ферм совхозов и подсобных хозяйств с соответствующими названиями. В 1960-е гг. их названия не были изменены вероятнее всего потому, что они были отнесены к неперспективным. Толчком к переименованию стала подготовка нового варианта справочника по административно-территориальному делению¹²¹.

Интересная тенденция наблюдается в 1980-е гг. Она позволяет говорить о начале нового этапа — возврате к историческим названиям поселений. Интерес к старым названиям проявился в перестроечный период и получил дальнейшее развитие в 1990-е гг. Сначала это была попытка возвращения старого имени новым поселениям. Так, например, в Ростовской области в 1987 г. были переименованы 147 населенных пунктов, в том числе пять новых поселений получили названия, которые носили населенные пункты, исключенные из регистрационных списков в 1960-е гг., — поселки Клиновой и Шаповаловка¹²².

В Удмуртской АССР в 1989 г. были приняты решения о переименовании двух населенных пунктов, которым были даны исторически сложившиеся названия, используемые населением в качестве альтернативных официальным. Официальное название (Ныши-Какси и Яги-Какси) они получили еще в XIX в., но местные жители продолжали пользоваться неофициальными названиями — *Большие Сибь* и *Малые Сибь*, причем эти названия фигурировали при оформлении паспортов и в корреспонденции¹²³.

С распадом СССР и проведением муниципальной реформы тенденция возврата к историческим именам получила дальнейшее развитие и привела к новой волне переименований, которая в первую очередь затронула города. Свои исторические названия вернули Свердловск, Ленинград, Куйбышев и другие областные центры, став отражением стремления общества уйти от советского прошлого. Сработал тот же механизм, что и в 1920—1930-е гг., когда смена имени символизировала новую жизнь и новое общество. Социально-экономический и политический кризис 1990-х гг. приостановил дорогостоящую процедуру переименования, поэтому не все подобные проекты, инициированные преимущественно снизу, были реализованы. Однако это не означает, что топонимическая волна не достигнет нас снова, поскольку за последние сто лет переименования стали обычным, даже обыденным делом для российской власти и общества. Игра в имена стала своего рода защитным механизмом, позволяющим бывшему советскому человеку

принимать желаемое за действительное и примиряться с ним. В этом также проявляется сакральное отношение к имени как одна из черт российского менталитета. Свои идеологические интересы есть и у современной власти. Поскольку запрет на смену имени в нашем сознании давно снят, то использование переименований для манипулирования общественным сознанием остается очень удобным и привлекательным способом управления.

Что касается советской сельской топонимики, то следует подчеркнуть ее коренные отличия от системы наименований, существовавшей в России в дореволюционный период. В целом, за последние сто лет произошло очевидное изменение словаря и семантики ойконимов, которые в большей степени стали отражать новую систему ценностей и представлений, свойственную урбанизированному индустриальному обществу. В сельском топонимиконе подчеркивается специфика сельской местности, ее природно-экологическая сторона. Если в традиционном обществе в системе ойконимов, как сельских, так и городских, преобладало социально-этническое и антропонимическое начало, то в новой системе наименований сельских поселений оно практически отсутствует, а на первый план выходят пасторально-мифологические абстрактные образы сельской местности как особой природной зоны. При этом происходит нивелирование региональных и национальных особенностей, а маркировка социального пространства приобретает внеисторическое звучание.

Таким образом, переломные моменты российской истории XX в. сопровождались заметными изменениями историко-географических названий. Это можно рассматривать как особенность российской модернизации, где нашли отражение два основных момента: 1) стремление власти манипулировать исторической памятью, создавая новые пространственные образы, не связанные с прежними; 2) высокие темпы и глубина происходящих в обществе перемен, вызывавшие потребность зафиксировать их в историческом пространстве.

Смена топонимической карты дает наиболее яркое представление о том, что традиционный мир ушел в прошлое безвозвратно. «Иною кажется мне Русь, / Иными — кладбища и хаты», — писал С. Есенин еще в 1923 г., чутьем поэта отмечая произошедшие в деревенской жизни изменения: «Другие юноши поют другие песни. / Они, пожалуй, будут интересней — / Уж не село, а вся земля им мать»¹²⁴. Эти трансформации носили не только политико-идеологический характер, но свидетельствовали о глубинных сдвигах в традиционном образе жизни.

2. СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ И НА УРАЛЕ

2.1. Миграция как фактор и информационный канал урбанизации

М и г р а ц и я как явление существовала в обществе всегда, порой превращаясь в событие глобального масштаба, как, например, Великое переселение народов в IV—VII вв. н.э. или завоевания Александра Македонского, и влияя на изменение политической и топонимической карты мира. Однако в традиционном обществе миграции преимущественно были вызваны политическими или природно-экологическими причинами и поэтому приобретали необратимый характер, так как человек, попадавший в зону влияния соответствующего фактора, практически не имел выбора и был вынужден стать мигрантом. Ситуация меняется в условиях становления современной цивилизации. Формирование индустриального общества придает миграции системный и вариативный характер, поскольку и индустриализация, и урбанизация опираются на миграционные механизмы.

Роль миграции в развитии городов и ее многоаспектное влияние на социум были отмечены давно, однако системное описание этого взаимодействия было дано только в 1960-е гг. Дж. Джиббсом (табл. 2.1). Разработанная им схема подчеркивает фундаментальную закономерность динамики расселения, которая нередко обозначается как «пульсация». За каждой стадией концентрации расселения следует деконцентрация, что влияет на направления и специфику миграционных потоков.

В отечественной науке эти идеи получают распространение в 1980-е гг. В частности, выводы о пульсации расселения были поддержаны Б. Б. Родоманом¹, который, исследуя маятниковую миграцию, предложил применить данное понятие к характеристике не только региональных, но и локальных систем и собственно первичных элементов поселенческой сети — населенных пунктов. В результате в литературе утверждаются представления о низкочастотных и высокочастотных пульсациях. Первые определяют направление развития системы в целом, вторые (суточные, недельные, годовые) просматриваются на уровне микроструктур и определяют жизненные циклы отдельных поселений².

Роль миграции и демографического фактора в развитии поселенческой сети была проанализирована в работе Ж. А. Зайончковской³. В соответствии с уровнями организации общества (аграрным, индустриальным и постиндустриальным) она выделила три этапа эволюции расселения, особенности которых определяются характером и интенсивностью миграций (см. табл. 2.1). Стадиальные подходы к изучению поселенческой сети нашли отражение в работах других исследователей. В частности, Г. В. Иоффе, много внимания уделявший проблемам управления расселением, пришел к аналогичным выводам о цикличности развития поселенческих систем⁴. Им были выделены такие стадии расселения и соответствующие им формы, как равномерное, очаговое, агломерационное⁵.

В 1990-е гг. в зарубежной литературе идеи о влиянии миграции на расселение получают дальнейшее развитие, в частности, в теории дифференциальной урбанизации (Н. Richardson, А. Fielding, Н. S. Geyer and Т. Kontuly), в которой уточняются стадии развития расселения с учетом взаимодействия разных категорий городов. Процессы урбанизации рассматриваются в виде пульсаций, стадии концентрации и децентрации населения сменяют одна другую, дифференцируя миграционные потоки и рост поселений⁶. Характерно, что теория Дж. Джиббса и концепция дифференциальной урбанизации не противоречат, а, напротив, дополняют друг друга:

последняя позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации — урбанизационный переход.

Стадиальные концепции эволюции расселения дают представление о внутренних механизмах урбанизации, а также роли разных факторов. Показательно, что в условиях урбанизации динамика и направления развития расселения все сильнее зависят от интенсивности и направленности миграционных потоков. Они выступают весомым дополнением к процессам естественного движения населения, влияя как на динамику, так и на структуру населения региона.

Суммируя накопленные теоретические представления о взаимосвязи урбанизации и миграционных процессов, можно проследить зависимость характера и интенсивности миграции от стадии урбанизации (см. табл. 2.1).

С учетом миграционного фактора можно выделить две стадии сельской урбанизации — экстенсивную и интенсивную. Экстенсивную стадию открывает процесс «великого исхода» крестьянства, и она характеризуется постоянным ростом миграционных потоков из села в город; из малого города — в крупный, приводя к формированию мегаполисов и быстрому росту крупных городов. В российской практике экстенсивная стадия приходится на период второй половины XIX в. — 1970-х гг.

В 1980-е гг. в условиях сокращения потока выходцев из села и активного формирования агломераций наблюдается постепенный переход к интенсивной стадии сельской урбанизации, для которой характерно превалирование маятниковых перемещений над постоянной миграцией из села в город, формирование зон высокоурбанизированной среды в рамках агломераций и мегаполисов, где сельские и малые поселения интегрируются на основе тесных хозяйственных связей и единой инфраструктуры. Важен еще один аспект интенсивной стадии урбанизации: сельские поселения по своему уровню благоустройства, образу жизни мало отличаются от малых и средних городов. В городских поселениях сосредоточивается свыше 75 % населения страны, и эти пропорции сохраняются⁷.

Т а б л и ц а 2.1

*Соотношение стадий модернизации и урбанизации
в историческом процессе*

Стадия развития общества	Стадии урбанизации по схеме Джиббса	Вектор развития расселения	Характер миграции
Аграрная (традиционная)	1. Городское расселение вписано в сельское, города отстают в своем росте	Деконцентрация населения, рас-средоточение его по мелким населенным пунктам	Низкий естественный уровень миграции в основном в рамках локальных систем: между селом и городом, между селом и селом
	2. Ускорение роста городов и замедление роста села	Начальная стадия концентрации населения	Усиливается миграция сельского населения в более крупные поселения, в т.ч. городские центры
Индустриальная	3. Потеря сельской местностью населения и рост городов	Наращение процессов концентрации, формирование групповых систем расселения	Преобладающим становится направление миграции из деревни в город
	4. Кульминация стягивания населения в крупные города и формирование агломераций	Достижение максимально возможного уровня концентрации населения. Возникновение новых форм концентрации населения, связанных с развитием агломераций и мегаполисов	Миграция из деревни в город постепенно вытесняется миграционными потоками «малый город — большой город»

О к о н ч а н и е т а б л . 2.1

Стадия развития общества	Стадии урбанизации по схеме Джиббса	Вектор развития расселения	Характер миграции
Постиндустриальная	5. Дезурбанизация	Деконцентрация населения	Усиливаются обратные миграционные потоки по направлению «крупный город — пригород — сельская местность». Маятниковая миграция начинает преобладать над постоянной
		Перемещение центров концентрации в мелкие города и пригороды, формирование вариантов мобильной концентрации населения	Преобладающей формой становится маятниковая миграция

Интенсивность и направленность миграционных потоков влияют на формирование общих тенденций развития расселения (расширение или сжатие поселенческой сети), а кроме того, выполняют важную социальную функцию, позволяющую интерпретировать миграцию как информационный канал взаимодействия различных социально-географических объектов (города и села, регионов страны или же государств). Благодаря миграции происходит обмен социально значимой информацией, в конечном счете влияющей на трансформацию образа жизни людей как в местах входа, так и в местах выхода мигрантов. Налаживание как внутренних миграционных связей между городом и деревней, так и межрегиональных связей означает, кроме всего прочего, возможность

обмена информацией между подсистемами, а следовательно, их взаимную интеграцию и трансформацию.

Если принять во внимание более частный момент — сельскую миграцию (из села в город), то следует отметить ее комплексное влияние и на городскую, и на сельскую среду, в результате чего происходит взаимный перенос культурных ценностей из одной системы в другую. Миграция в этом случае выступает в роли механизма урбанизационной перестройки сельской местности и оказывает на нее многоуровневое воздействие.

В социальном плане сельская миграция отличается от других вариантов миграции тем, что родственные и соседские контакты с местами выхода мигрантов сохраняются и поддерживаются на протяжении длительного времени, иногда нескольких поколений. Межличностные связи превращаются в мощный канал воздействия на деревенских жителей, которые начинают видеть и понимать преимущества и недостатки городского образа жизни. Впечатления от таких встреч надолго остаются в памяти односельчан: «Вот, помню, у нас уезжал один мужик. — записал Н. Г. Селезнев, уроженец дер. Афоничи. — Потом приехал домой в новом костюме, в сапогах, поверх сапогов еще костюм, чтобы не запачкать, не изорвать сапоги. Он привез гостинцы: платья, платки жене, матери, ридикюль дочери. На этого мужика смотрели как на Бога, с завистью даже некоторые»⁸.

Незаметно впитывая новые идеи, деревенские жители общались к городской культуре: менялись их жилище, обстановка, одежда, утварь. Постепенно трансформируется быт и досуг сельских жителей. Так, например, в домах уральских крестьян уже во второй половине XIX в. начинают появляться предметы городского интерьера (фотографии, книги, самовары и пр.), меняется жилище с использованием принципа разграничения жилого пространства на комнаты. Результатом влияния новых стандартов стало признание в деревенской среде ценности знаний и учения. В совокупности с модернизационными изменениями в сфере труда и аграрной экономики все эти новшества отражаются на образе жизни крестьян, постепенно его преобразовывая.

Личные контакты сельских мигрантов с оставшимися на селе родственниками и соседями, кроме информационной составляющей, обладали также сильным эмоциональным и программирующим воздействием, так как открывали для сельских жителей новые варианты и модели жизненных стратегий, расширяли карту возможностей. Помимо основной традиционной схемы личностной реализации в рамках крестьянского хозяйства и деревенского сообщества для молодежи появлялся выбор других путей. Именно поэтому сельская миграция всегда имела ярко выраженную возрастную специфику, охватывая преимущественно людей молодого возраста, за счет которых подпитывались миграционные потоки в город на протяжении всего XX в.

Во второй половине XX в. информационная и социальная роль сельской миграции меняется. Вместе с ростом интенсивности миграционных потоков усиливается пространственный разрыв между мигрантами и местами их выхода. Развитие межрегиональных миграций приводит к разрушению родственных и соседских связей. Миграция в этом случае утрачивает свою роль трансляции новых образов и ценностей и уступает это место другим информационным каналам — телевидению, радио, кино, средствам массовой информации, значение которых в формировании мотивации сельских мигрантов заметно возрастает. Происходят изменения и в возрастной структуре сельских мигрантов, среди которых, кроме молодежи, начинают преобладать лица пожилого возраста, покидающие в 1960—1980-е гг. родные места для воссоединения с уехавшими ранее детьми.

Изучение миграции как канала и механизма урбанизации предполагает понимание ее причин, и не только объективных, но и субъективных. Переезд всегда связан с принятием решения человеком, его м о т и в а ц и е й. Причем на разных исторических этапах личностная мотивация может существенно отличаться, формируя специфические направления и варианты миграции.

Следует отметить, что в экономико-географической науке прежде всего изучались причины миграции, связанные с реализа-

цией экономических потребностей на макро- и микроуровне и являющиеся отражением закономерностей развития рынка труда⁹. Социология в свое время привлекла внимание к социокультурным факторам (образ и уровень жизни, удовлетворение потребностей в получении знания, приобщение к культурным практикам и пр.)¹⁰. В последние годы серьезно продвинулось вперед изучение политических причин миграции, связанных в истории нашей страны с государственной политикой репрессий, депортаций народов, беженцами и т. д.¹¹ Таким образом, имеется обширная научная литература, где проведен тщательный анализ основных факторов миграции на макроуровне. Опираясь на эти разработки, мы можем проранжировать причины миграции, характерные для каждого исторического этапа, выделить приоритетные и соотнести их с направлениями и формами миграции. Однако в тени остаются мотивы и судьбы мигрантов. Мотивы переезда и его причины неравнозначны. Причины отражают действие внешних факторов и позволяют судить об общих тенденциях процесса перемещения больших групп людей. Мотивы характеризуют личный выбор мигранта и поэтому персонифицированы. С одной стороны, они являются отражением причин, с другой — дают представление об индивидуальных предпочтениях мигранта.

Сельская миграция стала заметным явлением в России уже во второй половине XIX в., став одним из основных источников роста городов. За 1867—1897 гг. все население Пермской губернии увеличилось на 42,1 %, а городское население — на 138,7 % (табл. 2.2). Уральские города были сравнительно небольшими, их средний размер в Пермской губернии в середине XIX в. составлял 4 096 человек, а к концу XIX в. достиг 12,3 тыс. человек¹². Перед Первой мировой войной в городах Урала проживали 631 тыс. человек, а в 1917 г. — 892 тыс., что составило 10,2 % всего населения¹³.

Приведенная выше статистика весьма показательна, так как свидетельствует о принципиальном изменении демографической ситуации — стремительном росте численности городских жителей.

Динамика перераспределения населения между городом и селом достаточно хорошо прослеживается по табл. 2.2.

Темпы роста численности сельских жителей в границах Свердловской области с 1867 по 1923 г. составили 162,5 %, а городских —

Т а б л и ц а 2.2

*Численность населения, проживающего на территории
Свердловской области в XIX—XX вв., тыс. человек**

Годы	Всего	Городское население	Сельское население
1796**	397,7	Нет св.	Нет св.
1867**	960,5	42,7	917,8
1870**	1 016,1	44,1	972,0
1897**	1 364,7	101,9	1 262,8
1923	2 005,7	514,7	1 491,0
1926	1 716,0	557,0	1 159,0
1939	2 610,3	1 554,5	1 055,8
1941	2 596,5	1 579,9	1 016,6
1946	2 764,4	1 968,7	794,7
1956	3 727,0	2 749,0	978,0
1959	4 044,7	3 074,3	970,4
1960	4 057,8	3 117,4	940,4
1970	4 319,7	3 485,0	834,7
1980	4 472,5	3 809,1	663,4
1989	4 716,7	4 107,4	609,3

* Составлено по: Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996. С. 136—143; Пермская губерния. Т. 31. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1875. С. СХСП, СХСIV; Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 72—75; Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 398—399.

** Рассчитано по 5 уездам Пермской губернии, позднее вошедшим в Свердловскую область, — Екатеринбургскому, Ирбитскому, Верхотурскому, Камышловскому, Красноуфимскому.

1 205,4 %, т. е. городское население росло в 7 раз быстрее сельского. Наиболее активно развивались промышленные и торговые города губернии: в частности, население Екатеринбурга с 1867 по 1897 г. выросло более чем в 2 раза — с 25 037 до 55 488 человек, перегнав по числу жителей Пермь. Численность населения Ирбита увеличилась почти в 5 раз — с 4 220 до 20 004 человек, Камышлова — в 4 раза. Несколько отставали в росте числа жителей Верхотурье, Красноуфимск, Оханск и др., оказавшиеся в стороне от основных транспортных линий.

Подобная динамика характерна для начальной стадии сельской урбанизации, когда города начинают существенно опережать сельскую местность по темпам роста, и прежде всего за счет сельской миграции. На этом этапе в качестве основных причин миграции выделяются *экономические*, к числу которых относится формирование рынка рабочей силы в ходе индустриализации, железнодорожного строительства, с одной стороны, и усиление малоземелья и экономическое расслоение крестьянства, с другой. Соответственно излишнее население (в первую очередь молодежь и мужчины) уходило из деревни в поисках работы. В этом случае можно говорить о *вынужденной миграции*, проявившейся в различных формах *отходничества*¹⁴. И хотя в большинстве случаев конечный результат миграции как события был связан с превращением крестьянина в городского жителя, чаще всего в рабочего, тем не менее первоначальные намерения мигрантов предполагали временный характер переезда с последующим возвращением на родину. Особенностью отходничества как формы миграции было и то, что семья мигранта часто оставалась в деревне¹⁵.

Результаты наблюдений статистиков пореформенного периода свидетельствуют о том, что наличие сезонной и даже постоянной работы в городе определялось потребностями крестьянского хозяйства. Занятость крестьянина зависела прежде всего от периодичности сельскохозяйственных работ: весной и осенью он трудился

в своем хозяйстве, летом старался заработать на сезонных промыслах, например плотницких. Зимой занимался извозом или валкой леса. Такая смена занятий была для большинства крестьян нормой.

Таким образом, экономические мотивы переселения из села в город на этом этапе являются преобладающими. Наряду с ними по мере развития общественных институтов могли появляться и другие побудительные причины: учеба, стремление к профессиональной деятельности неземледельческого характера (политика, культура, искусство, наука и пр.). Деревня в начале XX в. становится одним из источников пополнения творческой интеллигенции (вспомним С. Есенина, Д. Бедного, М. Шолохова и др.). Но эти причины все же не были статистически значимыми и не определяли социальный облик мигрантов.

Свой вклад в динамику миграционных процессов внесли войны, в ходе которых перемещения населения приобретают ярко выраженный с т и х и й н ы й х а р а к т е р. Первая мировая война, а затем революция и Гражданская война открыли новую страницу в истории массовых миграций, выдвинув на первый план п о л и т и ч е с к и е м о т и в ы и п р и ч и н ы и породив такое историко-культурное явление, как белая эмиграция. Войны перетряхнули российское общество, перемешав городское и сельское население, что в определенной степени способствовало созданию более гомогенной социальной среды.

В 1920-е гг. происходит восстановление села на традиционалистской основе: возрождаются община и общинное землепользование, создаются некоторые условия для развития индивидуального хозяйства. Одновременно вновь усиливается роль урбанизационных факторов, в том числе сельской миграции. Перемещение определенной части сельского населения в города по экономическим мотивам снова становится обычным явлением, главным образом в виде возрожденного отходничества. Новым в сравнении с дореволюционным периодом стало усиление политического фактора, проявившегося в поддержке колхозов, кооперации, наступлении на кулака и других мероприятиях власти, объективно направленных

на пролетаризацию крестьянства и отказ от индивидуальных форм ведения хозяйства, что в литературе получило название «самораскулачивания». В дальнейшем в конце 1920-х гг. в условиях коллективизации политический фактор становится доминирующим, формируя новые миграционные потоки и формы миграции.

На стройки первых пятилеток приезжали и присылались сотни тысяч человек. За 1926—1939 гг. прирост населения на Урале в целом составил 24,5 %, в Свердловской области — 52,1 %. Если численность сельского населения в целом по Уралу сохранялась примерно на одном уровне (прирост сельского населения за 1926—1939 гг. составил 6,9 %), то в Свердловской области наблюдалось его сокращение на 8,8 %¹⁶. Городское население выросло на Урале в 2,6 раза, а в Свердловской области — в 2,9 раза. Миграция населения в этот период в 3 раза превышала естественный прирост¹⁷.

В 1930-е гг. преобладающей формой принудительной сельской миграции становятся ссылки и лагеря, в которых оказалась значительная часть населения страны. Наряду с репрессиями получили развитие и различные формы бегства из деревни, в том числе под прикрытием оргнаборов среди колхозников для работы в леспромпхозах и на стройках пятилетки. К ним примыкают и случаи выезда молодежи с целью дальнейшего продвижения по комсомольско-партийной линии или для получения образования. В последнем варианте реализуются индивидуальные выборы, отражающие интересы мигрантов и их внутренние потребности.

Сельская миграция 1930-х гг. имела свою специфику: кулацкая ссылка в значительной мере способствовала развитию сельской поселенческой сети в труднодоступных районах Урала, Сибири, Казахстана, поскольку сотни тысяч семей крестьян были направлены на сельскохозяйственные, лесопромышленные, промышленные предприятия. Только около четверти раскулаченных оказались в городах. По результатам учета спецпереселенцев в июле 1938 г. в Свердловской области насчитывалось 243 спецпоселка, в которых проживало 171 899 человек, из них 43 645 были заняты в промышленности и на стройках. В одном из крупнейших городов Среднего

Урала Нижнем Тагиле насчитывалось 6 776 спецпоселенцев¹⁸, распределенных по нескольким поселкам (Тагилстрой, Коксострой, Рудник III Интернационала, Лебяжинский рудник, пос. Вагонстрой и др.). Впоследствии, со снятием ограничений, многие из этих поселков были включены в городскую черту или стали основой развития достаточно крупных населенных пунктов городского типа с развитым промышленным производством.

Этот сложный период в истории страны, связанный с коллективизацией и репрессиями, очень сильно отразился на судьбе сельской местности, превратившейся в основной источник получения средств для индустриализации, ускоренного развития городов. Все силы и ресурсы колхозов и колхозного крестьянства были брошены на решение задач социалистического строительства, а проблемы уровня жизни колхозников и благоустройства сельских поселений были отодвинуты на второй план. На фоне социальной демагогии об активном развитии колхозного строя нарастали внутренние проблемы сельской местности, которые способствовали росту миграционных настроений на селе. Нужно учитывать и еще один момент: утверждение колхозного строя привело к отделению крестьян от конечного продукта своей деятельности и сформировало предпосылки для развития процессов раскрестьянивания, усилив миграционную мотивацию.

В годы Великой Отечественной войны массовые перемещения населения приобрели масштабный организованный характер и проводились в рамках эвакуационных мероприятий в тыловые районы страны — Сибирь, Среднюю Азию, Урал, Казахстан и т. д. Для многих эвакуированных новые места стали родными. Значительные перемещения населения произошли в первые послевоенные годы в связи с заселением вновь присоединенных территорий, а также территорий депортированных народов (Крым, Северный Кавказ, Сахалин, Восточная Пруссия).

Таким образом, в 1930—1940-е гг. в иерархии миграционных причин первое место отводится политическому фактору, который и определяет миграционную картину: преобладали принудительные

переселения, естественные же миграционные механизмы были искажены. Постепенный возврат к экономической мотивации наблюдается в послевоенный период, и она вновь становится доминирующей в 1950-е гг.

Главными причинами, побуждавшими к бегству из села в послевоенные годы, были экономические проблемы, а также дискриминационная политика государства. Послевоенные десятилетия оказались очень тяжелыми для деревни, ужесточение налогового бремени на приусадебные хозяйства практически не оставляло выбора колхозникам: «На трудодни получали только зерно, — вспоминает Л. Г. Стремоусов, — что останется от хлебопоставки государству, засыпки семян, и получали мало. У колхозника была усадьба 40—50 соток, за эту усадьбу плати 32 килограмма мяса, 75 яиц, даже если и курицы нет. Налог был немаленький, заем обязательный, штрафовка со строения обязательно. Есть корова — 220 литров молока сдай. А где взять деньги, вот крестьянин вез на рынок, что от налогов осталось. Многие и поехали в город»¹⁹.

Работа на земле, несмотря на нехватку рабочих рук, не могла прокормить крестьянина и его семью. В этих условиях стали возрождаться различные формы отходничества. Как и до войны, значительная часть трудоспособных мужчин «уходила» от работы в колхозе через систему оргнаборов. Практиковались и формы принудительной миграции, в частности разнарядка на работы в лесопромышленной и торфодобывающей отраслях. По сведениям О. М. Вербицкой, только в 1947 г. на временную работу в торфодобывающих организациях предполагалось направить более 1 млн трудоспособных работников сельского хозяйства²⁰.

Здесь столкнулись две противоречивые тенденции: 1) заинтересованность государства в решении кадровой проблемы для промышленности и строительства в условиях восстановления народного хозяйства; 2) стремление получить с колхозов и сельского населения как можно больше средств для восстановления экономики. Решение первой задачи предполагало создание различных

каналов организованной миграции сельского населения (система фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), оргнаборы, комсомольский и партийный призывы и пр.), через которые шел отток из села преимущественно мужчин трудоспособного возраста. В результате распространенным явлением в сельской местности становится разделенная семья (муж работает в городе, жена с детьми — в колхозе), углубляются половозрастные диспропорции, порожденные войнами и революцией. Уже к концу 1940-х гг. проблема сельской миграции и оттока трудоспособного населения из села начинает восприниматься как общественно значимая, так как бегство стало массовым. В воспоминаниях крестьян это время осталось как начало обезлюдения деревни: «...Оставляли свои дома, опустели целые деревни. Кто хоть как-то мог устроиться на работу — все уезжали. Многие девушки уходили в няньки, потому что без справки от колхоза на работу тоже не брали»²¹.

Административные ограничения свободного передвижения населения (отсутствие паспортов у крестьян) на первых порах позволяли контролировать миграцию, но не могли остановить ее. Уже во второй половине 1950-х гг. стихийная миграция становится все более заметной: удельный вес покинувших деревню в промышленных регионах страны стал достигать 35—63 %²².

В качестве способа улучшения ситуации с кадрами в колхозах и совхозах в 1940—1950-е гг. попытались развернуть сельскохозяйственное переселение в трудодефицитные районы (этим процессом частично было затронуто Зауралье, но главными регионами вселения были Сибирь и Дальний Восток), однако оно не дало принципиальных результатов (табл. 2.3). Поток переселенцев был небольшим, а само переселение достаточно дорогостоящим. Новоселы сталкивались с многочисленными проблемами на новом месте, в том числе с отсутствием необходимого жилья, недостатком продовольствия, строительных материалов и т. п.

Одной из наиболее крупномасштабных кампаний по организованному переселению стало освоение целины. В ней участвовало

Т а б л и ц а 2.3

*Организованное переселение на Урал в 1953 г.**

Район вселения	Места выхода	План (количество семей)	Переселено (количество семей)
Курганская область	Белорусская ССР	Всего — 625 Колхозы — 475 Совхозы — 150	Всего — 391 Колхозы — 238 Совхозы — 153
Челябинская область	Белорусская ССР	Всего — 600 Колхозы — 300 Совхозы — 300	Всего — 486 Колхозы — 135 Совхозы — 351
Молотовская область	РСФСР	Всего — 1 800 Колхозы — 122 Леспромхозы — 1 678	Всего — 1 898 Колхозы — 386 Леспромхозы — 217
	Белорусская ССР	Леспромхозы — 3 500	Леспромхозы — 1 295
РСФСР		29 085	26 101

*Источник: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 674. Л. 9—10.

свыше 1,5 млн человек²³. Большой общественный резонанс получила кампания «тридцатитысячников», развернутая в 1955—1957 гг. 25 марта 1955 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Обращение и постановление о мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами, в котором партийным и советским организациям предлагалось подобрать не менее 30 тыс. добровольцев для руководящей работы в колхозах²⁴. В конце 1950-х гг. были приняты решения, нацеленные на повышение доходов сельского населения, улучшение системы социального обеспечения. Несмотря на предпринятые усилия, поток мигрантов из села продолжал возрастать, достигнув в 1960-е гг. своего пика.

Высокие темпы сокращения сельского населения характерны для третьей стадии урбанизации (по Дж. Джиббсу). В нашей стране она приходится на 1960—1970-е гг. В РСФСР только за 1963—1967 гг. миграционный отток населения из сельской местности составил 4,7 млн человек²⁵. В целом отток из села в 2,5 раза превышал естественный прирост. По Уралу за 15 лет (с 1960 по 1974 г.) из сельской местности выбыло 1 764,4 тыс. человек²⁶. Это время можно рассматривать как кульминационную точку миграционного процесса, после прохождения которой в сельской местности формируется новая демографическая среда, отвечающая критериям индустриального общества: растет средний возраст населения, сокращается доля молодежи. С 1960 по 1989 г. численность сельского населения в Свердловской области сократилась в 1,5 раза, а городского выросла в 1,3 раза (см. табл. 2.2). Доля городского населения в 1989 г. составила 87,1 %, знаменуя окончание экстенсивного этапа сельской урбанизации и переход к новой стадии.

Во второй половине 1950-х — 1970-е гг. в качестве основных мотивов смены места жительства и переезда в город начинают преобладать с о ц и о к у л ь т у р н ы е: городские условия жизни были более привлекательными, особенно для молодежи, и предоставляли более широкие возможности для профессиональной реализации. Ситуация усугублялась низким качеством жизни и неразвитостью культурно-бытовой инфраструктуры села.

В 1960—1970-е гг. к социокультурным причинам сельской миграции вновь добавились политические, вызванные решениями о сселении неперспективных деревень, реализации ряда промышленных проектов (таких как строительство ГЭС) и вызванных ими техногенных последствий. Благодаря этим факторам в миграционное поле насильственно втягиваются те слои деревенского населения, которые не были настроены на смену места жительства.

В 1960—1970-е гг. заметно меняются половозрастные характеристики потока сельских мигрантов. Сначала, во второй половине 1950-х гг., уезжает преимущественно молодежь, прежде всего мужчины. С получением паспортов в 1974 г. в миграционный поток все

активнее включается среднее и старшее поколение²⁷. Кроме того, в конце 1970-х гг. одной из причин миграции из села стала проблема невест. Девушки после окончания школы более активно, чем юноши, уезжали учиться в город, где оставались, выйдя замуж или получив более привлекательную работу. Животноводство и овощеводство, преимущественно женская сфера приложения труда, сохраняли низкий уровень механизации, попытки власти благоустроить деревню были малоэффективными — все это подталкивало девушек к городскому варианту своего будущего. В этом случае миграцию можно рассматривать как один из вариантов эмансипации сельской женщины.

Хотя на определенной стадии урбанизации сельская миграция закономерна, хотелось бы подчеркнуть, что в России она приобрела гипертрофированный характер, обусловленный низким уровнем социально-экономического развития сельской местности и непродуманной политикой государства. Разрыв между городом и деревней даже в «благополучные» 1960-е гг. не только не сократился, но, напротив, вырос, предоставляя горожанам более благоприятные условия жизни и социальные привилегии.

За период 1959—1989 г. в России сельское население сократилось почти на четверть, а количество сельских поселений — на 40—45 %. Если говорить о региональной специфике Урала, то для него характерны ускоренные темпы урбанизации и, следовательно, более высокий уровень миграционной активности.

В 1980-е гг. тенденция несколько меняется: темпы роста городского населения в регионе составили в 1980—1989 гг. 109,1 %, сельского — 91,8 %. В Свердловской области соответственно — 107,8 % и 91,8 %. Рост городского населения по сравнению с предыдущими периодами замедлился, что свидетельствует о наступлении новой стадии урбанизации, когда воспроизводство демографических ресурсов города опирается на внутренние источники — естественный прирост, а не на миграционный приток. К этому времени утверждается новый тип демографического поведения, характерными чертами которого являются преобладание малодетной

семьи, снижение показателей рождаемости при сохранении относительно низких показателей смертности. В результате завершения демографического перехода устанавливается низкий естественный прирост населения, не обеспечивающий расширенное воспроизводство.

В сельской местности в 1980-е гг. продолжается сокращение численности населения, но не такими высокими темпами, как ранее. Отток сельских жителей в города замедляется, однако показатели естественного прироста отрицательные: смертность превышает рождаемость, приводя к дальнейшему обезлюдению деревни и общему постарению населения.

2.2. Сельская миграция в советском художественном кино: мифы и реальность

Статистика дает нам рациональную, количественную оценку социально-экономических процессов, в том числе и миграции. Однако для понимания сложности изучаемого явления, его противоречивости и вариативности важно прикоснуться к судьбам людей, историческим практикам, которые всегда индивидуальны и эмоциональны, но тем не менее позволяют судить об определенных моделях поведения, типичных реакциях и отношениях.

Антропологический срез миграции далеко не прост. Изучение личностной мотивации сельских мигрантов и их стратегий в ретроспективе требует расширения традиционной источниковой базы. Причины сельской миграции начинают серьезно изучаться только в 1960-е гг., когда она превращается в одну из важнейших проблем развития сельской местности. Основными способами сбора информации выступали социологические исследования и частично анализ статистического учета, т. е. источники, отражавшие поздний этап урбанизации. По отношению к более ранним периодам ситуация с источниками еще более сложная, так как отсутствовала

налаженная система учета внутренних перемещений; вплоть до 1960-х гг. не проводились статистические исследования по этой проблеме; вопросы по миграции были включены в программу переписи населения только в 1970 г. Делопроизводственная документация районного и областного уровней позволяет проследить только общие моменты, предлагая свои «бюрократические» объяснения и оценки миграции. Личностные мотивы, так же как и процессы адаптации на новом месте, как правило, остаются в тени.

Для изучения этих вопросов необходимо привлекать источники личного характера: письма, воспоминания, дневники. Но их плохая сохранность и труднодоступность осложняет задачу использования. Кроме того, воспоминания чаще всего отражают жизненные коллизии тех людей, которые достигли определенного успеха и общественного признания, поэтому возникает вопрос об их репрезентативности.

Наибольший информационный потенциал для изучения мотивации имеют методы устной истории — интервьюирование и анкетирование бывших мигрантов. Наряду с ними могут быть привлечены кинофотодокументы. Художественные фильмы сегодня все чаще привлекают внимание исследователей, и не только культурологов-киноведов, но также историков и социологов. Появляются труды, ориентированные на изучение отдельных художественных произведений, их историческую интерпретацию²⁹. Кинематограф (документальный и художественный) выступает в качестве специфического средства отражения исторической реальности, в котором преломляются идеологические заказы власти, авторский опыт и представления, а также общественные ожидания и мифы. Все это в известной степени влияет на подачу материала, однако кино позволяет выделить и некоторые общезначимые факты и образы, необходимые для понимания изучаемых процессов.

Тема сельской миграции и мигрантов достаточно широко представлена в советском кинематографе. Более того, можно говорить о наличии соответствующих сюжетных линий в огромном количестве

художественных кинолент. Они были использованы для анализа миграционных процессов, а также тех образов и интерпретаций, которые продуцировались общественным сознанием.

Всего по данным электронной «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия» (2003 г.) в 1920—1991 гг. в СССР было снято 6 426 фильмов³⁰. Из данного массива на основе анализа аннотаций были отобраны 124 фильма, которые соответствуют критерию актуальности³¹ и повествуют о различных аспектах сельской миграции. Среди них выделяется 28 кинопроизведений, в которых тема сельской миграции является главной, т. е. весь сюжет структурирован в соответствии с основными стадиями миграционного процесса: принятие решения, переезд, адаптация. Они позволяют реконструировать социальный заказ власти и официальный взгляд на данное явление.

В дополнение к этому массиву были отобраны фильмы, отражающие проблемы миграции в качестве фона, второстепенного сюжета. В них прослеживаются судьбы мигрантов, адаптационные стратегии, проблемы колхозной жизни и события, повлиявшие на развитие миграционных настроений (например, сселение деревень), и т. д. Эта группа фильмов наиболее важна для оценки миграционных практик, поскольку позволяет их охарактеризовать в контексте других проблем — экономических, политических, социальных — и в большей степени отражает общественные представления и стереотипы о миграции.

Распределение изучаемого массива фильмов по темам выглядит следующим образом:

- возвращение мигранта на родину — 48 фильмов (38,7 %);
- проблема миграции — 28 (22,6 %);
- проблемы колхозной и сельской жизни (сселение, обезлюдение деревни, переселение, отходничество и проч.) — 28 (22,6 %);
- адаптация (судьба мигрантов) — 16 (12,9 %);
- внешняя миграция — 4 (3,2 %).

Необходимо отметить известную условность представленного выше распределения, так как есть фильмы, где эти темы туго

переплетены. Именно такова культовая картина шестидесятых «Председатель» (1964 г., реж. А. Салтыков). Главный герой, Егор Трубников, покинув родной дом в юности и пройдя все военные кампании 1930-х гг., а также Великую Отечественную войну, вернулся в свое село и стал председателем колхоза (тема «возвращения»). Снятый на волне оттепели фильм очень реалистично, без приукрашиваний показывает колхозный быт послевоенной деревни и те проблемы, которые пришлось решать председателю. Среди них проблема отходничества, низкого уровня жизни и бегства колхозников из нищей деревни, уход молодежи в город, благоустройство деревни. Трудоспособное население (мужчины, молодежь) уходит из деревни, и его нужно вернуть во что бы то ни стало, иначе сельское хозяйство не поднять. Правда, рецепты, предложенные героем фильма, вполне в духе времени: он сам определяет, кого отпускать в город, а кого нет, т. е. все решение проблемы — в мудром руководителе. Однако этот способ контроля над миграцией работал только в условиях беспаспортной колхозной деревни.

Тематическое распределение фильмов позволяет судить в первую очередь о социальном заказе, который выступал в качестве важнейшего фактора развития кинопроизводства. В числе лидеров по частоте встречаемости оказались фильмы о возвращении бывших мигрантов на родину, причем возвращении не только физическом, но и *н р а в с т в е н н о м*, связанном с пересмотром своих жизненных приоритетов и ценностей. Фактически в этих фильмах идет речь о возвращении «к самому себе».

Сюжеты о возвращении впервые появляются в 1920-е гг., но основным рефреном деревенского кино становятся в 1950—1980-е гг. В них нашло отражение современное прочтение библейской притчи о возвращении блудного сына. Что это — социальный заказ? Агитка, призывающая выходцев из деревни вернуться к своим корням? Или, может быть, отражение внутренней рефлексии создателей фильмов — творческой интеллигенции, большинство из которых были либо сельскими мигрантами, либо городскими жителями во втором поколении, до конца не утратившими связи

с деревенским миром? Скорее, в этом сюжете слились воедино и идеологический заказ, и внутренние сомнения «новых» горожан, придав кинематографическим текстам мифологические черты. Призыв к возвращению к своим корням, истокам народной нравственности можно рассматривать как основную мифологему «деревенского кинематографа». Один из позднесоветских фильмов, снятый в 1984 г., так и назывался — «Блудный сын» (реж. М. Гедрис).

В 1950—1980-е гг. сюжет о «возвращениях» тиражировался десятки раз («Отчий дом», 1959, реж. Л. Кулиджанов; «Дело было в Пенькове», 1957, реж. С. Ростоцкий; «Домой», 1960 г., реж. А. Абрамов; и др.) в различных интерпретациях, но с одинаковым финалом: бывший сельский мигрант, когда-то покинувший свою родину по своей или чужой воле, возвращается в родную деревню и переживает нравственное возрождение, находит любовь, смысл и свое место в жизни. Следует подчеркнуть особый колорит этих фильмов: поэтизация деревни, ее природы, людей; искренность отношений между героями и цельность их характеров. Даже бытовые неудобства и проблемы окрашиваются романтическим восприятием деревенской жизни. Картины о возвращениях в большей степени, чем все остальные деревенские фильмы, способствовали созданию мифологического образа деревни как особого — гармоничного, чистого, естественного — мира, который формируется во второй половине XX в., придя на смену угнетенной, эксплуатируемой, темной деревне.

Собственно миграции посвящена каждая пятая картина в изучаемом массиве. В них обыгрываются различные модели миграции, представленные через судьбы героев. Их можно условно разделить на две группы: осуждаемые и неосуждаемые (прежде всего с позиций деревенского сообщества). К числу неосуждаемых вариантов миграции относился уход из деревни на учебу (в контексте массовой практики) либо для того, чтобы стать артистом, ученым, военным, т. е. личностью, которая не может реализовать себя в сельской среде (индивидуальный выбор). Примером такой модели может служить фильм «Приходите завтра...» (1964, реж.

Е. Ташков), героиня которого Фрося Бурлакова приехала в город, чтобы учиться петь. Аналогичные сюжеты представлены в фильмах «Большой концерт» (1951, реж. В. Строева), «Песня табунщика» (1956, реж. А. Фролов), «Я хочу петь» (1979, реж. В. Жереги) и др.

Другой вариант миграции связан с погоней «за длинным рублем», «легкой жизнью» или же с легкомысленным решением. В фильмах такое поведение не только осуждалось общественным мнением, но иногда даже каралось изгнанием. В фильме «Две жизни» (1956, реж. А. Фролов) рассказывается о судьбе двух сестер, одна из которых в молодости уехала из деревни в поисках легкой доли и, вернувшись через двадцать лет погостить, подвела неутешительный итог своей пустой и никчемной жизни. В конце фильма она вынуждена покинуть родной дом тайно, спасаясь от позора.

Примерно каждая пятая картина в изучаемом массиве представляет различные проблемы сельской и колхозной жизни, так или иначе связанные с миграцией. В зависимости от времени создания содержание фильмов может меняться. Так, например, в 1930-е гг. это преимущественно борьба с кулаками, в результате которой герой уходит из деревни. В 1950-е г. первоочередное внимание уделяется материальным и культурным условиям жизни колхозников, а также крупным кампаниям (например, освоению целины). В 1960—1970-е гг. возникает тема выселения сельских жителей в результате строительства ГРЭС, поглощения городом, сселения неперспективных деревень. Так изменяются условия исторической макросреды, которые ставили сельских жителей перед выбором, а в некоторых случаях в безальтернативную ситуацию вынужденной миграции.

В особую группу можно выделить фильмы, где поднимаются вопросы адаптации мигрантов в условиях города. Преимущественно они относятся к 1960—1980-м гг. и связаны с попыткой понять истоки социальных болезней советского общества (в том числе пьянства, преступности и т. п.). Так, например, проблемы непутевого сантехника Афони из одноименного фильма реж. Г. Данелия (1975) авторы склонны рассматривать как результат неприкаянно-

сти героя, бесцельности его существования, что позволяет лучше оттенить его возвращение на родину в конце фильма.

Картина более разнообразных адаптационных стратегий прослежена в фильме В. Шукшина «Ваш сын и брат» (1965), где представлены как минимум четыре варианта судеб деревенских жителей. У героя фильма Ермолая Воеводина четыре сына: два из них живут в городе, один из-за своего характера оказался в тюрьме, и еще один сын плотничает в деревне, не помышляя искать счастья в городе, в полной гармонии с собой и окружающим миром. Старший давно уехал в Москву, стал цирковым борцом, легко пустил корни и прекрасно себя чувствует (модель полной адаптации). Характерно, что авторы фильма его не то что осуждают, а скорее высмеивают, что формирует ироничное восприятие этого образа. Самый младший сын подался за ним в город, на стройку «по лимиту», но не прижился (модель неполной адаптации). Будущее этого героя неизвестно: либо он решит вернуться на родину, сохранив себя, либо будет притираться к городскому миру путем неизбежных в таком случае компромиссов. Стратегии адаптации анализировать достаточно сложно, поскольку для поддержания зрительского интереса художественный кинематограф склонен к презентации пограничных моделей поведения.

Распределение фильмов о миграции по времени создания позволяет оценить внимание к этой проблеме на разных этапах существования советского общества. В 1920—1953 гг. было снято 13 фильмов; в 1953—1964 гг. — 28; в 1965—1985 гг. — 73; в 1986—1991 гг. — 10 кинокартин³².

Хотя фильмы с миграционной тематикой появляются уже в 1920-е гг., их общее количество вплоть до середины 1950-х гг. было крайне незначительным. Как правило, сюжеты этих картин были связаны с презентацией исторически значимых явлений, прежде всего коллективизации. Миграция в них выступает как фоновое событие. К 1920-м гг. относятся всего два фильма. В фильме «Серп и молот» (1921, реж. В. Гардин, В. Пудовкин) речь идет о судьбе крестьянской семьи, которая в довоенный период

переезжает в Москву, но в послереволюционные годы под давлением голода решает вернуться в деревню. Эта бытовая драма разворачивается на фоне революции, гражданской войны, борьбы с кулачеством и повествует об идейном росте героев, попавших в рабочую среду. Схожая мысль прослеживается в другом фильме 1920-х гг. «Катка — бумажный ранет» (1926, реж. Э. Иогансон, Ф. Эрмлер), где рассказывается о деревенской девушке, приехавшей в Ленинград в середине 20-х гг. для того, чтобы заработать на покупку коровы, и попавшей в среду обитателей городского «дна».

Оба фильма — на тему отходничества. Решение о миграции принято героями под влиянием экономических мотивов. Интересен образ города как места сосредоточения разных возможностей. Здесь герои: 1) идейно растут и превращаются в сознательных борцов за революцию; 2) в связи со своей несознательностью подвергаются опасности поглощения мелкобуржуазной, уголовной или религиозной средой. Последний вариант представлен в фильме реж. И. Берхина «Человек за бортом» (1931): приехавший из деревни парень устраивается на завод и попадает в секту.

В 1930-е гг. появляется достаточно много кинокартин, снятых в жанре агитфильма, в которых миграция в город так или иначе связана с коллективизацией («Саша», 1930, реж. А. Хохлова; «Степной цвет», 1931, реж. А. Ляшенко; «Шакир», 1932, реж. Л. Эсакия; «В поисках радости», 1939, реж. Г. Рошаль, В. Строева; и др.). Сюжеты в них однотипны: под влиянием агитации кулаков или в результате столкновений с ними герой/героиня уезжает в город, там приобщается к пролетарским ценностям и, став сознательным борцом за социализм, возвращается в деревню, чтобы включиться в колхозное строительство.

Особое место среди фильмов 1930-х гг. занимает картина «Учитель» (1939, реж. С. Герасимов). Этот фильм фактически открыл серию картин о возвращенцах, которые, покинув деревню в молодости, получили образование, организаторские навыки и с этим багажом вернулись на родину, чтобы здесь строить светлое будущее и устраивать личную жизнь.

В период послевоенного «малокартинья» отмечено всего три фильма, в которых обыгрываются сюжеты о миграции. Два из них о судьбе мигрантов, оба сняты в 1948 г. и презентуют в а р и а н т ы у с п е ш н о й с о ц и а л и з а ц и и. Деревенские девушки попадают в город, делают успешную по советским меркам карьеру, превращаясь из неграмотных работниц в передовиков производства («Путь славы», реж. Б. Бунеев; «Страницы жизни», реж. Б. Барнет, А. Мачерет).

Анализируя динамику производства фильмов о миграции, следует подчеркнуть, что до 1950-х гг. эта тема находилась на периферии общественного интереса. Негативные последствия сельской миграции начинают ощущаться в 1950-е гг., тогда же предпринимаются первые попытки ее серьезного осмысления и поиски путей решения проблемы, что находит отражение в кинематографе. Максимальный же интерес к теме приходится на 1965—1985 гг. — время наиболее интенсивного оттока сельского населения в города. Более разнообразными становятся сюжетные линии, усложняются характеры героев и мотивация их поступков, расширяются жанровые варианты подачи кинематографического материала. Интерпретации миграционной темы носят б о л е е к р и т и ч е с к и й и а н а л и т и ч е с к и й х а р а к т е р. Прежние пропагандистко-агитационные приемы подачи материала заменяются стремлением выстроить психологически достоверный образ героя. Кино перестает быть только средством агитации и осваивает функции познания и отражения реальной жизни.

К «хрущевскому» периоду относятся 12 фильмов («Две жизни», 1956, реж. К. Воинов; «Половодье», 1962, реж. И. Бабич; «Артист из Кохановки», 1961, реж. Г. Липшиц; и др.), посвященных непосредственно теме миграции, что составляет 42,8 % общего массива. Серьезное обсуждение проблемы миграции открыл фильм «Судьба Марины» (реж. И. Шмарук, В. Ивченко), появившийся в 1953 г. Герой фильма едет учиться на агронома в Киев, а вернувшись, упрекает жену в необразованности, разводится с ней и уезжает в город. Поступок героя, человека ничтожного и никчемного,

воспринимается как двойное предательство, и по отношению к семье, и по отношению к малой родине. Фильм «Судьба Марины» стал первым, в котором миграция в город оценивается настолько негативно. Он стал индикатором того, что сельская миграция воспринимается обществом как серьезная социальная проблема, требующая изучения и решения. В 1950-е гг. причины бегства из деревни воспринимались упрощенно и объяснялись личными качествами людей, покидающих деревню в поисках более благополучного существования. Отсюда стремление к морализаторству, жестким этическим оценкам, назидательности, свойственное многим фильмам этого времени.

Характерным примером презентации мотивов ухода из колхоза и отношения к этому односельчан служит фильм «Артист из Кохановки». Сюжет комедии разворачивается вокруг решения героя — демобилизованного солдата — уехать вслед за невестой в город. Его девушка была направлена колхозом на учебу в сельхозинститут, и ее отъезд рассматривается как важное для колхоза дело. Герой фильма всеми осуждается, так как в городе он готов на любую работу, лишь бы быть рядом с любимой девушкой. Поочередно он устраивается то строителем, то уборщиком в цирке, не находя своего места. В финале фильма, вернувшись в село, герой понимает, что «у каждого человека должна быть своя Кохановка, свой уголок в жизни, где он может быть счастлив», и это место — его родная деревня.

Выбор демобилизованного солдата в качестве главного героя достаточно показателен. Служба в армии давала возможность устроиться после демобилизации в любом месте. Солдатам не нужна была справка из сельсовета, без которой устроиться в городе на работу было сложно. В результате в числе наиболее активных мигрантов оказывались молодые парни. Собственно, с них во второй половине 1940-х—1950-е гг. и началось массовое бегство из деревни, что нашло опосредованное отражение в кино. В 1950-е гг. было снято сразу несколько фильмов про демобилизованных воинов («Солдат Иван Бровкин», 1955; «Иван Бровкин на целине», 1958, реж. И. Лукинский; «Максим Перепелица», 1955, реж. А. Граник),

которые стали очень популярны благодаря актерской игре, веселой и задорной манере повествования. Фильмы должны были убедить солдат вернуться в деревню либо уехать туда, где нужны крестьянские руки, например на целину.

Художественные фильмы этих лет предлагают свои способы решения проблем сельской миграции, которые отражают ее упрощенное восприятие. Так, например, в фильме «В один прекрасный день» (реж. М. Слущкий, 1955) председателя колхоза убеждают в необходимости создания симфонического оркестра, с появлением которого культурная жизнь села станет такой же интересной и разнообразной, как в городе. Идея организации культурной жизни села по образцу городской с оркестрами, кино, театрами и библиотеками вообще была очень популярной, поскольку в «нехватке культуры» виделась основная причина бегства молодежи из села.

Как ответ на вызовы сельской миграции в хрущевский период создается все больше картин, в которых обыгрываются сюжеты о возвращении — в о з в р а т н о й м и г р а ц и и (12 фильмов). В них появляются новые мотивы: если в фильмах 1950-х гг. возвращение героя было его сознательным выбором, то в 1960-е гг. появляются кинокартины, где оно приобретает поистине библейский смысл, подразумевающий покаяние и прощение. В 1960 г. реж. А. Абрамов выпускает кинокартину «Домой», в которой герои (семейная пара) после долгого отсутствия приезжают в отпуск в родной колхоз, где их встречают неприветливо. Но проходит время, отпуск заканчивается, герои понимают, что не хотят уезжать, и остаются в колхозе, получая прощение. Именно этот сюжет становится рефреном для десятков фильмов о «возвращенцах», снятых в 1970—1980-е гг. Тиражирование картин, в центре повествования которых находится библейская идея возвращения, можно рассматривать как проявление социального заказа на «сказку», которая должна была убедить сельских жителей в том, что город не является гарантом счастья и, более того, может разрушить судьбу. Мелодраматический характер подачи материала стимулировал зрительский интерес к подобным картинам и создавал эмоционально окрашенные

образы, направленные на мифологизацию сознания и формирование антиурбанистических установок у деревенских жителей.

В дополнение к картинам о «возвращенцах» в хрущевский период появляются фильмы, где в качестве героев выступают горожане, приехавшие в деревню для работы и оставшиеся в ней навсегда. Так, в фильме Л. Кулиджанова «Отчий дом» (1956) основной сюжет связан с историей героини, приехавшей из Москвы в деревню к своей матери, о которой она и не знала. В деревне Таня встретила с интересными людьми и решила, что после окончания института вернется сюда работать и жить. Основную сюжетную линию дополняют параллельные повествования о других горожанах (председатель колхоза, учительница), приехавших из Ленинграда и Москвы, чтобы поднять деревню, построить здесь новую жизнь. Аналогичные сюжеты встречаются во многих популярных фильмах того времени³⁴.

Образы обратной миграции (из города в село) были отражением реальных процессов, имевших, однако, не «естественную», а политическую подоплеку. Речь идет об упоминавшихся ранее «тридцатитысячниках». Укрепление колхозов специалистами из города, в том числе путем распределения выпускников вузов, рассматривалось как важная задача аграрной политики. И кинематограф должен был ее пропагандировать и поддерживать, создавая положительные и эмоционально привлекательные образы, которые, однако, нельзя назвать вполне достоверными. Уровень приживаемости выходцев из города был крайне низким, а отсутствие практического опыта и необходимых для управления колхозом знаний не всегда компенсировалось образованием и энтузиазмом. Серьезной проблемой становились бытовые условия, непривычные для горожан, другой образ жизни.

Цель формирования у горожан положительного отношения к переезду в село требовала применения особых средств и способов презентации сельской жизни. Они были связаны с идеализацией деревенского мира, приданием ему особых духовных и нравственных качеств. Создание привлекательного образа этого мира стало

основной задачей деревенского кино второй половины XX в., где широко использовались видовые съемки сельских пейзажей, лирические сюжетные линии, музыка, особое внимание уделялось деревенским типажам. В совокупности этот киноязык должен был способствовать созданию у зрителей представлений о деревне как особом мире — естественном, гармоничном и нравственно чистом, противопоставленном суетному городу.

По мере нарастания потока мигрантов из села, несмотря на развернувшееся в селе строительство и рост материального благосостояния колхозников, пришло понимание глубины и сложности проблемы миграции. На исходе хрущевского десятилетия одна за другой появляются серьезные киноленты, в основе сюжета которых лежит моральный выбор героев, связанный с миграцией. В кинокартине «Половодье» (1962, реж. И. Бабич) главная героиня, выйдя замуж, вступает в конфликт с мужем, который мечтает переехать в город. Фильм завершается тем, что она с ребенком на руках остается в деревне ждать уехавшего мужа. Так происходит окончательное утверждение представления о миграции как форме нравственного предательства.

Таким образом, на рубеже 1950—1960-х гг. кинематограф становится одним из способов изучения миграции, ее причин и направлений. Одновременно кино выполняет воспитательные функции и пытается воздействовать на миграционные настроения сельского населения, создавая галерею мифологических образов, основным из которых был образ «блудного сына».

Последующие годы стали временем дальнейшего осмысления миграции как социального явления во всей его сложности и полноте. В многочисленных фильмах 1965—1985 гг. присутствует попытка понять последствия сельской миграции как для села, так и для города. Новый уровень восприятия этого явления виден в расширении круга поднимаемых вопросов. По-прежнему лидерами проката оставались фильмы о «возвращениях». За 20 лет была снята 31 картина на эту тему («Долги наши», 1976, реж. Б. Яшин; «Встреча с прошлым», 1966, реж. С. Долидзе; «Возвращение

чувств», 1979, реж. М. Осипьян; «Дорога домой», 1969, реж. А. Сурин; «Родное село», 1979, реж. А. Ефремов; и др.). Названия фильмов говорят сами за себя и презентуют устоявшийся образ, связанный с осознанием неправильности выбранного в молодости пути и последующим покаянием.

В 17 фильмах этого времени (23, 3 % анализируемых) в основе сюжета лежат события, связанные непосредственно с миграцией. Одним из заметных кинопроизведений на эту тему стала картина «Дом и хозяин» реж. Б. Метальникова, снятая в 1967 г. в жесткой реалистичной манере. Авторы фильма попытались понять причины раскрестьянивания деревни, ослабления связи с землей. В числе основных причин ими была выделена а н т и к р е с т ь я н с к а я п о л и т и к а сталинского времени. В основе сюжета фильма — судьба фронтовика, который, вернувшись с фронта, мечтает работать на земле, жить в семье. Но колхоз прокормить его семью не может. Тогда в поисках заработка он подается сначала на строительство железной дороги, потом на лесоповал, рыболовный флот и т. д. Стремление заработать на корову постепенно перерастает в погоню за рублем, и его связь с семьей и деревней становится все слабее и слабее. Опомнившись и приехав домой через 20 лет, герой не находит никого из близких. Дети выросли, обзавелись семьями и уехали, дом стоит заколоченным. Таков неутешительный итог крестьянской истории, хотя он мог быть другим, если бы герой вовремя остановился и задумался о главном. В фильме явственно звучит мысль об ответственности за свои поступки и неизбежности расплаты.

Совсем другой вариант миграционной мотивации нашел отражение в фильме «Здравствуй и прощай» (1972, реж. В. Мельников). Муж героини, отец троих детей, считает, что «имеет право» жить как ему удобно. Он уезжает в город, работает на заводе и не думает возвращаться, пока не осознает, что перестал быть нужным своей семье. Этот фильм отражает уже реалии 1970-х гг., когда уход из деревни начинает оцениваться на обыденном уровне к а к н о р м а. Даже претензии на красивую жизнь мужа-горожанина показаны в ироническом плане и не воспринимаются как что-то

однозначно отрицательное. Трагичность сюжета в большей степени связана с несовпадением жизненных планов героев. Фильмы о миграции тем самым приобретают более философский, мировоззренческий смысл, становятся спокойными и грустными с оттенком очевидной необратимости.

Деревня меняется, и это ощущение уходящего крестьянского мира становится основной болью и для писателей-«деревенщиков», и для авторов «деревенского кино». Среди фильмов этого периода в особую группу выделяются те, которые зафиксировали самые болезненные тенденции развития села — обезлюдение, исчезновение деревень и их сселение (13 фильмов). В этих фильмах, вопреки официальным установкам, нашел отражение другой взгляд на происходящие в деревне события — человеческий, неявно осуждающий решения, которые заставляют людей отказаться от своей родины, земли предков («Крутое поле», реж. Л. Саков, 1979; «Прости-прощай», реж. Г. Кузнецов, 1979; «Прощание», реж. Л. Шепитько, Э. Климов, 1979; и др.). Фильмы вызывают тем больший эмоциональный отклик, чем беспощаднее и реалистичнее представлен сюжетный материал. В числе героев фильмов выступают в основном старики, для которых вынужденное расставание с родным домом равноценно смерти. Следует подчеркнуть общественную значимость этих фильмов: они, наряду с произведениями о деревне Ф. Абрамова, В. Распутина и других писателей, внесли большой вклад в прекращение в конце 1980-х гг. бессмысленного сселения малых деревень.

В отличие от более раннего времени, кино 1960—1980-х гг. не давало готовых рецептов выхода из создавшегося в деревне кризисного положения. Фильмы этого периода чаще задают вопросы, чем предлагают ответы. Только в трех фильмах были предложены меры по борьбе с миграцией. Все они сняты в 1985 г. Среди них выделяется картина «Вот моя деревня» реж. В. Трегубовича, в которой молодой председатель пытается найти возможности спасения деревни в условиях индустриального наступления. По его мнению, они связаны с необходимостью отказа от привычных условий

существования. Деревня должна вписаться в новую индустриальную среду — вот, собственно, основная идея фильма. Другой рецепт-шутка нашел отражение в фильме реж. Е. Герасимова «Не ходите, девки, замуж», ставшем лидером проката 1985 г. Чтобы удержать девушек в селе, председатель организует из них фольклорный ансамбль и использует всю мощь средств массовой информации, в частности телевидения, для привлечения женихов.

Характерно, что из 10 деревенских «перестроечных» фильмов, отобранных для анализа, ни в одном миграция не рассматривалась в качестве основного сюжета. Исход из деревни завершился, начался новый этап жизни советского общества, на котором сельская миграция уже не играла такой роли, как прежде. Перестал существовать и тот культурный разрыв, который был свойствен городу и деревне более раннего времени, а значит, изменились и причины, и мотивы, связанные со сменой места жительства. В урбанизированном обществе миграция уже не предполагает изменение образа жизни, она представляет собой только процесс физического перемещения, целями которого могут быть любопытство, скука или просто желание показать себя.

Эта новая ситуация получила отражение в фильме реж. А. Карпыкова «Влюбленная рыбка», снятом в 1989 г. Картина в свойственной для периода перестройки манере отстраненного наблюдения фиксирует ленивый интерес героя, приехавшего из деревни в город, к окружающему миру. Здесь он не чувствует себя чужим, он современен, органичен, без комплексов провинциала, а уж тем более сельского жителя. Становится ясно, что сельская миграция более не связана с необходимостью жесткой и сложной адаптации к новым ценностям, придававшей напряженность и трагизм фильмам предшествующего периода.

Подводя итог характеристике художественных фильмов, в которых затронуты различные аспекты миграции, следует отметить их значительный информационный потенциал, необходимый для более глубокого и всестороннего понимания миграционных процессов в антропологическом контексте — не как глобального

явления, а как события, меняющего жизнь человека. Кино может быть использовано для изучения мифологических представлений, бытующих в общественном сознании, а также стереотипов, авторских представлений и оценок. В нем нашли отражение все значимые события и варианты сельской миграции, ее динамика и результаты.

2.3. Уральская деревня и сельская миграция

Дополнительную информацию о роли и влиянии сельской миграции на судьбу деревни дает изучение демографической истории сельских поселений. Судьба каждого поселения индивидуальна, различается и динамика их развития. Некоторые из них на протяжении всего изучаемого периода развивались во всех отношениях — демографическом, экономическом, социальном — весьма активно. Другие, напротив, уже в первой половине XX в. начали терять функции, население и перспективы развития. Представление о перспективных и неперспективных деревнях длительное время было краеугольным камнем государственной политики, обосновывающим дифференцированный подход к сельским поселениям. Но реальность намного сложнее этой схемы. На эволюцию населенных мест влияет множество факторов, взаимодействие которых определяет в конечном счете их положение в системе и варианты развития.

На территории Свердловской области в XX в. насчитывалось в общей сложности 3 164 постоянных населенных пункта. Это те поселения, которые фиксировались в регистрационных списках на протяжении достаточно длительного промежутка времени, как минимум нескольких десятилетий. Жизненный путь абсолютного большинства постоянных поселений начался еще в XVI—XIX вв., т. е. они сформировались в условиях традиционного общества. В XX в. их судьбы разделились: часть прекратила свое существование, другие изменили статус и хозяйственные функции. К 1989 г. общая численность постоянных поселений в области составила 1 925³⁵.

Анализ динамики численности населения постоянных поселений на протяжении XX в. позволил выявить следующие типы (модели) их демографического развития³⁶:

1. «Линейный убывающий» — 60,12 % поселений;
2. «Линейный возрастающий» — 9,41 %;
3. «Полином 2 – (парабола ветвями вниз)» — 18,68 %;
4. «Полином 2 + (парабола ветвями вверх)» — 2,65 %;
5. «Полином 3 – + – (логистическая S-образная кривая)» — 4,62 %;
6. «Полином 3 + – + (логистическая S-образная кривая)» — 2,97 %.

Кроме того, ряд поселений (1,55 %) отличался нестандартным поведением и они были выделены в отдельную группу — «прочие»³⁷.

Первая группа поселений, имеющих общую положительную динамику (2, 4, 6-й типы) с совокупным удельным весом 15 %, представлена преимущественно средними и крупными населенными пунктами, выполняющими административные и производственные функции. Это наиболее устойчивый элемент сельского расселения. Вторая часть населенных пунктов (1, 3, 5-й типы — 83,4 %) — чаще всего периферийные, мелкие и средние селения, удаленные от административных и городских центров, потерявшие или теряющие возможности демографического, социального, экономического воспроизводства и развития. В целом, поселения, имеющие общую отрицательную динамику развития, можно рассматривать как наиболее типичный и закономерный вариант эволюции сельских поселений в условиях урбанизации (особенно это касается поселений 1-го и 3-го типов, наиболее многочисленных).

Достаточно характерным примером первого типа динамики («линейный убывающий») выступает старинное село Краснополье Пригородного района, образованное еще в XVII в. В начале XX в. в селе имелись церковь, двухклассное училище, волостное правление, 7 торговых и 1 винная лавка, земский фельдшерский пункт. За 80 лет, с 1909 по 1989 гг., численность жителей сократилась с 1 047 до 522 человек. Потере населения способствовала близость такого крупного центра, как Нижний Тагил, на приисках и заводах которого население Краснополя подрабатывало в свободное от

сельскохозяйственных занятий время еще в XIX в. Свою роль сыграло создание в селе в 1970-е гг. отделения совхоза, в результате чего все основные финансовые потоки были направлены в центральную усадьбу, а местная социальная сфера пришла в упадок.

Сходный вариант развития демонстрирует село Аверинское Сысертского района, возникшее во второй половине XIX в. Плодородных земель здесь было мало, поэтому изначально для жителей деревни важную статью дохода составляли дополнительные заработки: крестьяне занимались извозом, углежжением, пимокатным промыслом. Близость Екатеринбурга уже в начале XX в. стала причиной оттока населения. В XX в. село развивалось по линейной убывающей модели, численность жителей сократилась в 3,5 раза, с 1 292 человек в 1909 г. до 371 — в 1989 г. Свою роль в формировании этой тенденции сыграли коллективизация, репрессии и Великая Отечественная война. Десятки семей были раскулачены, в 1937 г. по обвинениям в антисоветской деятельности было расстреляно 50 аверинцев, 20 оказались в лагерях. В годы войны село потеряло 62 человека. Оправиться от этих потерь Аверинское уже не смогло. В 1950-е гг. изменился административный и хозяйственный статус села. В результате укрупнения сельсовет и хозяйственный центр были перенесены в с. Щелкун. Все эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что крупное многолюдное село к концу века стало небольшой деревней, где значительная часть населения представлена дачниками. Приведенные примеры иллюстрируют еще один момент: поселения, расположенные в зоне влияния крупных городов, раньше других вступают в стадию урбанизации и начинают терять население.

Динамика поселений третьего типа отличается тем, что до 1930—1940-х гг. в них наблюдался рост численности населения, в послевоенные годы сменившийся достаточно резким спадом. Данный вариант развития также можно отнести к «естественным», и он, пожалуй, наиболее полно соответствует специфике переходного этапа, отражая в миниатюре те процессы, которые характерны для сельской местности в целом. Демографический переход, свя-

занный с изменением типа воспроизводства, как раз пришелся на послевоенный период. В это же время усилилось и влияние другого фактора, определяющего ситуацию в деревне, — миграции сельского населения в город. В результате численность сельчан на макро- и микроуровне падала, усиливались половозрастные диспропорции. Началось постарение и обезлюдение деревни.

Различие между первым и третьим вариантами развития поселений связано с тем, что урбанизация неодновременно охватывает сельскую местность. В первую очередь начинают терять население мелкие и средние населенные пункты, расположенные в удалении от транспортных линий и городских центров, либо находящиеся в непосредственной близости от активно развивающихся городских поселений. Позднее в этот процесс включаются крупные поселения. Типичным примером урбанизации по этому типу выступает село Балакино Пригородного района, образованного в 1740-е гг. Население Балакино издавна, кроме земледелия, занималось добычей золота и выжиганием древесного угля, ориентируясь на горнозаводское производство. В начале XX в. село насчитывало 150 дворов, здесь были построены школа, церковь, магазин. В 1929 г. в селе была создана сельскохозяйственная артель «Новый путь». Несмотря на перегибы коллективизации, хозяйство развивалось вполне успешно, особых достижений колхозники добились в животноводстве. Рост населения Балакино продолжался вплоть до конца 1950-х гг. В 1961 г. в трех километрах от села была открыта шахта «Чадар», на это же время приходится реорганизация колхоза в совхоз, центральная усадьба которого была размещена в с. Лая, и село постепенно начинает терять население. Кто-то уехал в город, а кто-то перебрался на центральную усадьбу. К 1989 г. численность жителей сократилась до 326 человек, т. е. почти в 3 раза в сравнении с 1959 г.

Таким образом, третий тип динамики формируется под влиянием процессов, характерных для второй половины XX в., — концентрации и укрупнения сельскохозяйственного производства, сельской миграции.

Особого внимания заслуживают поселения, относящиеся ко 2, 4 и 6-му типам динамики (15,03 %), для которых в целом свойственна положительная тенденция изменения численности населения. К их числу принадлежат прежде всего крупные многоотраслевые населенные пункты, выступающие в качестве административных и хозяйственных центров сельскохозяйственной округи.

Линейная положительная динамика характерна преимущественно для крупных многофункциональных сельскохозяйственных поселений либо для промышленных и лесохозяйственных поселков. Примером такого населенного пункта может служить село Мостовское Артемовского района, в котором в 1909 г. проживало 365 человек, а в 1989 г. насчитывалось 1 065. Важнейшим фактором развития поселения стало создание в селе центральной усадьбы совхоза. Аналогичную динамику демонстрирует поселок Сосновый Бор того же района, который впервые был зафиксирован в 1970 г. как центральная усадьба совхоза. Численность населения в нем с 1970 по 1989 г. выросла с 799 до 1 748 чел., т. е. более чем в 2 раза. Всего по материалам базы данных отмечено 89 крупных селений, зарегистрированных на территории Свердловской области, которые эволюционируют в соответствии с положительной линейной функцией.

При анализе динамики таких поселений необходимо учитывать состояние хозяйства, в котором располагались населенные пункты. Экономически сильные колхозы и совхозы имели возможности для развития не только центральных, но и периферийных поселений. Это можно наблюдать на примере пос. Первомайский Сысертского района. Он был основан в 1930-е гг. и первоначально в нем было всего два дома. Когда был образован Бородулинский совхоз, пос. Первомайский стал вторым отделением хозяйства и почти до 1970-х гг. оставался поселком, имеющим всего две улицы. Когда совхоз стал миллионером, строительство развернулось не только на центральной усадьбе, но и в отделениях. В Первомайском появилось несколько улиц с благоустроенными двухквартирными

коттеджами, которые выделялись в первую очередь молодежи. За 1970—1980-е гг. население поселка выросло почти в 2 раза.

Четвертый тип динамики («парабола ветвями вверх») формируется в результате какого-то события, которое меняет на некоторое время вектор развития поселения. Так, например, положительную динамику деревне, где происходит сокращение численности населения, может придать приобретение новых функций — административных или хозяйственных. Чаще всего это происходило в 1930—1950-е гг., когда шли активные административно-территориальные преобразования, связанные с чередованием процессов укрупнения и разукрупнения сельсоветов. Перекраивание административно-территориального устройства сельской местности способствовало расширению круга поселений, выполнявших функции административных центров. А это непосредственно отражалось на развитии инфраструктуры населенных пунктов: в них строились школы, открывались клубы и библиотеки, медицинские пункты и т. п., что повышало их привлекательность и улучшало перспективы развития.

Примером таких поселений могут служить деревни Городище и Герасимовка Тавдинского района, где в первой половине XX в. шло сокращение численности населения, т. е. они вступили в стадию урбанизационного перехода. Но в 1950-е гг. деревни стали центрами укрупненных колхозов и в дальнейшем развивались как центральные усадьбы хозяйств. Помимо функций хозяйственных центров, на территории этих селений функционировали сельсоветы, что придавало им дополнительный потенциал. В результате в 1960—1980-е гг. численность населения этих деревень растет. Для Герасимовки позитивную роль сыграло создание музея Павлика Морозова — своеобразного культового центра советского времени.

Особо следует остановиться на характеристике поселений 5-го и 6-го типов, демонстрирующих циклический характер развития, что свидетельствует о значимости и приоритетности для крупных поселений базисных процессов. Влияние демографических волн в этих моделях очевидно: в частности, все пики колебаний численности населения коррелируют с «демографическими

катастрофами» XX в. — войнами, революцией, коллективизацией. Так, например, по воспоминаниям жителей с. Киргинское Ирбитского района, два события наиболее сильно отозвались в судьбе села — коллективизация и Великая Отечественная война. Во время раскулачивания 47 крестьянских хозяйств были выселены с территории сельсовета, а в годы войны село потеряло 232 человека³⁸. Именно на эти годы в селе приходился спад численности населения, который в дальнейшем сменился положительной тенденцией. В целом демографическое развитие с. Киргинское шло по 6-му типу динамики.

Нередко судьба сельских поселений полностью определялась динамикой миграционных процессов. Так, например, в пос. Асбест Сысертского района, в котором в 1940-е гг. был открыт карьер и построена обогатительная фабрика, численность населения сократилась незначительно — с 639 человек в 1970 г. до 468 — в 1989 г. Интересно, что сам поселок был построен на месте лесного кордона. Первые жители здесь появились в 1936 г., а с 1940 г. развернулось строительство. Первоначально население формировалось за счет приезжих разных национальностей, большая часть которых затем разъехалась, и в дальнейшем прирост населения шел за счет миграции жителей из окружающих деревень, которых привлекал более высокий уровень благоустройства: асфальтированные улицы, жилье со всеми удобствами, клуб, школа, бани, столовая. Промышленный поселок в этом плане выгодно отличался от окружающих деревень³⁹.

Как показали приведенные выше примеры поселенческих биографий, большую роль в формировании определенного типа динамики играет категория *людино сти* сельского поселения. Чем крупнее населенный пункт, тем он устойчивее к внешним влияниям и тем чаще демонстрирует положительную динамику. Этот фактор и учитывался в свое время в рамках реализации политики реконструкции советской деревни: в зависимости от числа жителей определялись статус поселения и перспективы его развития. Но категория *людности* выступает скорее следствием

(результатом) совокупного воздействия базисных условий — природно-географических, экономических и пр., в том числе расположения деревни по отношению к административному центру, транспортной доступности, уровня благоустройства и культурно-бытового обеспечения.

Среди внутренних факторов, влияющих на эволюцию населенных пунктов и его миграционную историю, по своей значимости выделяется национальный состав жителей⁴⁰. Распределение поселений по этническому признаку (табл. 2.4) позволяет выделить наиболее значимые по численности и влиянию национальные группы поселений, расположенных на территории Свердловской области. Кроме русских, это татарско-башкирские, марийские деревни, а также поселения манси. Они формируют компактные зоны расселения, сохраняя и развивая национальную культуру. Другие народы — удмурты, чувашаи, коми, украинцы, белорусы, немцы — не создали на территории Свердловской области своей системы сельскохозяйственных поселений.

Динамика поселений достаточно сильно зависит от этнических традиций. Замечено, что в марийских и татарских селах в 1950—1970-е гг. процессы миграции протекали не так активно, как в русских⁴¹. Здесь позднее начинается демографический переход, и вплоть до настоящего времени сохраняются традиции многодетности. Это оказывает влияние на процессы естественного движения населения и величину поселений. Характерно, что средняя людность татарских и марийских деревень значительно выше, чем русских. По переписи 1989 г. средний состав сельских населенных пунктов с преимущественно русским населением составил 346,3, марийских — 480,0, татарских — 376,9 человек. Русские поселения в конце 1980-х гг. продолжали составлять подавляющее большинство (83,3 %), вместе с тем в абсолютном выражении они сократились наиболее существенно — в 2,4 раза. Количество татарских, марийских, мансийских деревень на протяжении XX в. меняется незначительно. Таким образом, сокращение сельской поселенческой сети на Среднем Урале происходит в основном за счет русских поселений.

Т а б л и ц а 2.4

*Распределение сельских поселений Среднего Урала в XX в.
в зависимости от типа динамики и преобладающей национальности**

Тип динамики	Русские		Марийцы		Татары		Прочие**	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1. «Линейная —»	1 587	63,08	9	40,91	6	16,67	11	91,67
2. «Линейная +»	216	8,59	3	13,64	4	11,11	0	0,00
3. «Полином 2 —»	433	17,21	3	13,64	9	25,0	1	8,33
4. «Полином 2+»	70	2,78	1	4,55	1	2,78	0	0,00
5. «Полином 3 —+—»	120	4,77	2	9,09	0	0,00	0	0,00
6. «Полином 3 —++»	53	2,11	4	18,18	15	41,67	0	0,00
Другая	37	1,47	0	0,00	1	2,78	0	0,00
<i>Всего</i>	<i>2 516</i>	<i>100,00</i>	<i>22</i>	<i>100,00</i>	<i>36</i>	<i>100,00</i>	<i>12</i>	<i>100,00</i>

* Составлено по материалам БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

** В категорию «прочие» попали поселения со смешанным национальным составом, а также те, которые оказались статистически незначимыми, например поселения манси, казахов, чувашей, удмуртов, украинцев и др.

Этнические особенности проявляются и в динамике развития населенных пунктов (см. табл. 2.4). Только 11,37 % русских поселений характеризуются положительной динамикой (2-й и 4-й типы). Среди марийских сел такой вариант встречается в 18,19 % случаев, а в татарских — в 13,89 %. Следует отметить и значительный удельный вес марийских и татарских поселений, относящихся к 6-му типу. Он составляет соответственно 18,18 % и 41,67 %. Это в основном крупные поселения, выполняющие функции хозяйственных, административных, культурных центров округа.

Наиболее неблагоприятная ситуация наблюдается в русских поселениях, где 85,06 % относится к динамическим моделям 1, 3, 5-го типов, имеющим в целом отрицательную тенденцию, среди марийских деревень к ним принадлежат значительно меньше — 63,64 %, а среди татарских — 41,67 %. Влияние традиции и

этнокультурных особенностей на демографические процессы здесь очевидно.

Оценивая совокупное факторное воздействие на динамику поселений, следует подчеркнуть, что только при совпадении нескольких благоприятных условий складываются предпосылки для роста населенного пункта. Это прежде всего уровень урбанизированности территории, близость и доступность городских центров, многоотраслевая структура экономики, полифункционализм и наличие достаточных демографических ресурсов. Все это придает устойчивость сельским поселениям. Наличие одного или двух благоприятных факторов не определяет ситуацию: населенный пункт будет терять население, одновременно утрачивая и перспективы развития.

В этой связи особый интерес приобретает анализ вариантов и причинно-следственных закономерностей исчезновения сельских поселений. Всего по материалам БД «Города и села Среднего Урала в XX веке» в 1930—1980-е гг. были закрыты по разным причинам 45,1 % постоянных поселений. Более половины из них (67,3 %) были закрыты в 1970—1980-е гг. — время наиболее жесткого административного вмешательства в расселенческие процессы. Исключение из списков имело разные причины. Примерно 25—30 % закрытых населенных мест перестали учитываться в связи с изменением их статуса или объединением, т. е. они продолжали реально существовать, но в другом качестве. Основная часть исчезнувших поселений действительно опустела, причем по вполне объективным причинам, связанным с сокращением численности жителей и постепенным обезлюдением сельской местности, в т. ч. в результате выезда жителей, сселения или смертности. Последствия сельской миграции почувствовали на себе в первую очередь небольшие периферийные поселения. Миграция не обошла стороной и крупные села, но они оказались более устойчивыми к ее последствиям, если только в судьбу поселений не вмешивалась власть. Попад в список неперспективных, деревня имела все шансы на протяжении 1—2 поколений исчезнуть из списков населенных

мест, поскольку в этом случае закрывались школы, клубы, магазины и население постепенно покидало эту деревню, уезжая чаще всего в ближайший город.

Таким образом, миграция в условиях урбанизации влияет на динамику поселенческой сети, направленность ее изменений — расширение или сжатие, укрупнение или измельчание. Миграция действует не только в качестве макроуровневого фактора, но нередко определяет и судьбу конкретного населенного пункта.

3. ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СЕЛА

Из всех противоречий и столкновений, которые пережило российское общество в XX в., наиболее важным и трагичным, хотя и бескровным, было противостояние города и села. И действительно, крестьянская, деревенская Россия, которой она была еще в начале XX в., к концу века превратилась в страну городов. Этот в целом закономерный процесс имел и нежелательные последствия, связанные с неоправданным сселением и исчезновением части сельских поселений. Не последнюю роль в этом сыграла политика государства в отношении села.

Следует отметить, что город и деревня в России начиная с эпохи Петра I рассматривались как антиподы: город — средоточие культуры, прогресса, деревня — отсталости, темноты и невежества. Это отношение, поддерживаемое властью, в скрытом виде сохранялось и в советский период. Противостояние города и деревни проявилось в хищническом отношении к аграрному сектору как источнику средств для индустриализации, форсированного роста городов. Задачу создания новой социалистической деревни всегда связывали с разрушением исторически сложившихся типов и форм расселения.

Таким образом, в основе позиции власти изначально была заложена идея кардинальной перестройки сельской местности, которая реализовывалась через систему политических решений. При изучении роли государства и его влияния на процессы перестройки сельской поселенческой сети следует учесть два основных момента.

1. На протяжении всей второй половины XIX в. и вплоть до конца 1950-х гг. политика государства была направлена прежде всего на реализацию задач *а г р а р н о й м о д е р н и з а ц и и*. Проблемы социально-культурного и бытового благоустройства сельской местности, ее развития в сферу интересов государственной политики не входили, а значит, решались по остаточному принципу; сам же процесс урбанизации протекал стихийно и непоследовательно. Наиболее очевидным проявлением урбанизации сельской местности на данном этапе были изменения в системе расселения, прежде всего активный рост численности сельских поселений, имевший как количественные, так и качественные проявления. Увеличивается не только численность населенных мест, но появляются новые виды сельских поселений — сельскохозяйственные, промышленные, транспортные, лесохозяйственные и т. п. Эти изменения в структуре расселения подготовили почву для перемен в условиях жизни — строительстве, благоустройстве, культурно-бытовом обеспечении села.

2. В 1950—1980-е гг. аграрная политика дополняется системой мероприятий, направленных на оптимизацию поселенческой сети и решение задач благоустройства. В результате во второй половине XX в. влияние политического фактора возрастает и заметно деформирует естественные процессы урбанизации российской деревни, способствуя быстрому свертыванию поселенческой сети и ее поляризации. Этот период связан с исчезновением в России тысяч сельских поселений и кардинальной их перестройкой, изменением образа жизни сельского населения.

3.1. Аграрные реформы как фактор урбанизации сельской местности

Анализируя процессы модернизации общества, невольно задаешься вопросом о роли политических решений. Насколько мероприятия власти могут способствовать (тормозить, исказить)

объективные эволюционные изменения? Насколько в такой закрытой системе, как традиционное аграрное общество, сильны внутренние механизмы, подталкивающие к новациям и изменениям? Кто выступает актором модернизационных трансформаций? Без сомнения, применительно к разным этапам российской истории ответы на эти вопросы будут различными. Функции актора могут переходить к разным подсистемам — рыночной, информационной, политической, медийной, научной, отражая специфику времени. В частности, во второй половине XX в. существенно возрастает роль науки, а в информационном обществе она становится ведущим фактором экономического и социального развития.

Цивилизационная особенность России состоит в том, что в ней роль государства всегда была велика, формируя тренд общественного развития. Это нашло отражение и в процессах сельской урбанизации. Взлеты и падения аграрной экономики, достижения и проблемы российской деревни так или иначе всегда были связаны с волей и действиями власти. А основные этапы сельской урбанизации отчетливо коррелируют с теми аграрными реформами, которые проводились властью начиная с середины XIX в. и на протяжении всего XX в. Основная задача реформирования была связана с целью преобразования аграрной сферы, ее модернизацией и интенсификацией, которая так и не была достигнута в полной мере. Однако воздействие реформ помимо аграрной экономики сказывалось на других сторонах жизни сельского сообщества, в том числе на социальной структуре, поселенческой сети, условиях жизни.

Рассмотрим подробнее основные аграрные мероприятия, реализованные имперской и советской властями, и их влияние на развитие прежде всего системы сельского расселения.

В позднеимперский период среди крупных аграрных преобразований особо выделяются два : 1) отмена крепостного права и сопутствующие ей либеральные реформы, одной из которых было создание земств; 2) Столыпинские преобразования 1906—1913 гг.

Крестьянскую реформу 1861 г. можно рассматривать в качестве первого крупного шага, положившего начало агропереходу.

Она заложила основы новых поземельных отношений, хотя и не до конца реализованных. Реформа 1861 г. имела в большей степени социальный, чем экономический, смысл, сохранив такую основу традиционной экономики, как общинная собственность на землю. В результате развитие рыночных отношений шло очень медленно, как и внедрение новых технологий. Вплоть до начала XX в. та перестройка, которая была инициирована либеральными реформами 1860—1870-х гг., протекала в рамках организационных форм, характерных для традиционного общества, — общины и помещичьего хозяйства. В итоге формирование аграрного рынка происходило с существенными деформациями, породив так называемый а г р а р н ы й в о п р о с — основной вопрос всех русских революций.

Заметный шаг вперед в плане модернизации аграрной сферы был сделан с принятием Указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». В 1910 г. он стал законом, предоставившим крестьянам право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность. Положив начало разрушению общины и предложив инструменты постепенного замещения общинной поземельной собственности на частную, закон ускорил преобразование аграрной экономики на рыночной основе. Причем следует подчеркнуть взвешенный, осторожный подход к решению аграрного вопроса, за который часто ругают разработчиков реформы. Понимая, что община стала тормозом развития аграрной экономики, П. А. Столыпин все же не пошел по пути ее запрета, а предложил крестьянам вариант добровольного выбора той формы собственности, которая их устраивает в наибольшей мере. Это в известной степени снимало социальную напряженность. Запрет и административный нажим могли привести к бунтам и выступлениям крестьянства с его общинным сознанием. Преодоление стереотипов мышления всегда требует времени, а применительно к крестьянской среде — десятилетий, что, собст-

венно, и предвидел Столыпин, подчеркивая, что России требуется не менее 20 лет для достижения заметных результатов.

В законе особое внимание было уделено вопросам организации хуторских и отрубных хозяйств и их землеустройству. Именно этот аспект в наибольшей степени отразился на системе сельского расселения регионов. Крестьянские хутора были известны задолго до проведения реформы. В северо-западной части Российской империи на территории Ковенской губернии еще в конце XVIII в. сложился район хуторского расселения, появившийся по инициативе князя И. Огинского. Крестьяне выселялись на хутора-односелья, которые выделялись при разделе общинной земли. Хуторское расселение в этих местах сохранилось в XIX в., но развития не получило. В середине XIX в. хутора появляются в Царстве Польском, прибалтийских губерниях, где эта форма землепользования утвердилась и стала активно использоваться в дальнейшем.

В центральных районах России становление хуторского расселения протекало сложнее. Первые попытки выделения хуторов в Московской губернии относятся к концу XVIII в., когда один из звенигородских помещиков (Е. И. Бланкеннагель) стал селить своих крестьян «отделенно дом от дома»¹. Попытки по созданию усадебных крестьянских хозяйств предпринимались Удельным ведомством в 1839—1861 гг. В середине 1870-х гг. при Московском обществе сельского хозяйства была даже создана специальная Комиссия по хуторскому вопросу. Однако все попытки создания хуторов в центральных районах России не дали положительного результата. Как правило, отселенные хозяйства рано или поздно возвращались обратно в деревню или прекращали существование.

В конце XIX в. хуторское движение набирает силу, охватывая прежде всего западные районы страны — Житомирский, Владимир-Волынский, Ковенский, Велижский, Витебско-Могилевский, Гродненский уезды. К 1904 г. здесь было расселено 942 селения и образовано 20 205 хуторов².

Но для большинства губерний Российской империи данный тип поселений не был характерен и получил распространение

только в ходе реализации реформы П. А. Столыпина. К 1915 г. в целом по стране было образовано 300 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубов³. Основная масса поселений, основанных на участковом землепользовании, приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии.

На Урале итоги столыпинских преобразований были более скромными. По четырем губерниям (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) только около 10 % крестьянских дворов вышли из общины и укрепили в свою собственность землю, в т. ч. в Пермской губернии — 4 %. На хутора в Пермской губернии выделилось 2,3 % дворов, в Вятской — 0,9 %, в Уфимской — 5,9 %⁴. Тем не менее опыт хуторского расселения оказался весьма интересным и получил дальнейшее развитие в 1920-е гг. Его можно рассматривать как отражение процесса нуклеаризации крестьянского хозяйства, результатом которого в идеале должна была стать приватизация и интенсификация крестьянской экономики, т. е. то, что классики марксизма называли «американским» или «фермерским» вариантом развития аграрной сферы. Но следует отметить, что американский путь предполагает прежде всего ставку на развитие техники и технологий. В России технические и агротехнические нововведения начинают проникать в крестьянскую среду благодаря просветительской деятельности земств⁵, но очень медленно и в ограниченных объемах. Сохранение к началу XX в. в целом традиционного характера аграрного производства, основанного на ручном труде, было одной из причин поддержания общины, а впоследствии, в конце 1920-х гг., коллективизации. Оба варианта организации аграрного производства характерны для экстенсивных систем хозяйствования.

Дополнительным фактором, повлиявшим на динамику поселенческой сети восточных окраин страны, стала переселенческая политика. Переселение за Урал получило развитие еще в первой половине XIX в., постепенно приобретая все более организованные формы. А в 1889 г. с принятием закона, регулирующего размеры переселения, и организацией в Министерстве внутренних дел

Переселенческого управления, поток крестьян на неосвоенные земли Зауралья, Сибири и Алтая существенно возрастает. Здесь землеустроительными организациями создавались переселенческие участки, на которых во множестве появились новые поселения.

Однако пик переселения пришелся на Столыпинские реформы. Общее число переселенцев в Российской империи за 1906—1914 гг. составило 3,8 млн человек, из которых было «водворено», т. е. устроено на переселенческих участках, 3,3 млн⁶. Переселение было ориентировано на освоение территорий Алтая, Сибири, Казахстана. Урал оказался в стороне от общего потока переселенцев, однако тоже испытал на себе влияние этого процесса. За период 1907—1914 гг. в Зауралье осело около 70 тыс. человек. Они на льготных условиях получали земельные участки и единовременные ссуды. В Пермской губернии переселенческие участки создавались в Ирбитском уезде, к 1908 г. многие из них уже были заселены. В последующие годы практика переселения крестьян из малоземельных губерний на восток — в Сибирь и на Урал — получила продолжение, способствуя освоению края.

Дальнейшие события — Первая мировая война, Октябрьский переворот, Гражданская война — оказали свое разрушающее влияние на аграрный сектор. В эпоху социализма страна вошла, находясь в состоянии кризиса. Одним из лозунгов большевиков, привлечшим на их сторону значительную часть крестьянства, было требование «Земля — крестьянам». На практике оно вылилось в принятие на Втором всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Декрета о земле, национализацию земли и ее частичное перераспределение. Однако последствия этого декрета были куда более масштабными. Он изменил систему поземельных отношений и определил место государства как основного собственника и распорядителя земельных ресурсов, отдав права пользования крестьянам. Тем самым была закреплена новая иерархия, в которой власть получала не только экономические, но и административные рычаги регулирования и развития сельской местности. Последующая логика взаимоотношений государства и деревни

определялась исключительно волей правительства, а точнее, партии, которая, руководствуясь высшими целями (строительство социализма и коммунизма), не особо считалась с интересами российской деревни.

Уже в годы Гражданской войны сложилась система неэквивалентного обмена между городом и деревней, ущемлявшая интересы крестьян. Это привело к развертыванию в 1919—1920 гг. крестьянской войны против всех — как белых, так и красных. Только смена приоритетов в крестьянской политике остановила новую волну крестьянских выступлений, которая могла бы привести страну к окончательной катастрофе. Спасительным средством стала замена продразверстки продналогом и разрешение рыночных отношений, пусть и в ограниченных размерах. Таким образом, к 1921 г., пусть и с некоторыми отклонениями, была воспроизведена система производственных отношений, характерная для предвоенного периода, что позволило решить задачи восстановления сельскохозяйственного производства и перейти к решению вопросов «социалистической реконструкции».

К этому времени относится принятие Земельного кодекса 1922 г.⁷, который закрепил новые принципы землепользования и ведения хозяйства, основанные на признании государственной собственности на землю и приоритете интересов государства над интересами землепользователей. Кодекс зафиксировал основные формы «трудового» крестьянского землепользования (общинная, участковая, коллективная) как равноправные, но реально предоставил значительные преимущества коллективной форме.

В соответствии с Земельным кодексом советским правительством была разработана новая земельная политика, которая активно реализовывалась в 1920-е гг. Ее характерными чертами стали организация работ по межселенному землеустройству, приоритетное внимание к созданию кооперативных и государственных хозяйств, разработка системы мероприятий по преодолению последствий сельскохозяйственного перенаселения, характерного для центральных

районов страны, за счет переселения избыточного населения на малоосвоенные восточные земли.

В результате развернувшихся в 1920-е гг. работ по землеустройству земельные органы начали расселение многодворных деревень, образование выселков и хуторов, создание новых поселков (сельскохозяйственных комбинатов, коммун, трудовых артелей и пр.). Все это в совокупности обусловило рост численности сельских поселений и земельных обществ. В целом по РСФСР за 1922—1927 гг. было организовано свыше 4 тыс. новых поселков, в которые было выселено около 132 тыс. крестьянских дворов⁸.

Наиболее активно работы по отводу земель под хутора и выселки проводились в первой половине 1920-х гг. В 1919/20 г. объем землеустроительных работ по «выделу» хуторов составил 0,03 %, в 1922 г. он вырос до 7,3 %; в 1923 г. — до 9,8 %⁹. Однако уже начиная с 1924 г. Наркомзем РСФСР принимает ряд решений, которые объективно были направлены на приоритетное развитие коллективных форм землепользования и существенно ограничивали хуторскую систему. В частности, циркуляр от 24 октября 1924 г. «О прекращении хуторских разверстываний» предлагал отводить под хутора участки, не пригодные для образования поселков. На протяжении последующих лет число новых хуторских хозяйств резко сократилось. В 1924 г. объем землеустроительных работ по «выделу» на хутора составил 6 %; в 1925 г. — 5,3 %; в 1926 г. — 3,6 %; в 1927 г. — 2,2 %¹⁰.

Эта картина характерна и для Урала. В соответствии с данными справочника «Список населенных пунктов Уральской области», основная часть хуторов и выселков, образованных в 1920-е гг., возникла в период с 1922 по 1925 г.¹¹ С 1928 г. выдел на хутора сокращается и начинается процесс их сселения, который получил название «расхуторизации». Окончательно хутора были ликвидированы в конце 1930-х гг., когда в связи с упрочением колхозного землепользования было проведено их планомерное сселение на колхозные усадьбы. В дальнейшем хутор как населенный пункт, связанный с участковой формой землепользования, прекратил свое

существование. Хотя в наименованиях поселений слово «хутор» продолжало упоминаться вплоть до конца 1960-х гг., указывая главным образом на их малодворность.

Землеустроительные работы, проводившиеся в 1920-е гг., были ориентированы в первую очередь на упорядочение крестьянского землепользования и чаще всего затрагивали межселенный аспект. Анализируя ситуацию с землеустройством, специалисты тех лет отмечали, что до революции недостатки общинного землеустройства — межселенная чересполосица, дальнотемелье — не были искоренены. На Урале они проявлялись с особой остротой. В частности, в его западной и средней части было много мелкоконтурных пашенных массивов, которые невозможно было свести в крупные участки. Ситуацию усложняла лесистость территории¹². В Кунгурском, Пермском, Сарапульском, Свердловском и Шадринском округах в одном месте компактно имели землю только 10,9 % селений, в 39,4 % случаях земельные массивы крестьянских обществ были разбросаны по 2—10 местам, 41,6 % обществ имели землю в 11—50 местах, а 8,1 % — в 50 и более. В среднем по 5 округам центрального Урала пашенные участки отстояли от усадьбы на 3 км у 13,7 % селений, а свыше 10 км — у 35,9 %¹³.

При проведении межселенного землеустройства землеустроители с учетом природных условий пытались так нарезать земельные массивы обществ, чтобы максимально сгладить чересполосицу, устранить дальнотемелье, однако это получалось далеко не всегда. В качестве решения проблемы в этом случае предлагали расселение многодворных общин, дробление их на части и создание групп поселений мелкого и среднего размера. В результате практически по всем округам Уралобласти наблюдается рост численности населенных мест и снижение средней людности поселений, а в некоторых из них происходит изменение типа поселенческой сети со средне-селенной на мелкоселенную.

Межселенное землеустройство на Урале намечали завершить к 1935 г., но, несмотря на проведенные работы, его недостатки так и не были полностью преодолены: чересполосица, дальнотемелье,

мелкоконтурность пахотных массивов сохранились и были переданы в наследство колхозной системе.

Важнейшей чертой аграрной политики 1920-х гг. стало проведение мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, которые были ориентированы на развитие коллективных форм землепользования и создание системы государственных хозяйств. Трудовые артели, коммуны и другие разновидности коллективных хозяйств начинают создавать уже в 1918 г., но заметным явлением они стали позднее — после окончания Гражданской войны и принятия Земельного кодекса 1922 г.

В начальный период колхозы чаще всего создавались на землях крестьянских обществ. В этом случае в результате проведения землеустроительных работ им отводился участок лучшей земли из общинного фонда, а сами колхозники оставались жить в деревне, территориально не обособляясь от других жителей. В справочнике Екатеринбургской губернии за 1923 г. такие хозяйства нередко отмечались как «деревни с трудовой артелью».

Реже колхозы создавались на незанятых землях: земельный участок отводился артели из фонда государственных земельных имуществ: это могли быть пустоши или заброшенные, необжитые территории, целина. Хозяйственное освоение таких земель, как правило, было связано с созданием нового поселения, которое регистрировалось как трудовая артель или коммуна. На территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение такого рода. Их жизнеспособность однозначно оценить трудно, так как большинство из них распалось, другие были в дальнейшем переименованы и фигурировали в списках уже под новыми именами. Интерес представляет пространственная структура таких поселков. По сведениям справочника 1923 г. в них отсутствовали индивидуальные хозяйства, а жилые постройки соответствовали, видимо, барачному типу¹⁴.

Новым явлением в этот период стали совхозные поселки, строительство которых было связано с созданием системы государственных сельскохозяйственных предприятий. Начало совхозному

строительству положил Декрет о земле 1917 г., предусматривавший создание на базе бывших поместий социалистических сельскохозяйственных предприятий. В конце 1918 г. в РСФСР насчитывалось 3 101 государственное хозяйство, в т. ч. на Урале — 80 хозяйств¹⁵. Примерно в это же время появилась еще одна новая форма организации сельскохозяйственного производства, просуществовавшая вплоть до 1990-х гг., — подсобные хозяйства предприятий. Декретом Совнаркома от 15 февраля 1919 г. «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» на пустующих и незанятых землях предприятиям было разрешено создавать п р и п и с н ы е хозяйства. Они выполняли функции продовольственного обеспечения работников тех промышленных предприятий или советских учреждений, к которым приписывались. К 1920 г. число государственных хозяйств на Урале выросло до 139, в т. ч. приписных — 37 хозяйств¹⁶.

Совхозы рассматривались как наиболее перспективная и соответствующая социалистическим принципам форма организации сельскохозяйственного производства. В них пытались реализовать индустриальные принципы: разделение труда, механизацию, специализацию. Поэтому совхозы часто называли «фабриками по производству зерна и мяса», а их деятельность строилась по аналогии с промышленным производством.

Развитие совхозного строительства в 1920-е гг. шло очень неравномерно. В 1921—1926 гг. происходит сокращение числа совхозов, обусловленное во многом введением хозрасчета, перестройкой системы управления совхозами, трестированием. И только с 1927 г. их численность вновь начинает расти.

С созданием совхозов связано появление нового типа населенного пункта — совхозного поселка, который изначально воспринимался как разновидность промышленного поселения с соответствующими элементами планировки, застройки и организации. Именно тогда впервые была сформулирована идея «агрокорода» — сельского поселения будущего, которое не будет иметь ничего общего с обычной деревней, а станет напоминать город-сад.

Эти идеи попытались воплотить в жизнь в 1929—1930 гг. в связи с принятием Декрета ВЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых советских хозяйств». Всего за период 1930—1932 гг. число совхозов в СССР выросло с 800 до 1 971¹⁷. Земельная площадь зерновых хозяйств в этот период составляла в среднем около 80 тыс. га, животноводческих — 100 тыс. га.

Огромные хозяйства формировали свою систему внутрихозяйственного расселения, состоящего из нескольких поселков (обычно 4—5), разбросанных по территории совхоза. Они назывались отделениями. Несмотря на имевшиеся типовые планы, подавляющее большинство совхозных поселков возводилось стихийно. В первую очередь строились производственные и хозяйственные помещения, а затем, по остаточному принципу, жилые постройки — землянки, бараки. С течением времени временные жилые постройки заменялись постоянными. Чаще всего это были дома, рассчитанные на соседское проживание 2—4 семей. Тем самым разрушались традиции индивидуальной застройки сельских поселений.

В 1930-е гг. в стране начался принципиально новый этап аграрного развития, связанный с оформлением колхозно-совхозной системы. Если в 1920-е гг. колхозы и совхозы выступали как дополнение к мелкотоварному крестьянскому хозяйству, то в 1930-е гг. в результате коллективизации крестьянское хозяйство было поглощено укрупненными формами сельскохозяйственного производства и постепенно трансформировалось в индивидуальное подсобное хозяйство, основной функцией которого стало обеспечение семьи сельскохозяйственной продукцией. Приусадебное хозяйство выступало как необходимый элемент колхозно-совхозной системы землепользования и сохранялось на протяжении всего изучаемого периода, влияя на образ жизни сельского населения и динамику аграрного производства.

Для 1930-х гг. были характерны особенности, которые, дополняя друг друга, способствовали росту сельской поселенческой сети.

Во-первых, Россия в этот период оставалась преимущественно аграрным обществом, где сельское хозяйство сохраняло позиции

ведущей отрасли экономики. В условиях преобладания экстенсивных технологий существовала постоянная потребность вовлечения в сельскохозяйственный оборот все новых угодий. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в развитии сельскохозяйственного переселения, которое вплоть до 1950-х гг. выступало в качестве важнейшего канала перераспределения трудовых ресурсов между перенаселенным центром и слабо заселенными окраинами. Аграрное расселение в этот период еще не исчерпало себя, особенно на Урале, где значительная часть территорий оставалась неосвоенной.

Во-вторых, расширение системы сельского расселения стало следствием той организационной перестройки, которую переживал аграрный сектор. Массовая коллективизация, организация совхозов, строительство МТС и создание подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций — все это объективно способствовало появлению новых сельскохозяйственных поселений, соответствующих условиям укрупненного аграрного производства¹⁸.

Следует отметить, что колхозная система, сформировавшаяся в ходе коллективизации в начале 1930-х гг., в отличие от совхозов, опиралась на традиционную систему расселения. Более того, создание колхозов осуществлялось с учетом сложившейся поселенческой сети, в значительной мере воспроизводя общинные принципы самоорганизации, в том числе и такие недостатки землепользования, как чересполосица и дальнотемелье. В 1930—1940-е гг. подавляющее большинство колхозов включало одно поселение, что способствовало сохранению и развитию сложившейся поселенческой сети.

Вместе с тем колхозное производство внесло свои коррективы во внутривоспроизводственное территориальное устройство, приводя к появлению новых разновидностей временных поселений, таких как полевые станы, летние фермы, лагеря и т. д., которые были необходимы для организации производственных процессов.

Идея создания бригадных полевых станов была впервые выдвинута в колхозе «Первенство» Ульяновского района Средне-

Волжского края осенью 1932 г. Здесь значительная часть полевых угодий располагалась на расстоянии 7—10 км от населенных пунктов, в результате чего во время посевной и уборки на ежедневные поездки к месту работы уходило по 3 часа. Общее собрание колхозников приняло решение: на месте работы каждой бригады построить жилой дом, навес для молотьбы, сарай, амбар, столовую. К лету 1933 г. этот опыт был взят на вооружение уже во многих колхозах. На полевых станах стали строить зернохранилища, амбары, бани, здесь появились детские сады, ясли и красные уголки¹⁹. Однако фактически обустройство полевых станов шло по упрощенной схеме: вагончики на 12—20 человек для отдыха, общий стол под навесом для принятия пищи; навес для молотьбы. Пример такого полевого стана можно увидеть в фильме И. Пырьева «Трактористы», снятого в 1939 г. Несмотря на пропагандистский характер фильма, он сохранил для нас исчезнувшие образы временных сельских поселений колхозной эпохи. Более поздний вариант полевого стана можно наблюдать в документально точном фильме 1960-х гг. «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (реж. А. Кончаловский), где, собственно, и разворачивается весь сюжет.

Подобные поселения были свойственны колхозам с большим земельным фондом, разбросанным на значительном расстоянии от деревни. Достаточно часто они встречаются на Урале. Только по Свердловской области в 1939 г. десятки таких поселений с количеством жителей от 3 до 14 человек насчитываются в Пышминском, Белоярском и других районах²⁰.

Помимо полевых станов появились временные и постоянные поселения, связанные с животноводством, — поселки при фермах, летние лагеря. Это было принципиально новым явлением, так как крупное животноводство для общинной деревни не было характерно. Фермы стали появляться в результате обобществления рабочего и продуктивного скота и не сразу получили организационное оформление. Первоначально, в связи с отсутствием необходимых помещений, коров и лошадей продолжали держать на крестьянском

подворье. В октябре 1931 г. в 11 тыс. колхозах Урала насчитывалось всего 1 748 ферм крупного рогатого скота, а к концу 1932 г. — уже 3 257 ферм²¹. Для организации содержания скота требовалось капитальное строительство скотных дворов и подсобных помещений. Животноводческие комплексы нередко в соответствии с санитарными требованиями выносились за пределы деревни, ближе к пастбищам и водным источникам. Недаром животноводство на долгие годы оставалось одной из наиболее проблемных отраслей. Требовались значительные средства, новые технологии и организационные формы, чтобы сделать его минимально доходным. К 1939 г. на Урале насчитывалось 1 485 поселений, относящихся к категории колхозных ферм и бригад, их удельный вес составил 3,2 %²².

Существенным фактором развития поселенческой сети в сельской местности стало формирование сети машинно-тракторных станций (МТС), а затем и ее расширение — до нескольких в сельском районе. Трактор стал одним из основных символов первых пятилеток и колхозного строительства. Внимание к этому вопросу со стороны власти было очень пристальным. Первая тракторная колонна была организована в 1927 г. на базе совхоза имени Шевченко Березовского района Одесского округа. В ноябре 1928 г. она была преобразована в МТС, одновременно были созданы тракторные колонны в 73 совхозах (рис. 1)²³. 5 июня 1929 г. Совет труда и обороны принял постановление «Об организации машинно-тракторных станций», положившее начало механизации сельскохозяйственного производства в деревне. К концу 1932 г. в СССР численность МТС достигла 2446²⁴. Они стали центрами модернизации аграрной сферы, затронув социальную структуру сельского общества, условия труда и образа жизни. Трактористов МТС можно считать пионерами сельской индустриализации и урбанизации, так как они способствовали профессионализации сельскохозяйственной сферы. Определенное влияние МТС оказали на трансформацию поселенческой сети.

Рис. 1. Коммуна КИМ Ирбитского округа Свердловской области
1932—1933²⁵

В 1940 г. по СССР действовали 7 069 МТС, а в РСФСР — 4 532. Система МТС формировалась с учетом административно-территориального деления. Изначально они создавались в крупных селах, имеющих статус районных центров. Но в дальнейшем выделялись в самостоятельное поселение. Так, по подсчетам С. А. Ковалева, к 1940 г. в СССР было образовано около 7 тыс. новых поселков на базе МТС²⁶, т. е. фактически по числу созданных МТС. Поселки МТС интересны тем, что с их появлением складываются новые типы хозяйственных центров и новая периферия, что нередко служило поводом для перекраивания границ административных районов.

Всего по данным переписи 1939 г. в структуре расселения отмечено поселков совхозов и МТС в РСФСР 8 858 (2,2 %), на Урале — 1 050 (2,3 %), в Свердловской области — 65 (1,3 %). Наиболее широко они представлены в Чкаловской (442, 9,3 %) и

в Челябинской (338, 5,2 %) областях в связи с активным совхозным строительством²⁷.

Создание колхозно-совхозной системы придало заметный импульс росту поселенческой сети, но одновременно заложило основы ее дальнейшей перестройки в соответствии с потребностями крупного производства. Первые попытки укрупнения колхозов были предприняты в стране уже в 1935—1937 гг., хотя большинство хозяйств сохранили относительно небольшой размер.

Толчком к реализации подобной практики послужило Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной полосы». В нем прозвучали предложения по укрупнению мелких колхозов (до 10 дворов)²⁸. За период с 1935 по 1938 г. по СССР численность колхозов в результате укрупнения уменьшилась на 6,4 тысячи²⁹. За последующие два года число сельхозартелей в СССР сократилось еще на 4,8 тысячи³⁰.

С этого времени укрупнение сельскохозяйственного производства стало одним из базовых принципов советской аграрной политики. Оно способствовало повышению управляемости аграрным сектором, создавало иллюзию движения вперед, позволяло осуществлять перераспределение средств колхозов. Наиболее активно объединение колхозов шло в Ярославской, Калининской, Костромской областях, для которых была характерна мелкоселенность, а значит, здесь преобладали небольшие по размерам колхозы. Сокращение численности колхозов составило от 25 до 50 %³¹. В Свердловской области на территории Ачитского района еще до войны в результате объединения был создан колхоз «Заря» с земельной площадью 7 135 га. Хозяйство рассматривалось властями как образцово-показательное. В центре колхозных земель был построен большой поселок, где имелись библиотека, клуб, амбулатория, велось жилищное строительство³².

Важнейшим следствием укрупнения колхозов в предвоенные годы стала дифференциация сельских населенных пунктов в зави-

симости от их места в системе производства. Появились центральные усадьбы, а также поселки бригад и отделений, имевшие более низкий статус. Административные, общественные, образовательные, медицинские и культурно-бытовые учреждения стали концентрироваться на центральных усадьбах, создавая тем самым предпосылки для их развития.

С конца 1930-х гг. все более явственно проявляется тенденция к концентрации населения в наиболее крупных населенных пунктах колхозов и совхозов. Уже в 1938 г. было сселено 18 131 хозяйство в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях³³. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г. предложил повсеместно ликвидировать хутора и переселить колхозников, проживающих там, в деревни, наделив их приусадебными участками по уставным нормам. В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21—24 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» перед местными властями была поставлена задача провести сселение хуторов до 1 сентября 1940 г.³⁴ Всего по стране в этот период на хуторах и в малодворных поселениях проживало 801 489 семей, по РСФСР — 351 тысяча³⁵. По плану 1939 г. в РСФСР сселению подлежали 23 тыс. хуторских хозяйств, в том числе 8 тыс. дворов расселялись в новые поселки, а 15 тыс. — в уже существующие. На строительство и благоустройство новых поселений выделялось 45 110 тыс. рублей³⁶. Всего по СССР к 1941 г. было распланировано около 5 500 новых колхозных поселков³⁷. К 1941 г. в стране фактически было сселено 282,1 тыс. крестьянских хозяйств³⁸. В Свердловской области по данным за 1940 г. подлежало сселению 2 599 хуторов, в т. ч. 1 957 колхозных, 363 индивидуального землепользования. К концу года было фактически сселено 2 148 хуторов, т. е. 82,6 %³⁹.

Рассматривая предвоенный период, нельзя обойти вниманием еще одно направление аграрной политики — перевод на оседлость кочевых и полукочевых хозяйств, затронувший обширные территории страны, в т. ч. Казахстан, Сибирь, Урал. Эта политика начала проводиться одновременно с массовой коллективизацией.

В частности, в 1931 г. в Адамовском районе Средне-Волжского края⁴⁰ было создано 8 колхозов, где насчитывалось 874 хозяйства казахов. В 1938 г. в Чкаловской области было создано 36 казахских колхозов⁴¹, в которых насчитывалось 2 718 семей, проживающих в 106 населенных пунктах⁴². На создание новых поселений для полукочевых народов тратились солидные средства и материальные ресурсы, но традицию переломить было нелегко. Семьи казахов, поселившиеся в новых поселках, весной откочевывали на дальние расстояния⁴³.

Кроме казахов, объектом политики оседлости стали цыгане⁴⁴. В архивных документах неоднократно встречаются упоминания о попытках привлечения кочующих цыган к сельскохозяйственному производству. Так, например, в 1933 г. в Красноуфимском районе Уралобласти создается цыганский колхоз «Красный Восток»⁴⁵. В Челябинской области в Кунашакском районе в 1936 гг. появился колхоз «Новая жизнь», объединивший 18 семей цыган. Разрабатывался план организации еще нескольких цыганских колхозов⁴⁶. Однако несмотря на все усилия властей цыгане долго не задерживались на одном месте, продолжая кочевать.

На Урале в поле воздействия политики оседлости попали также манси. В целом, переводу на оседлость по плану 1939 г. в РСФСР подлежало 2 855 полукочевых хозяйств, все они расселялись во вновь построенные поселки⁴⁷.

Таким образом, 1930-е гг. занимают особое место в развитии российской деревни: коллективизация и индустриализация резко меняют и экономическую, и социальную структуру советского общества, эти изменения находят свое непосредственное отражение в поселенческой сети, условиях жизни сельского населения. Появляются новые типы сельских поселений — поселки совхозов, МТС, подсобных хозяйств предприятий; предпринимаются шаги по созданию нового образа деревни в соответствии с полумифологическими представлениями об агрогородах⁴⁸.

Сельскохозяйственное расселение к этому времени еще не исчерпало свои внутренние ресурсы и переживало стадию роста.

Однако естественные процессы развития сельской местности испытали на себе мощное влияние политических решений: с одной стороны, они преждевременно ускорили процессы концентрации и укрупнения поселенческой сети, а с другой — замедлили развитие социально-бытовой сферы деревни и ее инфраструктуры, поскольку деревня стала основным источником ресурсов для проведения индустриализации. В это время утвердились конфискационные принципы аграрной политики и потребительский взгляд на деревню, которые на долгое время определили дискриминационный характер политических решений в отношении аграрной сферы и сельской местности. В целом коллективизацию можно рассматривать как фактор, нарушивший естественный ход эволюции российской деревни. Деструктивный подход к ее преобразованию постепенно начал преобладать: чтобы создать новую («социалистическую») деревню, уничтожали старую.

Эти тенденции были усилены Великой Отечественной войной, которая существенно повлияла на систему сельского расселения. Тысячи деревень были уничтожены, сожжены, особенно те поселения, которые находились в стратегически значимых местах (станции, мосты, транспортные узлы, пристани), пострадали деревни, расположенные в местах действий партизанских отрядов⁴⁹. Были практически полностью уничтожены многие крупные населенные пункты вблизи станций, аэродромов, военных предприятий, использованные как опорные пункты обороны. Для сельского расселения Европейской России в целом последствия войны были связаны с разрушением его каркаса.

Война затронула не только прифронтовые, но и тыловые районы, где происходила перестройка поселенческой сети в соответствии с военными нуждами. Она в первую очередь коснулась городских поселений: их численность и размеры в годы войны начинают интенсивно расти. Меньшему влиянию в тыловых районах подверглось сельское расселение, его размер в ряде регионов даже имел тенденцию к росту за счет появления новых промышленных, лесохозяйственных и транспортных поселений. Одновременно уси-

лились процессы концентрации — сосредоточения населения в крупных населенных пунктах, выполняющих роль центров для прилегающей округи. С другой стороны, в годы войны началось обезлюдение деревни как результат мобилизации и роста миграции населения. Структурная перестройка поселенческой сети дополнилась разрушением ее социальной сферы: снизился уровень благоустройства и обеспеченности сельских жителей культурно-бытовыми учреждениями.

С 1943 г. на освобожденных территориях начался процесс возрождения разрушенных войной деревень. Реставрация происходила, как правило, на традиционной основе, но с элементами модернизации, в которых нашли отражение новые представления о путях развития села.

В 1946—1950 гг. аграрная политика была направлена на решение задач восстановления довоенного уровня производства, при этом основным способом достижения поставленных целей рассматривался рост производительности труда, т. е. выдвигались лозунги, связанные с интенсификацией. Но на практике мероприятия носили преимущественно организационный характер и отражали курс на экстенсивное развитие.

В четвертом пятилетнем плане перед аграрным сектором были сформулированы следующие задачи: расширение посевных площадей коллективных хозяйств, увеличение поголовья скота и машинного парка МТС, введение новых форм организации и оплаты труда, электрификация и, наконец, укрупнение хозяйств. Причем последнее мероприятие можно считать магистральным направлением аграрной политики этого периода, оказавшим наиболее заметное влияние на перестройку поселенческой структуры сельской местности.

Массовое укрупнение колхозов началось в 1950 г. с принятием постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и постановления Совета Министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов»⁵⁰.

В них отмечалось, что необходимым условием развития колхозного производства является его укрупнение, оно позволит использовать с наибольшей отдачей сельскохозяйственную технику, трудовые ресурсы и землю.

Всего на Урале было объединено 60 % колхозов, причем наибольшего размаха этот процесс достиг в Свердловской области, где за 1950 г. количество сельхозартелей уменьшилось с 2 124 до 957, а к 1953 г. — до 721⁵¹. Большую роль в форсировании процессов укрупнения сыграл субъективный фактор — позиция областных властей, в частности обкома партии. В Свердловской области неукрупненными остались около 200 колхозов, расположенных в северных районах. Объединить эти хозяйства, разделенные лесами и болотами, было просто нереально.

Объединение колхозов осуществлялось административными методами по принципу присоединения к сильному колхозу нескольких более слабых. На укрупненное хозяйство ложились долги вошедших в его состав колхозов. Фактически это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом плане хозяйств за счет их более зажиточных соседей. В результате появились гигантские хозяйства, включавшие более 10 артелей, такие как, например, колхоз им. Ленина Тугулымского района. Он был образован в результате объединения 12 хозяйств и имел общую земельную площадь более 25 тыс. га⁵². В планах развития нового хозяйства в числе наиболее важных задач стояло сселение в течение ближайших 4—5 лет всех мелких населенных пунктов, имеющих до 50 дворов, на центральную усадьбу.

Показательно, что вопросы хозяйственного укрепления «новых» колхозов неразрывно связывались с проблемой сселения малых деревень. Об этом свидетельствуют материалы совещания работников местных сельскохозяйственных органов по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов, состоявшегося в 1950 г.⁵³ Все руководители единогласно высказывались за необходимость развития и обустройства центральной усадьбы; подавляющее большинство деревень, расположенных на территории

колхозов, планировалось сселить. Более того, недвусмысленно заявлялось, что «без сселения ликвидировать противоположность между городом и деревней нельзя. Водопровод, канализация, детсады, разве может мелкий колхоз это сделать...?»⁵⁴

Всего по РСФСР предполагалось сселить 3 650 тыс. дворов (18,2 %) ⁵⁵. Был даже составлен предварительный проект постановления, однако дальше этого дело не пошло. Основной причиной приостановки планов стали финансовые трудности. Примерный расчет стоимости переноса 1 пятистенного дома с надворными постройками на расстояние 7 км составил 14 933 рубля⁵⁶. Кто будет финансировать дорогостоящие мероприятия по переезду и обустройству новоселов? Колхозы, на которые пытались переложить все расходы, находились в состоянии кризиса. Уже в мае 1951 г., столкнувшись с нарастающими проблемами форсированного укрупнения колхозов, Министерство сельского хозяйства в приказном порядке начинает тормозить центробежные силы: «Объединение колхозов не означает обязательного создания в каждом колхозе единого населенного пункта путем сселения деревень»⁵⁷.

Необходимость вложения больших средств и материальных ресурсов отодвинули на некоторое время проблемы переселения, и колхозы стали приспосабливаться к новым условиям, модифицировав традиционную уже бригадную форму организации производства в новый вариант — комплексные бригады, которые фактически создавались на месте попавших под укрупнение колхозов, воспроизводя на уровне бригады привычные формы организации труда. Таким образом, укрупнение, и это неоднократно отмечалось в документах, фактически свелось к механическому суммированию территорий, материальных и трудовых ресурсов. В результате в сельской местности формируется новое внутрихозяйственное расселение, при котором в один колхоз входило несколько поселений, а в некоторых случаях — несколько десятков. Так, например, колхоз им. Дзержинского, расположенный на территории Ильинского сельсовета Пермской области, объединял в 1962 г. 76 населенных пунктов⁵⁸.

К 1979 г. в среднем по СССР на один колхоз или совхоз приходилось 7,5 поселений⁵⁹.

В начале 1950-х гг. сселение, несмотря на привлекательность этой идеи, все же не стало массовым явлением. Встречаются лишь отдельные случаи плановых переселений, которые рассматривались как своеобразный эксперимент.

Укрупнение колхозов по существу не было экономически оправданным: еще не существовало достаточных предпосылок для создания в массовом порядке крупных специализированных хозяйств, а форсирование этого процесса поставило хозяйства в очень сложную ситуацию, усиливая кризисные явления. Можно сказать, что кампания по укрупнению колхозов в начале 1950-х гг. по своим целям (получение дополнительных средств от колхозов и перераспределение доходов), методам (администрирование и формальное осуществление принципа добровольности) и последствиям была продолжением политики коллективизации в новых условиях и более мягкими методами. Необходимость получения дополнительных средств от сельского хозяйства было главной причиной массового укрупнения, поскольку тем самым повышалась управляемость сельской местностью, усиливалась централизация. Результаты укрупнения были не менее трагичны, чем в 1930-е гг.: нарушение существующих систем землепользования, усиление эксплуатации труда крестьянства, закрепление экстенсивных форм ведения хозяйства, углубление стагнации сельскохозяйственного производства и разрушение традиционной системы расселения, обезлюдение и исчезновение периферийных деревень.

Оценивая кампанию начала 1950-х гг., нужно подчеркнуть, что ее все же следует рассматривать как отражение объективных процессов кооперации и специализации сельскохозяйственного производства, свойственных индустриальному обществу. Укрупнение — один из признаков агроперехода, индустриализации сельского хозяйства. Однако в условиях послевоенного времени этот процесс был преждевременным, приобрел деформированный характер, проводился форсированно и непродуманно, без учета

экономических предпосылок. Создание крупного специализированного или многоотраслевого хозяйства предъявляло особые требования к технической базе, кадровому обеспечению. Ни то ни другое не могло быть выполнено в условиях кризиса начала 1950-х гг.

Процессы укрупнения продолжались и в последующие годы, новый всплеск активности в этом направлении наблюдался на рубеже 1950—1960-х гг., ускоряя центробежные тенденции в рассеении. Укрупнение хозяйств неизбежно вело к перекраиванию сельской местности, изменению статуса населенных пунктов, перераспределению функций и созданию новой иерархии сельских населенных мест, где возможности развития получали центральные усадьбы, другие селения, поселки производственных подразделений, а также вспомогательные поселения при фермах и участках, вплоть до 1980-х гг. рассматривались как неперспективные.

Наряду с преобразованием колхозной системы в 1950-е гг. продолжалось развитие совхозов преимущественно двух направлений: первое было связано с созданием новых совхозов на целинных и залежных землях в 1954—1965 гг.; второе включало преобразование «экономически слабых» колхозов в совхозы. Эти мероприятия вошли в программу подъема сельского хозяйства страны, которая была разработана правительством Н. С. Хрущева для преодоления кризисных явлений.

Приход к власти Н. С. Хрущева положил начало новому этапу развития советского общества, получившему название оттепели. Аграрная политика стала одним из приоритетных направлений нового руководства, способствуя положительным сдвигам как в производстве, так и в уровне жизни сельского населения. Но одновременно она стала причиной нового кризиса, в результате которого РСФСР из страны, экспортирующей зерно, превратилась в импортера. Пытаясь достичь мгновенного роста экономических показателей, Н. С. Хрущев делал ставку на различные «чудодейственные» рецепты, которые далеко не всегда оказывались полезными для деревни.

Первым и, пожалуй, наиболее продуктивным шагом нового правительства были решения, принятые на сентябрьском (1953 г.)

Пленуме ЦК КПСС, в которых не только было признано наличие серьезных проблем в сельском хозяйстве, но и намечены пути их решения, ориентированные на использование экономических стимулов: повышение заготовительных цен, упорядочение системы заготовок, снижение налогов. В целом по стране сумма сельхозналога сократилась на 43 %, а в 1954 г. — в 2,5 раза по сравнению с 1952 г.⁶⁰ Были существенно снижены нормы обязательных поставок с приусадебных крестьянских хозяйств, а с 1958 г. они полностью отменялись.

Результаты не замедлили сказаться: денежные доходы колхозов в стране за 1954—1955 гг. возросли на 90 млрд рублей. Рост капиталовложений позволил значительно укрепить экономику деревни, изменилась и материально-техническая база сельского хозяйства. К концу 1958 г. сумма основных средств в колхозах Урала увеличилась в 3 раза по сравнению с 1950 г.⁶¹

Крупнейшим мероприятием хрущевского десятилетия стало освоение целины. Оно интересно не только тем, что это был крупнейший эксперимент в истории земледелия, в результате которого в сельскохозяйственный оборот было введено более 42 млн га земли. Целинная кампания послужила толчком к заселению ранее пустующих территорий, повлияв на количественные и качественные характеристики поселенческой сети Казахстана, Урала, Сибири и Алтая.

Первоначально целинная кампания начиналась как программа расширения посевов зерновых за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот неосвоенных земель. Наличие свободных земель было особенно характерно для Сибири, Казахстана, Урала, Поволжья, где они составляли не менее 8,7 млн га. В условиях преобладания колхозной системы ставка сначала делалась на колхозы. Им предстояло поднять в 1954—1955 гг. около 4,7 млн га земель, в т. ч. в Челябинской области — 159 тыс., в Башкирии — 100 тыс., Свердловской области — 9 тыс., Чкаловской — 100, Курганской — 200 тыс. га⁶².

Одновременно было намечено другое направление — организация новых совхозов. В Чкаловской области на территории в 379 тыс. га предполагалось организовать в 1954 г. 8 совхозов, в Челябинской — 2 совхоза, а всего по РСФСР — 28 совхозов на площади 918,6 тыс. га⁶³.

В 1954 г. на Пленуме ЦК КПСС было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»⁶⁴, где было решено распахать в 1954—1955 гг. не менее 13 млн га новых площадей. Уральская целина занимала в этом списке достойное место — Оренбуржье, Курганская, Челябинская области, Башкирия стали активно осваиваться новоселами со всех концов страны (рис. 2).

Новые земли обрабатывались в основном силами колхозов, а на наиболее отдаленных участках создавались новые совхозы. Так возникли зерносовхозы им. Горького в Челябинской области, «Урал» в Башкирии, «Адамовский», «Восточный» и другие — в Оренбуржье, где было распаханно свыше 1 млн га. Всего за 1954—

Рис. 2. Первые дни на целине. Худ. П. А. Смолин

1955 гг. в системе Министерства сельского хозяйства РСФСР было организовано на целинных землях 89 зерновых совхозов, из них в 1954 г. — 38, в 1955 г. — 51. В Оренбургской области на целинных и залежных землях было создано 11 совхозов, в Челябинской области — 9, в Башкирской АССР — 4. Новые совхозы организовывались как крупные механизированные зернохозяйства. В среднем на один совхоз приходилось 23 тыс. га посевной земли⁶⁵.

Освоение целины потребовало крупных капиталовложений. За 1954—1955 гг. в создание новых совхозов было направлено 1 480 млн рублей, или в среднем по 16 млн руб. на одно хозяйство. На эти средства удалось построить на центральных усадьбах минимально необходимый объем жилой площади (в среднем на одного человека приходилось около 3 кв. м), зернохранилища, магазины, столовые, пекарни, школы, ясли. В последующие годы внимание к совхозам было ослаблено. В частности, в 1957 г. на капитальное строительство в совхозах было выделено всего 2 044 млн руб., в 1958 г. — 1 992 млн⁶⁶. В результате к 1958 г. ситуация с жильем и благоустройством не улучшилась, продолжая оставаться критической.

Таким образом, расширение посевных площадей за счет подъема целины стало важной составной частью аграрной политики этого времени. Но оценка данного явления неоднозначна. С одной стороны, освоение целины — это попытка увеличить производство сельскохозяйственной продукции экстенсивными методами, что традиционно для России с ее необозримыми земельными ресурсами, а с другой — целина, без сомнения, пример трудового подвига народа, которым нельзя не восхищаться. На освоение целины были затрачены огромные средства. Возникает вопрос: не слишком ли велика цена за дополнительные несколько миллионов тонн зерна? Нехватка материальных и денежных ресурсов, отсутствие дорог, плохая обеспеченность целинных совхозов рабочей силой, недостаток квалифицированных кадров — все это во многом компенсировалось энтузиазмом и верой комсомольцев

и коммунистов. Целинникам на первых порах пришлось жить в землянках, в зданиях школ, хозяйственных постройках, а иногда и в шалашах. Плохо был налажен быт, медицинская помощь. Многие новоселы не выдерживали этих испытаний и уезжали. В 1954 г. в совхозы Оренбургской области прибыло 5,2 тыс. механизаторов, а уехало 3 тыс., в 1956 г. уже 65,9 % из приехавших покинули целину⁶⁷.

Большой проблемой в освоении целинных земель стали сложные природно-климатические условия, незнание и неумение правильно применять агротехнику. Тяжело отозвалась и засуха 1955 г., когда собранный урожай оказался почти в 2 раза меньше, чем в предыдущие годы. Несмотря на это, к 1956 г. доход от реализации зерна, полученного с целинных земель (9 млрд руб.) полностью покрыл все расходы на строительство новых совхозов и оснащение их техникой⁶⁸, и целинная кампания была признана успешной и оправданной.

В контексте расселения освоение целины способствовало созданию новых локальных систем в ранее необжитых районах. Причем формирование поселенческой сети здесь шло по законам аграрно-индустриальной среды. Целинные поселки закладывались при проектировании совхозов в местах, соответствующих производственным требованиям, но далеко не всегда отвечающих санитарно-экологическим стандартам. Игнорировались, например, такие недостатки местности, как отсутствие питьевой воды, незащищенность от ветров, затопляемость талыми водами и пр. В результате для решения проблем благоустройства населенных мест требовались дополнительные капиталовложения.

Для целинных поселений характерен и свой, урбанизированный, вариант застройки. Уже в 1954 г. для целинных совхозов проектными организациями разрабатывались типовые планы центральных усадеб, где преобладали двухэтажные блокированные дома⁶⁹. Подобный подход к проектированию давал экономию до 800 тыс. рублей на один совхоз. Так, например, в соответствии с Генеральной схемой застройки центральной усадьбы совхоза

Полевой Домбаровского района Чкаловской области, который был организован в 1954 г., планировалось построить пять четырехквартирных щитовых домов и 10 двухквартирных, 17 двухквартирных кирпичных домов и только десять одноквартирных. Жилые дома индивидуальной застройки не предусматривались⁷⁰. В центре поселка выделялась площадь с административными и общественными зданиями и клубом. Производственный сектор отделялся от жилого зелеными насаждениями. В результате к началу 1960-х гг. целинные поселки приобретают городские черты. Как отмечали очевидцы, «центральные усадьбы совхозов в основном хорошо отстроены, в них разбиты парки, озеленены улицы. Они выглядят как благоустроенные рабочие поселки»⁷¹.

Всего на Урале за период 1954—1960 гг. было освоено 2 925 тыс. га залежных земель, в 1,5 раза увеличилось производство зерна: с 8,1 млн т до 12,0 млн. т в среднем за год⁷². Но многочисленные ошибки, допущенные в ходе этой кампании, высокая цена, заплаченная за хлеб, а возможно, преждевременность столь масштабных и активных действий не позволили решить хлебную проблему. Освоение целины во многом предопределило экстенсивное направление развития сельского хозяйства на ближайшее десятилетие и отодвинуло на второй план необходимость решения обострившихся проблем Нечерноземья.

Наряду со строительством совхозов с 1954 г. в нарастающем темпе проходил другой организационный процесс, который получил в литературе название «совхозизации» и был связан с массовым переводом колхозов в совхозы. Всего с 1954 по 1980 г. в РСФСР было преобразовано 17 тыс. колхозов, причем наиболее интенсивный этап реорганизации, по мнению В. Я. Романченко, приходился на 1954—1965 гг.⁷³ На первом этапе преобладали экономические мотивы, т. е. слабые колхозы реорганизовывались в совхозы с целью увеличения государственных капиталовложений в развитие хозяйства. В дальнейшем преобразование колхозов в совхозы приобрело в большей степени идеологическое звучание. Государственные формы хозяйствования рассматривались как наиболее адекватные

задачам строительства коммунизма: их считали более передовыми и прогрессивными, чем коллективные, поэтому государственные хозяйства в перспективе должны были вытеснить кооперативные. Таким образом, во второй половине 1950-х гг. значительно возрастает роль совхозов в аграрном секторе. На Урале самый высокий удельный вес совхозы имели в Челябинской и Свердловской областях, а самый низкий — в Пермской области и Удмуртии, где коллективные хозяйства остались преобладающей формой организации производства.

В Челябинской области уже в 1954 г. первые 19 колхозов были преобразованы в совхозы. На Среднем Урале этот процесс начался в 1957 г., на Западном Урале — в 1964 г. Только в 1960 г. в Оренбургской, Свердловской и Челябинской областях на базе бывших колхозов было создано около 200 государственных хозяйств, а всего за 4 года на Урале 967 колхозов реорганизовали в 120 совхозов. Для многих слабых хозяйств это имело положительное значение, так как работники получали более высокий и стабильный заработок, укреплялась материально-техническая база новых хозяйств. Но нередко в число реорганизованных совхозов попадали сильные в экономическом отношении колхозы, как, например, колхоз «Заря» Ачитского района Свердловской области. Для них реорганизация не дала положительных результатов, тем более что в целом совхозы в 1930—1950-е гг. были более убыточными, чем колхозы, и всегда находились на дотации государства.

Характерно, что преобразование колхозов в совхозы сопровождалось увеличением земельных массивов хозяйств, усиливая процессы концентрации населения и производства. В этом же направлении действовала и другая крупная кампания. В 1958 г. февральский пленум ЦК КПСС постановил реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические (РТС)⁷⁴, а технику на определенных условиях передать в колхозы. Для облегчения покупки техники колхозам списывали задолженности прошлых лет, выдавали кредиты. Создание собственного машинно-тракторного парка не могло не отразиться на экономике колхозов:

существенно возросли расходы хозяйств; кроме того, поспешность, с которой прошла реорганизация МТС, спровоцировала такое количество финансовых, технических, организационных проблем, что они перевешивали плюсы от приобретения техники. Вместе с тем реформа подтолкнула процессы, связанные с концентрацией производства и объединением хозяйств в более крупные организационные формы.

Итоги аграрной политики 1950-х — первой половины 1960-х гг., как и ее содержание, достаточно противоречивы. В ее рамках можно выделить два этапа: 1) 1953—1956 гг. — время, когда наиболее последовательно предпринимались попытки использовать экономические рычаги, материальные стимулы для обеспечения подъема сельского хозяйства, что и принесло наиболее ощутимые результаты; 2) 1957—1964 гг., когда произошла постепенная переориентация на преимущественно организационные решения, перед сельским хозяйством ставились нереальные задачи и проводились всевозможные «научные» эксперименты, которые должны были обеспечить быстрый рынок вперед. Все это не могло не отразиться на состоянии сельского хозяйства: в первой половине 1960-х гг. в аграрной сфере назревает новый кризис.

Свой вклад в углубление аграрного кризиса внесла непродуманная политика, направленная на ограничение личных приусадебных хозяйств крестьян. В ее результате менялись размер и структура приусадебных наделов, что отразилось на планировке сельских населенных пунктов⁷⁵. В целом, аграрная политика второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. привела к ухудшению состояния аграрного производства и в определенной степени способствовала закреплению его экстенсивной направленности. Наступление на приусадебные хозяйства объективно вело к росту миграционных настроений крестьян. Те социальные гарантии, которые получило сельское население в конце 1950-х — начале 1960-х гг., — пенсии, пособия, денежную оплату труда и снижение налогов, не смогли преодолеть разрыв в уровне жизни между городом и деревней. В результате не были решены ни производственные,

ни социальные задачи подъема села. В то же время из всех периодов советской власти хрущевское десятилетие демонстрировало наиболее позитивную динамику, способствуя росту уровня жизни сельского населения.

Новая попытка изменения ситуации в сельском хозяйстве была связана с реформами 1965 г., которые были ориентированы на интенсификацию сельскохозяйственного производства с использованием экономических рычагов управления экономикой. Переломным моментом стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о необходимости реализации следующих мероприятий: переход к твердым долговременным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышение заготовительных цен, изменение принципов налогообложения колхозов и совхозов⁷⁶. Деятельность предприятий предложено было оценивать исходя из уровня их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение власти к личным приусадебным хозяйствам. Ограничения, введенные в конце 1950-х гг., были признаны ошибочными, а местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли.

Годом раньше, на февральском пленуме 1964 г., были определены основные направления интенсификации сельского хозяйства: химизация земледелия и животноводства; внедрение комплексной механизации; развитие орошаемого земледелия; специализация хозяйств. В соответствии с этими направлениями в 1960—1980-е гг. строилась аграрная политика и шло финансирование⁷⁷.

В комплекс мер по повышению эффективности аграрного сектора были включены мероприятия по специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. По расчетам экономистов того времени крупные специализированные предприятия промышленного типа с высоким уровнем механизации и автоматизации работ обеспечивали более высокую экономическую эффективность:

в частности, затраты труда на единицу продукции в кооперативных предприятиях оценивались в 2,5 раза, а себестоимость в 1,5—2 раза ниже, чем в неспециализированных хозяйствах⁷⁸. На это направление возлагались большие надежды.

Не вдаваясь в оценку итогов политики интенсификации, а она в конечном счете не достигла поставленных целей (экстенсивный характер сельского хозяйства так и не был преодолен), остановимся более подробно на тех ее аспектах, которые непосредственно повлияли на урбанизацию сельской местности. Имеются в виду концентрация сельскохозяйственного производства и интеграция его с промышленным. В совокупности они способствовали дальнейшей концентрации сельского расселения, трансформации его в агропромышленное, влияя в том числе на образ жизни сельского населения и процессы раскрестьянивания.

В годы восьмой и девятой пятилеток были предприняты меры по концентрации всех отраслей земледелия, животноводства, птицеводства. В частности, птицеводство было сосредоточено на предприятиях треста «Птицепром». В русле идей развития кооперации создавались межхозяйственные объединения, специализированные молочно-мясные фирмы. В 1960-е гг. в Свердловской области было организовано 96 мясо-молочных, 67 молочно-мясных, 10 свиноводческих и 4 птицеводческих хозяйства⁷⁹.

Апогеем политики межхозяйственной кооперации, специализации и агропромышленной интеграции стало создание в 1970—1980-е гг. агропромышленных комплексов. Толчком этому движению послужило Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 г.⁸⁰ Результатом реализации решений был рост численности специализированных совхозов, животноводческих комплексов, птицефабрик и других предприятий, где широко внедрялись промышленные технологии. Общее количество межхозяйственных предприятий на Урале за десятую пятилетку выросло с 35 до 141. Их участниками стали 987 колхозов и 566 совхозов. Наиболее успешно межхозяйственное кооперирование развивалось в животноводстве. В 1980 г. на Урале функционировало 19 межхозяйственных предприятий

по производству продуктов животноводства, из них 17 — свиноводческих, 2 — по доращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота⁸¹.

Распространение новых форм организации производства способствовало дальнейшей концентрации расселения. Для обеспечения работы мясо-молочных или свиноводческих комплексов требовались сотни рабочих рук. Рядом с каждым вновь построенным предприятием возникали жилые поселки с необходимой инфраструктурой и благоустройством. Этот процесс стал одним из наиболее очевидных проявлений урбанизации сельской среды.

Таким образом, с 1964 г. лозунг интенсификации стал своего рода знаменем аграрной политики, и это закономерно. Реализация мер по интенсификации была неизбежной, в условиях формирования индустриального общества миновать этот путь было невозможно. В 1960-е гг. сложились необходимые предпосылки для перехода на интенсивные формы хозяйствования и впервые появилась объективная возможность их реализации. Каков же итог? Сделано, конечно, было много, но генетические особенности социалистической системы, основанной на принципах планового руководства, отраслевого управления и остаточного финансирования сельского хозяйства, где так и не заработал механизм материальной заинтересованности тружеников колхозов и совхозов, неизбежно вели к тому, что сельскохозяйственное производство в целом сохраняло свой экстенсивный характер. Политика интенсификации не привела к перестройке сельского хозяйства, оно оставалось мало-прибыльным и неэффективным.

В 1982 г. была принята Продовольственная программа, которую можно рассматривать как открытое признание кризиса, сложившегося в сфере производства продуктов питания. В программе констатировались недостатки развития сельскохозяйственных отраслей и предлагался комплекс мер, направленных на преодоление кризисной ситуации, в том числе на развитие инфраструктуры и жилищное строительство в сельской местности⁸². Основное внимание при этом уделялось формированию и развитию агропромыш-

ленного комплекса, предусматривались меры по дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства, химизации, улучшению кормовой базы животноводства, использованию новых интенсивных технологий, а также стимулированию материальной заинтересованности сельских тружеников.

Тенденция спада сельскохозяйственного производства, характерная для предыдущего периода, получила свое дальнейшее развитие в 1985—1990-е гг. В экономике страны нарастали внутренние противоречия, ресурсы административно-командной системы истощались, поток нефтедолларов уже не мог компенсировать затратный характер производства. Необходимость радикальных преобразований становилась все более очевидной. На XXVI съезде КПСС была предложена программа «ускорения социально-экономического развития» страны, в которой предусматривался ряд мер по интенсификации экономики. Съезд положил начало бурному, противоречивому периоду, получившему в обществе название перестройки, и последующим реформам, изменившим государственное и политическое устройство страны и ознаменовавшим переход к рыночной модели экономики.

Сельское хозяйство оказалось в центре социально-экономических преобразований, в полной мере испытывая на себе ошибки, заблуждения и трудности переходного периода. В его развитии в последние полтора десятилетия XX в. можно условно выделить два периода: 1) 1986—1990 гг. и 2) 1990-е гг. Границей между ними являются законы 1990 г. «О собственности в РСФСР», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О земельной реформе»⁸³. Эти законодательные акты создали основу для развития многоукладности в аграрной сфере, затронув не только формы организации производства, но и отношения собственности на землю, средства производства, а также способы регулирования хозяйственных процессов.

До 1990 г. организационную основу аграрной экономики составляли колхозы, совхозы, различного рода объединения в виде агрофирм, реализующие идею агропромышленного комплекса. По России в 1987 г. насчитывалось 12,4 тыс. колхозов, 12,8 тыс. совхозов.

К 1990 г. количество колхозов и совхозов несколько возросло и составило соответственно 12,9 и 13,0 тыс., одновременно статистикой было зафиксировано 67 агрофирм⁸⁴.

Общий спад экономики отразился и на состоянии аграрной сферы. Если в 1981—1985 гг. на Урале в среднем за год производилось 15 677 тыс. т зерна и 4 917 тыс. т картофеля, то в 1986—1990 гг. соответственно 14 657 и 4 900 тыс. тонн⁸⁵. Практически по всем областям и республикам региона произошло сокращение производства сельскохозяйственных культур. В наибольшей степени оно охватило Свердловскую и Курганскую области. Тенденция спада была характерна также и для животноводства, хотя темпы падения здесь оказались ниже, чем в земледелии⁸⁶.

Очень остро в этот период встал вопрос о модернизации и совершенствовании материально-технической базы колхозов и совхозов. С 1985 г. стали активно пропагандировать идеи коллективного и семейного арендного подряда. В 1989 г. за арендными коллективами в Свердловской области было закреплено 25 % пашни, 15—17 % поголовья скота, ими произведено 20 % продукции. Однако успехи отдельных арендных коллективов не могли оказать принципиального влияния на положение дел в сельском хозяйстве, хотя и подготовили почву для развития фермерского движения в стране. На Урале этот процесс развернулся с 1989 г.

Фермерские хозяйства создавались на заброшенных обособленных землях. В Свердловской области первые фермерские хозяйства появились в совхозах «Толмачевский» Алапаевского района, «Каменский» Каменского района и др. После принятия законов о собственности и земле, а также разработки программы помощи фермерам начался быстрый рост их численности. Если на 1 июля 1990 г. в России таких хозяйств насчитывалось 890, то уже к концу 1991 г. — свыше 20 тысяч. В Уральском регионе на 1 мая 1991 г. было зарегистрировано свыше 2 800 крестьянских хозяйств⁸⁷.

Создание фермерских хозяйств проходило различными путями. Один из них — расширение личных приусадебных хозяйств в основном за счет накопленных сбережений и опыта. При всех

положительных сторонах этого варианта семей, которые имели возможность на свои средства организовать товарное производство, оказалось очень мало.

Наиболее распространенный вариант фермеризации — это использование ссуды и помощи предприятий. Так, в Петуховском районе Курганской области на месте бывшей деревни Анатольевки осенью 1989 г. создается фермерское хозяйство Н. Г. Ушакова. Ему было передано 200 га земли и выделен кредит до 45 тыс. рублей. Фермер решил выращивать зерновые и крупяные культуры. В среднем на одно фермерское хозяйство в начале 1990-х гг. в зоне Урала приходилось 42 га земли, причем на Южном Урале хозяйства были в 1,5—2 раза крупнее, чем в нечерноземных областях⁸⁸. Чаще всего хозяйства специализировались на выращивании скота, производстве семян трав и пчеловодстве.

Уже первый опыт деятельности фермерских хозяйств высветил целый ряд проблем, от решения которых зависела их дальнейшая судьба: слабая техническая и финансово-экономическая база, отсутствие правовой и организационной поддержки со стороны властей, противодействие чиновников на местах. Немаловажное значение имели и психологические факторы, так как нередко вокруг фермеров создавалась тяжелая атмосфера недоверия, недоброжелательности и зависти со стороны окружающих их соседей.

Большой удар по процессу фермеризации нанесла либерализация цен и высокие темпы инфляции, которые установились в экономике с 1992 г. Чтобы построить жилые и производственные объекты, приобрести технику, были необходимы большие средства, которых не было ни у фермеров, ни у государства. Принципиальная невозможность разрешить все эти проблемы в короткий срок повлияла на перспективы развития фермерских хозяйств и привела к нежелательным явлениям, связанным со спекуляцией землей и разорением уже существующих хозяйств. По данным В. Л. Берсенева, летом 1993 г. в России насчитывалось уже 258,1 тыс. крестьянских хозяйств со средним наделом в 42 га. Владея 3,9 % пашни, они произвели только 0,9 % валовой продукции сельского хозяйства

в стоимостном выражении⁸⁹, т. е. говорить о каком-либо существенном вкладе фермеров не приходится.

Законодательные акты 1990 г. положили начало глубокой организационной перестройке аграрного сектора. Параллельно с появлением фермерских хозяйств стали меняться организационно-правовые формы колхозов и совхозов. Фактически произошло разрушение колхозно-совхозного строя, а адекватная замена ему пока не найдена. Колхозы и совхозы на протяжении всей своей истории не смогли обеспечить необходимый уровень развития аграрного производства в стране. И в этом не их вина. Они функционировали в рамках определенной экономической системы, которая развивалась под давлением идеологических и политических доктрин без учета экономических закономерностей. В ее рамках любые формы организации производства — колхозы, совхозы, фермерские и личные хозяйства — были неэффективными. Они реализовывали свой потенциал ровно настолько, насколько это позволяла сделать система.

Разрушение колхозно-совхозного строя в его традиционном варианте, экономический кризис, который охватил страну в 1990-е гг., и головокружительные темпы инфляции многократно усилили спад сельскохозяйственного производства, поставив крестьянство и сельскую местность в невероятно тяжелые условия, фактически на грань катастрофы.

Подводя итог анализу аграрного развитию России и Урала в XX в. следует подчеркнуть, что, несмотря на декларируемые властями формационные отличия, свойственные дореволюционной и советской России (а они действительно имели место), основная направленность развития экономики определялась другими, более глобальными, факторами — индустриализацией и формированием урбанизированного общества, что нашло отражение в постепенном переходе от традиционного мелкотоварного производства к крупному, основанному на механизации, специализации и кооперации сельскохозяйственного труда. И это непосредственно отразилось на сельском расселении, которое «подстраивается» под новые

организационные формы, трансформируется в соответствии с требованиями индустриального общества. Его основными чертами стали концентрация и укрупнение при общем сокращении численности сельскохозяйственных населенных пунктов и постепенная перестройка равномерной поселенческой сети в очаговую.

Следует отметить, что эта перестройка произошла в достаточно сжатые сроки — во второй половине XX в. Вплоть до 1950-х гг. те перемены, которые происходили в сельскохозяйственной отрасли, не затрагивали существующую поселенческую сеть и традиционный строй российской деревни, а скорее способствовали ее расширению за счет появления новых видов поселений. Начиная с 1950-х гг., когда на первый план вышли задачи концентрации, специализации и кооперации сельскохозяйственного производства, ситуация меняется. Появление крупных колхозов и совхозов привело к формированию новой внутрихозяйственной системы расселения и ускоренной перестройке поселенческой сети, связанной с ростом хозяйственных центров и постепенным обезлюдением периферийных поселений. Эта трансформация расселения из относительно равномерного в очаговое, которую мы можем наблюдать в 1950—1980-е гг., выступает закономерным следствием индустриализации сельскохозяйственной сферы и замены мелкотоварного производства крупнотоварным.

3.2. Система расселения в фокусе политических решений

Одной из причин катастрофы села нередко называют программу реконструкции советской деревни, проводимую государством в 1960—1970-е гг. и получившую в исторической литературе название «политики ликвидации (сселения) неперспективных деревень»⁹⁰. В исторических исследованиях эта программа оценивается однозначно отрицательно, причем в качестве главного обвинения в адрес власти звучат упреки в непродуманности,

поспешности управленческих решений⁹¹. Демонизация власти в этом случае понятна, но не вполне оправданна.

Какое влияние все же оказала политика государства на изменение системы сельского расселения? Ответ на этот вопрос тесно связан с оценкой характера и направлений изменения поселенческой сети в прошедшем столетии, а они, в свою очередь, определяются закономерностями урбанизационного перехода, переживаемого российским обществом.

При характеристике процессов урбанизации российской деревни необходимо иметь в виду то, что вплоть до 1960-х гг. перестройка поселенческой сети непосредственно в задачи государственной политики не входила и осуществлялась опосредованно через реализацию мероприятий в области аграрного производства. Наибольшее влияние на количественные и качественные параметры сельской поселенческой сети оказали такие программы правительства, как ликвидация хуторов в 1939 г., укрупнение колхозов в 1950-е гг., перевод колхозов в совхозы на рубеже 1950—1960-х гг., создание агропромышленных комплексов в 1970-е гг., и т. д. Система мероприятий в области расселения начинает складываться в конце 1950-х гг. и рассматривается как самостоятельный этап урбанизации российской деревни.

Центральная идея преобразования поселенческой сети в этот период состояла в планомерном укрупнении существующей системы сельских поселений при одновременном сселении неперспективных, малых деревень. Особенностью всех управленческих решений в области расселения было то, что они непосредственно увязывались с задачами интенсификации сельского хозяйства, массового строительства, благоустройства сельской местности. Таким образом, объектом управления выступала, как обычно, производственная сфера, а не собственно поселенческая сеть.

В советской управленческой практике сельская местность в основном рассматривалась как элемент аграрного производства. А оно переживало в послевоенный период не лучшие времена. На преодоление кризисных явлений в области сельскохозяйственного

производства были направлены постановления и решения правительства в 1950—1960-е гг. Однако проводимые мероприятия — целина, нововведения в области агротехники, рост капиталовложений, изменения в сфере налогообложения, увеличение капиталовложений и т. п. — не приносили ожидаемых результатов. И это заставляло искать новые рецепты. Помимо потребностей в интенсификации сельскохозяйственного производства в 1950-е гг. в полный рост встает проблема трудовых ресурсов, причины которой носили во многом объективный, закономерный характер и были связаны с демографической революцией (снижение рождаемости, переход к нуклеарной малодетной семье), отягощенной последствиями мировых войн начала и середины XX столетия. В сельской местности данный вопрос обостряется в связи с массовым оттоком населения в города.

Поиски путей сокращения сельской миграции пробуждают интерес к проблемам расселения. Как закрепить кадры на селе? Как обеспечить наиболее рациональное их использование? Наиболее очевидным выходом виделось формирование в сельской местности таких условий жизни, к которым стремятся мигранты. Эта задача совпадала с программными установками советского общества на сближение города и деревни, преодоление различий между ними.

Таким образом, если говорить об основных целях политики реконструкции советской деревни в 1960—1970-е гг., то они были ориентированы на создание такой модели сельского расселения, которая бы соответствовала потребностям укрупненного сельскохозяйственного производства, а также обеспечивала возможности дальнейшей его интенсификации.

Сложность изучаемой проблемы состоит в том, что при анализе политики в той или иной области мы часто забываем, что в ее основе лежит управленческое решение. Принятие решений — это сложный процесс, суть которого состоит в выборе альтернативного варианта, ориентированного на снятие существующей проблемы. Результат зависит от того, насколько оптимальным и эффективным окажется выбранный вариант. И чем сложнее объект управления

и неопределенные факторы окружающей среды, тем выше вероятность ошибки.

Эффективность принятия управленческих решений зависит от ряда факторов:

1) полная и надежная информация об объекте управления, позволяющая раскрыть содержание проблемы и причины ее возникновения;

2) система ценностей субъекта управления, которая влияет на выбор той или иной альтернативы;

3) «идеология» управления, отражающая существующие подходы и методы решения проблем (например, для советской практики управления была характерна приверженность к радикальным средствам);

4) возможности прогноза развития объекта управления, что непосредственно связано со степенью его изученности, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Исходя из анализа представленных факторов, попробуем оценить эффективность политики в области сельского расселения в 1960—1970-е гг.

В качестве идеологической основы системы мероприятий в области расселения была использована идея сближения города и деревни. Ее можно рассматривать в качестве базовой мифологемы, присущей советскому общественному сознанию и идеологии, в соответствии с которой выстраивалась вся политика преобразования российской деревни. Социальный смысл перестройки сельской местности сводился к унификации условий жизни и созданию таких форм расселения, которые наиболее полно обеспечивали бы удовлетворение потребностей трудящихся.

Эти идеи нашли отражение в концепции «агрогородов», впервые прозвучавшей в связи с развертыванием совхозного и колхозного строительства в конце 1920-х гг. Экспериментальным полигоном для строительства новой деревни служили поселки совхозов. Однако в 1930-е гг. они были единичными, для широкомасштабного строительства в условиях форсированной индустриализации не хватало ни сил, ни средств.

Какой же виделась социалистическая деревня? В 1939 г. на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке открылся выставочный участок под названием «Новое в деревне», который представлял собой идеальную модель социалистической деревни (рис. 3⁹²).

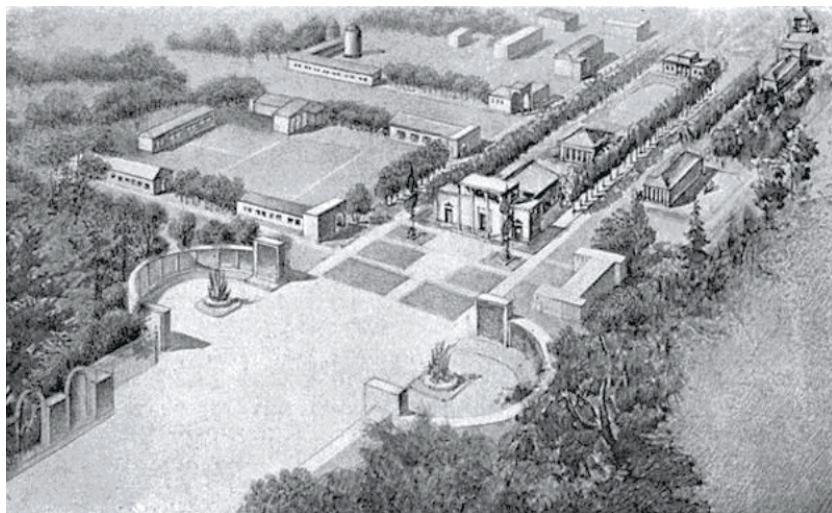

Рис. 3. Модель социалистической деревни

На участке размещались более 20 объектов: клуб, детские ясли, конюшня, скотный двор, автогараж и т. д., построенные по типовым проектам. Перед входом на участок располагались две большие диорамы. На одной из них была изображена старая деревня — иллюстрация к речи И. Сталина на XVII съезде: «Старая деревня — с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплуататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ

и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей»⁹³. Приведенная цитата была очень популярна и неоднократно встречается в самых разных документах, газетных статьях и лозунгах. На второй диораме отражен спор на меже, рассказывающий о борьбе крестьян за землю и их бесправном положении в дореволюционное время.

За диорамами открывалась площадь, на которой располагалось здание сельсовета. С правой стороны от него размещались культурно-бытовые здания: клуб, школа, ясли и родильный дом. С левой стороны от сельсовета — постройки машинотракторной станции: ремонтная мастерская, контора МТС, автогараж и склад сельскохозяйственных машин. Сзади располагались постройки колхозного двора: контора колхоза, овчарня, свинарник, птичник, механизированный скотный двор, две конюшни, навес для сельскохозяйственных машин и склад семян. Большинство объектов раздела «Новое в деревне» было оснащено передовым для того времени оборудованием. В них шла образцово-показательная колхозная жизнь, на примере которой должны были учиться многочисленные посетители выставки⁹⁴. Любопытно, что на участке не было жилых домов колхозников: видимо, бытовые условия колхозной деревни еще не стали достойными для демонстрации на выставке. Но зато можно было посетить стан тракторной бригады, где посетитель мог увидеть уютный вагончик с кроватями для 12 человек, в другом вагончике располагался красный уголок и столовая, в третьем — парикмахерская и душ.

Реальность заметно отличалась от выставочного социалистического рая. В своих основных чертах российская деревня оставалась традиционным поселением с новыми элементами инфраструктуры — клубами, избами-читальнями, торговыми лавками и прочими учреждениями, которые, однако, пока не изменили принципиально архитектурный облик сельской местности, так как на практике для этих нужд приспособлялись полуразрушенные церкви, избы раскулаченных и пр.

Новый всплеск интереса к вопросу строительства сельских поселений по городскому образцу наблюдается в послевоенные годы в связи с принятием в 1945 г. постановления правительства РСФСР. Планы строительства агрогородов начинают активно разрабатываться в связи с укрупнением колхозов в начале 1950-х гг. В силу объективных и субъективных причин в этот период они не были реализованы, но способствовали утверждению городских стандартов в жилищном и бытовом строительстве в деревне.

Принципиально новым в застройке сельских поселений в 1930-е и послевоенные годы стала постепенная замена индивидуального жилья на жилые постройки барачного типа, рассчитанные на несколько семей, а позднее на многоэтажные дома. Первоначально такое строительство велось в поселках совхозов и МТС. В дальнейшем данная практика распространяется на колхозные деревни с традиционной планировкой и закрепляется в Рекомендациях по наиболее рациональной застройке сельских населенных пунктов, принятой в 1966 г.⁹⁵

Таким образом, основным принципом политики в области модернизации системы расселения в 1960—1970-е гг. стал упрощенный «производственный» подход к организации поселенческой сети, дополненный мифологическими представлениями об идеальном сельском поселении, господствовавшими в обществе.

Вопрос об уровне научной обоснованности политики в области сельского расселения имеет неоднозначную оценку. Большинство авторов сходятся во мнении о некомпетентности, непродуманности принятых решений, слабом знании закономерностей объекта управления (сельской местности)⁹⁶. Вместе с тем требование научной обоснованности политических решений также было одним из базовых принципов советского управления. Особое внимание научному прогнозу стали уделять во второй половине XX в. в связи с развитием научно-технической революции и превращением науки в важнейший фактор производства. Более того, эпоха НТР порождает свои мифы о всеилии науки и научного предвидения. Поэтому говорить о том, что рекомендации ученых

при разработке основных мероприятий в области расселения игнорировались, было бы неверно.

Выводы ученых — географов, демографов — существенно повлияли на формирование базовой концепции модернизации деревни и воплотились в основных идеях Генеральной схемы расселения в СССР, которая целиком и полностью строилась на прогнозах специалистов о темпах и направлениях развития сети сельских поселений.

Вопрос в другом: насколько наука к началу 1960-х гг. была способна дать полный и исчерпывающий ответ об особенностях и закономерностях развития такого сложного объекта исследования, как система расселения?

Изучение сельской местности становится предметом пристального внимания ученых в 1960-е гг. Практические потребности подтолкнули развитие научного направления, которое только начинает к этому времени складываться⁹⁷. Однако это был один из наиболее плодотворных в научном плане периодов. С конца 1950-х гг. в географической науке разрабатывается концепция «групповых форм расселения», обобщавшая опыт развития старообжитых районов (Ф. М. Листенгурт, Д. Г. Ходжаев). Был сформулирован основной закон расселения, суть которого состояла в соответствии расселения способу производства и надстройке при ведущей роли способа производства⁹⁸. Данный подход надолго предопределил направления исследования сельской поселенческой сети: в частности, тенденции, характерные для высокоурбанизированных регионов, стали распространяться на всю страну.

Последующие годы (1970—1980-е) можно рассматривать как время расцвета науки о расселении, породившее множество концепций и идей — каркасную теорию расселения, разработанную Г. М. Лаппо и П. М. Поляном; концепцию единой системы расселения (Б. С. Хорев). Появляются работы, связанные с математическим моделированием⁹⁹. Активную роль в изучении процессов расселения играют в этот период архитекторы-градостроители,

которыми непосредственно и была разработана концепция, положенная в основу Генеральной схемы расселения.

Состояние науки о расселении в изучаемый период определялось следующими чертами:

- Сельское расселение только начинает изучаться, идет накопление эмпирического материала, отработка понятийного аппарата, формируются первичные гипотезы о закономерностях развития поселенческой сети.

- Несомненное воздействие на научные прогнозы оказывает марксистско-ленинская методология, в рамках которой и формулируется «основной закон расселения», обосновывающий зависимость поселенческих процессов от способа производства и, как следствие, необходимость перехода от стихийного развития расселения к плановому.

- Для методологии науки данного периода характерна линейность оценки динамики расселения. Изменения, связанные с измельчанием поселенческой сети и концентрацией сельского населения, рассматриваются как необратимые, требующие радикального решения. Эволюционный подход, в рамках которого раскрывается циклическая природа развития системы расселения, к этому времени еще не получил распространения.

- Немаловажное влияние на уровень изученности проблематики оказал сам объект исследования. В послевоенный период процессы концентрации расселения были характерны не только для советского общества, но и для других стран. Казалось, что деревня, деревенский образ жизни уходят в прошлое безвозвратно, сметаемые научно-техническим прогрессом и урбанизацией. Сельская поселенческая сеть переживала стадию «сжатия», свидетелем которой и стало научное сообщество. Процессы, связанные с деконцентрацией расселения, фиксируются применительно к США только в 1960-е гг., в странах Западной Европе — в 1970-е гг.

Как показали дальнейшие исследования, развитие сельской местности и системы расселения в частности базируется на определенных внутренних закономерностях. Эволюция расселения

в историческом плане имеет циклическую природу: на начальном этапе урбанизации сельское расселение переживает стадию расширения, которая продолжается в России вплоть до 1930-х гг. С конца 1930-х гг. отчетливо прослеживается новый этап сельской урбанизации, характерной чертой которого становится «сжатие» сельской поселенческой сети — сокращение численности сельских населенных пунктов, особенно мелких, увеличение количества крупных сел, стягивание населения в зону влияния крупных городов и формирование агломераций. Хронологические рамки стадии сжатия зависят от конкретных региональных особенностей расселения. Так, например, в Уральском регионе, особенно нечерноземной его части, эти процессы разворачиваются в послевоенный период и продолжаются вплоть до 1980-х гг. В дальнейшем начинает все более отчетливо проявлять себя новая тенденция — субурбанизация, связанная с развитием коммуникаций, перераспределением функций между городской и сельской местностью. Для понимания циклической природы развития расселения требовалось время.

Еще одним фактором, повлиявшим на степень научной проработанности гипотез в области расселения, было состояние системы учета и статистики. Начиная с 1930-х гг. сельский населенный пункт, в отличие от города, статистикой не изучался. Подавляющая часть статистической информации, в т. ч. по образованию, состоянию медицинского, торгового, культурно-бытового обслуживания, по демографическим процессам, собиралась на уровне районных административно-территориальных единиц. Единовременный учет поселенческой сети проводился в привязке к переписям населения, и результаты его подлежали весьма ограниченной статистической обработке.

Длительное время (1939—1959) статистика в принципе не обладала достоверной информацией о состоянии поселенческой сети. Хотя ежегодно управлениями статистики готовились отчеты об изменениях в административно-территориальном делении областей, краев, республик, в основном они ограничивались уточнением числа сельсоветов, районов, городов, поселков городского типа.

Публикация сведений о сельских населенных пунктах в статистических справочниках начинается только со второй половины 1970-х гг.¹⁰⁰

Отсутствие достоверной информации по данному вопросу не могло не отразиться на степени изученности сельского расселения и прогнозах его развития.

Недостатки статистического наблюдения поселенческой сети исследователи пытались компенсировать широким использованием социологических опросов, которые стали неоценимым источником для изучения вопросов образа жизни, представлений и настроений сельского населения. К числу крупномасштабных социологических исследований поселенческой сети относится, в частности, проект изучения сельских поселений, осуществленный Новосибирским отделением АН СССР в 1967—1977 гг. под руководством Т. И. Заславской¹⁰¹. Но и эта информация отражала только сиюминутные процессы, т. е. стадию концентрации расселения и формирования групповых систем. Выводы ученых, таким образом, убедительно подтверждали расчеты архитекторов и экономистов-строителей.

Без сомнения, состояние науки оказало значительное влияние на разработку стратегии в вопросах расселения, сформулированные гипотезы не позволяли корректно спрогнозировать их дальнейшее развитие. Наблюдается эффект наложения ранних научных концепций в области расселения на представления об «идеалах поселенческого устройства», господствовавших в обществе, что практически предопределяло выбор направления реализации политики — упорядочение и регулирование процессов укрупнения поселенческой сети и ее концентрации.

Немаловажным представляется еще один аспект разработки поселенческой политики — выбор инструментов и методов реализации поставленных целей. В советском обществе и в управленческой среде существовала установка на «революционное» преобразование действительности, подразумевавшее ломку старого самым радикальным образом. Вместе с тем альтернативный вариант подобным решительным действиям есть, он получил развитие в тех странах, где революционный опыт не был таким значительным

и преобладал подход, основанный на более осторожной, взвешенной оценке ситуации, ориентированный на более мягкие методы управления. Так, например, в Венгрии практически в это же время (1972) принимается Государственная программа по развитию сети поселений, в которой была предусмотрена поддержка малых сел. Всего в Венгрии насчитывалось в это время 82 города и 3180 сельских населенных пунктов, из которых значительную часть составляли хутора (шестая часть населения проживала в малодворных поселениях). Для их сохранения планировалось активное строительство жилья, дорог, улучшение водоснабжения, условий быта¹⁰². По этому пути шли и многие другие страны Европы, но не Советский Союз.

Сельское расселение рассматривалось как объект, требующий кардинальной революционной перестройки. Основными инструментами реализации принятых решений в области расселения стали директивное планирование, разработка нормативных документов, обязательных для исполнения всеми органами и учреждениями, и жесткое регулирование капиталовложений с учетом дифференцированного подхода к населенным пунктам.

Рассмотрим основные этапы разработки и реализации политики реконструкции советской деревни, которые до сих пор являются предметом дискуссий. Начало подобной практики нередко относят к концу 1960-х гг., как, собственно, и разработку терминологии, в том числе понятий «перспективная» и «неперспективная» деревня¹⁰³. Очень часто политику реконструкции соотносят только с системой мероприятий, направленных на ликвидацию и сселение неперспективных населенных пунктов, обращая внимания лишь на эти наиболее спорные и трагичные политические решения. Вместе с тем программа сселения неперспективных деревень является лишь составной частью более масштабных мероприятий по переустройству советской деревни, среди которых выделялись следующие направления:

- оптимизация системы сельского расселения;
- финансирование строительства и благоустройства перспективных населенных пунктов;

— совершенствование планировочной структуры поселений и внедрение основных элементов благоустройства (водопровод, газификация, строительство дорог и пр.).

Таким образом, политику реконструкции советской деревни необходимо рассматривать как комплексную систему мер, направленных на кардинальную перестройку и преобразование образа жизни традиционной деревни в соответствии с новыми требованиями.

В комплексе мероприятий правительства, повлиявших на перестройку сельской поселенческой сети, можно выделить несколько этапов, отличавшихся непосредственно выдвинутыми целями и характером воздействия на расселение. Приводимая ниже периодизация отражает, кроме всего прочего, эволюцию представлений о возможных и эффективных вариантах модернизации сельского расселения и, следовательно, подходов к решению проблемы.

Начальный этап политики реконструкции сельской местности (конец 1950-х — 1968). Для него характерна разработка концепции преобразования деревни и средств ее достижения, базирующихся на упрощенном восприятии процесса «сближения города и деревни», который предполагал механический перенос градостроительных принципов на сельскую местность.

Толчком к активной модернизации советской деревни в этот период послужила программа массового строительства, выдвинутая правительством в 1957 г. (Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о развитии жилищного строительства в СССР от 31 июля 1957 г.)¹⁰⁴. В докладе Н. С. Хрущева на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1958 г. прозвучали основные программные установки в области переустройства деревни: «Хорошие производственные постройки, благоустроенные жилые дома и клубы, школы и школы-интернаты, библиотеки и предприятия бытового обслуживания, хорошие дороги, электричество, радио, телевидение — вот реальные черты советской деревни недалекого будущего. Благодаря широкому применению техники в сельскохозяйственном производ-

стве, росту кадров, труд колхозников по своему характеру будет все более приближаться к труду индустриальных рабочих, а условия жизни в деревне в связи с развитием культуры будут мало отличаться от условий социалистического города»¹⁰⁵.

Несколько позднее, на декабрьском пленуме 1959 г., было принято решение о необходимости разработки схем районных и внутрихозяйственных планировок, определяющих перспективы развития сельскохозяйственного производства и рациональное размещение жилищного и культурно-бытового строительства¹⁰⁶. Так пытались регулировать строительство в сельской местности, которое до того велось в основном стихийно: строили без проектов, кому как заблагорассудится. Внедрение районных планировок должно было поставить распределение капиталовложений и процесс строительства в сельской местности под жесткий контроль государства.

Решения пленума получили дальнейшее развитие в материалах совещания по градостроительству, состоявшегося в Москве в 1960 г., где указывалось, что «только в крупных поселениях возможно строить дороги, прокладывать водопровод и канализацию, воздвигать благоустроенные дома, клубы, школы и т. д. Укрупнение поселений позволяет снижать общую стоимость строительства и создать населенные пункты, отвечающие благоустройству поселков городского типа. Это в корне меняет облик села и меняет условия жизни»¹⁰⁷. На совещании впервые официально прозвучало предложение о необходимости деления сельских населенных пунктов на две категории: 1) перспективные и 2) неперспективные. Критерии отнесения поселений к соответствующей категории учитывали следующие факторы: положение населенного пункта в системе сельскохозяйственного производства; численность населения; наличие дорожной сети, водо- и электроснабжения, а также условий для перспективного развития¹⁰⁸. В неперспективных населенных пунктах предлагалось воздерживаться от строительства. Областные исполнительные комитеты должны были утвердить списки населенных мест, подлежащих дальнейшему развитию и застройке.

В рекомендациях по правилам застройки было указано, что строительство должно осуществляться с учетом компактности и рациональности организации территории. В связи с этим преимущественное внимание уделялось многоэтажной и многоквартирной застройке, усадебное строительство рассматривалось как не соответствующее новым условиям и не позволяющее решить проблемы благоустройства населенного пункта. Минимальные размеры перспективного поселка должны были соответствовать численности населения не менее 1—1,5 тыс. человек, а наиболее экономичный и целесообразный размер населенного пункта определялся в 3—5 тыс. человек¹⁰⁹. Указывалось также на необходимость подготовить и внести на утверждение в министерство Правила застройки сельских населенных мест РСФСР, т. е. унифицировать весь процесс планирования.

В Постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 18 июня 1960 г. № 917 «О мерах по улучшению сельского строительства» были определены конкретные направления реконструкции деревни: упорядочение системы расселения в соответствии с требованиями укрупненного сельскохозяйственного производства на основе научно обоснованных проектов районной планировки; постепенное преобразование существующих населенных пунктов в благоустроенные поселки; внедрение компактной и рациональной застройки поселений с использованием типовых проектов. В этом же году Госстроем РСФСР была разработана специальная инструкция по составлению схем районной планировки¹¹⁰.

Так формируется первичная концепция реконструкции деревни, целиком и полностью ориентированная на реализацию принципов массового индустриального строительства без учета специфики сельской местности.

Основным директивным документом, регламентирующим процессы модернизации сельской местности, стала районная планировка — вид проектных работ, главная задача которых состояла в разработке предложений по наиболее рациональной территориальной

и хозяйственной организации района. Работы по районной планировке подразделялись на два вида: схемы и проекты.

Схемы составлялись на срок до 20 лет для областей, краев, республик, а также для крупных территориально-производственных комплексов с выделением первой очереди строительства. Следовательно, они решали задачи стратегического планирования и были нацелены на выявление ресурсов, перспектив развития населения и поселений, обоснование экономико-планировочного районирования.

Проекты районной планировки разрабатывались для административно-территориальных единиц низового уровня. Их основной задачей было комплексное планирование развития района в целом. Здесь находили отражение конкретные решения по размещению объектов промышленности, сельского хозяйства, поселений, охране окружающей среды и т. д. В качестве основного принципа планировочных работ выделялось укрупнение хозяйств и населенных пунктов, основанное на изучении природных условий, хозяйственной и расселенческой структуры и научном прогнозе. Предполагавшиеся изменения в структуре производительных сил полностью переносились на систему расселения. Все подгонялось под правило: высокомеханизированному сельскому хозяйству должны соответствовать высококонцентрированные формы расселения.

В соответствии с этим принципом в поселенческой сети выделялись опорные пункты — перспективные села, в которые планировалось переселение жителей из малых деревень. Предполагалось, например, что в зависимости от природно-климатических условий размеры землепользования одного хозяйства будут от 5—10 тыс. до 10—30 тыс. га с одним или двумя населенными пунктами и числом жителей от 1—2 тыс. до 5—10 тыс. человек.

Для внедрения единого порядка составления проектов Госстроем РСФСР в 1960 г. была разработана и принята специальная Инструкция по составлению схем районной планировки, а в 1968 г. она была обновлена, включив указания по составлению областных схем планировки.

Схемы районной планировки, а также Генеральные планы развития городов, поселков и сельских населенных пунктов разрабатывались управлениями (отделами) по делам строительства и архитектуры исполнительных комитетов областных, краевых Советов депутатов трудящихся. Проекты планировки и застройки обсуждались и рассматривались сельскими поселковыми советами совместно с правлениями колхозов и совхозов, районными советами депутатов трудящихся и утверждались облисполкомами.

В целом, для районной планировки этого периода было характерно конструирование идеальной модели расселения с последующей адаптацией ее к реальным условиям. По мнению Г. В. Иоффе, «имело место повальное увлечение умозрительным конструированием схем перспективного сельского расселения»¹¹¹, которое не учитывало специфику развития сельской местности в целом и сельского образа жизни в частности. Подобная умозрительность была характерна для всех нормативных документов в области расселения данного периода.

Любопытной чертой начала 1960-х гг. стало увлечение многоэтажной застройкой и проектирование усадеб совхозов и колхозов из 2—4-этажных зданий. Интересно познакомиться с некоторыми схемами районной планировки, разработанными в эти годы. Они, пожалуй, наиболее ярко отражают те настроения и стереотипы, которые бытовали в обществе, в том числе на уровне председателей колхозов и директоров совхозов. Так, например, проект реконструкции внутрихозяйственного расселения колхоза «Россия» Калужской области предусматривал вместо имеющихся 13 деревень сохранить только 2. На месте постепенно «умирающих» деревень Рождествено и Куровское намечено было создать животноводческие фермы с помещениями для дежурных бригад и 2 полевых стана¹¹². Еще более впечатляющим был проект, разработанный для совхоза Криковский Саратовской области, в соответствии с которым вместо отделений совхоза планировалось создать 6 производственных участков. Все строительство сосредоточивалось на центральной усадьбе, где возводились 2—3-этажные благоустроенные

дома. Здесь намечалось разместить все население совхоза. На производственных участках предполагалось создать 5 бригадных станков с общежитиями для дежурных бригад, складами, мастерскими. Основные работники в количестве 700 человек должны были ежедневно доставляться автотранспортом к месту работы¹¹³.

Планировочные работы приобрели значительный размах с конца 1950-х гг., однако к началу 1960 г. из 3 760 сельских административных районов СССР схемы районной планировки имели только 40 (1 %). В РСФСР в течение 1960 г. планировалось составить около 60 схем районной планировки¹¹⁴. Такая же ситуация характерна для проектов внутрихозяйственного и поселенческого устройства. К 1960 г. из 30 тысяч сельхозартелей в РСФСР не более 6 % имели проекты планировок, из 11 800 населенных пунктов совхозов проекты застройки разработаны только для 2 780¹¹⁵. Разработка районной планировки наталкивалась на массу преград начиная от нехватки средств и кадров для выполнения соответствующих работ и заканчивая необходимостью их постоянной корректировки в связи с подвижностью административно-территориальных границ и постоянными реорганизациями.

В 1964 г. административно-территориальные границы изменяются в связи с созданием промышленных и сельских районов. В 1966 г. проводится новое разукрупнение районов, что не могло не отразиться на подготовительных стадиях разработки схем планировок. В силу отсутствия опыта специалистов на местах, работы поручались институтам, специализировавшимся на планировке и застройке городов. Несколько раз сроки составления проектов районной планировки переносились, сначала до 1967 г., затем до 1971 г. И только к 1973 г. все районы и значительная часть республик, областей и краев РСФСР были обеспечены проектной документацией; правда, сразу же был сделан вывод о необходимости ее корректировки.

В целом по стране за 1959—1975 гг. планировалось сокращение поселенческой сети в несколько раз, первоначально ориентировочно до 115 тыс. населенных пунктов. По обобщенным данным

Госстроя, из существующих в 1973 г. в РСФСР 216,8 тыс. населенных пунктов к перспективному развитию предназначались только 56,6 тысяч (26,1 %)¹¹⁶.

Для перспективных сел разрабатывались генеральные планы застройки, без которых вести строительство было запрещено. Перспективными считались прежде всего центральные усадьбы колхозов и совхозов. Остальные поселения (отделения, бригады совхозов и колхозов) в планы строительства не включались и постепенно теряли жизненно важные функции и население. Подчас к числу неперспективных относились села с населением до 1 тыс. человек¹¹⁷. Здесь закрывались школы, клубы, магазины. Это было первым шагом на пути умирания деревни. Постепенно население переезжало на центральные усадьбы. Последним актом была потеря хозяйственных функций в связи с решением переноса производства по «экономическим» причинам в другое место, чаще всего на центральную усадьбу. Как правило, в этом случае на повестку дня ставился вопрос о сселении и переезде оставшихся жителей в другие деревни.

Факты сселения малых деревень наблюдаются уже в конце 1950-х гг., но массовый характер они приобретают во второй половине 1960-х гг.¹¹⁸ Базовый принцип политики реконструкции деревни («крупное хозяйство — крупное село») был своеобразной реакцией, с одной стороны, на отток сельского населения, причина которого виделась в измелечании поселенческой сети, с другой — на требования индустриального строительства.

При определении перспективной поселенческой сети обращалось внимание на характер производства, в зависимости от которого проектировалось внутрихозяйственное устройство. Наиболее предпочтительными вариантами внутрихозяйственного расселения считались следующие:

- 1) одно крупное поселение на хозяйство; рекомендовалось для хозяйств зерновой ориентации и отгонно-пастбищного животноводства;

- 2) центральный поселок и поселки подразделений;

3) центральный поселок, центры производственных подразделений, а также поселки при фермах.

Второй и третий варианты предполагалось реализовать в хозяйствах, специализирующихся на молочном животноводстве, овощеводстве, садоводстве. Были разработаны критерии оценки «перспективности» поселений (табл. 3.1).

В зависимости от имеющихся условий и наличия необходимых факторов все поселки делились на три группы: 1) перспективные (с благоприятными условиями); 2) сохраняемые на переходный период (с удовлетворительными условиями по всем основным факторам и неблагоприятными не более чем по двум второстепенным); 3) неперспективные (все остальные населенные пункты, имеющие в основном неблагоприятные условия). В итоге работ по группировке составлялись предварительные списки перспективных поселений. В целом по стране к неперспективным были отнесены около 570—580 тыс. поселений¹¹⁹.

Основой застройки перспективных поселков служили Генеральные планы развития поселков, разработанные в соответствии со схемами районной планировки, планами развития колхозов и совхозов и их специализацией. Генпланы предусматривали планировку поселков в соответствии с установленными принципами застройки, среди которых основным был принцип компактности размещения жилого фонда, а также недопустимость использования под застройку пахотных земель, «правильное» использование приусадебного фонда.

Первоначально предлагались к внедрению три варианта застройки перспективных сельских поселений.

1. Формирование жилого сектора из 2—5-этажных домов без построек для скота и хозяйственных нужд. Этот вариант рассматривался как перспектива строительства в наиболее крупных поселениях и включал полный комплекс благоустройства.

2. Использование при жилищном строительстве 2-этажных секционных домов с постройками для скота и хозяйственных нужд. Данный вариант предлагался как переходный, используемый для

Т а б л и ц а 3.1

*Критерии оценки поселений по основным факторам**

Факторы	Условия		
	Благоприятные	Удовлетворительные	Неблагоприятные
Экономические факторы			
Численность населения, чел.	Более 500	От 200 до 500	Менее 200
Объем производства, выполняемого населением данного поселка, %	Более 30	10 — 30	Менее 10
Территориально-планировочные факторы			
Размеры и контуры пахотных земель	Компактный массив	Расчлененный массив	Мелкоконтурность, удаленность
Среднее расстояние до мест приложения труда, мин	30	30—45	Более 45
Транспортный фактор	Рядом с ж/д станцией, автодорогой	На одной из основных внутрихозяйственных дорог	Удаленность от основных дорог
Культурно-бытовой фактор	Имеются все необходимые учреждения	Неполный набор учреждений	Нет необходимых социально-культурных учреждений

*Источник: Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М., 1966. С. 23.

первоочередного строительства с перспективой реализации первого варианта;

3. Жилой сектор проектировался из одноэтажных построек с приусадебным участком и соответствующими хозяйственными помещениями. Этот вариант был ориентирован только на колхозные поселения.

Земельные участки под огороды в первом и втором вариантах застройки рекомендовалось выделять за пределами селитебной зоны в едином массиве, обеспечивая, таким образом, компактность застройки.

Наиболее предпочтительным вариантом жилищного строительства в 1960—1970-е гг. считались многоквартирные дома, рассчитанные на несколько семей, причем благоустройство их допускалось на традиционном уровне — «во дворе» (т. е. без внутреннего водопровода, канализации, центрального отопления). В целом в РСФСР планировалось при осуществлении жилищного строительства в совхозах 54 % зданий отводить под двухэтажную застройку, 14 % — под 3—5-этажные корпуса, 32 % — под одноэтажные дома блочного типа. При этом в зависимости от зоны расположения изменялись подходы к проектированию. Например, в Свердловской области предлагалось в пригородных совхозах повысить долю многоэтажных зданий до 80 %, а одноэтажных сократить до 10 %. В более отдаленных от городских центров хозяйствах строительство многоэтажных жилых зданий снижалось до 65 %, 2-этажных — до 30 %, одноэтажных — до 5 %. В колхозах рекомендовалось сохранить одноэтажную застройку (до 100 %) ¹²⁰.

Первая волна сокращения сельских населенных мест относится к началу 1960-х гг., и она тесно связана с изменением методов учета. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» ¹²¹ из учетных данных были исключены однодворные и малодворные поселения (они присоединялись к близлежащим селениям), а также поселения, имеющие временное назначение и непостоянный состав населения (лесные,

приисковые поселки, пионерские лагеря и т. д.). Кроме того, регистрации не подлежали поселки, имеющие служебное значение в системе какой-либо отрасли хозяйства (железнодорожные будки, казармы, контрольные пункты, пристани и т. д.). Все это принципиально повлияло на сопоставимость сведений 1960—1980-х гг. с данными более раннего периода, что в целом затрудняет оценку результатов государственной политики в области расселения.

В соответствии с новыми требованиями была проведена ревизия с перерегистрацией сельских поселений, в результате которой в течение нескольких месяцев после принятия Указа около 500 поселений в РСФСР были зарегистрированы и более 2 тыс. исключены из учетных данных как фактически несуществующие¹²². По приближенным оценкам в связи с изменением методов регистрации из учетных данных были изъяты около 20 % сельских поселений¹²³.

Начинается массовое переименование населенных мест, что приводит к формированию в ряде регионов обновленной топонимической карты. Предпринимаются попытки упорядочения обозначений поселений, хотя они так и не получили окончательного оформления в нормативных документах. Было рекомендовано, в частности, ввести следующую типологию: поселок — для населенных пунктов совхозов, промышленных, строительных и прочих объектов; село — для крупных сельскохозяйственных поселений, где расположены колхозы; деревни — для небольших селений, население которых занято сельскохозяйственным трудом.

Для нас принципиально важно то, что в результате реализации Указа значительная часть мелких поселений перестала учитываться. Фактически это привело к формированию скрытой поселенческой сети: снятие с учета не всегда означало ликвидацию соответствующих поселений. В качестве примера искажения реальной картины А. И. Алексеев приводит данные по Западной Украине, где в 1980-е гг. около 20 тысяч реально существующих хуторов не учитывались ни в каких статистических документах¹²⁴. Та же ситуация характерна и для других регионов, особенно нечер-

ноземных, где малоселенность оставалась типичной чертой сельской местности.

Как следует из табл. 3.2, наиболее активное сокращение поселенческой сети приходится на период с 1959 по 1970 г. и следующий за ним межпереписной промежуток времени. С 1939 по 1959 г. в РСФСР численность сельских поселений сократилась на 27,7 %, что во многом связано с разрушениями в ходе войны, на Урале — на 20,9 %. Учтем при анализе, что этот временной промежуток охватывает 20 лет. С 1959 по 1970 г. сокращение составило по РСФСР 26,7 %, по Уралу — 32,7 %, в последующие годы темпы прироста несколько снижаются. В целом, уменьшение учетных данных за 1959—1979 гг. произошло почти в 1,5 раза (по РСФСР — 40 %, по Уралу — 46 %). На уровень динамики здесь, без сомнения, значительное влияние оказало изменение методов учета.

Исходя из реальных ситуаций, можно выделить следующие варианты моделей сокращения поселенческой сети:

- 1) ликвидация в связи с выездом населения или сселением;
- 2) слияние с более крупными близлежащими населенными пунктами;
- 3) исключение из учетных данных в связи с изменением статусных характеристик населенного пункта.

Второй и третий варианты не означали ликвидацию населенного пункта как такового, он продолжал существовать, но в другом качестве. Так, например за 1930—1960-е гг. в поселки городского типа в РСФСР были преобразованы свыше 2 тысяч крупных сел¹²⁵. В начале 1960-х гг. значительный удельный вес в динамике системы расселения имел второй вариант — слияние близлежащих населенных пунктов. Только за 1-е полугодие 1960 г. в Башкирии были исключены из учетных данных 311 сельских населенных пунктов, из них 220 в результате слияния и лишь 71 — в связи с выездом населения¹²⁶. Эта ситуация была характерна и для других регионов страны. В Воронежской области в 1968 г. из 444 населенных пунктов, снятых с учета, 355 были объединены¹²⁷. Процессы слияния

Т а б л и ц а 3.2

*Численность сельских населенных пунктов в РСФСР и на Урале
по данным материалов переписей 1939—1989 гг.**

Регион, область	Численность сельских населенных пунктов				
	1939	1959	1970	1979	1989
РСФСР	406 958	294 100**	216 845	177 047	152 922
Уральский экономиче- ский район	46 037	36 424	24 493	19 675	16 706
Башкирская АССР	9 147	8 710	5 769	5 098	4 656
Удмуртская АССР	5 161	4 849	3 130	2 546	2 032
Курганская	—	2 270	1 609	1 339	1 253
Оренбургская	4 783	4 576	2 595	2 042	1 768
Пермская	15 160	9 351	6 500	4 984	3 953
Свердловская	5 282	3 549	2 928	2 051	1 782
Челябинская	6 504	3 119	1 962	1 615	1 262

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2, 17; Д. 3996. Л. 50, 64—70; Д. 6121. Л. 68—114; Оп. 27. Д. 95. Л. 85—87. (Данные приведены в границах территорий соответствующих лет); Сельские населенные пункты РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 2, 76—78.

** Данные округлены.

часто мотивировались возможностью получения финансирования на капитальное строительство и развитие поселений.

Сселению в начале 1960-х гг. подвергались главным образом поселки, исчерпавшие свой производственный ресурс (приисковые, лесные). Сельскохозяйственные поселения были затронуты этим процессом в меньшей степени. Удельный вес сельскохозяйственных населенных пунктов, снятых с учета в связи с сселением, по приближенным данным не превышал 30 % общего уровня сокращения¹²⁸. Так, например, по Челябинской области из 1 157 поселений, снятых с учета в 1959—1970 гг., сселено было только 410,

в Удмуртской АССР из 1 719 поселений — 284. Следовательно, несмотря на развернувшуюся в стране деятельность по сселению малых деревень, в этот период оно еще не играет принципиально важной роли, усиливая естественные процессы свертывания поселенческой сети, но не форсируя их.

Второй этап политики реконструкции деревни (1968—1970-е) характеризуется расширением системы мероприятий, нацеленных непосредственно на ликвидацию неперспективных населенных пунктов.

Итоги предыдущего этапа реконструкции деревни были подведены на совещании-семинаре, состоявшемся в Минске в июле 1968 г., где подтверждались основные приоритеты программы реконструкции сельской местности, ориентированные на планомерное укрупнение и благоустройство поселений.

К началу 1968 г. только 80 % административных районов имели проекты планировки, в связи с чем окончание работ по проектированию отодвигалось до 1971 г.¹²⁹ В результате обобщения полученного опыта сельского строительства и обсуждения проблем этажности сельской застройки и необходимости развития личного подсобного хозяйства сельчан были предложены новые (компромиссные) варианты застройки. Указывалось на непродуманность проектов, ориентированных на многоквартирные и многоэтажные дома, так как они не предусматривали возможности ведения своего хозяйства. По истечении короткого времени «новые поселки» стихийно начинали обрывать самодельными сарайчиками, постройками. Это было некрасиво, но зато удобно для хозяев. В результате поселения выглядели неуютно, неэстетично, без гармонии, присущей сельской местности.

К началу 1970-х гг. уже многим стало ясно, что усадебный дом более всего соответствует условиям сельского образа жизни. Но он имеет высокую стоимость и неперспективен в отношении благоустройства, которое по-прежнему мыслилось только в централизованном варианте. Поэтому блокированные дома на 2—4 семьи

с приквартирными участками стали рассматриваться как оптимальный вариант застройки, сочетающий преимущества многоквартирного дома с достоинствами усадьбы.

В конце 1960-х гг. в сельском строительстве применялось 557 типовых проектов жилых домов и 554 проекта общественных зданий. Предпосылки для широкого внедрения типовой застройки были налицо. К чему это привело? Результат виден повсеместно, и эта картина не радует глаз. Вот как описывается в материалах экспедиции «Летопись уральских деревень» современный сельский поселок Новая Ледянка (Свердловская область), в недавнем прошлом отделение совхоза: «Пять двухэтажных домов и 2 двухквартирных коттеджа составляют улицу. Дома кирпичные, грязные, ни разу не ремонтировались, похожи один на другой как казармы. Отопление в домах печное. Кое-где посажены деревья, во дворе есть общественные туалеты, хозяйственные постройки, наклеплено множество сарайчиков. Во всем поселке всего 2 частных дома. За хозяйственными дворами стоит общественная баня» (рис. 4)¹³⁰.

Рис. 4. Пос. Ледянка (б. Новая Ледянка) Ревдинского района Свердловской области. Фото 2003 г.

Отношение к малым деревням как неперспективным стало основной чертой политики в области расселения в этот период. Тысячи деревень были обречены на вымирание в силу как объективных (усиление миграции молодежи, постарение населения, суженный тип воспроизводства населения), так и субъективных (прекращение финансирования и развития социальной сферы) обстоятельств. Общее число населенных пунктов, которые требовали неотложных мер по их укрупнению или сселению, составляло по подсчетам специалистов того времени около 80 % общего числа сельских поселений¹³¹. В РСФСР в 1968 г. из 245,1 тыс. к перспективным было отнесено 63,6 тыс., или 26 % поселений¹³². В Смоленской области из имеющихся 8 178 населенных пунктов строительство намечено только в 2 тыс., в Псковской области из 11 тыс. — в 127¹³³.

Среди категорий населенных пунктов, приоритетных для строительства, выделялись центральные усадьбы колхозов и совхозов, строительство в отделениях хозяйств предусматривалось в минимальных размерах; таким образом, они фактически также попадали в категорию неперспективных. Размеры инвестиций на социальную сферу и затрат на строительство непосредственно зависели от численности жителей поселений.

Процесс реконструкции села предполагалось провести в сжатые сроки, в связи с чем был принят ряд постановлений. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1968 г. № 728 «Об упорядочении строительства на селе» предусматривало разработку на местах в течение 5 лет планов районной планировки и генеральных планов застройки центральных усадеб совхозов и колхозов с целью преобразования их в благоустроенные поселки с хорошими жилищными и бытовыми условиями. К 1969 г. предлагалось утвердить Правила застройки сельских населенных пунктов, обязательные для всех сельскохозяйственных предприятий и учреждений, а также индивидуальных застройщиков. В штаты исполкомов районных советов вновь вводились должности архитекторов и инженеров-инспекторов, отвечающих за правильную

планировку и застройку селений. Разрабатывались новые нормы и типовые проекты жилых зданий. В 1969—1975 гг. в краях, областях и республиках России снова развернулось экспериментально-показательное строительство 130 современных поселков колхозов и совхозов, которые должны были послужить образцом для переустройства других поселений региона¹³⁴.

В середине 1970-х гг. был разработан документ, отразивший концептуальные подходы к модернизации деревни и определявший основные направления политики в области расселения на период до 2000 г. Речь идет о Генеральной схеме расселения СССР, которая предусматривала формирование «оптимальной» с точки зрения решения производственных задач и условий жизни населения поселенческой сети. Будучи секретной, Генеральная схема была недоступна для тщательного изучения, однако основные принципы перспективного планирования были опубликованы и активно обсуждались научной общественностью¹³⁵. Авторство концепции развития системы расселения, положенной в основу Генеральной схемы, принадлежит ЦНИИПградогостроительства Госстроя СССР и отражает в целом агломерационный подход к оценке перспектив расселения: в частности, для нее было характерно прогнозирование необоснованно высоких темпов концентрации сельского расселения.

В середине 1970-х гг. большое внимание было уделено развитию Нечерноземья, наиболее проблемного в сельскохозяйственном отношении региона страны. Здесь наблюдался высокий отток сельского населения в города, шло быстрое свертывание поселенческой сети. В целях подъема Нечерноземья была принята программа, изложенная в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР» (1974)¹³⁶. Правительственные документы вновь содержали лозунги, ориентированные на реконструкцию и укрупнение сельского расселения. Впервые в постановлении были обозначены конкретные цифры по сселению. Всего в 1976—1980 гг. намечалось переселить в благоустроенные поселки центральных усадеб колхозов и совхозов в Нечерноземной зоне РСФСР около 170 тыс. семей.

Им предоставлялся значительный кредит и льготы. В качестве одного из основных направлений подъема сельского хозяйства и закрепления кадров на селе предусматривалось дальнейшее жилищное строительство, благоустройство сел и деревень.

Результаты реализации политики реконструкции деревни достаточно противоречивы. В соответствии с планами в отдельных регионах сселению подлежали до 80 % сельских населенных пунктов. Так, на Урале, особенно в нечерноземных его областях, значительную долю составляли поселения с «неблагоприятными перспективами», т. е. с населением до 200 человек. Всего по региону предполагалось ликвидировать 60,6 % деревень, в Пермской области — до 81 %, в Свердловской — до 60 %, в Челябинской — 49,2 % (табл. 3.3).

Масштабы задуманной кампании были изначально труднодостижимыми. Для обеспечения широкомасштабного строительства в пунктах, куда намечалось переселение, требовались значительные инвестиции. Непросто решалась проблема переезда жителей деревень там, где этот вопрос становился реальностью. Раньше всех покидали приговоренную деревню молодые семьи, трудоактивные и имевшие детей. Для них перемена места жительства не была столь болезненной, как для старшего поколения; более того, привлекательные условия жизни и труда на новом месте были для них серьезным стимулом для принятия решения. Последними покидали деревню старики — требовалось немало усилий уговорить их переехать.

Сселение деревень в конце 1970-х гг. стало сюжетом многих художественных фильмов («Прощание», 1982, реж. Э. Климов; «Рябиновые ночи», 1984, реж. В. Кобзев; «Однолюбы», 1982 г., реж. Г. Кузнецов; «Прости-прощай», 1979, реж. Г. Кузнецов; и пр.). Эмоционально сильное воздействие на зрителя оказывают образы стариков, поставленных в безальтернативную ситуацию переезда. Прощание с родной деревней осознается как неправильная и бессмысленная жертва, однако это понимание приходит не сразу. В 1960—1970-е гг. у власти еще преобладали представления о жизненной необходимости прощания со старым деревенским миром,

а человек, его переживания и интересы не то, чтобы не учитывались, а скорее воспринимались упрощенно, с позиций экономической целесообразности.

По данным переписи населения 1970 г. в СССР насчитывалось 469 тыс. населенных пунктов, к 1979 г. — 383 тыс.¹³⁷, т.е. количество сельских поселений сократилось на 18,4 %, в том числе:

- с количеством населения более 5 тыс. человек возросло на 15 %;
- от 3 до 5 тыс. человек увеличилось на 7 %;
- от одной до 3 тыс. человек — на 3 %;
- число поселений с количеством жителей до 100 человек уменьшилось на 22 %¹³⁸.

Анализ статистических данных по Уралу свидетельствует, что в 1970—1980-е гг. происходит увеличение средней численности жителей деревень на 47,5 %, а по Пермской области — более чем в 2 раза (см. табл. 3.3), растет удельный вес поселений с числом жителей свыше 500 человек.

На первый взгляд цели политики реконструкции сельской местности были достигнуты. Поселенческая сеть сокращается, в ней представлены поселения с более высокими количественными характеристиками: в частности, увеличивается доля средних и крупных поселений. Однако если учесть особенности статистического учета этого периода, когда значительная часть существующих мелких поселений просто игнорировалась, то все окажется не так просто. Реальное сокращение поселенческой сети, как и средняя людность поселений, было меньше, чем это представлено в учетных данных. Искажения здесь весьма велики и, по приближенным оценкам, составляют около 30 %.

На практике планы по сселению неперспективных деревень во второй половине 1970-х гг. выполнялись не более чем на 25—40 % прежде всего ввиду нехватки капиталовложений¹³⁹. В Ярославской области из намеченных к сселению 6 тыс. населенных пунктов с 1965 по 1975 г. было ликвидировано 533¹⁴⁰. Как свидетельствуют архивные документы, в 1979 г. в Нечерноземье было сселено

Т а б л и ц а 3.3

*Статистические показатели численности и распределения
сельских поселений на Урале в 1939—1989 гг.**

Регион, область, республика	Год	Число сель- ских на- селенных пунк- тов	Люд- ность по- селе- ния в среднем на 1 на- селен- ный пункт	Распределение сельских населенных пунктов по численности**		
				до 200	201—500	свыше 500
Уральский регион	1939	46 064	208			
	1956	36 424	213	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	18 784	253			
	1979	19 675	287	60,6	23,6	15,8
	1989	16 706	307	60,1	23,3	16,6
Курганская	1939	—	—	—	—	—
	1956	2 270	311	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	1 609	386	38,4	39,3	22,3
	1979	1 339	401	39,	37,3	23,6
	1989	1 253	400	20,9	31,4	24
Оренбургская	1939	4 783	270	66,5	19,4	14,1
	1956	4 576	231	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	2 595	371	47,6	29,9	22,5
	1979	2 012	406	43,8	31,7	24,5
	1989	1 768	432	44,3	29,4	26,3
Пермская	1939	15 160	83	91,1	6,8	2,1
	1956	9 351	140	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	6 500	153	81,0	12,6	6,4
	1979	4 984	158	81,1	11,9	7,0
	1989	3 953	177	78,7	12,5	8,8
Свердловская	1939	5 282	200	74,9	15,4	9,7
	1956**	3 549	276	64,5	16,5	10,4
	1970	2 928	285	59,9	23,7	16,4
	1979	2 051	326	54,4	21,7	19,9
	1989	1 782	342	58,3	20,9	20,8
Челябинская	1939	6 895	101	62,5	19,4	18,1
	1956	3 119	233	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	1 962	370	49,2	29,7	21,1
	1979	1 615	399	46,2	31,6	22,2
	1989	1 262	501	37,6	35,9	26,5

О к о н ч а н и е т а б л . 3.3

Регион, область, республика	Год	Число сель- ских насе- ленных пунк- тов	Люд- ность поселе- ния в среднем на 1 на- селен- ный пункт	Распределение сельских населенных пунктов по численности**		
				до 200	201—500	свыше 500
Башкирская АССР	1939	9 147	286	59,4	24,3	16,3
	1956	8 710	242	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	5 769	343	48,8	30,8	20,4
	1979	5 098	326	52,1	29,5	18,4
	1989	4 656	306	55,9	28,5	15,6
Удмуртская АССР	1939	5 161	175	70,4	23,3	6,3
	1956	4 849	161	н.св.	н.св.	н.св.
	1970	3 190	191	72,3	21,0	6,7
	1979	2 546	203	73,9	17,8	8,3
	1989	2 032	239	72,2	16,4	11,4

*Составлено по: Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996. С. 137—138; Сельские населенные пункты РСФСР : по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. : ст. сб. М., 1991. С. 22—23, 90—91; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 17; Д. 3996. Л. 50, 64—70; Д. 6121. Л. 68—114; Оп. 27. Д. 195. Л. 85—87; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 88. Данные приведены в границах территорий соответствующих лет.

** Группировка поселений по людности проведена на основе сведений базы данных «Населенные пункты Свердловской области» за 1956 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 88); в распределении населенных пунктов за данный год в таблице не отражены 8,6 % поселений, по которым нет достоверной информации о численности населения.

42 % от запланированного¹⁴¹. В целом, несмотря на декларируемые масштабы преобразования поселенческой сети, реальные результаты как в области сселения деревень, так и в сфере благоустройства были незначительными.

Не была решена и задача закрепления кадров на селе, поток мигрантов в города продолжал расти: по оценкам специалистов, число переселившихся в плановом порядке из неперспективных сел составляло примерно 2—3 % общего объема миграции сельского

населения¹⁴². Несравненно больший ущерб был нанесен не столько сселением деревень (многие из них объективно «умирали», теряя население), сколько формированием негативной социально-психологической установки. Без сомнения, сам факт отнесения населенного пункта к категории неперспективных усиливал миграционные настроения. Такой подход порождал чувство неуверенности и нестабильности, которое подталкивало многих к принятию решения переселиться в город, поближе к уехавшим еще ранее детям. Обезлюдение деревни продолжается и в 1970-е, и 1980-е гг., даже после того, как ориентиры политики в области сельского расселения были пересмотрены, что само по себе отражает объективность указанных процессов.

Уже в конце 1970-х гг. все более громко звучат сомнения в целесообразности экономического подхода к решению судьбы сельских поселений и обосновывается необходимость поиска других путей решения проблем села¹⁴³. В 1980 г. по решению Росгосплана СССР было отменено деление сел на перспективные и неперспективные. Потребовалось еще несколько лет, чтобы признать, что «сельская система расселения, совпадающая еще с исторически сложившейся, соответствует территориальной структуре агрокультурного ландшафта и *не требует однозначной перестройки*»¹⁴⁴.

На третьем этапе (1980-е) с учетом предшествующего опыта в области переустройства сельских населенных пунктов были сформулированы новые задачи:

- 1) совершенствование системы сельского расселения на основе сохранения и развития существующих сельских населенных пунктов;
- 2) комплексное развитие сельских поселений;
- 3) совершенствование планировочных структур;
- 4) повышение уровня инженерного оборудования внешнего благоустройства;
- 5) первоочередное сохранение существующей поселенческой сети в районах с дефицитом трудоспособного населения.

В нормативных актах, принятых в начале 1980-х гг., меняются представления о рациональной застройке сельских поселений. Планировка сельских населенных пунктов, в соответствии с новыми требованиями, должна создавать благоприятные условия для ведения личного хозяйства с выделением достаточных по размерам приусадебных участков. Так, согласно СНиП 11-60-75 «Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов»¹⁴⁵ и Правилам застройки сельских населенных пунктов РСФСР, утвержденным Постановлением Совета Министров РСФСР от 20 июля 1981 г., приоритетным вариантом становится строительство 1- и 2-этажных жилых блочных домов усадебного типа.

Продовольственная программа, принятая в 1982 г., также включала систему мер по дальнейшему благоустройству села, в т. ч. развитию строительства усадебного жилья с надворными постройками, школ, клубов, улучшению медицинского, торгового, бытового обслуживания. Однако все эти решения уже не могли остановить прогрессирующее обезлюдение деревни. В материалах переписей 1979 и 1989 гг. постоянно фиксируются населенные пункты без жителей. Идет дальнейшее сокращение численности сельских поселений. Так, за 10 лет (1979—1989) в РСФСР количество сельских населенных пунктов уменьшилось на 13,6 %, а на Урале — на 15,1 % (см. табл. 3.2).

Отказ от проведения политики ликвидации малых деревень не привел к разработке альтернативного плана развития сельского расселения. Более того, в условиях экономического и политического кризиса, который переживало советское общество во второй половине 1980-х и последующие годы, ситуация в аграрном секторе продолжала ухудшаться, местами приводя к полной деградации деревни. Активная преобразовательная деятельность 1970-х гг. сменилась полным отсутствием политики в этом вопросе. Село вынуждено было выживать без какой-либо реальной поддержки и участия правительства. Анализируя это положение, приходится признать, что бездействие властей не менее трагично отражается на судьбе деревни, чем активное вмешательство в процессы расселения.

Таким образом, воздействие государственной политики на сельскую местность носило сложный, многоплановый характер, затрагивая как количественные, так и качественные параметры. Основным результатом модернизации 1960—1970-х гг. — это изменение плотности расселения, переход от равномерного к очаговому расположению населенных пунктов, а также формирование нового урбанизированного образа деревни. Переустройство затронуло в первую очередь населенные пункты, попавшие в число перспективных, где и велось капитальное строительство. В большей степени свой традиционный облик сохранили небольшие деревни, которые были отнесены ко второй категории планируемых на перспективное сселение.

Мероприятия по преобразованию сельского расселения вызвали ускоренное сокращение сети сельских поселений, привели к усилению миграции в города, обострили проблему нехватки трудовых ресурсов и ухудшили экономические условия деятельности хозяйств. Трудно в полной мере оценить то морально-нравственное воздействие, которое ощутили на себе «выселенцы», вынужденные покинуть родные места и постараться найти себя снова в этом мире. Одно из последствий сселения — ощущение неполноценности, связанное с разрушением привычной картины мира и, как результат, формирование целого комплекса социально-нравственных проблем сельского образа жизни.

3.3. Художественный кинематограф о проблемах советской деревни

Изучая государственную политику, а также повседневность советской деревни, крестьянские трудовые будни и праздники, нельзя пройти мимо такого источника, как кино, которое в форме художественных образов представляет те изменения, которые происходят в деревне. Значимость этих фильмов возрастает в силу

того, что они содержат не просто образы, а визуальную информацию о жизни села, его проблемах, которая в письменных источниках, как правило, отсутствует. Между тем визуализация предметного мира деревни — построек, жилья, обстановки, одежды и других атрибутов времени, которые запечатлены на пленке, — сегодня представляет особую ценность. Изменения, охватившие деревню в советский период и буквально перевернувшие ее, очень значительны, они отрицают старый предметный мир. Причем специфика современного общества состоит в том, что циклы жизни вещей сокращаются, а об их сохранности мало кто думает. Особенно это видно по скорости смены моделей бытовой техники, автомобилей, приборов. О моде и говорить не приходится: сегодня модный тренд может меняться каждый сезон. Темпы устаревания возрастают по мере модернизации общества. А устаревшие вещи не хранят, а уничтожают. В результате историки сталкиваются с новым феноменом. Обыденные предметы XVIII—XIX вв. сохраняются музеями, этнографами, антикварами, а предметы обстановки, техника, одежда середины — второй половины XX в. считаются не представляющими музейной ценности. В этом отношении кино, где на пленке задокументированы предметы обстановки и быта, позволяет нам с большой степенью достоверности реконструировать повседневность, образ жизни, психологию крестьян.

Художественное кино выступает незаменимым источником и для изучения вопросов, связанных с государственной политикой в деревне, поскольку оно отражало преимущественно государственный заказ и реагировало на него. Кино позволяет увидеть позицию власти по отношению к деревне, крестьянству, их взаимодействию, выделить те проблемы, которые воспринимались как наиболее значимые.

Агитационный потенциал и сила влияния кинематографа хорошо осознавались властью и использовались в полной мере (вспомним знаменитую фразу В. И. Ленина «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»), что позволяет ранжировать текущие

задачи государственной политики и через характеристику создаваемых образов раскрыть идеологический механизм их реализации. С другой стороны, особенности жанра художественного кино (как способа отражения реальности) таковы, что авторы фильмов должны были показать разные реакции общества на правительственные решения, без чего невозможна сюжетная интрига, нарратив. В этом отношении кино не только транслировало нужные власти образы и идеи, но также выполняло роль канала обратной связи, опосредованно выражая общественные настроения. В совокупности весь этот кинематографический материал может существенно дополнить и скорректировать информацию, содержащуюся в официальных документах и статистических источниках.

Анализируя советские фильмы о деревне, следует учесть ролевые функции, которые выполнял кинематограф в различные исторические периоды.

- В 1920—1940-е гг. он использовался преимущественно для формирования новой советской мифологии, выполняя функции агитатора и пропагандиста. Жанр кинопроизведений этого времени часто определяется самими авторами как а г и т ф и л ь м. Для создания и закрепления в общественном сознании мифологических образов требуются особые приемы подачи материала, связанные с показом «плохих» и «хороших» героев, их противопоставлением (бинарные оппозиции), широким использованием сказочных и библейских сюжетов (апелляция к архетипам сознания) и пр. Фильмы этого времени не столько отражают реальность, сколько моделируют образы и представления, необходимые для решения задач социалистического строительства.

- В 1950-е гг. функции кино расширяются и усложняются. На первый план выходит функция у ч и т е л я и в о с п и т а т е л я. Кинематограф этого времени несколько отходит от шаблонов сталинского времени, становится более глубоким, психологичным, претендуя на большую достоверность создаваемых образов. Однако сюжетный строй картины, диалоги, т. е. весь дискурс, характеризуются назидательностью и направлены на презентацию

готовых рецептов решения общественных проблем. Прежде всего тех, которые соответствуют госзаказу.

- В 1960—1980-е гг. кинематограф осваивает функции познания: он не столько дает ответы, сколько ставит вопросы, тем самым повышая свой гражданский статус. Фильмы этих лет обладают не только наиболее высоким уровнем достоверности, отражая проблемы и тенденции современности, но, используя возможности художественной интуиции, позволяют предчувствовать и предвидеть многие явления, которые еще не осознаются ни властью, ни обществом. Эта новая роль кинематографа особенно ярко проявилась в годы перестройки.

Представляя деревенское кино, необходимо отметить, что вплоть до 1950-х гг. сельская тематика не рассматривалась как социально значимая и приоритетная: другие проблемы (индустриализация, строительство социализма, война) казались более важными (табл. 3.4).

Только в 1950-е гг. сельская тематика приобретает общественный резонанс и значимость. Это заметно и по проблематике картин, и по жанровому разнообразию. В дальнейшем эта тенденция усиливается и приводит к формированию в 1960—1970-е гг. самостоятельного направления, которое можно обозначить как «деревенское кино», рассказывающее о проблемах села и предназначенное не только для городских, но и для сельских жителей. Данное направление исчезает в 1990-е гг. Пришло новое поколение продюсеров и режиссеров, полностью потерявших связь с деревней и не знакомых с ее проблемами и бедами, а само российское село оказалось отброшенным на обочину политики и экономики и сегодня переживает не лучшие времена. Проблемы села оказались не интересными ни городу, ни власти. Катастрофа сельской местности и российской деревни в результате утверждения неокapитализма, возможно, еще найдет отражение в российском кинематографе, но, скорее всего, в ретроспективном режиме, как попытка рефлексии пройденного пути. Феномен деревенского кино, как и советскую деревню, можно считать уже элементом прошлого, истории.

Т а б л и ц а 3.4

*Динамика кинопроизводства в СССР в 1920—1991 гг.**

Период	Всего фильмов	В т. ч. фильмы о деревне	В т. ч. актуальные фильмы о деревне	Удельный вес актуального деревенского кино к общему количеству фильмов, %	Выпущено актуальных фильмов о селе в среднем за год
1920—1928	228	26	12	5,3	1,3
1929—1940	412	78	64	15,6	5,3
1941—1945	159	11	9	5,7	1,8
1946—1952	110	14	10	9,1	1,4
1953—1964	809	113	87	10,8	7,3
1965—1985	3214	360	220	6,9	11,0
1986—1991	1494	128	64	4,3	10,6
<i>Итого</i>	<i>6426</i>	<i>730</i>	<i>466</i>	<i>7,3</i>	<i>6,6</i>

*Составлено по: Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. 2-е изд. М., 2003. 1 DVD-ROM

Рассмотрим более подробно на основе анализа актуальных художественных фильмов 1920—1991 гг. (т. е. отражающих события в режиме реального времени) основные проблемы российской деревни и их презентацию в кинематографе.

По сведениям табл. 3.4 очевидно, что сельская тематика на протяжении всего изучаемого периода была на периферии интересов кинематографического сообщества, и это несмотря на то, что вплоть до 1950-х гг. Советский Союз был сельской страной. Будучи изобретением городской культуры, кинематограф фиксировал прежде всего жизнь города, снимался горожанами и для городских жителей. Удельный вес фильмов о селе в советский период колеблется от 4 до 15 % общего числа картин, достигая максимальных значений в 1930-е гг. и в хрущевское десятилетие, когда задачи

реформирования сельского хозяйства находились в центре внимания власти и общества.

Идеологическая обработка населения и внедрение в сознание представлений о росте классовой борьбы в деревне начались еще в годы НЭПа. Количество фильмов по деревенской тематике в это время было самым низким за весь советский период, они преимущественно рассказывали о борьбе с кулаком, его вредительской деятельности, насаждая образ внутреннего врага, очень жестокого, хитрого, справиться с которым можно только под руководством рабочего класса, Красной Армии, партии и комсомола. Среди сельских фильмов тех лет преобладает жанр драмы, что должно было подчеркивать глубину и серьезность происходящего на экране. К этому жанру относится 64 % фильмов (2 произведения сняты в жанре агитфильма и 2 — в жанре комедии).

Из 12 фильмов этого периода в 7 картинах в основе сюжета лежит б о р ь б а с к у л а к а м и, в 3 фильмах пропагандируются идеи о необходимости союза рабочего класса и крестьянства, один посвящен проблемам кооперации и в 3 фильмах поднимаются вопросы с е л ь с к о й м и г р а ц и и и проблемы взаимодействия «город — село». Причем в последнем случае обыгрываются представления о политической незрелости и низкой сознательности крестьян, что может привести их порой в уголовную среду, как, например, в фильме Э. Иогансона и Ф. Эрмлера «Катька — бумажный ранет» (1926).

Жанровые и тематические особенности сельских фильмов 1920-х гг. свидетельствуют о том, что они снимались с целью формирования в сознании горожан (поскольку кинопрокат в сельской местности в данный период практически отсутствовал) представления о расслоении в деревне и постоянном вредительстве кулаков, оправдать политику ограничений, а позднее и ликвидации кулачества. Вторая идея, которая получила отражение в фильмах этих лет, — это п о л и т и ч е с к а я и к л а с с о в а я н е з р е л о с т ь к р е с ь я н с т в а, которое не может разглядеть своего врага и без помощи рабочего класса и партии (комсомола) не справится с ним.

В 1930-е гг. агитационные функции кино получили дальнейшее развитие. Благодаря формированию в сельской местности стационарной сети кинопроката, дополненной кинопередвижками, появилась возможность расширить зрительскую аудиторию. Деревня становится одним из важнейших потребителей кино, особенно зрелищного, что оказывает влияние на стилистику и способ презентации информации. Для мифологизации сознания сельских жителей требовалось использовать несколько иные художественные образы, более для них привычные, связанные с традициями народного балагана, ярмарки, лубка.

Производство фильмов на сельскую тему в 1930-е гг. выросло почти в 6 раз по сравнению с предшествующим периодом, хотя часть из них были запрещены и не вышли на экраны. Это свидетельствует, с одной стороны, о росте внимания к колхозной тематике со стороны власти и общества, а с другой — о социальной остроте затрагиваемых в фильмах вопросов и усилении политической цензуры. Всего за период 1929—1940 гг. в советском кинематографе было создано 64 картины по деревенской тематике (15,6 % общего объема кинопроизводства), причем почти половина из них (45,3 %) приходится на годы массовой коллективизации (1929—1931) и повествует о становлении колхозного строя и ожесточенной, нередко трагической борьбе крестьян с кулаками. Возглавляют эту борьбу политически грамотные представители рабочего класса, Красной Армии, комсомольцы и пионеры, а также сельская интеллигенция.

Кроме сюжетов о коллективизации, в отдельных произведениях поднимаются проблемы текущей политики: ликвидация неграмотности («Будь готов», реж. Г. Макарова); строительство совхозов. Значительный интерес представляет фильм «Взорванные дни» (реж. А. Соловьев, 1930), в котором делается попытка воссоздать образ будущего села в виде агрогорода. Абсолютно преобладает жанр агитационного фильма с элементами драмы.

Начиная с 1932 г. наряду с сюжетами о борьбе с кулаками в кино поднимаются темы формирования нового социалистиче-

ского отношения к труду и колхозной собственности, а с середины 1930-х гг. на первый план выходят проблемы социалистического соревнования и укрепления колхозов. Меняется и тональность фильмов. Наряду с жанром агитки и драмы, появляются комедии, в том числе музыкальные, которые составили золотой фонд советского кино того времени («Гармонь», реж. И. Савченко; «Богатая невеста» и «Трактористы», реж. И. Пырьев; «Станица Дальняя» реж. Е. Червяков). К ним примыкает и знаменитый фильм И. Пырьева «Свинарка и пастух», который был выпущен в 1941 г. Он наиболее ярко отражает особенности деревенского кинематографа предвоенного периода — взгляд на деревню как явление п а т р и а р х а л ь н о е, условно этнографическое, принципиально отличное от города по условиям жизни, одежде, поведению людей. Причем эти отличия утрируются, а само представление деревни воспроизводит эстетику лубка, карнавала, ярмарки, приближая его к традиции н а р о д н о г о з р е л и щ а. Все это оказывает влияние на уровень историчности фильмов: искать в них реальные сцены колхозной жизни не стоит.

Наибольшей достоверностью обладают те пласты информации, которые были призваны отразить новые явления колхозной действительности, например жизнь тракторной бригады на полеводческом стане в «Трактористах». В целом, кинематограф 1930-х гг., как и кино периода НЭПа, является в первую очередь мифотворцем, призванным обосновать и оправдать политику коллективизации и сформировать позитивное отношение к колхозному строю.

Итак, в 1930-е гг. в отечественном кино был создан образ российской деревни как мира, направленного в прошлое, темного и неосознательного, который необходимо «взорвать» и перевернуть. Коллективизация и колхозы — это новый образ, противостоящий традиционной деревне. Его героизация и оправдание становятся важнейшей задачей кино.

В годы Великой Отечественной войны происходит резкое сокращение числа снимаемых фильмов, включая сельские. Всего за 5 лет вышло 9 фильмов на эту тему, из них 7 приходится на 1941—

1942 гг. и относится к проектам, начатым еще до начала войны, поэтому их тематика отражает проблемы мирного предвоенного времени — эмансипацию сельских женщин («Годы молодые», реж. Г. Гричер-Чериковер, И. Савченко), колхозное строительство на Западной Украине и Западной Белоруссии с реанимацией сюжетов о борьбе с кулаками и националистически настроенными вредителями («Семья Януш», реж. С. Навроцкий, 1941), патриотическое воспитание и подготовку к войне («Мать», реж. Л. Луков). Лишь к концу войны в 1944 г. режиссеры Б. Бабочкин и А. Босулаев снимают эпическую драму «Родные поля», рассказывающую о трудовых подвигах колхозников.

Послевоенный период не только продолжает, но и усиливает сложившуюся традицию создания агитационного кино, что соответствует социально-политической ситуации, росту цензуры и новой волне репрессий, направленных в том числе против творческой интеллигенции. С 1946 по 1952 г. в стране было снято всего 10 фильмов на сельскую тему, хотя их удельный вес составил 9,1 %. На фоне общего снижения объемов кинопроизводства и сужения тематики фильмов, среди которых стали преобладать историко-героические и биографические кинокартины, такой показатель свидетельствует о внимании власти к аграрной сфере и проблемам восстановления села.

Основная задача кинематографа этого времени — сформировать положительные образы в сознании населения, внушить надежду на скорое преодоление трудностей и проблем военного времени. Данная цель достигалась разными кинематографическими и психологическими приемами: широкое использование жанра комедии (6 фильмов из 10); преобладание павильонных съемок, моделирующих благополучную жизнь деревни; широкое использование музыки. Так, например, единственный фильм о деревне, снятый в 1952 г. («Большой концерт», реж. В. Строева), построен полностью на музыкальных номерах и имеет весьма незамысловатый сюжет: в Москву на спектакль Большого театра приезжают колхозники. Они приглашают артистов на празднование двадцатилетнего

юбилея колхоза. Приехавших артистов восхищает пение молодых колхозников, которых убеждают поступать в консерваторию.

Среди фильмов тех лет самой знаменитой стала комедия «Кубанские казаки» режиссера И. Пырьева, снявшего фильм веселый, яркий, музыкальный, как ярмарка, где и разворачивается основное действие. В фильме не стоит искать кадры с реальным сельским пейзажем, он здесь не нужен и не соответствует общей задаче фильма — убедить зрителя, что все будет хорошо. В этом видится основная задача кино того времени.

В фильмах послевоенного периода, несмотря на определенный социально-психологический заказ, все же нашли отражение некоторые исторические сюжеты, связанные с реализацией задач партии в послевоенном восстановлении хозяйства, — мероприятия по упорядочению землепользования колхозов, сельской электрификации, помощи горожан в уборке урожая, сельскому строительству и т. д. Однако диалоги и образы — очень плакатные и неестественные, в фильмах преобладает упрощенная подача материала с делением на положительных (идеальных) и отрицательных героев. В качестве последних нередко выступают недальновидные и ограниченные председатели колхозов, сопротивление которых необходимо преодолеть.

Интересно, что крупнейшая кампания того времени — укрупнение колхозов, начавшееся в 1950 г. и во многом изменившее сельскую местность, — не нашла отражение в фильмах тех лет. Только в 1960-е гг. в некоторых кинолентах можно встретить упоминание об этом событии, но очень невнятное. Складывается впечатление, что современниками, да и последующими поколениями реальная роль данной кампании в судьбе российской деревни так и не была осознана. Так, например, в фильме «Простая история» (реж. Ю. Егоров, 1960) есть небольшой сюжет об объединении двух колхозов — процветающего, который возглавляет героиня фильма Саша Потапова, и отстающего, откуда сбежали все мужики, остались одни бабы. Обсуждение проблемы объединения в этом случае происходит на уровне «захотят — не захотят» колхозники богатого

колхоза взять к себе отстающих. Реальные последствия данного шага для дальнейшей судьбы деревни Кисловки, где располагается присоединяемый колхоз, не показаны.

Расцвет сельского кинематографа приходится на вторую половину XX в. Многие известные советские режиссеры работали в этом направлении: М. Калатозов, С. Ростоцкий, В. Шукшин, С. Параджанов, Л. Кулиджанов, И. Хейфиц, Г. Шенгелая, Л. Шепитько, Э. Климов, К. Муратова и др., создав глубокие высокохудожественные полотна о жизни советской деревни и ее проблемах. Особенностью этого этапа стало то, что деревенское кино выдвинулось в самостоятельное художественное направление со своей проблематикой, эстетикой, идеологией и своим зрителем. Для него характерны определенные черты: стремление к достоверной реконструкции деревенского быта и одновременно поэтизация деревни как особого мира, наполненного искренними чувствами, мудростью, подлинной нравственностью. В этом плане деревня стала рассматриваться как антипод городу — неестественному и суетливому, потерявшему нравственные ориентиры. Наиболее ярко данная идея получила воплощение в многочисленных фильмах о «возвращениях», в основе сюжета которых лежит притча «о возвращении блудного сына».

В результате на смену одному мифу, созданному в 1920—1930-е гг., утверждается другой, ставший в известной мере порождением советской урбанизации. Представления о деревне как неком идеальном мире, отличном от города, мире естественном и поэтому истинном, в целом также были далеки от реальности, но уже с другим знаком. Тем не менее фильмы о деревне, снятые в 1950—1980-е гг., с точки зрения их историчности можно рассматривать как ценный источник по истории модернизации деревни. В них нашли отражение все наиболее важные события аграрной истории, выделены самые значимые проблемы сельской жизни, предложены рецепты их решения, основанные на представлениях власти и творческой интеллигенции того времени. Интересно, что в 1950—1960-е гг. эти представления совпадают,

по меньшей мере не сталкиваются между собой. В фильмах более позднего времени присутствует ощущение определенной расколотости общественного сознания, поскольку представления и оценки власти уже не удовлетворяют творческую интеллигенцию, она начинает мыслить более независимо, другими категориями, составляя по целому ряду вопросов негласную оппозицию официальным оценкам.

А главное, в деревенском кино второй половины XX в. нашли отражение те изменения в условиях и образе жизни сельских жителей, которые происходят очень незаметно, на частном уровне, но наиболее показательны для понимания глубины процессов урбанизации и отношения к ней сельских жителей. Именно поэтому мелочи, подмеченные создателями фильма и использованные ими для создания кинематографического образа, могут быть очень важны. Как, например, традиция украшения экранов телевизора, как икон, цветами («Прощание», реж. Э. Климов, 1982). Штрих, который без слов говорит о роли и значении телевидения в современном мире.

Однако вернемся к хрущевскому периоду. Этот этап советской истории был одним из наиболее бурных и интересных для советской деревни. Фильмы этого времени имеют несомненные отличительные черты и в целом транслируют оптимистический взгляд на деревенские проблемы, для разрешения которых нужно «только захотеть». Этот политический оптимизм оттепели очень показателен, в нем раскрываются особенности мировосприятия общества второй половины 1950-х гг., которое осудило суровое сталинское прошлое, но еще не разочаровалось в идее социализма. Ощущение силы и возможности человека изменить мир в лучшую сторону, его право на счастье пронизывают многие художественные произведения того времени, в том числе и кинематограф.

Все противоречивые явления хрущевского десятилетия нашли отражение в художественном кинематографе, который как бы раздвоился. Около половины фильмов этого времени (44,8 %) составили комедии и мелодрамы, в которых счастливая жизнь

колхозников становится еще счастливее по мере преодоления тех мелких недостатков, которые еще остаются. Таким лекарством от всех бед, в том числе средством перевоспитания несознательных колхозников, становится строительство нового клуба и колхозный театр («Дело было в Пенькове», реж. С. Ростоцкий, 1957).

Вторая группа фильмов этого времени представлена более серьезными произведениями — драмами и повестями. Жанр деревенской киноповести, который впервые появляется в 1950-е гг., использовался для обозначения картин, рассматривающих серьезные вопросы, в том числе производственные, нравственные, не имеющие, однако, трагического окраса, с жизнеутверждающим концом. В 1950-е г. появляются также новеллы, нацеленные на философское осмысление жизненных историй. К их числу относится, например, фильм П. Арсенова и П. Любимова «Подсолнух» (1963), поставленный по одноименному рассказу В. Закруткина, в котором вопросы жизни, смерти, памяти находят решение в простых естественных образах природных циклов.

Кардинально меняется тематика сельских фильмов. Вопросы классовой борьбы остались в прошлом и только изредка напоминают о себе в прибалтийских фильмах, где в это время утверждается новый колхозный строй. Главным героем сельского кино становится не «исторический процесс», а человек: это может быть непутевый паренек, из которого армия делает человека («Солдат Иван Бровкин», реж. И. Лукинский, 1955), или простая крестьянка, ставшая председателем колхоза («Простая история», реж. Ю. Егоров, 1960), или девушка-сирота, мечтающая иметь свою семью («Когда деревья были большими», реж. Л. Кулиджанов, 1961). Кинематограф создает целую галерею портретов жителей деревни, формируя своеобразный альбом, который есть в любой крестьянской семье. Это простые, честные, наивные, иногда немного странные люди, которые вызывают любовь и уважение.

Анализируя тематику фильмов 1953—1964 гг., можно построить своеобразный рейтинг наиболее актуальных проблем деревни. В каждом пятом фильме (18 из 87) поднимается вопрос

о руководителе, его месте, роли в колхозной жизни, ответственности за свои поступки. Такая постановка проблемы вполне понятна: еще в 1955 г. Н. С. Хрущев предпринял ряд шагов по формированию нового кадрового состава руководителей колхозов и совхозов из грамотных, образованных людей и специалистов. В условиях научно-технической революции только такой человек может управлять крупным хозяйством. В стране вновь, как и в 20-е гг., разворачивается кампания по призыву руководителей-специалистов для работы в деревне. В историю они вошли под именем «тридцатитысячников».

Естественно, что эти сюжеты нашли широкий отклик в кино («Посеяли девушки лен», реж. В. Корш-Саблин, 1955; «Крутые горки», реж. Н. Розанцев, 1956; «Наш общий друг», реж. И. Пырьев, 1961; и др.). Политику партии нужно было подкрепить привлекательными кинообразами, и это в полной мере удалось. Для кино этого периода характерно стремление уйти от одномерного изображения руководителей, которое было свойственно более раннему периоду: их представляли либо в положительном, либо в отрицательном виде. На первый план выходит интерес к личности руководителя, стремление показать сложные судьбы и характеры, иногда не укладывающиеся в партийные стереотипы. Одним из наиболее ярких и запоминающихся образов стал Егор Трубников — председатель колхоза («Председатель», реж. А. Салтыков, 1964), сумевший поднять разрушенное хозяйство. Но привлекает он не своими производственными успехами, а неравнодушным, требовательным, справедливым отношением к людям. Он думает прежде всего о своих колхозниках, их проблемах и бедах. И готов осознанно рисковать партийным билетом, даже свободой, если этого требует дело и собственные убеждения. Фильм представляет тот образ руководителя, который мог появиться только на волне оттепели.

Сюжеты о руководителях дополняются кинопроизведениями, в которых поднимается проблема обеспеченности колхозного производства специалистами, их места и роли в современной жизни деревни. В них чаще всего в качестве героя выступает молодой

выпускник или выпускница, которые по распределению попадают в деревню и становятся незаменимыми людьми, как, например, в фильме реж. С. Казакова «В степной тиши» (1959) или в антирелигиозной драме «Обманутые» реж. А. Неретниеце и М. Рудзитис, снятой в 1961 г., или в работе киностудии Беларусьфильм «Криницы» (реж. И. Шульман, 1964), и др.

Целинная эпопея получила достаточно развернутое отражение в фильмах второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. (10 фильмов из 86). Степень осмысления тематики, глубины и величия подвига целинников меняется с течением времени и раскрывается в последовательной смене жанров картин от мелодрам и комедий («Первый эшелон», реж. М. Калатозов, 1955; «Это начиналось так...», реж. Я. Сегель, Л. Кулиджанов, 1956; «Иван Бровкин на целине», реж. И. Лукинский, 1958) к глубоким драматическим произведениям («Аленка», реж. Б. Барнет, 1961; «Зной», реж. Л. Шепитько, 1962), посвященным анализу сложных нравственно-этических проблем первоцелинников и их подвигу.

По-прежнему в социальном заказе, особенно в первой половине 1950-х гг., остается тематика, связанная с производственными сюжетами: социалистическое соревнование, борьба за трудовую дисциплину и т. д. («Свадьба с приданым», реж. Т. Лукашевич, Б. Равенских, 1953; «Когда поют соловьи», реж. Е. Брюнчугин, 1956; всего 10 фильмов).

Следует выделить новые сюжеты, которые впервые появляются в фильмах 1950-х гг., и в дальнейшем становятся центральными темами деревенского кинематографа, формируя его проблемное поле: сельская миграция (13 фильмов), семейно-нравственные отношения (12 фильмов), а также столкновение городской и сельской цивилизаций (4 фильма). Они в наибольшей степени отражают процессы урбанизации сельской местности, которые затрагивают каждого сельского жителя — его семью, деревню, разрушая привычный мир и заставляя задуматься о смысле происходящего.

Кино «новой волны», ставшее особым художественным явлением 1960-х гг., оказало большое влияние на становление деревен-

ского кинематографа и его проблематики. Внимание к человеку, его характеру, желаниям, поступкам, достоверность деталей, точность передачи переживаний, тонкость настроений способствовали тому, что фильмы о деревне приобретают ярко выраженный лирический, ностальгирующий характер и вместе с тем становятся все более социально заостренными и злободневными.

В годы «застоя» (1965—1985) заметно вырос общий объем кинопроизводства, увеличилось и количество фильмов о деревне (до 220), в среднем в год снималось рекордное число картин (11). Именно этот период связан с расцветом деревенского кино как особого кинематографического направления. Недаром в анонсах фильмов стали фигурировать такие обозначения жанров картин, как деревенская повесть, деревенская комедия, деревенский роман, деревенская мелодрама, деревенский детектив и т. д. Новое направление кинематографа опиралось на серьезную литературную традицию и было поддержано представителями поколения шестидесятников, которые сыграли большую роль в развитии советской культуры, выступив выразителями интересов не только своего поколения, но и тех слоев народа, чей голос не был слышен в грохоте великих строек.

Деревенское кино, став самостоятельным культурным явлением, освоило все жанры кинематографа, в том числе детское кино, сказку, балладу, притчу, новеллу. В этот период растет число ретроспективных фильмов, повествующих об истории деревни в годы коллективизации, Гражданской войны, НЭПа, военный и послевоенный период. Более того, начинают создаваться сериалы с попыткой панорамного освещения истории советской деревни, к которым, в частности, относятся многосерийные фильмы «Тени исчезают в полдень» (реж. В. Краснопольский, В. Усков, 1971—1973), «Вечный зов» (реж. В. Краснопольский, В. Усков, 1973—1983), «Строговы» (реж. В. Венгеров, 1975—1976) и др.

Однако наиболее типичными жанрами деревенских кинопроизведений оставались мелодрама (27,2 %); драма (20,1 %); комедия

(20,1 %); киноповесть (история) (17,8 %). Преобладание в структуре кинопроизводства мелодрамы и комедии можно рассматривать как отражение традиции показа деревни на экране, пришедшей еще из 1930-х гг., поскольку деревенский колорит на подсознательном уровне у многих зрителей и кинематографистов (горожан по преимуществу) ассоциировался с лирическими настроениями. Подобное отношение к деревне прослеживается в тематике комедийных фильмов, где преобладают любовные и семейные истории, рассказы о каникулах городских школьников в деревне или приключениях практикантов.

Кроме того, если учесть планируемую зрительскую аудиторию, а это кино снимали также в расчете на деревенских жителей, то очевидно стремление представить деревенскую жизнь в позитивном ракурсе, придав зрителю уверенность в том, что все проблемы будут благополучно разрешены. Не следует забывать и плановый характер кинопроизводства, которое развивалось в соответствии с контрольными цифрами, предусматривающими определенный баланс серьезного и легкого кино, видимо, в пользу последнего.

Драмы и киноповести составили в брежневскую эпоху 37,9 % кинопродукции о селе и призваны были раскрывать производственные и нравственные проблемы деревни в более серьезном ключе. Самым популярным сюжетом деревенского кино было повествование о возвращении в деревню (39 фильмов, 17,4 % общего числа деревенских фильмов), проблемах сельской миграции и судьбе мигрантов в городе (12 фильмов).

По характеру подачи кинематографического материала к этим фильмам примыкают кинокартины, посвященные семейным и нравственным проблемам в деревенском сообществе и обращенные, как правило, к поиску моральных корней и норм в традициях и характере простого народа (45 фильмов), фильмы о «деревенских чудиках» — искренних, добрых, отзывчивых, мудрых особой нравственной чистотой (11 фильмов), а также кинокартины о женщинах, их судьбах, характерах (13 фильмов).

Созданные кинематографистами женские образы, рассказывающие о нелегкой, но высокой по самым строгим нравственным меркам судьбе крестьянки, вошли в сокровищницу российского кинематографа. К их числу можно отнести героинь фильмов «Материнское поле» (реж. Г. Базаров, 1967), «Журавушка» и «Русское поле» (реж. Н. Москаленко, 1968, 1971), «Вдовы» (реж. С. Микаэлян, М. Никитин, 1976). Снятые в эстетике кино шестидесятых годов, эти произведения очень тщательно выписывают не только психологические портреты героинь, но и условия их жизни, труда и быта, праздников и будней, воспроизводя во всей полноте повседневность деревни 1960-х гг.

По-прежнему достаточно популярной остается тема руководителя, которая нередко рассматривается в ключе смены поколений и ставит проблемы его ответственности перед колхозниками, землей, обществом, обязательного сочетания деловых и моральных качеств, без которых нельзя работать на земле («Вот моя деревня», реж. В. Трегубович, 1985; «Сын председателя», реж. В. Никифоров, 1976; «Право любить», реж. В. Назаров, 1985). В этот период, как правило, работа руководителя увязывается не столько с производственной тематикой, сколько с решением какой-либо значимой социальной проблемы — реконструкцией и культурным развитием села, сселением деревень, попыткой закрепить молодежь на селе и т. п.

Наибольший интерес среди фильмов данного периода представляют те, которые зафиксировали самые болезненные тенденции развития села, связанные с обезлюдением, исчезновением деревень и их сселением (13 фильмов). Они интересны потому, что в них, вопреки официальным установкам на укрупнение и реконструкцию сельской местности, нашел отражение другой взгляд на происходящие в деревне события — человеческий, неявно осуждающий решения, которые заставляют людей отказаться от своей родины, земли предков («Крутое поле», реж. Л. Саков, 1979; «Прости-прощай», реж. Г. Кузнецов, 1979; «Прощание», реж. Л. Шепитько, Э. Климов, 1979; и др.). В них ставится вопрос о цене технического прогресса, необходимости разрушения того мира, который является

основой культуры цивилизации. Ответа нет, оправдание сселения или затопления деревень не звучит. Однако сама постановка вопроса оказалась принципиально важной для того времени, затормозив, а впоследствии и приостановив процесс бездумного насильственного разрушения крестьянского мира.

Если 1960—1970-е гг. были временем вторичной мифологизации и идеализации деревни, то в годы перестройки на волне гласности происходит развенчание многих мифов, в том числе представлений о гармоничности сельского мира в сравнении с городом. Это время общественной рефлексии и переосмысления советской истории, общества, его социальной природы и проблем. Кинематограф активно включился в этот процесс самопознания, предоставив творческой интеллигенции возможность свободно высказаться на интересующие ее темы. Всего с 1986 по 1991 г. в стране было снято рекордное количество картин — 1 494, из которых 64 фильма на сельскую тему, т. е. их удельный вес снизился до 4,3 %. Несмотря на активно обсуждаемые и проводимые аграрные реформы, сельская тематика отошла на второй план на фоне тех социально-экономических и политических процессов, которые захватили страну. Примерно столько же кинокартин было снято на исторические сюжеты. И это не случайно: история в этот период гораздо больше интересовала творческую интеллигенцию, чем современность.

Однако деревенское кино еще живет, в среднем в год снимается 10,6 фильма, как и в брежневский период. Происходит постепенное погружение в проблемы деревни, развенчание мифов о нравственном заповеднике сельского мира, осознание безысходности тех негативных процессов, которые захватили деревню, как и всё советское общество. Это заметно прежде всего по фильмам о возвращенцах, которые по инерции еще продолжают сниматься, но уже с другим концом.

Достаточно красноречиво распределение сельских фильмов по жанрам: 24 кинокартины сняты в жанре драмы, 9 — это новеллы, притчи, легенды, 8 — комедии, 7 — мелодрамы, 5 — трагикомедии,

5 — повести, 4 — детективы, есть даже авторское кино. Все свидетельствует о драматизации восприятия сельской тематики. Комедии и мелодрамы снимались в основном в 1986—1988 гг., когда погружение в трясину кризиса еще не было вполне осознаваемым. Впоследствии начинают преобладать новеллы, притчи, детективы, даже снимается фильм абсурда, не свойственный деревенскому кинематографу, что свидетельствует о смене ценностных ориентиров. Особенно показательно появление фильмов, ориентированных на философское осмысление жизни современной деревни и ее места. Так, например, в фильме реж. М. Юсупова «Время желтой травы» (1991) смерть незнакомого для жителей горного селения человека становится ключом для понимания отношений, обычаев, судеб сельских жителей. Интересно отметить, что жанр притчи или новеллы оказался востребованным в большей степени в нероссийском республиканском кинематографе.

С учетом тематики фильмов в центре внимания кинематографистов этого периода оказываются преимущественно семейные и нравственные проблемы села, в том числе проблемы пьянства, наркомании, супружеских отношений и взаимоотношений поколений. Среди них, например, фильм «Рой» (реж. В. Хотиненко, 1990), в котором прослежена история распада сибирского рода Заварзиных, живущих пчелиным промыслом.

Около трети фильмов касаются семейно-нравственных проблем. Аграрные реформы, как и темы, связанные с личностью руководителя, нашли отражение только в 8 фильмах, которые были созданы в первые годы перестройки. Отошли на задний план сюжеты, связанные с молодежной проблематикой, образом сельской женщины, деревенскими характерами (по 2 фильма на каждую из упомянутых тем)¹⁴⁶.

Сохранился незначительный интерес к вопросам сселения и вымирания деревень. Этим проблемам были посвящены 3 фильма, которые можно рассматривать как своеобразный итог борьбы «деревенщиков» за сохранение российской деревни. Если в начале перестройки еще сохраняются иллюзии о возможности возрождения

прежней деревни (в 1986 г. реж. А. Ниточкин снимает фильм «Земля моего детства», в котором герои пытаются возродить заброшенную и распаханную 20 лет назад деревню), то совсем обратный настрой заметен в кинокартине И. Добролюбова «Осенние сны» (1987), которая рассказывает об одиноких стариках, живущих в заброшенной деревне.

С точки зрения урбанизации села весьма показательным является фильм «Год теленка» (реж. В. Попков, 1986), снятый в жанре лирической комедии. Сюжет достаточно забавный: молодой доярке надоело доить коров, и она, распродав всю домашнюю скотину, устроилась заведующей сельским мебельным магазином, выписала из города к сыновьям учителя музыки и тем самым решила положить конец крестьянскому образу жизни. «Сказка — ложь, да в ней намек». Деревня к 1980-м гг. изменилась, изменился и сельский житель. Урбанизация образа жизни оказалась более очевидным явлением, чем это подчас хотели видеть приверженцы деревни и деревенского образа жизни. Эти тенденции стали отражением той глобальной перестройки общества, отрицать которую было бы неразумно. Важно понять и попытаться сделать процесс перехода от традиционного образа жизни к современному безболезненным. К сожалению, советский опыт не был беспроблемным в этом отношении, и советский кинематограф — свидетельство этому.

Подводя итог обзору деревенского кино, следует подчеркнуть, что в первую очередь сельское кино содержит информацию о тех представлениях и образах российской деревни, которые были свойственны советскому обществу, но не только. Фильмы второй половины XX в. можно рассматривать как ценнейший источник, позволяющий визуализировать изменения, произошедшие в деревенской среде, лучше понять повседневность труда и быта колхозников, получить представление об отношении их к реформам и аграрным мероприятиям, проводимым правительством.

Следует учесть и еще один момент: советский кинематограф всегда выполнял функции агитационной площадки партии и правительства и обязан был откликаться на все значимые мероприятия

власти, поддерживать их, создавать позитивное восприятие правительственных решений как обоснованных и необходимых. Однако, несмотря на цензуру, о полной лояльности кинематографа к власти говорить нельзя. Он всегда, даже в самые суровые времена, оставался способом выражения не только намерений власти, но и общественных представлений. Степень его зависимости задавалась общественно-политической ситуацией, однако искусство всегда обладало средствами самовыражения, которые государство контролировать в полной мере не могло. В этих произведениях важны не только тексты, но и подтексты, не только сюжеты, но и образы, создаваемые с помощью художественных средств, которые позволяли вырваться из плена цензуры и донести идеи создателей фильмов до современников, а теперь и до нас.

4. МОДЕРНИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Составной частью урбанизационной перестройки российской деревни было изменение ее архитектурного облика, которое происходило постепенно и даже незаметно, но привело к появлению нового образа сельского поселения, сформированного под влиянием таких взаимосвязанных факторов, как архитектурные идеи и взгляды на деревню будущего, изменения, происходившие в строительной отрасли и связанные с ее превращением в разновидность индустриального производства, эволюция условий и образа жизни сельского населения. Конечной целью всех трансформаций виделось создание в сельской местности условий жизни, не уступающих городским по уровню благоустройства и удобства.

С учетом зарубежного опыта развития сельской местности можно выделить три основных варианта эволюции сельского поселения в условиях урбанизации: 1) западный, 2) американский и 3) советский.

Западная (европейская) модель формируется в условиях высокой плотности заселения территории и связана с эволюционным развитием сельской местности, где новые условия жизни формировались взаимосвязанно, дополняя друг друга: развитие транспортной сети и коммуникаций, системы торгового, культурно-бытового обслуживания, улучшение качества жилой среды. Главный акцент в преобразовании сельской местности делался на формирование такой инфраструктуры сельских поселений, которая обеспечивала бы необходимое благоустройство и доступность образовательных, медицинских, культурно-бытовых

услуг. Европейская модель базируется на традиционной системе расселения и поддерживает ее, сохраняя в качестве первоэлемента поселение с усадебной застройкой.

А м е р и к а н с к и й в а р и а н т основан на развитии дисперсного расселения, в основе которого лежит автономное фермерское хозяйство. Главное условие функционирования такой модели — развитая транспортная сеть и надежные коммуникации. В структуре локальной системы фермерского расселения выделяется центр — небольшой городок, где сосредоточены все необходимые элементы цивилизации — административные, лечебные, образовательные, торговые, бытовые и другие учреждения, т. е. город в этом случае развивается как обслуживающий центр сельскохозяйственной округи. Американская модель отличается от других вариантов тем, что в ней основные изменения претерпела собственно жилая среда.

Р о с с и й с к и й в а р и а н т урбанизации села имел наиболее сложную траекторию. Начавшись во второй половине XIX в. с общих инфраструктурных сдвигов в сельской местности по европейскому образцу (появление системы сельского образования, здравоохранения, самоуправления, торговли и пр.), с приходом советской власти преобразование деревни приобрело идеологическую окраску и проходило под лозунгом строительства нового мира. Такая идеологическая подоплека, а также включение механизмов централизованного планирования и контроля за развитием аграрной сферы и всего сельского сообщества предопределили дальнейшие зигзаги в развитии села. Традиционная модель деревни рассматривалась как исторически неперспективная, которую следует заменить. Первоначально в качестве желаемой цели виделась модель агрогорода, которую пытались реализовать на протяжении 1920—1970-х гг. А позднее, в 1990—2000-е гг., — коттеджный поселок. Однако и тот и другой варианты отрицали исторически сложившиеся традиции поселенческой организации сельской местности.

Основной мифологемой, которая транслировалась советской идеологией и политикой, была идея сближения города и деревни.

Она по-разному интерпретировалась властью: первоначально, в 1920-е гг., преобладал дезурбанистический подход к пониманию перспектив пространственной организации социалистического общества, позднее, с 1930-х гг., победило урбанистическое видение будущего. По мнению урбанистов, в течение ближайших лет в результате индустриализации и коллективизации все существующие города и деревни должны были быть перестроены в новые социалистические города, основой которых стал бы промышленный комплекс. В городе с сельскохозяйственной специализацией центральное место отводилось предприятиям по переработке сельскохозяйственной продукции и мастерским по ремонту техники, окружать его будут фермы, поля, сады. «Оптимальный» социалистический город должен представлять собой смешанную агропромышленную экономическую единицу с населением в 50—60 тыс. человек¹.

Первые опыты по реализации концепции социалистического агорогорода были связаны с созданием гигантских зерносовхозов в конце 1920-х гг. Центром такой «фабрики зерна» виделся не просто поселок, а обязательно город со всеми атрибутами коллективного быта и отдыха. В послевоенный период идею агорогородов активно поддерживал Н. С. Хрущев, однако реальные предпосылки ее реализации сложились только в конце 1950-х гг. вместе с развитием массового строительства в сельской местности. Таким образом, советский вариант модернизации деревни представлял собой форсированную попытку переноса на сельскую местность принципов градостроительства (зонирование территории, многоэтажная компактная застройка) без серьезной адаптации их к специфике сельской местности.

У абсолютного большинства сельских поселений России в конце XX в. сохранились традиционные черты (в планировке, организации усадьбы, благоустройстве, типах жилища и хозяйственных построек). Только немногие из сельских поселений могут соответствовать современным требованиям по уровню благоустройства и условиям жизни. Вместе с тем, несмотря на незавершенность процессов урбанизации, в сельской местности произошли серьезные изменения, которые требуют тщательного изучения.

4.1. От агрогорода — к коттеджному поселку: эволюция архитектурного облика русской деревни

Трансформация архитектурного облика русской деревни в наибольшей степени связана с влиянием таких факторов, как идеология; градостроительные и архитектурные концепции, состояние строительной отрасли (технологий и материалов), политика в области сельского строительства (управления). Их взаимодействие носит разновекторный характер, усложненный на разных исторических этапах изменением иерархии факторов влияния (рис. 5).

Каждая из выделенных на схеме подсистем (идеология, строительство, архитектура, политика) имеет свою динамику, которая не всегда совпадает, хотя и коррелирует по основным тенденциям. Активнее всего на протяжении прошлого века развивалась строительная отрасль, пережившая технологическую революцию, связанную с внедрением механизированных технологий, типовых

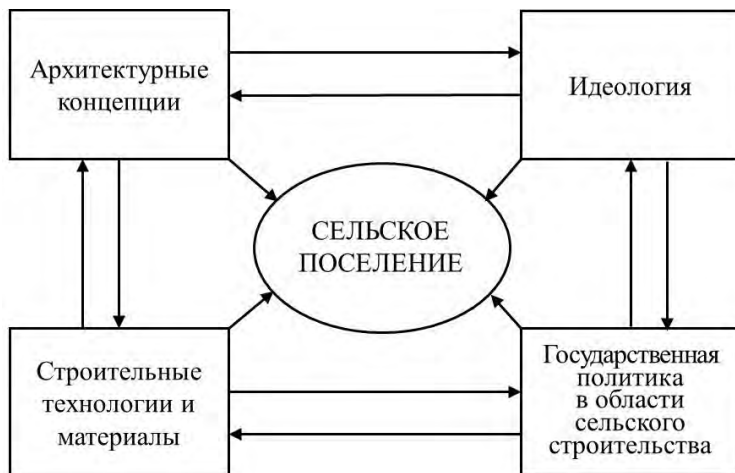

Рис. 5. Взаимодействие факторов влияния на эволюцию архитектурного облика сельского поселения.

проектов и новых строительных материалов. Ее можно рассматривать как базисное явление, испытывающее на себе влияние надстроечных факторов (культурных и политико-идеологических). В конце XIX — начале XX в. ведущую роль играли архитектурные концепции, которые подстегивали прогресс в строительной отрасли, опосредованно влияя на идеологию и политику. В 1930—1950-е гг. таким влиянием обладал политико-идеологический фактор. В 1960-е гг. первенство перешло к экономическим процессам — сама строительная отрасль стала значимым фактором влияния. Технологии массового строительства, обеспечивающие более высокие показатели экономической эффективности, стали основным критерием для разработки архитектурных проектов и были закреплены в качестве определенного идеологического и политического постулата на весь позднесоветский период.

Рассмотрим влияние архитектурных концепций на формирование общественных представлений о будущем сельской местности и реконструкции деревни.

В конце XIX — начале XX в. появились две принципиально новые жилищные концепции, сыгравшие в дальнейшем значительную роль в развитии градостроительства в нашей стране: 1) концепция «города-сада» (Э. Говард) и 2) концепция «дома-коммуны». Их можно рассматривать как естественный отклик на развернувшиеся в мире процессы урбанизации.

Идеи Э. Говарда стали популярными в начале XX в. Он считал, что город в результате промышленного переворота превратился в антигуманное явление и изжил себя. В качестве альтернативы он видел небольшие города (с населением около 30 тыс. человек), сочетающие черты города и деревни. Планировка такого города включала несколько концентрических зон: в центре располагался парк, его окружала жилая зона с малоэтажной застройкой и приусадебными участками, радиус которой не должен превышать одного километра. За пределы жилой зоны выносились промышленность и сельхозугодья².

До революции в России эти идеи использовали для разработки проектов преимущественно сельских населенных пунктов рекреационной направленности. Хотя известны проекты, созданные для отдельных районов Барнаула, Бийска и других городов³.

После революции идеи «города-сада» оказались очень востребованными. В 1920 г. их поддержал Ленин, который в разговоре с Г. Уэллсом заявил, что «города станут значительно меньше». Для молодой советской власти города-сады стали воплощением идеи бесклассового справедливого общества.

Архитектурные принципы Э. Говарда были положены в основу проектирования рабочих поселков при Саратовском заводе сельскохозяйственных машин, Ярцевской текстильной фабрике под Смоленском, а также Истоминской текстильной фабрике под Москвой (все эти проекты были выполнены в 1919 г.). Идея города-сада была использована в плане ГОЭЛРО, принятом в 1920 г., который предусматривал проектирование и строительство 30 электростанций с прилегающими поселками для рабочих. В поселке с учетом окружающей среды строились дома на одну семью или комплексы домов под одной крышей в расчете на 2—4 семьи. Каждый дом имел 2—3 маленькие спальни, общую комнату и кухню-столовую. Дома отличались простотой конструкции, возводились силами самих рабочих из местных материалов. Дома располагались свободно в окружении зеленых насаждений. В качестве примеров таких поселков можно привести кооперативный пос. «Сокол» (1923), поселок при заводе «Красный богатырь» (1924)⁴.

Многие из построенных тогда поселков впоследствии разрослись в крупные города, которые поглотили зеленые оазисы. На Среднем Урале к числу таких городов относится Артемовский, появление и развитие которого было связано со строительством Егоршинской ГЭС.

Другой вариант жилищной концепции, получивший распространение в конце XIX — начале XX в., связан с реализацией идеи дома-коммуны, заимствованной из теории социальной гармонии Фурье. Согласно его представлениям, население делилось на так

называемые фаланги численностью 1800 человек, которые жили в фаланстере — «миниатюрном городе без открытых улиц». В основе концепции лежали представления о четкой функциональной организации жилого пространства: помещения для совместной деятельности располагались в центре строения рядом с помещениями для обучения, а заводы и мастерские — в крыльях дома. В прилегавших павильонах находились квартиры, все строения соединялись между собой крытыми стеклянными галереями.

Описание фаланстера можно найти в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в одном из снов Веры Павловны. В середине XIX в. такой фаланстер был построен стараниями М. В. Бутаевича-Петрашевского. В 1904 г. в Санкт-Петербурге В. П. Кондратьевым был возведен дом-коммуна, представлявший собой сложный шестизэтажный жилой комплекс и вмещавший свыше 1 тыс. семей рабочих. В нем, кроме отдельных квартир для рабочих, были детский сад, школа, баня, прачечная, место для собраний.

Концепция дома-коммуны получила дальнейшее развитие в проектах архитекторов-конструктивистов 1920-х гг., где эти дома рассматривались не только как место для жилья, а скорее в качестве самодостаточной автономной общины со всеми необходимыми службами и помещениями. Образ дома-коммуны оказался очень привлекательным для советской власти, так как соответствовал коммунистическим идеалам и нес в себе сильный идеологический заряд. Концепция нашла воплощение не только в планах городов, но и в проектах колхозных и совхозных поселений 1920—1930-х гг.

В 1920-е гг. между архитекторами развернулась дискуссия о путях развития города, разделившая их на два лагеря — урбанистов и дезурбанистов. Интересно, что и те и другие в равной степени использовали идеи города-сада и дома-коммуны, но с разными акцентами.

Дезурбанисты связывали перспективы развития системы расселения с созданием такого типа поселений, который должен был заменить в будущем как город, так и деревню. Суть теории М. Охитовича, основного идеолога дезурбанистов, состояла в следующем: «Город должен погибнуть. Революция в транспорте,

автомобилизация страны переворачивают все привычные рассуждения по поводу неизбежной скученности и скопления зданий и квартир»⁵. Вместо стационарных поселений М. Охитович предлагал индивидуальные разборные жилые ячейки, которые можно перевозить по сети автодорог и устанавливать в любой точке пространства.

Другой точки зрения придерживались у р б а н и с т ы. Они считали, что при коммунизме Советский Союз превратится в федерацию мелких городов, связанных транспортной сетью и различными коммуникациями. Ведущий теоретик этой группы Л. Сабсович был членом Комиссии Госплана по Генеральному плану, тем самым оказывая заметное влияние на разработку проектов. Он считал, что в течение нескольких лет все существующие города и деревни должны быть перестроены в новые социалистические города и застроены домами-коммунами. Кварталы домов предлагалось разделить парками и садами, а промышленность отделить от жилой зоны зелеными насаждениями, расположив по линейному принципу параллельно жилой зоне.

В дальнейшем эти идеи оформились в концепцию «соцгорода» и были реализованы при разработке проектов для Сталинграда и Кузнецка. Жителей расселяли в так называемые жилкомбинаты по 2—3 тыс. жителей. Два таких жилкомбината составляли целый район, в центре которого располагались детские учреждения. Чтобы разместить все население Кузнецка, требовалось 12 жилкомбинатов, а для Сталинграда — 20⁶.

Поселки под названием *соцгорода* в 1930-е гг. возводились во многих городах, где развернулось промышленное строительство, в том числе в Каменске-Уральском при Синарском трубном заводе. В 1928 г. началась разработка проекта соцгорода для Уралмашзавода. Застройка поселка велась в соответствии с планом, который предусматривал три зоны. В первой, непосредственно примыкавшей к площади Первой пятилетки, возводились каменные здания. Во второй — деревянные, рубленые и каркасные дома. А в третьей, на периферии поселка — индивидуальные дома. От площади улицы расходились лучами, для их озеленения с Поволжья везли

вагонами ясени, липы, клены, дубы, декоративные кустарники. К ноябрю 1930 г. было возведено несколько 4-этажных кирпичных домов на ул. Ильича. В дома было проведено центральное отопление, имелись ванны. Дома считались привилегированными, здесь жили руководители завода, районные власти, инженеры, иностранные специалисты (в основном из Германии)⁷.

Реализация первого пятилетнего плана обещала сделать сказку былью: «Каждый город будущего станет рабочим поселком рядом с заводом. А заводы и промышленные комплексы не будут сосредоточены в одном месте, как сейчас: они будут распределены по всей территории страны в соответствии с рациональным планом... Но для этого нам нужны новые дома и города, а нашу жизнь нужно изменить вплоть до последней кастрюли... У нас не будет деревень... грани между городом и деревней сотрутся...»⁸

Несмотря на то, что урбанисты и дезурбанисты по-разному оценивали перспективы развития города, они были солидарны в одном: деревня как определенный тип поселения должна исчезнуть, уступив место другим формам пространственной организации сельской местности. Как будет выглядеть деревня будущего? Идеи урбанистов здесь оказались вполне уместными, но нуждались в модификации: нужны были не дома-коммуны, а поселки-коммуны, основанные на тех же принципах функционализма.

В сельской местности первые коммуны начинают появляться уже в 1918 г., часто используя в качестве базы для организации производства и проживания национализированные помещичьи усадьбы. В 1920-е гг. появляется даже новый тип поселения — сельскохозяйственная коммуна. В частности, в «Списке населенных пунктов Уралобласти за 1928 г.» отмечены такие поселения, как сельскохозяйственные коммуны Красный Путиловец, Красный Пахарь (Шадринский округ, образованы в 1920 и 1921 гг.). В Богдановичском районе выделен в качестве самостоятельного поселения колхоз «Красный Маяк» с населением 48 человек и одним хозяйством (образован в 1921 г.)⁹.

При внимательном просмотре подобные поселения обнаруживаются в каждом районе. В Белоярском районе в 1919 г. 17 июля возник поселок Свобода (Степы Ляпина). В этот день крестьянами-коммунистами деревень Черноусово, Черемхово, Позарихи, Беловодья была образована коммуна «Свобода». Сорок семей в степи построили для себя дома и хозяйственные службы, потом школу. С 1932 г. коммуна стала колхозом, просуществовавшим до 1960 г., затем вошла в состав совхоза¹⁰.

Сейчас трудно судить о пространственной организации первых коммун, поскольку сохранившиеся данные очень отрывочны. При попытке реконструкции следует исходить из того, что модель коммуны предполагала совместным не только труд, но и быт, отрицала индивидуальные практики, в том числе и семейные.

Об этом свидетельствуют воспоминания крестьян, записанные Т. К. Щегловой в алтайских селах¹¹. Коммуны, как правило, образовывались на новых местах, куда перевозились из деревень разобранные дома.: «Когда мы приехали сюда, — вспоминает респондент, — здесь была коммуна... Дома мы привезли с собой из Староалейки. Коммуна была большая. Скота было много. Бахча была на сопке. Общая столовая была. Все было сдано в коммуны. Были маленькие огородики»¹². По воспоминаниям другого информанта, «дети жили отдельно и под начальством воспитателя, взрослые отдельно — в общих бараках, вставали и ложились по звонку. Дети тоже обязаны трудиться. Все было общее: пища, одежда...»¹³ Важное место в воспоминаниях крестьян занимает столовая, где коммунары не только завтракали, обедали и ужинали, там проводились общие собрания, на которых присутствовали все от мала до велика.

Сюжеты о коммунах неоднократно использовались в отечественном кинематографе («Отец и сын», реж. В. Краснопольский, 1979; «Белый танец», реж. В. Виноградов, 1981; и др.). Интересен фильм «Вавилон. XX век» (1979) реж. И. Миколайчука, рассказывающий об украинской деревне второй половины 1920-х гг., где представлен весь «перевернутый» революционный мир деревни: здесь есть революционные матросы, коммунары, бедняки и кулаки —

все герои исторической драмы того времени. Несмотря на библейские подтексты, используя которые авторы старались показать всю сложность и неоднозначность процессов строительства нового мира, фильм полон конкретных примет времени, среди которых важное место занимает коммуна, организованная крестьянами на бывшей помещичьей усадьбе. Это тот новый «праведный» мир, объединивший поэтов и мечтателей, ради которого гибнут люди, приносятся жертвы. Интересно, что этот мир отвергает любовь, поскольку это чувство для двоих (индивидуальное) разрушает коллективный мир. В коммуне любовь мешает достижению общей гармонии, и герой, поставленный перед выбором, отказывается от нее.

Идеи коммунальной жизни получили отражение в проектных разработках колхозных поселений тех лет. Главная особенность сельских проектов — отказ от усадебной застройки и обобществление быта коммунаров.

В архиве Свердловской области сохранился альбом типовых построек для колхозов, утвержденный в 1928 г.¹⁴ В нем представлены три варианта колхозного поселения с различной пространственной планировкой: везде выделен административный центр с общественным садом и клубом, вокруг которого располагались общественные здания, жилой и производственный сектора. В структуре поселка (на 60—75 человек) были предусмотрены следующие строения: 3—4 жилых дома барачного типа для размещения семейных пар, ясли-интернат, детский сад-общеежитие, общежитие для «молодняка» (молодежи), общежитие для стариков, баня с прачечной, столовая с читальней, клуб, конюшня на 15 лошадей, скотный двор, кошара для овец, свинарник, амбары. Любопытно, что в проекте отсутствуют такие элементы социальной инфраструктуры, как магазин, школа, врачебный пункт, административные здания, почта, которые, вероятно, виделись как учреждения, свойственные крупному населенному пункту, возможно — городу, выполнявшему функции административного центра. Не было предусмотрено в схеме и административного здания. Коммуна, для которой разрабатывался проект, предполагала полное

самоуправление, коллективное решение всех вопросов производства и жизни в поселке. Поэтому столовая как место сбора всех коммунаров, располагалась в центре поселка.

Такой образ «коммунальной» деревни, где все общее, где нет не только частной, но и индивидуальной собственности, стал частично реализовываться в 1930-е гг. при строительстве совхозных поселков, поселков МТС. В дальнейшем представления о поселке-коммуне как предпочтительном варианте сельского поселения несколько трансформировались, однако центральная идея, связанная с необходимостью разрушения крестьянской усадьбы как оплота индивидуализма, сохранялась и позднее нашла отражение в проектах многоэтажной деревни 1960-х гг.

В целом, на начальном этапе сельской урбанизации влияние архитектурных идей было очень сильным: они усваивались идеологией, находили свое отражение в политике и активно способствовали внедрению новых технологий и материалов в сельское строительство. В дальнейшем приоритет переходит к политическим и идеологическим факторам, которые, усилившись в 1930-е гг., начинают определять ситуацию и моделировать социально-экономические процессы в деревне, а заодно и связанные с деревней научные и архитектурные идеи.

Массированная урбанизация привела к победе урбанистического восприятия пространства, города стали рассматриваться как центры развития социалистического быта, деревня в этом смысле не отвечала новым требованиям и должна была исчезнуть. В июне 1931 г. ЦК ВКП(б) провел специальный пленум, посвященный городскому планированию, который положил начало практике утверждения планов перспективного развития городов, имевших директивный характер и сохранившийся вплоть до начала 1990-х гг. На нем была озвучена идея строительства агрогородов как основной формы устранения различий между городом и деревней¹⁵. В 1932 г. была образована Всесоюзная Академия архитектуры и Союз архитекторов СССР, которые должны были встать во главе архитектуры и градостроительства и обеспечивать научное обоснование

государственной политики в этой области. Все дискуссии и споры отошли в прошлое. Отныне господствовала одна точка зрения, одна концепция — урбанистическая.

Город стал той моделью или образцом, в соответствии с которым проводилась реконструкция деревни в 1930—1980-е гг. Материалы совещания по проблемам строительства в совхозах и колхозах, проведенного в 1940 г., отражают глубоко укоренившийся урбанистический взгляд строителей и архитекторов на будущее деревни¹⁶. По их мнению, советская деревня — это крупный благоустроенный поселок с четким делением территории на производственную, жилую, общественную зоны, с административным центром, клубами, банями, столовыми, школами, комбинатами быта, парками, стадионами и прочими благами цивилизации.

Однако логика взаимодействия базиса (сельской местности) и надстройки (идеологии, политики) такова, что для реализации этих идей были необходимы определенные предпосылки, которые в законченном виде сформировались только в послевоенный период. Середину XX в. можно рассматривать как определенный рубеж, разделяющий традиционную и современную деревню. Развернувшееся в сельской местности в 1950—1980-е гг. массовое типовое строительство жилых, производственных, культурно-бытовых построек преобразило архитектурный облик российских сел, придав им городские черты. Но этот процесс затронул сельские поселения в неравной степени, охватив преимущественно крупные села, отнесенные к категории «перспективных».

Еще в ходе войны правительство поставило задачу наряду с ликвидацией разрушений ускорить процесс коренной реконструкции колхозной деревни. О ее необходимости писал М. И. Калинин в статье «Большая общенародная задача»: «В сельском строительстве мы должны отразить те экономические изменения, которые произошли в деревне. В самом деле, коллективизация сельского хозяйства мало отразилась на планировке наших сел, а тем более на архитектурном оформлении общественных и хозяйственных построек»¹⁷. Таким образом, окончательно был поставлен вопрос

о необходимости изменения сложившегося веками облика «единоличной» деревни, выдвинуты задачи упорядочения планировки колхозов и сел, «чтобы жить в них стало удобнее и культурней», а также строительства благоустроенного жилья¹⁸.

В ответ на призывы власти в 1946 г. был организован Государственный институт проектирования сельских населенных мест (Гипросельстрой)¹⁹, а на местах (в областях, краях и республиках РСФСР) созданы 24 проектных бюро: 17 — в 1946 г., и еще 2 — в 1947 г., в т. ч. в Свердловской и Челябинской областях. За два года проектные организации выполнили планировку 140 сельских райцентров и 400 населенных пунктов²⁰. Главная цель проводимых проектных работ — организовать и поставить под контроль сельское строительство, которое до этого времени велось в целом стихийно и неупорядоченно. Институтом издавались популярные брошюры по планировке и застройке сел, в которых колхозников предупреждали против застройки деревень по типу городов и в то же время активно агитировали использовать проекты 2-этажных домов²¹.

По мнению архитекторов того времени, для отражения «общественного характера» жизни колхозного села необходимо было строить производственно-хозяйственный и общественно-административный центр, парк отдыха, культурно-бытовые учреждения. Значительное внимание уделялось благоустройству, которое в этот период сводилось в основном к решению вопросов водообеспечения и озеленения. В 1949 г. при Академии архитектуры был организован Научно-исследовательский институт сельского и колхозного строительства, в задачи которого входила разработка типовых проектов застройки сельских поселений и научная разработка концепции сельского строительства. Его основу составили архитекторы-градостроители, имевшие опыт разработки проектов для городов, но не для сельской местности.

В январе 1949 г. в Москве состоялось республиканское совещание работников сельского и колхозного строительства. К работе совещания была приурочена выставка, на которой демонстрировались проекты планировок новых колхозных сел, домов, общественных

зданий, строительные технологии, фотоматериалы восстановления сел и деревень, разрушенных войной в Брянской, Смоленской, Воронежской и других областях. На выставке была представлена также Свердловская область, которая в качестве достижений демонстрировала проект планировки и фотографии зданий кирпичного завода колхоза Заря Ачитского района — одного из передовых колхозов региона. Челябинская область организовала выставку по использованию новых строительных материалов в сельском строительстве²².

В этих проектах вновь возрождаются идеи возведения агрогородов как воплощения мечты о благополучной и счастливой жизни крестьян. Интерес к ним с особой силой возрастает в связи с укрупнением колхозов и внутрихозяйственной перепланировкой: агрогорода рассматривались в качестве оптимальной модели сельского расселения, обеспечивающей достижение экономических и социальных результатов.

Концепция агрогорода приобрела в послевоенный период более конкретные черты, чем в 1930-е гг. Теперь под агрогородом подразумевался крупный населенный пункт, где проживает все население хозяйства, с 2-этажной застройкой, полным благоустройством, общественным центром с комплексом административных зданий, гостиницей, магазином, культурно-бытовыми учреждениями. В проекте обязательно предусматривался парк культуры и отдыха, пруд, стадион, больница, ясли, ипподром. В качестве эксперимента с благословения Н. С. Хрущева строительство такого города началось в Херсонской области, однако из-за недостатка средств проект был реализован лишь частично²³.

Следует подчеркнуть роль целины в разработке новой модели российской деревни, воплотившейся в 1960—1980-е гг. Невиданное по масштабам освоение целинных и залежных земель сопровождалось строительством десятков новых поселений. Уже в 1954 г. начинается разработка проектов центральных усадеб целинных совхозов. В целях сокращения расходов на строительство предлагались разные проектные решения: двухэтажная застройка, много-

квартирные дома, блокировка усадеб и административных зданий²⁴. В качестве примера можно привести план Центральной усадьбы совхоза Полевой Домбаровского района Чкаловской области, организованного в 1954 г. Для возведения жилья в поселке использовались щитовые типовые домики на 4 квартиры, с которых началось строительство. Во вторую очередь стали возводить двухквартирные щитовые дома. Было предусмотрено и кирпичное строительство — 10 одноквартирных домов и 17 двухквартирных для руководителей и специалистов совхоза. Индивидуальная застройка не планировалась²⁵. Типовая схема застройки предусматривала в центре поселка площадь с административными и общественными зданиями и клубом. Производственный сектор отделялся от жилого зелеными насаждениями. Жилые дома с земельными участками по 0,10—0,15 га группировались в кварталы. За пределами жилой зоны располагался коллективный огород для рабочих и служащих совхоза²⁶. Такой вариант сельского поселения с усилением компонента многоэтажной застройки стал основным в 1960—1970-е гг.

В 1960 г. Совет Министров РСФСР своим распоряжением одобрил инициативу колхозов Псковской области «Россия», «Красная Заря», «Красный Октябрь», «Черский», которые решили своими силами построить 10 четырехэтажных благоустроенных жилых домов, два дома культуры, школу и больницу²⁷. Инициатива колхозов получила экономическое обоснование на Всесоюзном совещании по градостроительству, состоявшемся в 1960 г. В материалах совещания отмечалось: «Для создания благоустроенных населенных пунктов необходимо перейти на экономичную компактную застройку, которая может быть достигнута путем повышения этажности и числа квартир в домах. Одноквартирные индивидуальные дома с развитым приусадебным хозяйством экономически невыгодны в строительстве и эксплуатации»²⁸. Был рассчитан наиболее экономичный размер поселения, позволяющий создать необходимое благоустройство: 3—5 тыс. человек, но не менее одной тысячи. Данные показатели и были положены в основу развития перспективной поселенческой сети.

С этого времени ведущим фактором, определяющим процессы реконструкции сельских поселений, стали требования экономии средств при реализации задач массового строительства и благоустройства деревни. Для жилой застройки в сельских поселениях были рекомендованы 2-этажные блокированные дома, однако как наиболее экономичные предлагались 4-этажные секционные дома; под индивидуальное строительство допускались 1-, 2-этажные двухквартирные дома с небольшими приусадебными участками. Особое внимание уделялось приусадебным участкам, которые предлагалось сократить до 0,06—0,1 га, а при строительстве многоквартирных домов выделять землю под огороды на окраине поселка.

Жилищное строительство в этот период разрешалось только при условии использования типовых проектов многоквартирных домов — 2- или 4-этажных. В случае, если строительные организации нарушали эти правила, виновные привлекались к ответственности. Так, например, в 1962 г. Куйбышевским строительным трестом в селах Клявино и Большая Черниговка были построены 6 одноэтажных 2-квартирных жилых домов, за что виновные понесли административные взыскания²⁹. Только Постановлением Совета Министров РСФСР от 21 июня 1963 г. было разрешено строить в сельской местности одноэтажные 2—4-квартирные дома на отделениях и фермах совхозов и колхозов, отдаленных от городов и промышленных центров³⁰.

Новые градостроительные подходы к проектированию сельских поселений нашли отражение в разработке планов экспериментальных поселков в 1960-е гг., которые должны были стать эталоном для сельского строительства. В Калининской области в качестве такого экспериментального поселка выступала центральная усадьба совхоза «Заветы Ильича», где предполагалось выстроить торговый центр, школу, фельдшерско-акушерский пункт, 4-этажный крупнопанельный дом для малосемейных, состоящий из однокомнатных квартир, а также из одностанных и двухместных номеров³¹. Другой пример экспериментального поселка, спроектированного в 1962 г. для Центрально-Черноземной полосы России,

предусматривал застройку 4-этажными жилыми домами, полное благоустройство и обеспечение всеми необходимыми культурно-бытовыми учреждениями. Особой популярностью вплоть до конца 1960-х гг. пользовалась идея двухуровневых квартир, которую пытались реализовать как в секционных домах, так и в домах коттеджного типа.

При проектировании новых поселков обязательно предусматривалась производственная зона, в которой размещали фермы для крупного рогатого скота, птицефермы, склады, машинные и конные дворы, свинофермы. Более того, возведение крупных животноводческих и производственных комплексов рассматривалось как одно из обязательных условий развития села.

Нельзя сказать, чтобы опыт сельского строительства не обсуждался. Неоднократно большие вопросы выносились на заседание научно-технического совета Госстроя РСФСР. Наиболее часто звучали требования отказа от многоэтажной застройки и возврата к усадебному хозяйству. Резкие возражения вызывали проекты, предусматривающие 2-уровневые квартиры, в которые сельские жители не желали вселяться. В 1965 г. была осуждена практика создания центральных усадеб совхозов на новых местах в отрыве от существующих сел и деревень³³. Острые дискуссии возникали по проблемам сселения, в т. ч. критиковалось стремление ряда руководителей оставить в совхозах только центральную усадьбу, ликвидировав все остальные населенные пункты.

Однако представления о необходимости кардинального преобразования деревни находили довольно широкий отклик у местных руководителей, которые стремились как можно быстрее сблизить село с городом. Нередко бывало и так, что проектные институты разрабатывали несколько вариантов планов, а на местах утверждали самый радикальный из них. Так, например, произошло с проектом планировки подмосковного совхоза Ярополецкий Волоколамского района, на территории которого в середине 1960-х гг. располагалось 22 мелких населенных пункта. По первому варианту планировалось расселить все население совхоза в 4 населенных

пункта и там вести жилищное и бытовое строительство. Другой вариант предусматривал концентрацию всего населения на центральной усадьбе, где и должно было быть сосредоточено все строительство; несколько поселений сохранялись только как производственные площадки. Причем во втором варианте планировалась застройка усадьбы 5-этажными домами. Утвержден и одобрен совхозом и Волоколамским РИК был именно второй вариант — как наиболее дешевый³⁴.

Недостатки проектирования сельских поселений были в значительной мере связаны с отсутствием опыта работы проектных организаций в области именно сельской архитектуры и стремлением архитекторов механически копировать городские образцы без учета специфики сельской местности. Это прекрасно осознавалось властями, но решались проблемы вполне традиционными способами: Министерство сельского строительства проводило конкурсы на лучшую застройку и благоустройство сельских поселений³⁵, создавались новые научно-исследовательские институты для разработки типовых проектов застройки³⁶.

Только к концу 1960-х гг. проектировочные подходы начинают меняться, что можно проследить по материалам семинара-совещания по вопросам переустройства сельских населенных мест, состоявшегося в июле 1968 г. в Минске³⁷. В докладах, прозвучавших на семинаре, подчеркивалось, что многоэтажная застройка не отвечает условиям сельской жизни. Недооценка роли личного подсобного хозяйства неизбежно вела к тому, что по истечении короткого срока вокруг новых поселков хаотично возводились сарайчики, курятники и другие хозяйственные постройки. Нерешенными оставались и вопросы благоустройства, так как централизованные системы водоснабжения, отопления и канализации были слишком дорогими, а альтернативных вариантов благоустройства на индивидуальном уровне не предлагалось.

В 1970-е гг. в качестве наиболее приемлемого варианта застройки сельских поселений были предложены одноэтажные блокированные дома на 2—4 семьи с необходимыми хозяйственными

постройками и небольшим земельным участком. Согласно СНиП 11-60-75 «Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов»³⁸ и Правилам застройки сельских населенных пунктов РСФСР, утвержденным Постановлением Совета Министров РСФСР от 20 июля 1981 г., приоритетным направлением на селе становится строительство 1- и 2-этажных жилых блочных домов усадебного типа. В зависимости от местных условий допускалось возведение секционных жилых домов не выше 4 этажей. Таким образом, происходит постепенный возврат к усадебной застройке, приспособленной для ведения семейного хозяйства. Новым в сравнении с традиционным вариантом усадьбы было не только применение новых строительных материалов, но и стремление повысить уровень благоустройства жилья: панельные/кирпичные одноэтажные коттеджи проектировались с необходимыми удобствами — электричеством, газом, водой, канализацией.

Сельские поселения, в которых в этот период велось строительство, приобретают регулярную планировку, более компактный вид (за счет сокращения усадебных участков и повышения плотности застройки), типовой общественно-культурный центр, что способствовало унификации внешнего облика поселений. Они так и не смогли сравниться с городом по уровню благоустройства, но потеряли архитектурную целостность традиционной деревни. Сочетание элементов традиционной застройки с городской — наиболее заметная черта облика модернизированных поселений.

Новые проектировочные решения вели не только к изменению образа села, но и к ухудшению экологической ситуации в сельской местности. Это касалось вопросов утилизации мусора, а также производственных отходов: традиционные приемы в новых условиях не срабатывали. Серьезной проблемой для села стало строительство в черте поселения крупных ферм для скота и птицы, рассчитанных на сотни и тысячи голов, негативные последствия такой концентрации животноводства не учитывались.

Таким образом, к концу 1970-х гг. идея агрогорода себя явно изжила, поскольку не соответствовала специфике сельского образа

жизни. Однако реальной альтернативы советская власть предложить не смогла. Этому препятствовала тотальная централизация коммунальной и культурно-бытовой инфраструктуры сельской местности. Последняя развивалась на протяжении 1950—1960-х гг. лишь в русле разрешенной концепции агрогорода. Это становится очевидным в 1990-е гг., когда вместе с разрушением монополии государства на организацию культурно-бытовой сферы развалилась практически вся социальная инфраструктура села, ввергнув его в почти первобытное прошлое: без электричества, отопления, сельской торговли и т. п.

Постсоветская действительность породила новые варианты сельских поселений, которые можно рассматривать как альтернативу советской деревне. Все они связаны с развернувшимся в 1990-е гг. в сельской местности коттеджным строительством. Сначала этот процесс протекал стихийно. С разрешением проживания в сельской местности без прописки в 50-километровой зоне доступности крупных городов начинается активная скупка горожанами старых домов с участками и строительство коттеджных домов совершенно нового типа — 2—3-этажных, с гаражом, необходимыми удобствами, бассейнами и прочими изысками. Особенно не повезло деревням, расположенным на берегах рек и озер и рядом с автомобильными дорогами. Перестройка таких деревень шла очень активно, на сегодняшний день традиционная застройка в них практически вытеснена коттеджной. Примером может служить деревня Коптяки Верхнепышминского района, расположенная на берегу Исетского озера недалеко от города Среднеуральска — одного из спутников Екатеринбурга. Деревня стала активно осваиваться состоятельными горожанами и перестраиваться в середине 1990-х гг. В настоящее время при сохранении прежней уличной планировки внешний облик деревни кардинально преобразился. Теперь он определяется коттеджами различной величины и разных архитектурных решений (от традиционного варианта до имитации средневековых замков), огороженными двухметровыми заборами. Улицы села, украшенные ранее фасадами домов, утопающих в зелени,

сегодня напоминают открытый туннель, поскольку самих домов почти не видно из-за заборов.

За пределами 50-километровой зоны доступности строительство ведется не так интенсивно и в более традиционном варианте. Так, например, в дер. Темно-Осиново, расположенной примерно в 50 км от Нижнего Тагила, можно увидеть новые строящиеся коттеджи, а на несколько километров дальше, в селе Петрокаменском, — новые усадьбы уже воспроизводят традиционные формы, выполненные в новом материале. В 90 км от Нижнего Тагила в с. Мурзинка, известном своим минералогическим музеем, сохраняется традиционная застройка, коттеджное строительство отсутствует.

В середине 1990-х гг. появляются принципиально новые варианты коттеджных поселков, в большей степени соответствующие этому понятию. В современной архитектуре **к о т т е д ж н ы й п о с е л о к** определяется как малоэтажный жилой комплекс, объединенный единым архитектурно-планировочным решением, имеющий единое инженерное и инфраструктурное обеспечение, систему контроля входа и выхода, охраны, единое благоустройство территории поселка.

К ранним вариантам можно отнести коттеджный поселок Коптяки — проект компании Атомстройкомплекс. Поселок располагается на бывшем совхозном поле рядом с деревней Коптяки на трассе Исеть — Среднеуральск. Он начал застраиваться с 1995 г. и на сегодняшний день практически полностью застроен. В соответствии с планом было выделено около 90 участков, застройка которых ведется хозяевами по индивидуальным проектам. В результате рядом с одноэтажными коттеджами соседствуют 3-этажные виллы, единого архитектурного решения поселка не предусмотрено, как и инфраструктуры. Коттеджи в поселке используются в основном как вариант второго жилья.

К настоящему времени в сельской местности сложилось два типа коттеджных поселков: для постоянного проживания и для периодического. Поселок для постоянного проживания должен располагаться в непосредственной близости от школ, поликлиник,

магазинов либо включать всю необходимую социальную инфраструктуру. В основном они возводятся вокруг крупных городов, в ближних пригородах. Второй тип — рекреационный — предполагает только создание мест для совместного проведения досуга (фитнес-центр, бассейн, тренажерный зал, обустроенный пляж), а также наличие администратора, отвечающего за решение коммунальных проблем и службы охраны. Для сезонных поселков, рассчитанных на временное проживание, важнее всего экологическая чистота места и строительных материалов, обязательно также наличие водоема.

Коттеджные поселки могут быть включены в структуру существующего сельского населенного пункта, как например, коттеджный поселок Солнечный, расположенный в селе Курганово недалеко от Екатеринбурга. Территория поселка относится к землям населенного пункта и составляет 25,49 га, здесь размещено 210 домовладений, здание торгово-развлекательного центра на 6 тыс. кв. м, физкультурно-оздоровительный комплекс, детские площадки, две гостевые парковки и общественная зона отдыха. Однако чаще коттеджные поселки имеют обособленную территорию. В качестве примера можно привести коттеджный поселок Бобры, расположенный в излучине реки Бобровка, рядом с населенным пунктом Косулино. Общее количество таких населенных пунктов быстро растет.

Начало активного строительства коттеджных поселков на Среднем Урале относится к 2007 г., когда на расширенном заседании правительства Свердловской области 12 ноября губернатор Эдуард Россель предложил выделить вокруг крупных городов региона (таких, как Екатеринбург и Нижний Тагил) участки под строительство коттеджей, мотивировав свою инициативу так: «Нигде в мире люди в городах не живут, они там только работают. Нужно строить жилье за городом». По данным Уральской палаты недвижимости к этому времени в окрестностях Екатеринбурга на разной стадии возведения находилось около 40 коттеджных поселков. В самом Екатеринбурге их построено 10, в Сысертском районе — 7,

в Белоярском — 3, в городском округе Полевской — 3, в городах Березовский, Верхняя Пышма, Первоуральск, Полевской — по одному. К 2011 г. общая численность поселков достигла 82³⁹.

Коттеджный поселок — это своеобразное явление, в чем-то похожее на западные варианты пригородов, поскольку характеризуется наличием дома-усадьбы с небольшим приусадебным участком, современным уровнем благоустройства. Но вместе с тем у российских аналогов имеются и существенные отличия. Так, инфраструктура поселка основана на принципах централизованного коммунального обслуживания, его территория изолирована от окружающей поселенческой среды, население преимущественно состоит из горожан, чья трудовая деятельность связана с городом и несельскохозяйственными видами деятельности. В настоящее время коттеджные поселки развиваются в большей степени по схеме создания элитного жилья. В связи с этим их пока нельзя рассматривать как перспективу преобразования сельской местности.

Помимо строительства коттеджных поселков, возведение коттеджей ведется в пригородных деревнях, где не только горожане, но и местные жители начинают преобразовывать свой быт. Видимо, в этом направлении и будет развиваться дальнейшее преобразование сельской местности, в ходе которого наиболее выгодно расположенные поселения станут центрами развития сельской округи.

4.2. Сельское строительство и реконструкция советской деревни

Изменение традиционного облика российской деревни происходит уже во второй половине XIX в.: земства разворачивают работы по распланировке поселений, придавая им более регулярный вид; в центрах локальных систем (волостей) появляются административные органы — волостные управы, а также школы, библиотеки, больницы, почта, народные дома. Начинает активно развиваться сельская торговля. Одновременно разворачивается,

пусть и в небольших размерах, каменное строительство. Все эти нововведения свидетельствуют о начале процессов урбанизации, придавая традиционным поселениям новые черты, но не нарушая его базовые принципы.

Т р а д и ц и о н н ы й в а р и а н т сельского поселения (если абстрагироваться от национальных особенностей) характеризуется рядом черт, сложившихся в течение столетий: индивидуальная застройка, основу которой составляет крестьянская усадьба (двор); использование в планировке особенностей окружающего ландшафта; отсутствие четкого зонирования территории поселения, но наличие в каждом из них таких элементов, как храм, источник, рыночная площадь и пр., которые одновременно могли выполнять функции общественных центров.

Во второй половине XIX в. новым явлением стали массовая перестройка ранних форм деревень и введение уличной планировки вместо прежней, беспорядочной и рядовой. Эти работы развернулись в Пермской губернии в 1880—1890-е гг., охватывая в первую очередь крупные торговые и волостные центры, и уже к началу 1900-х гг. около 90 % сельских поселений имели упорядоченную форму⁴⁰.

При внедрении уличной планировки учитывались особенности ранее сложившихся форм расселения: сохранялся центр поселения с культовыми и общественными постройками. При распланировке рядовой деревни первый ряд домов у реки оставляли без изменений, а позади них ставили дома, обращенные фасадом к улице. Улицы с одним рядом домов, обращенных к дороге или реке, стали называть односторонками. Сложнее было преобразовать беспорядочно устроенные деревни, так как требовалось переставить по вновь запланированной улице жилые дома и хозяйственные постройки. Новый план деревни создавался с учетом ландшафта, путей сообщения и необходимости создания общественного центра. Уличные поселения Урала имели ряд особенностей: они сохраняли направленность улиц в соответствии с течением реки или направлением дороги. В случае, если в поселении сходилась

несколько дорог, оно делилось на части. В последнем случае дороги и вместе с ними улицы сходились в центре у церкви.

Одновременно с распланировкой поселений началась реконструкция поселенческой сети, в том числе слияние деревень. Так, например, появилось новое село Жердовка (на р. Обве) на основе объединения Средней, Нижней, Верхней и Малой Жердовки. Для многодворных сел и деревень характерной чертой становится создание общественного центра. Он определялся по местонахождению церкви или часовни, домов священнослужителей, а также волостных правлений, торговой лавки, училища, почты. Здесь проводились базары и сходы. Оформление общественного центра стало первым шагом преобразования традиционной планировки поселений.

В Пермской губернии к началу XX в. было распланировано 18 % мелких селений (до 10 дворов); 50 % малых (до 50 дворов); 85,5 % деревень с населением от 50 до 100 дворов; 94 % сел, насчитывающих от 100 до 500 дворов, и 95,5 % крупных сел (свыше 500 дворов)⁴¹.

Значительные перемены происходят в жилищном строительстве и обустройстве усадьбы. Традиционная усадьба обычно делилась на две части. Передняя часть — это двор, где располагались жилые и хозяйственные постройки, строения для скота, транспорта, хранения продуктов. Задняя часть усадьбы отводилась под огород. На структуру двора значительное влияние оказывали ландшафт, планировка селения, размеры приусадебных наделов.

Планировка двора имела также традиционные варианты: 1) дома с крытым двором, примыкающим к жилой части; 2) дома с открытым двором, окруженным хозяйственными постройками. В домах с крытыми дворами сараи располагались вплотную к избе, сзади или сбоку, в один или несколько рядов. В зависимости от местоположения хозяйственных построек выделялись разные типы связи: однорядные, двухрядные, трехрядные, четырехрядные, замкнутые покоеобразные. Однорядная связь отражает такое расположение жилых и хозяйственных построек, когда дом и двор

выстраивались по одной линии к улице и покрывались двухскатной крышей. Разновидностью однорядных усадеб являются Т-образные, в которых дома, вытянувшись вдоль улицы, скрывают двор. В этом варианте дом и двор имели самостоятельные двухскатные крыши, располагавшиеся перпендикулярно друг к другу. Такое жилище называлось на Урале «домом под одним конем»⁴².

В центральной части Урала популярными были двухрядные усадьбы, поставленные как вдоль улицы (на севере), так и перпендикулярно ей (на юге). Один ряд занимало жилище, другой — хозяйственный двор. Крыши дома и двора были разделенными, в позднем варианте — четырехскатными, «шатром» на доме и односкатными на дворе. Разновидностью двухрядных усадеб являются Г-образные: в них двор находился сзади жилого дома, но не посередине, а сбоку, возле одного угла. В южных уездах Пермской губернии двухрядные усадьбы преобразовывались в трехрядные, что определялось особенностями развития животноводства и ремесла.

С конца XIX в. в сельской местности появляется новый тип усадьбы — покоеобразный, который известен также в средней полосе России и Сибири. План такой усадьбы соответствовал П-образной форме: один угол занимал дом, за домом располагался теплый двор, а сбоку на значительном расстоянии от дома и двора возводились амбары, погреба и различные навесы. П-образные усадьбы возводились зажиточными семьями и свидетельствовали о процессах дифференциации крестьянства.

Основным видом жилья у крестьян в XVIII—XIX вв. была срубная изба, которая представляла собой 2- или 3-камерное строение (изба + сени; изба + сени + клеть). Сельское жилище редко имело сплошной каменный или кирпичный фундамент. При строительстве обычно под углы сруба и под середину первого венца ставили обрубки бревен — стояки, пни или камни. Такой фундамент изнутри и снаружи для утепления засыпали землей, устраивая зава-linkу. В заболоченных местах жилые постройки ставили на высокие столбы — сваи. Характерно, что высота жилища уменьшается с севера на юг. Наиболее крупные дома на высоком подклете

встречаются в северных и северо-восточных губерниях России, в т. ч. в Пермской. Пространство под полом высотой от 1,5 до 3 метров использовалось для хозяйственных нужд. Иногда весь подклет делали жилым, такой дом превращался в 2-этажный. Дом перекрывался 2-скатной или 4-скатной крышей.

Особенностью северорусского жилого комплекса, получившего распространение в Пермской губернии, было строительство срубного дома на высоком подклете с 2-скатной крышей, поставленного перпендикулярно улице. Жилые и хозяйственные постройки составляли одно целое с домом. В южных уездах Пермской губернии встречается среднерусский тип жилого комплекса, основу которого составлял срубной дом на низком или среднем подклете и крытый одноэтажный двор. Дом располагался параллельно улице. Общая высота среднерусской избы была несколько меньше, чем северорусской. Для русской традиции характерно украшение жилых строений плоской геометрической резьбой, в том числе наличников окон и других деталей постройки.

С конца XIX в. в крестьянской среде получил распространение пятистенок — более развернутый тип жилища. Он характерен преимущественно для поселений, приближенных к заводам, городам, торговым путям. Пятистенок состоял из сруба, разделенного пятой стеной на две половины. Сбоку пристраивались сени, из которых был вход в каждую половину избы. В зажиточных семьях пятистенок преобразовывался в крестовик, для этого сруб разделялся крестообразно не одной, а двумя стенами на 4 части. Кроме того, появляется шестистенок — дом с «заделом», который состоял из двух срубов и задела между ними. По сравнению с обычным традиционным жильем крестовик требовал больших вложений: крыша у него была стропильной, четырехскатной, на гвоздях, а стены обшивались тесом.

К концу XIX в. в разных районах Урала преобладали те или иные типы домов. В Печорском крае — двухэтажные пяти-, шестистенные дома. В Причусовье получила распространение четырехстенная изба с сенями. В поселениях Нижнетагильского заводского

округа основным типом жилища была четырехстенная изба с обширными сенями. В больших селениях у заводов распространение получили пятистенки и шестистенки.

Появление пятистенок и шестистенок стало проявлением тенденции к созданию разделенного жилого пространства с выделением хозяйственной, спальной, обеденной зон, получившей дальнейшее развитие в XX в.

Внутренняя планировка жилища включала печь, которая занимала до $\frac{1}{4}$ части избы. По диагонали от печи располагался почетный угол, его называли красным, передним или большим. В переднем углу висели иконы, стоял обеденный стол, лавки. По праздникам стол застилали скатертью, ставили хлеб и соль — символ благополучия. Божницу, а часто и весь угол украшали вышитыми полотенцами, лубочными картинками, искусственными цветами, сухими душистыми травами⁴³.

На Урале преобладал северо-среднерусский вариант планировки избы, в соответствии с которым печь располагалась в заднем углу избы направо или налево от входа, устье печи было ориентировано на переднюю стену избы, выходившую на улицу. Пространство от устья печи до передней стены служило кухней, здесь готовили пищу и хранили кухонный инвентарь. В передней стене прорубали 2—3 окна. В задней части избы около печи пристраивали голбец в форме шкафа с дверцами, из него лестница вела в подполье, под потолком укреплялись полаты.

В традиционном крестьянском жилище преобладала встроенная мебель. Вдоль стен, примыкающих к переднему углу, шли плотно прикрепленные лавки, выше окон находились полки для домашней утвари. От входной двери до боковой стены устраивали коник — широкую лавку-шкафчик для хранения посуды и съестных припасов.

Сходный северо-среднерусский план обустройства избы встречается не только в русских поселениях, но и у коми-пермяков, удмуртов, мордвы, чувашей, татар. Русские строительные традиции (срубная техника, внутренняя планировка, русская печь) получили широкое распространение среди местных народов Урала.

В традиционном интерьере существенные изменения стали происходить в конце XIX — начале XX в. Общим явлением стало выделение «чистой половины», для чего в избах помещения под кухню отгораживали дощатой перегородкой, идущей от печи к окну или же прикрепляемой к полу двух-, трехстворчатой ширмой⁴⁴. В постройках усложненного типа выносили печи на середину избы, что обеспечивало изоляцию помещения от кухни и позволяло выделить при помощи дощатых перегородок несколько комнат — горницу, спальню, прихожую, кухню. С изменением внутренней планировки жилья заметно улучшилось санитарное состояние, дома стали просторнее и чище.

В экономически развитых районах во второй половине XIX в. появляются избы с внутренней побелкой и покраской, печами-голландками, шкафами, буфетами, пристенными столами и стульями. Состоятельные хозяева штукатурили горницы, оклеивали их обоями, украшали зеркалами и городской мебелью. Особенностью внутреннего убранства среднеуральских деревень стало распространение росписи стен, межкомнатных дверей и перегородок. Удивительные растительные узоры, выполненные на белом или красно-коричневом фоне, сохранились в Нижнесинячихинском музее-заповеднике деревянного зодчества и народного искусства имени И. Д. Самойлова. Домовая роспись, дополненная экспонатами городской мебели, является отражением произошедших в деревне конца XIX в. перемен. Такой вариант горницы (рис. 6) был характерен для зажиточных домов горнозаводских или притрактовых крупных сел. Избы бедняков не могли похвастаться подобным разноцветьем, они тяготели к более традиционному убранству. Однако и в них появлялись элементы нового, что выразилось в почти полном исчезновении лавок и распространении мебели. На смену лучине и свечам к концу XIX в. приходят керосиновые лампы.

По сведениям статистики, уже во второй половине XIX в. в Пермской губернии широкое развитие получили столярное и плотницкое ремёсла, ориентированные прежде всего на сельское население. Особенно активно они развивались в Камышловском,

Чердынском, Ирбитском, Верхотурском, Красноуфимском уездах, где для продажи изготовлялись преимущественно простые изделия. Но в заводах появилось производство мебели более высокого класса. Так, например, серебрянские и кыновские столяры изготавливали мебель, крытую лаком. У них можно было купить дюжину стульев с камышевыми решетками за 15 рублей, шкаф с комодом за 8 рублей, простой диван за 3 рубля, кухонный стол за 1 руб. 50 копеек⁴⁵. Обеспечивая местный рынок, ремесленники способствовали привнесению в крестьянскую среду новых элементов обстановки, убранства, незаметно модернизируя сельский быт. Помимо столярного дела получают развитие и другие промыслы и ремесла, связанные с шитьем одежды, обуви, головных уборов, плетением ковров. В Маханской слободе Шадринского уезда широкую известность приобрели местные мастерицы, которые из овечьей шерсти научились ткать удивительные по красоте многоцветные «бранные» ковры⁴⁶.

Рис. 6. Белая (парадная) горница в крестьянском доме конца XIX в. (реконструкция). Нижнесинячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства имени И. Д. Самойлова
Фото О. В. Горбачева. 2012 г.

Если говорить о строительных технологиях, то возведение жилья осуществлялось преимущественно традиционным способом как по организации труда, так и по архитектурным формам. Дома строились крестьянами собственными силами или с помощью артелей плотников. Строительство велось главным образом из дерева, хотя к началу XX в. в сельской местности растет число и каменных построек (рис. 7). Первоначально это были церкви и храмы, торговые лавки и общественные хлебные амбары, к концу XIX в. из кирпича начинают возводить земские школы и больницы. Медленнее эти технологии проникают в жилищную сферу, поскольку дерево было более экономичным и экологичным строительным материалом.

Показателем изменений в сельском строительстве может служить динамика развития кирпичного промысла. Уже в середине XIX в. отмечалось, что кирпичным производством занимаются повсеместно, однако оно не приобретает заводского характера,

Рис. 7. Современные торговые ряды каменной постройки начала XX в.
Село Петрокаменское Пригородного района Свердловской области
Фото автора. 2012 г.

ограничиваясь простейшими технологиями (печь для обжига, сарай для сырца). Всего к 1872 г. в Пермской губернии насчитывалось 320 кирпичных заведений, из которых только 41 располагалось в городах. В некоторых деревнях Шадринского уезда (Осеевой, Ершовой, Бакальской, Тумановой и пр.) большая часть населения занималась кирпичным промыслом, причем «кочевым» образом. Осенью подрядчики отправлялись на поиски заказов. Получив заказ, они возвращались домой и раздавали заявки артелям. С началом весны артель уходила для выполнения подряда, оговаривая с заказчиком условия работы (питание, устройство сараев и печей). Один рабочий в день мог сделать 400—500 кирпичей. На усадку сырца, обжиг и выгрузку уходило до 14 дней⁴⁷. Подобные ручные технологии производства кирпича сохранялись в сельской местности до середины XX в. и применялись, в частности, в колхозах в послевоенный период.

Каменное строительство активно пропагандировалось земствами и рассматривалось как способ борьбы с пожарами. По данным статистики в Пермской губернии с 1850 по 1872 г. в среднем ежегодно происходило 318 пожаров, в которых за все годы пострадало 12 140 дворов (в среднем 934 крестьянских хозяйства ежегодно)⁴⁸. Основными причинами пожаров было то, что в «селениях больше пищи для огня», плохое состояние печей и отсутствие необходимых противопожарных средств⁴⁹. Каменное строительство было более дорогостоящим, но снижало опасность пожаров и позволяло избежать многотысячных убытков.

К 1908 г. в деревнях Пермской губернии насчитывалось уже 51 422 каменных строения и 5 325 полукаменных⁵⁰. Больше всего их было в южных уездах — Екатеринбургском (12 818 строений) и Шадринском (23 820). Меньше всего в Чердынском (16) и Соликамском (29). Однако вплоть до 1930-х гг. каменные строения в уральской деревне были явлением исключительным и обычно обслуживали общественные нужды (храмы и дома священников, земские школы, волостные правления). Свой вклад в формирование новой застройки вносили зажиточные слои крестьянства, особенно

связанные с торговлей. Они строили за свой счет дома и торговые помещения, склады из кирпича, обеспечивая более высокий уровень сохранности своего имущества.

Деревянное строительство на всей территории губернии оставалось преобладающим и в 1920-е гг., определяя архитектурный облик и характер организации жилья.

Новые веяния в сельском строительстве, в том числе возрождение каменного строительства, были связаны с совхозным, а потом колхозным движением. Совхозные поселки стали первым опытом создания нового сельского поселения в соответствии с теми идеями, которые циркулировали в обществе. Восприятие совхозов как «фабрик зерна», т. е. промышленных предприятий, предопределило подходы к застройке совхозных поселений по типу городских с использованием технологий каменного и саманного строительства. Но отсутствие достаточных средств и строительных материалов приводило к широкому использованию дерева как более доступного и дешевого материала, тем более что плотниками навыками владели все крестьяне. В результате совхозные поселки создавались как промежуточный вариант населенного пункта, в котором сочетались черты традиционного сельского поселения и промышленного. Традиционность определялась технологиями строительства, основанными на использовании в качестве основного строительного материала дерева, а новизна — подходами к планировке поселения, проектированию жилья (многоквартирные дома).

Характерными сооружениями в совхозных поселках стали бараки и общежития (рис. 8), столовые, пекарни, общественные бани и клубы. Индивидуальное строительство было разрешено только в 1933 г. и вплоть до 1950-х гг. велось в очень незначительных масштабах. В 1940 г. был разработан Генеральный план строительства и благоустройства совхозов, в котором рекомендовались в качестве основного вида жилья одноэтажные 2-, 4-квартирные дома. Семьям выделялось по 0,15 га под огороды. Предусматривалось строительство дорог, озеленение, культурно-бытовые сооружения и т. п.

Рис. 8. Общежитие. Село Новоалексеевское
Свердловской области. Фото автора. 2003 г.

Таким образом, в довоенный период политика государства по вопросам сельского строительства практически отсутствовала, ограничиваясь лишь вопросами текущего строительства в совхозах и не затрагивая колхозную деревню, которая оставалась основной ячейкой сельской поселенческой сети и развивалась по своим законам. Строительство здесь велось собственными силами и воспроизводило традиционные технологии и архитектурные формы, поддерживая привычный, устоявшийся веками облик деревни. В сельскую среду понемногу проникали достижения городской цивилизации — электричество, радио, здесь формировалась сеть клубов, библиотек, сельских школ и медицинских учреждений, но архитектура довоенной деревни существенно не менялась. Более того, в СССР отсутствовали проектные организации, специализирующиеся на создании проектов для сельской местности, что не могло не отразиться на сохранении архитектурных и строительных традиций.

Перелом в вопросах сельского строительства происходит в послевоенный период. С этого времени (вторая половина 1940-х гг.) можно говорить о формировании политики и механизмов реконструкции деревни. Основная цель этой политики состояла в кардинальном переустройстве жилой среды и архитектурного облика российской деревни. Проблемы сельского строительства постепенно перемещаются в зону контроля власти и начинают жестко регламентироваться.

Рассмотрим подробнее, как происходило становление новой для села строительной отрасли экономики, оказавшей заметное влияние на процессы урбанизации деревни.

Среди правительственных решений, принятых в послевоенный период, необходимо отметить постановление Совнаркома РСФСР от 8 июля 1945 г. «О сельском и колхозном строительстве и выполнении мероприятий по ликвидации землянок»⁵¹, направленное на расширение строительных работ в сельской местности, в т. ч. организацию в колхозах строительных бригад, использование местных строительных материалов и т. д. Аналогичные указы были приняты рядом других союзных республик, и это очень показательно: сельское строительство рассматривалось как «внутреннее» дело, а не вопрос общегосударственной важности. Именно местные ресурсы и позиция местных властей определяли темпы и глубину трансформации сельской местности.

Важнейшей чертой сельского строительства в послевоенный период стало использование типовых проектов и генеральных планов поселений. Они рассматривались как необходимые нормативные документы, без которых капитальное строительство не разрешалось. Однако их внедрение тормозилось отсутствием необходимой инфраструктуры, в том числе недостаточным количеством проектных организаций. Председатели колхозов годами не могли добиться соответствующих документов. Кроме того, проектные работы стоили очень дорого и не учитывали специфику сельской местности.

Всего по плану четвертой пятилетки в 22 областях, краях и республиках РСФСР предполагалось построить 403 тыс. домов. К 1949 г. было построено 407 тыс. домов, 270 тыс. хозяйственных построек, 9 тыс. бань⁵². В каждом районе в структуре исполнительного комитета был создан специальный орган — отдел сельского и колхозного строительства, который осуществлял общее руководство и контроль за строительными работами.

Одной из наиболее серьезных проблем восстановления и реконструкции российского села в послевоенный период была нехватка стройматериалов, квалифицированных кадров строителей. Выход виделся в использовании местных строительных ресурсов и создании на местах кирпичных и черепичных заводов. В Законе о четвертом пятилетнем плане было особо отмечено: «Следует переходить от строительства деревянных зданий к строительству кирпичных и каменных». Хотя дерево продолжало оставаться основным строительным материалом, особенно в лесной и лесостепной зонах, на протяжении послевоенного периода происходила постепенная переориентация сельского строительства на новые материалы. За 3 года в колхозах РСФСР было построено 2 800 кирпичных заводов и 200 черепичных⁵³.

Для решения кадровой проблемы 30 учебных заведений РСФСР начали готовить профессиональные кадры сельских строителей. В колхозах рекомендовалось создавать строительные бригады. Но далеко не все хозяйства могли себе это позволить: катастрофически не хватало рабочих рук для основных сельскохозяйственных работ. Чаще всего председатели предпочитали нанимать «шабашников» — строителей со стороны, которые работали по подряду. В этом случае нередко страдало качество. Всего в 27 областях РСФСР в 1948 г. на колхозных стройках работало свыше 20 тыс. бригад, в основном на строительстве общественных построек⁵⁴.

В последующие годы кадровая проблема сохранялась и даже обострялась, что было связано с появлением новых технологий строительства. Свою роль в ее решении сыграли студенческие строительные отряды, которые каждое лето выезжали в сельскую

местность и строили коровники, фермы, склады. На долгое время, вплоть до 1970-х гг., сохранилась практика привлечения шабашников.

Таким образом, в конце 1940-х гг. были заложены основы системы управления сельским строительством, которая в дальнейшем стала определять пути благоустройства и развития сельской местности, хотя и не сразу. В послевоенные годы в колхозах «Первое Мая» (Красноуфимского района), «Вперед», «Объединение», «Заря» (Ачитского района) и др. были построены новые дома, появились водопровод, электричество, радио, социально-бытовые и культурные учреждения. Как сказано в одном из отчетов тех лет, «на наших глазах происходит историческое творение большевистской партии — постепенная ликвидация вековой противоположности между городом и деревней»⁵⁵.

Но более типичной оставалась другая картина. Принятые решения оставались лишь на бумаге, так как не хватало рабочих рук, материалов, средств для строительства. В 1949 г. в Свердловской области было проведено совещание по вопросам сельского строительства, где констатировалось, что большинство колхозов области практически не ведут нового строительства и в основном занимаются ремонтом жилого и хозяйственного фонда, а в деревнях нет даже наличников на окнах домов и оград. Тяжелая финансовая ситуация в сельском хозяйстве, трудности послевоенного времени не могли не отразиться на общем состоянии дел⁵⁶.

Подъем в сельском строительстве приходится на хрущевский период и непосредственно связан с улучшением состояния дел в сельском хозяйстве, ростом доходов колхозов в результате реализации мероприятий власти по снижению налогов и росту закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Объем капиталовложений с 1953 по 1957 г. вырос почти в два раза и достиг в колхозах РСФСР более 25 млрд руб. (табл. 4.1).

В 1954—1959 гг. в колхозах РСФСР было построено животноводческих помещений на 48 млн скотомест, птичников на 50 млн голов, в колхозах было возведено 25 тыс. домов культуры и клубов, 2 055 школ, 460 столовых, 680 хлебопекарен, 5 700 бань, 1 900 больниц,

Т а б л и ц а 4.1

*Затраты на строительство в колхозах РСФСР**

Год	Стоимость строительства, тыс. руб.
1953	13 758 996
1954	14 503 635
1955	19 802 650
1956	23 527 607
1957	25 863 160

* Источник: ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 666. Л. 10.

более 2 млн жилых домов⁵⁷. Эти факты свидетельствуют о расширении масштабов сельского строительства и значительных переменах в жизни российской деревни.

Вместе с тем в докладных записках Министерства сельского строительства РСФСР констатировалось, что большие средства, вкладываемые ежегодно колхозами в строительство, не имели должного эффекта из-за низкого организационно-технического уровня.

Застройка деревень за редким исключением велась без проектов планировки и необходимого архитектурно-строительного контроля, не решались вопросы благоустройства. В большинстве случаев строительство в колхозах велось ручным способом, без применения строительного оборудования и механизмов, что влияло на качество работ. «Диким» бригадам шабашников в 1955 г. было выплачено свыше 2,4 млрд рублей, в 1956 г. — 2,1 млрд⁵⁸.

Все это подталкивало власти к более активному вмешательству в строительную отрасль и упорядочению работ на селе. В результате Советом Министров СССР принимается постановление «Об улучшении строительства в колхозах»⁵⁹, где был предложен ряд мер:

- начиная с 1959 г. выделять по госбюджету средства на составление генеральных планов застройки колхозных сел;
- с 1960 г. строительство в сельской местности производить только по утвержденным проектам планировки и благоустройств;

- издать инструкцию по планировке и благоустройству населенных пунктов;
- застройка должна проводиться по типовым проектам и по упрощенным схемам планировки с минимальными затратами на их составление;
- разработать типовые схемы планировки для различных районов страны;
- возложить на отделы сельского и колхозного строительства контроль за проведением строительных работ в сельской местности.

Предложенные меры определили характер и направление деятельности государства в области сельского строительства на последующие годы и позволяют сделать вывод о складывании определенной политики в этом вопросе. Другое дело, насколько она была эффективной и оправданной и как повлияла на характер перестройки сельской местности.

К 1957 г. в колхозной деревне и обществе в основном созрели необходимые предпосылки для перехода к новому этапу урбанизации российской деревни, связанному с кардинальным изменением облика села, условий жизни крестьян. Массовое сельское строительство, основанное на индустриальных технологиях и использовании новых строительных материалов (бетона, шлакоблоков и т. п.), стало отличительной чертой этого этапа, так же как и электрификация деревни, развитие сельской торговли, транспорта, социально-культурной сферы, создание системы социальной защиты сельских тружеников.

Проблемы сельского строительства нашли отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 г., а также в постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 18 июня 1960 г. № 917 «О мерах по улучшению сельского строительства». В качестве основной задачи они выдвинули требование разработки и внедрения в практику сельского строительства проектов порайонной планировки. Несмотря на постоянное внимание к этому вопросу и значительное финансирование,

обеспеченность проектами порайонной планировки областей и районов продолжала оставаться очень низкой в связи с большим объемом работ, нехваткой кадров и проектных организаций, а также быстрым устареванием разработанных схем вследствие постоянных административно-территориальных преобразований.

С 1958 по 1963 г. капитальные вложения в сельское хозяйство СССР составили 27,2 млрд рублей. За это время было построено животноводческих помещений на 19,4 млн голов скота, на 33,2 млн голов птицы, осушено 45,2 млн га земли, построено 2,4 млн жилых домов, детских садов, школ, больниц и т. д.⁶⁰ За впечатляющими цифрами стоят как успехи отрасли, так и нарастающие проблемы. Предлагаемые проектными организациями типовые проекты производственных и жилых зданий далеко не всегда соответствовали местным условиям. Так, например, в Бурятии строительство коровников на 200 голов серии ТП-202-61 в ряде хозяйств привело к резкому росту заболеваний среди скота и падению надоев вследствие обморожений коров. Для того чтобы избежать новых неприятностей, Совет министров Бурятской АССР был вынужден обратиться в Совет министров РСФСР с разрешением использовать для строительства другие проекты⁶¹.

Городской характер застройки перспективных поселений, решая одни социальные проблемы, порождал другие, а в целом, вел к разрушению традиционного образа жизни и приусадебного хозяйства. В этот период в результате внедрения новых нормативов приусадебных наделов резко сокращается объем хозяйственной деятельности колхозных дворов, прежде всего за счет ужесточения условий содержания скота. Хозяйственные помещения для скота, возведенные по проекту застройки, нередко оказывались удаленными от жилья, что затрудняло уход за скотом. Все более осложнялась проблема с выпасами.

Хотя по Примерному уставу каждое хозяйство имело право на получение выпасов, на практике это не соблюдалось. Колхозы и совхозы захватывали отведенные гражданам под сенокос земли, требовали оплату за пользование сенокосами и пастбищами

(нередко за получение сенокосов было необходимо отработать на полях колхоза или совхоза) и т. п. Подобная политика по отношению к личному подсобному хозяйству сельских жителей неизбежно приводила к свертыванию их хозяйственной деятельности⁶². Так, например, крестьяне совхоза «Юргамышский» Курганской области писали: «Живем в совхозе. Обзавелись коровами. А вот держать их негде. Дворы, правда, есть, но нам ежедневно напоминают, чтобы их убрали. Директор совхоза не отступает от своего решения. “Не место вашим коровам в поселке”, — заявляет он. Наши дворы расположены за 300 м от квартир. Директор отвел нам место для строительства коровников дальше, чем за километр от наших квартир... Зимой по снежной замяти туда и не доберешься. Если продашь корову, то в деревне и жить нельзя, придется уезжать в город. Семейным плохо в деревне без коровы»⁶³.

Таким образом, на протяжении 1950—1970-х гг. в результате широкомасштабного строительства существенно меняется облик традиционной деревни. Переустройство затронуло в первую очередь населенные пункты, попавшие в число перспективных, где и велось капитальное строительство. Здесь появились районы с каменными многоквартирными домами; новый административный центр, школы, клубы и библиотеки переехали из деревянных построек в кирпичные. В большей степени свой традиционный облик сохранили небольшие деревни, отнесенные ко второй категории — сохраняемых на расчетный период поселений и планируемых на перспективное сселение. Здесь строительство ограничивалось.

В 1980-е гг. подход к сельскому строительству начинает меняться: наряду с возведением жилых зданий за счет колхозов и совхозов создаются условия для индивидуального строительства. Для сельских поселений появляются проекты, не копирующие городскую застройку, а пытающиеся подчеркнуть и использовать особенности сельской местности. Однако политика перестройки и последующие рыночные реформы негативно сказались на сельском строительстве, которое в 1990-е гг. прекратилось. Не было возможности поддерживать даже тот капитальный фонд, который был

создан на предыдущем этапе. В результате фермы и скотные дворы, амбары и склады стали разрушаться. Руины бывших колхозных и совхозных построек превратились в привычный элемент пейзажа сельской местности.

Процесс разрушения колхозного мира, в прямом смысле этого слова, был исследован в работах литовских социологов⁶⁴. Они попытались проследить отношение к руинам колхозных построек жителей современного литовского села. По мнению исследователей, руины сопровождают повседневную жизнь человека, поскольку в них остается прошлое, отжившее. Причины разрушения могут быть естественными и искусственными. Заброшенные фермы, клубы, административные здания появились в сельской местности в ходе политических и экономических реформ начала 1990-х гг., результатом которых стало практически полное исчезновение колхозов и совхозов как субъектов сельскохозяйственного производства. Судьба неиспользуемых построек была различной: некоторая часть перешла в руки новых собственников, другие были разобраны на стройматериалы и растащены; третьи постепенно разрушались и пришли в негодное состояние, никому не нужные. Лучше всего сохранились здания мастерских и складов, хуже — фермы и неиспользуемые культурно-бытовые и административные здания. Те капиталовложения в сельское хозяйство, которые были израсходованы на производственное и социально-культурное строительство в 1960—1980-е гг., оказались пущеными на ветер. Введение частной собственности на землю и развитие пригородного коттеджного строительства не смягчило имеющиеся проблемы, а привело к появлению новых.

Таким образом, были разрушены старые механизмы управления сельским строительством, а новые складываются с большим трудом и значительными перекосами. В этих условиях говорить о продуманной политике в области развития и благоустройства сельской местности не приходится: она, к сожалению, не вошла в число приоритетных национальных проектов.

4.3. Советский опыт благоустройства сельской местности

В условиях рыночной экономики трансформация поселенческой среды происходит при паритетном использовании внешних (государство) и внутренних (население) ресурсов территории, регулируемых механизмом спроса и предложения. Такую модель мы можем наблюдать в имперский период, и она в большей степени соответствует естественным процессам эволюции сельской местности. В условиях планово-распределительной советской системы ресурсная база урбанизации, механизмы ее реализации меняются. Основным актором урбанизационной перестройки становится государство, а внутренние ресурсы общества используются преимущественно во внеэкономическом режиме. Причем в кризисных ситуациях государство минимизирует свое участие в социальных программах и начинает активно использовать дополнительные источники в форме добровольных пожертвований, социалистических обязательств и соревнований, принудительного труда и прочих механизмов мобилизационной экономики. В полной мере они были применены к сельской местности.

Ярким примером такого подхода выступают кампании по благоустройству сельских населенных пунктов, развернувшиеся в СССР в послевоенный период, а также в 1950—1970-е гг. Их основная цель состояла в социалистической реконструкции советского села путем привлечения населения на добровольных началах к озеленению поселений, строительству тротуаров и дорог, водохранилищ, уборке мусора и прочим мероприятиям. Изучение опыта кампаний по благоустройству интересно с нескольких позиций: во-первых, их можно рассматривать как механизм мобилизации внутренних ресурсов для удовлетворения минимальных потребностей населения в условиях ограниченного финансирования социальных программ развития села; во-вторых, они давали возможность продемонстрировать «успехи» социалистического

преобразования деревни; в-третьих, кампании позволяли отвлечь внимание сельчан от нерешенных проблем благоустройства и переориентировать их на более достижимые цели.

Социалистическое соревнование стало одним из эффективных способов преодоления послевоенного кризиса и решения проблем восстановления и благоустройства российских сел и деревень. Его можно рассматривать как механизм мобилизации внутренних ресурсов общества, основанный на принципах добровольности и инициативности.

Первая кампания по благоустройству развернулась в 1948 г. С призывом к колхозникам собственными силами навести порядок в родном селе выступила Ярославская область. В числе первоочередных мероприятий по благоустройству предлагалось провести озеленение и очистку территории от мусора, построить тротуары и колодцы. К перспективным задачам были отнесены создание водопровода, канализации, электрификация.

Рассматриваемые инициативы отражали, с одной стороны, стремление сельского населения к позитивным переменам в бытовой сфере, а с другой — соответствовали установке властей на формирование нового социалистического облика села, отличного от традиционной («темной и дикой») деревни. Представления о благоустройстве этого времени включали электрификацию и радиофикацию села, организацию водоснабжения, отопления, канализации и были ориентированы на формирующиеся городские стандарты. Хотя справедливости ради нужно отметить, что не все города могли похвастаться полным пакетом удобств. Реализовать его в послевоенный период было невозможно. Для этого ни у государства, ни у колхозов не было сил и средств. Решение подобных задач требовало больших затрат и обязательного участия государственных организаций, ответственных за проектирование и монтаж инженерных систем. Однако перестраивать село в социалистический поселок было необходимо, поэтому был выбран упрощенный вариант благоустройства (электрификация, озеленение, тротуары, водоснабжение), доступный для того времени. Задачи электрификации ре-

шались особым порядком (см. об этом в следующем подразделе). А вот проблемы элементарного благоустройства население могло решить собственными силами, его нужно было только организовать.

Движение по благоустройству сельских населенных мест быстро охватило все регионы страны. В условиях послевоенных трудностей это была попытка как-то украсить деревенскую жизнь. Разбивка палисадников, озеленение улиц, строительство колодцев — вот основные достижения кампании. Так, в 1948 г. в Свердловской области было высажено в сельской местности 27 785 деревьев, построено 22 пруда и водоема, 104 моста, 55 179 м тротуаров, 5 139 м водопровода. В Челябинской области за этот же период было высажено 53 083 дерева и 13 071 куст, построено 63 моста, 135 колодцев. Все акции по благоустройству проводились в период между полевыми работами, в режиме ударных декадников и на безвозмездной основе⁶⁵.

На следующий год движение возобновилось с новой силой. В 1949 г. в центральных газетах было опубликовано письмо колхозников Константиновского района Горьковской области, которые приняли на себя обязательства в течение 5 лет (1949—1953) благоустроить все 115 населенных пунктов района. В обращении особо подчеркивалось, что советские села не благоустроены, в них нет зелени, отсутствуют палисадники, плохо организована очистка улиц, отсутствует четкая планировка селений. По инициативе районного совета и партийного актива было принято обращение ко всем колхозам страны. В каждом селе создавались комиссии, которые должны были разработать пятилетний план по следующим направлениям: улучшение водоснабжения (на каждые 15 дворов предлагалось вырыть 1 колодец); озеленение (в каждом дворе обязали посадить 3—5 деревьев, на усадьбах высадить фруктовые и ягодные насаждения — до 10—12 кустарников и деревьев; кроме того, предлагалось разбить скверы); профилирование и мощение улиц, строительство простейших (деревянных) тротуаров; решение проблем ассенизации (устройство туалетов на усадьбах колхозников и в общественных местах); около индивидуальных жилых

домов и общественных зданий предлагалось разбить палисадники; оформление въездов и выездов из деревни указателями и различными архитектурными деталями; к 1953 г. планировалось электрифицировать и радиофицировать все деревни района; провести ремонт дорог и асфальтирование⁶⁶.

Следует подчеркнуть типовой характер инициатив, которые распространялись на всю сельскую местность страны без учета специфики отдельных регионов. Так, задача озеленения улиц рассматривалась как необходимый элемент благоустройства и для северных деревень, где это противоречило сложившимся традициям, и для южных поселений.

В течение всего послевоенного периода и в последующие годы то вновь разгоралась, то затухала «борьба за повышение общей культуры и благоустройства сельских населенных пунктов». Каждая новая волна соревнования начиналась с инициативы какого-либо сельского совета, широко разрекламированной печатью. Жители выступали с предложениями своими руками украсить и благоустроить родное село. Через короткое время инициатива получала «всенародную» поддержку за счет включения административных рычагов и механизмов. Подведение итогов кампании сопровождалось выделением «лучших» в районе сел и деревень, которые награждались дипломами и грамотами и становились примером для других поселений.

Движение за благоустройство прошло несколько этапов, на каждом из которых при сохранении общей цели социалистического переустройства деревни (фактически урбанизации) менялся состав задач, организационные формы и механизмы их реализации.

В послевоенный период (1945—1950) проводимые кампании были направлены на устранение наиболее очевидных недостатков крестьянской жизни — отсутствие дорог, колодцев, зеленых насаждений — с целью придания селу более уютного и привлекательного облика.

Во второй половине 1950-х гг. на фоне развернувшегося в советской деревне массового строительства особое внимание начинает уделяться возведению н а д о б р о в о л ь н ы х н а ч а л а х

клубов, детских садов, стадионов и других объектов соцкультбыта, т. е. формированию необходимой по стандартам нового времени социальной инфраструктуры села, до которой у местных властей не доходили руки.

В 1960—1970-е гг. начинается борьба за коммунистический быт, направленная на решение задач газификации сельской местности, строительства водопроводов, канализации, освещения улиц, уборки мусора, т. е. борьба за создание достойных бытовых условий, соответствующих городским стандартам. Кампании 1960—1970-х гг. постепенно превратились в одно из постоянных направлений деятельности сельских советов, которые возглавляли, организовывали и контролировали всю систему мероприятий по благоустройству, обеспечивая более полную мобилизацию внутренних ресурсов. Часто социалистическое соревнование сельсоветов «за коммунистический быт» приурочивали к юбилейным датам, усиливая его идеологическую нагрузку. Одновременно совершенствовались технологии мобилизации населения. Их можно рассмотреть на примере одной из кампаний.

В 1964 г. Терский сельсовет Красноярского края и Пахра-Покровский сельский совет Московской области выступили с инициативой проведения всесоюзного соревнования сельских советов за благоустройство и повышение культуры сельских населенных пунктов. Каждая такая инициатива имела свою предысторию, в которой излагался и обобщался имеющийся в данной сфере положительный опыт. Так, жители Терского сельсовета еще в начале 1963 г. приняли социалистические обязательства на два года, в которых наряду с традиционными мероприятиями по благоустройству сел (уборка, озеленение, строительство дорог и тротуаров) были предусмотрены меры по жилищному строительству, улучшению работы школ, предприятий культурно-бытового обслуживания и т. д. В течение года было сделано немало. В открытом письме указывалось, что изменился внешний облик всех пяти сел, находящихся на территории сельсовета: дороги были засыпаны гравием, прорыты кюветы, посажены деревья и кустарники.

Кроме того, местные жители построили здание сельского совета, стадион, заложили два сквера, парк, на общественных началах отремонтировали школу, больницу, клуб, библиотеку.

Опыт терцев был распропагандирован на сессиях во всех сельских и поселковых советах края, повсеместно прошли собрания и сельские сходы граждан. В соревнование включились все сельсоветы края. В селах Шушенского района только за год было построено 15 детсадов, 5 фельдшерско-акушерских пунктов, 3 магазина, 3 бани, 7 школьных интернатов, на улицах посажено более 50 тыс. фруктовых и декоративных деревьев и кустарников, отремонтировано 20 мостов, 82 километра дорог. Краевой совет разработал систему поощрений. Сельскому совету, занявшему первое место, вручалось переходящее Красное знамя, а также премия — мотоцикл с коляской; за второе и третье места вручали грамоту и соответствующие премии (набор музыкальных инструментов и библиотеку на 300 руб.)⁶⁷. Почин терцев был подхвачен сельсоветами Читинской области, Бурятской АССР и других районов Восточной Сибири. Так положительный опыт рядового сельсовета становился образцом для тысяч, его пытались тиражировать, но не всегда удачно, так как возможности территорий были разными.

Значительное внимание уделялось системе поощрения победителей, где предусматривались меры как материального, так и нематериального характера. Так, например, в Московской области, где движение по благоустройству сельских населенных мест охватило около 330 сельсоветов, существовала своя схема соревнований и поощрений. В социалистическое соревнование были включены все жители: они боролись за звание на лучший дом, улицу и село; в каждом доме имелся паспорт-обязательство, где указывались работы по благоустройству и сроки их выполнения. На фасаде дома — победителя соревнования — прикреплялась специальная табличка «Лучший дом в социалистическом соревновании за коммунистический быт»⁶⁸.

В 1970-е гг. организационный уровень и административная поддержка народных инициатив приобрела заверченный вид, превратившись в один из бюрократических механизмов реализации

планов властей. В августе 1970 г. было принято постановление Совета министров РСФСР и ВЦСПС «Об инициативе коллективов предприятий и организаций Башкирской АССР, Новгородской области, городов Рязани и Владимира по дальнейшему благоустройству городов, рабочих поселков и сельских населенных пунктов в честь XXIV съезда КПСС», где местным советам предлагалось взять на себя дополнительные обязательства по досрочному выполнению планов ввода жилья, школ, больниц, а также привести в порядок территорию населенных пунктов, создать новые парки⁶⁹.

В 1972 г. жители Ленинского сельского совета Починковского района Смоленской области опубликовали открытое письмо, в котором обращались с призывом ко всем сельчанам «повысить общую культуру и благоустройство своего села в честь 50-летия образования СССР»⁷⁰. Совет министров РСФСР постановлением от 15 марта 1972 г. одобрил эту инициативу и обязал советские органы организовать социалистическое соревнование среди сельсоветов. Акция приобрела общереспубликанский характер. Повсеместно были проведены сельские сходы, которые утверждали индивидуальные социалистические обязательства, оформленные на типовом бланке, отпечатанном типографским способом⁷¹. По истечении определенного времени районы и области рапортовали перед вышестоящими организациями о достигнутых успехах.

В докладах с мест звучали цифры, отражающие активность и массовость соревнования. Так, например, в Курганской области по годовому отчету за 1972 г. сессии по благоустройству прошли в 240 советах, состоялись 590 собраний граждан. В 1971 г. на территории Чумлякского сельсовета было проведено 15 км электролиний, 91 км водопровода с 39 водоразборными колонками, 1,5 км теплотрассы, высажено 2 400 деревьев, разбито 2 сквера. Рапорты о проведенных мероприятиях по благоустройству подкреплялись новыми социалистическими обязательствами на следующий год, которые формулировались вполне стандартно: «Превратить населенные пункты сельсовета (района) в благоустроенные социалистические села, обустроить дороги и тротуары,

у каждого дома сделать палисадник, уничтожить все сорняки и поддерживать санитарный порядок во дворах, на улицах, фермах и общественных учреждениях, оборудовать детские игровые и спортивные площадки»⁷².

Неизбежной чертой всех этих мероприятий была их заорганизованность. Так, например, в Оренбургской области итоги соревнования по благоустройству населенных пунктов подводились один раз в два месяца. Победителям присуждалось переходное Красное Знамя и выделялось на благоустройство по 5 тыс. рублей за первое место и 3 тысячи руб. — за второе. В Пермской области итоги подводились один раз в квартал. За первое место в соревновании полагалось 15 тыс. рублей и деревня-победитель получала переходящее Красное знамя⁷³.

В 1960—1970-е гг. все социалистические обязательства утверждались на сходах жителей, возрождая тем самым общинные традиции и усиливая мотивацию и контроль населения за выполнением взятых обязательств. В Пермской области в 1970 г. только в Очерском районе было проведено 379 сходов жителей, на которых рассматривались вопросы благоустройства. В Куликовском сельсовете Очерского района на сходе был принят перспективный план строительства социально-культурных учреждений. Все жители обязались участвовать в субботниках и воскресниках по благоустройству. В результате на территории сельсовета была построена участковая больница, школьный интернат, 9 домов, магазин, детский комбинат. А всего при участии населения в 1970 г. было отремонтировано по району 19,5 км дорог, построено 19 мостов, вырыто 22 водоема и колодца⁷⁴. За 1972 г. в рамках соревнования в Пермской области было построено 50 тыс. кв. м тротуаров, 55 км дорог, 170 мостов, 87 колодцев, приведено в порядок 68 обелисков и памятников, высажено 100 деревьев и кустарников⁷⁵. Насколько приведенные цифры реальны, сложно судить, так как завышение отчетных показателей было делом обычным. Трудно оценить качество строительства, а тем более говорить о реальных переменах в условиях жизни сельских жителей.

В той же Пермской области в начале 1970-х гг. по данным санэпидемстанции в большинстве населенных пунктов использовали воду из колодцев и родников, из 6 474 колодцев в области 1 866 не отвечали санитарным требованиям. Часть сельских населенных пунктов получала воду из открытых источников⁷⁶. Особенно неблагополучно было с канализацией и теплоснабжением. Столовые, школы, клубы не очищались ассенизационным транспортом и загрязняли населенные пункты. В пос. Ильинское, к примеру, был построен 12-квартирный дом, поликлиника, детские ясли, но не было очистных сооружений⁷⁷. В большинстве населенных пунктов отмечалось отсутствие зеленых насаждений, неблагоустроенность улиц, которые большую часть года находились в непроезжем состоянии. Постоянно фиксировались факты антисанитарного состояния улиц, так как очистка населенных пунктов от мусора не была организована, в том числе не вывозился навоз, накапливаемый около ферм⁷⁸.

Вообще проблема уборки мусора была одной из наиболее сложных: утилизация мусора в традиционной деревне осуществлялась силами крестьянского двора и была основана на принципах безотходного производства. В новых условиях, когда в деревнях и селах создавалась социальная инфраструктура, ориентированная на удовлетворение общественных нужд, — клубы, столовые, бани, пекарни и т. д., традиционные технологии уборки и утилизации мусора не работали, а создание ассенизационных служб было недоступным. Поэтому грязь и замусоренность, особенно в общественных местах, стала привычным элементом деревенского пейзажа.

В последующие годы социалистическое соревнование по благоустройству населенных пунктов развивалось в плановом режиме. В 1973 г. было принято очередное постановление Совета министров РСФСР и ВЦСПС «О Всероссийском социалистическом соревновании автономных республик, краев, областей, городов, национальных округов и районов за лучшее проведение работ по благоустройству и санитарному содержанию населенных пунктов»⁷⁹. Всего в соревновании приняли участие 73 области, края

и республики, 132 города, 2 592 национальных округа, района и города с населением до 100 тыс. человек. Оценка итогов их работы проводилась по следующим критериям: газификация жилого фонда; озеленение и ремонт жилых домов; строительство дорог. Аналогичное постановление было принято в 1975 г. По итогам соревнования этого года Башкирия была награждена премией в 40 тыс. рублей⁸⁰.

Таким образом, социалистическое соревнование стало одним из механизмов решения проблем благоустройства, не требующим больших затрат и позволяющим «залатать дыры», но не обеспечивающим достижение конечных целей. К концу XX в. неблагоустроенные деревянные дома, лишённые элементарных удобств, в сельской местности составляли большинство. В Европейской России к концу века водопроводом было оборудовано 79 % жилого фонда в городах и 32 % — в сельской местности. С канализацией ещё хуже: в городах её было оснащено 76 % домов, в селах — 23 %. Единственное, чего смогла добиться власть, — это электрификация и частично телефонизация и газификация деревни⁸¹.

Для создания новых условий жизни на сельской местности требовался не просто «косметический ремонт» за свой счет, а проведение продуманной политики, направленной на развитие транспортных коммуникаций, совершенствование технологий жизнеобеспечения в сельской местности, жилищного строительства. Тем не менее использование форм социалистического соревнования создавало иллюзию движения вперед и поэтому на протяжении всего изучаемого периода активно эксплуатировалось.

Следует отметить и воспитательный эффект соцсоревнования. В условиях урбанизации и растущей индивидуализации образа жизни подобные формы общественных движений, пусть и заорганизованные, поддерживали исчезающее чувство хозяина, коллективной и индивидуальной ответственности за окружающее. Эти мысли эхом звучат в воспоминаниях крестьян: «Теперь уже не строят, как раньше, домов с разной обшивкой, не следят за каждым колодцем. А речка, а луга возле деревень? Все загажено. Сильно обеднели наши места. А ведь все было! Были кругом леса с грибами

и ягодами и даже бортовым медом. Каждую весну прилетали журавли. Крупные серые птицы разгуливали по полям. Близко людей не подпускали. Издали было хорошо видно, как они поднимались с разбегу. А теперь никто уже не увидит их в наших местах...»⁸²

4.4. Электрификация на селе в 1920—1980-е гг.

Красной нитью через все реформы аграрного сектора советского периода проходила идея электрификации. Электрификация стала одним из важнейших факторов урбанизации сельской местности, приблизив ее к достижениям общества. В свое время Ленин предложил гениальную формулу: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», подчеркнув, что без энергетики невозможно создание общества будущего. Жизнь внесла коррективы в эту схему, подтвердив, однако, мысль о том, что электричество было и остается основным энергетическим ресурсом, без которого сегодня невозможно удовлетворение базовых потребностей и развитие общества.

Начало массовой электрификации связывают обычно с принятием в 1920 г. плана ГОЭЛРО. Однако первые шаги в этом направлении в России были сделаны намного раньше. Первая теплоэнергостанция была построена в Санкт-Петербурге в 1879 г. для освещения Литейного моста. В последующие годы электричество начинает постепенно проникать в производство и быт населения, меняя его. К 1913 г. Россия занимала 8-е место в мире по выработке электроэнергии⁸³. К этому времени относится и разработка плана электрификации России, который был впоследствии реализован большевиками.

Что касается плана ГОЭЛРО, то его рассматривали как первый шаг к коммунизму и преобразованию общества на новых началах. В 1920—1930-е гг. было сделано многое: возведены десятки гидроэлектростанций и сотни тепловых электростанций, заложена

основа единой энергосистемы. Однако вплоть до 1950-х гг. электрификация охватывала преимущественно городскую поселенческую сеть.

В истории сельской электрификации отчетливо выделяются три основных этапа.

- Первый этап (начало XX в. — 1944), когда электричество постепенно начинает проникать в сельскую среду, не затрагивая основ сельскохозяйственного производства и быта. В это время электрификация как процесс развивается стихийно и неравномерно, опираясь на инициативу и возможности местных организаций и властей.

- Второй этап (1945—1952) — начало массовой электрификации. Данный этап тесно связан с проведением кампании по строительству колхозных электростанций как попытки решения проблемы обеспечения электроэнергией сельской местности.

- Третий этап электрификации начинается в 1953 г., когда были отменены существовавшие для колхозов ограничения и хозяйства стали подключаться к государственным электросетям. Электрификация сельской местности завершилась в 1970-е гг., однако и в 1980-е гг., и сегодня можно найти сельские населенные пункты, не обеспеченные электроэнергией.

Строительство системы электростанций в рамках плана ГОЭЛРО можно рассматривать как определенный этап в электрификации России, сделавший электричество доступным ресурсом прежде всего для городов. Электричество перевернуло быт населения, создало предпосылки для домашней революции, связанной с коренным изменением жизненного уклада. Задачи электрификации городской среды в основном были решены в 1920—1930-е гг. Сплошная электрификация сельской России относится к более позднему периоду — послевоенному.

Хотя первые «лампочки Ильича» стали зажигаться в сельской местности еще в 1920-е гг., темпы электрификации были очень низкими. Накануне войны уровень электрификации российской деревни не превышал 2—3 % общей численности поселений. Не удивительно, что в крестьянской среде бытовало отношение

к электричеству как чуду, что нашло отражение в фильме Л. Шепитько «Родина электричества» (1967), поставленном по новелле А. П. Платонова. Кинокартина рассказывает об электрификации села в начале 1920-х гг.: в основе сценария небольшой сюжет о том, как в деревне заработала динамомашинa, позволившая подвести воду к засыхающим полям. Фильм позволяет проследить не только восприятие крестьянами электрического чуда: от полного отрицания и страха до понимания могущества и одновременно уязвимости технических новшеств. В конце фильма динамомашинa ломается, не совершив чуда и не напоив поля водою. Однако она оставила в умах смятение и понимание того, насколько меняется жизнь с приходом электричества.

В 1930-е гг. с развертыванием коллективизации и формированием колхозного строя задачи электрификации выходят на первый план, поскольку без нее были невозможны механизация сельскохозяйственного производства и переустройство быта. К государственным электросетям в первую очередь подключались МТС, ремонтные мастерские совхозов и в последнюю очередь — колхозы. К 1932 г. электроэнергия стала применяться в производственных процессах многих хозяйств: в животноводстве, птицеводстве, хлопковом и овощном хозяйствах, для орошения и т. д.

В конце 1930-х гг. появляются первые колхозные электростанции. В Свердловской области до войны лишь один колхоз «Заря» (Ачитский р-н) имел собственную тепловую электростанцию мощностью 30 кВт, которая использовалась в основном для бытовых нужд.

В 1940 г. на полях СССР в уборочную кампанию работало 5 тыс. электромотильных пунктов. Росло применение электричества в животноводстве для механизации приготовления кормов, водоснабжения, дойки коров. Для производства доильных аппаратов был построен Сумский завод. Накануне Великой Отечественной войны сельское хозяйство СССР имело свыше 10 тыс. электроустановок мощностью в 275 тыс. кВт. Было электрифицировано 10 тыс. колхозов и 2 500 МТС⁸⁴. Наибольших результатов в этом отношении добился Запорожский район УССР, где к 1940 г. из 80 колхозов

электроэнергией пользовались 76. В районе имелось 26 тыс. светоточек и свыше 300 электродвигателей. Почти в каждом колхозе работали кормоприготовительные машины, мельницы, имелись электрифицированные кирпичные и черепичные заводы.

Таким образом, до войны успехи в вопросах сельской электрификации были, но незначительные, поскольку только 4 % колхозов СССР пользовались электроэнергией⁸⁵, Свердловская область имела более высокий показатель — до 10 %. Тем не менее для большинства сельскохозяйственных предприятий собственное строительство электростанций было не под силу.

Война в значительной мере ускорила процессы электрификации, поскольку необходимо было как-то компенсировать убыль рабочих рук. В 1941 г. в стране было построено 48 сельских гидроэлектростанций, в 1942 г. — 25 гидро- и 95 теплоэлектростанций, в 1943 г. соответственно 44 и 155, в 1944 г. — 56 и 182⁸⁷. Однако, несмотря на некоторые успехи, вплоть до 1945 г. электрификация развивалась в целом стихийно, опираясь на местную инициативу и ресурсы.

Второй этап (1945—1953) характеризовался как период перехода от выборочной электрификации отдельных передовых колхозов к сплошной электрификации целых сельскохозяйственных районов и даже областей с использованием местных энергетических ресурсов, в первую очередь энергии малых рек⁸⁸. Так на повестку дня была поставлена задача с п л о ш н о й э л е к т р и ф и к а ц и и (рис. 9). Наиболее благоприятные предпосылки для ее решения были у промышленных регионов.

В 1944 г. Свердловская область выступила с почином о проведении сплошной электрификации и обязалась в течение 1944—1945 гг. провести работу по электрификации 40 МТС и 1 тыс. колхозов пригородной зоны, привлекая в порядке помощи предприятия союзной и местной промышленности. По каждому району был составлен план электрификации. Первая ГЭС была построена в Ачитском районе на реке Ут, ее стоимость составила 2 млн рублей. Русско-Потамская ГЭС обеспечивала электроэнергией 5 колхозов и МТС⁸⁹.

Рис. 9. Плакат. 1949 г.
Худ. А. А. Кокорев

основой для подготовки постановления СНК СССР от 8 февраля 1945 г. «О развитии сельской электрификации». В нем предусматривалось не только строительство малых колхозных и межколхозных электростанций, но и присоединение части колхозов к государственным электросетям.

Однако на практике ставка была сделана на строительство сельских гидроэлектростанций, а также тепловых станций на местном топливе силами колхозов. Для помощи в проведении электрификации были привлечены предприятия местной промышленности, которые в качестве шефства брали на себя часть расходов на оборудование, строительство, монтаж линий электропередач.

В течение 1945 г. в Свердловской области было построено 118 гидроэлектростанций и 238 тепловых электростанций, что позволило электрифицировать сотни сельхозпредприятий: по данным

Одновременно началось сооружение межколхозных гидростанций на реках Ирбитка, Сылта, в с. Байкалово и др. Многие колхозы строили тепловые электростанции: в Таборинском районе колхоз им. 14-й годовщины Октября к 7 ноября 1944 г. пустил тепловую станцию на 30 кВт, в таежной деревне загорелось 120 лампочек, заговорило радио⁹⁰.

Опыт проведения электрификации за счет средств колхозов и сельскохозяйственного кредита в Пермской и Свердловской областях был одобрен властью и стал

отчетов 35 % колхозов и 63 % МТС стали получать электроэнергию. Массовая электрификация развернулась в Челябинской и Пермской областях, где были электрифицированы 24 МТС и сотни колхозов. В аграрных областях Урала — Курганской, Оренбургской — масштабы сельской электрификации были незначительными. В конце 1945 г. в Оренбургской области электричество получали 0,8 % колхозов, а в Курганской — 0,1 % (табл. 4.2)⁹¹. Всего по СССР в 1945 г. в СССР было построено 1,5 тыс. новых сельских электростанций, вновь электрифицировано 2 422 колхоза и 679 МТС⁹².

Т а б л и ц а 4.2

*Электрификация колхозов Урала**

Регион	Количество электрифицированных колхозов, % общей численности							
	1940	1945	1946	1948	1950	1953	1958	1960
Башкирия	1,3	2,3	3,2	6,1	9,0	Н.св.	39,0	62,0
Удмуртия	1,2	3,6	5,8	16,1	28,6	Н.св.	57,0	84,0
Курганская	0,1	0,5	1,1	3,8	9,0	15,0	50,0	Н.св.
Свердловская	9,9	34,7	53,0	80,4	86,8	81,0	81,0	89,0
Оренбургская	0,8	1,2	1,6	5,0	11,1	20,5	49,0	Н.св.
Пермская	2,3	5,3	8,7	21,9	29,9	37,0	53,0	77,0
Челябинская	3,8	6,5	11,9	26,4	37,3	50,0	90,0	Н.св.

*Источник: Мамяченков В. Н. Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960). Екатеринбург, 2002. С. 258.

Такие результаты внушали уверенность в своевременности и достижимости поставленной перед колхозами задачи. И действительно, к 1950 г. в Пермской, Челябинской и Свердловской областях энергию получали 26 % колхозов, 87 % МТС и 86 % совхозов. Особенных успехов добилась Свердловская область, обеспечив электричеством 87 % колхозов, 98 % МТС и 97 % совхозов⁹³. Этот уровень значительно превышал общесоюзный. В числе отстающих были Башкирия, Курганская и Оренбургская области.

Однако, несмотря на впечатляющие показатели, электрификация не принесла ожидаемых результатов. Вследствие низкого качества строительства в той же Свердловской области из 675 электростанций не работала 101. Постоянно пользовались электроэнергией лишь чуть более половины электрифицированных колхозов (рис. 10). Кроме того, маленькие (на 30—40 кВт) станции были нерентабельны, и уже в 1952 г. их стали закрывать и строить более крупные. На строительство же малых электростанций хозяйства затратили в общей сложности около 127 млн руб. — так оценивалась стоимость проведенных работ⁹⁴. Положение колхозов усугублялось еще и тем, что некоторые шефствующие промышленные предприятия выдвигали непосильные условия, завышая стоимость произведенных работ и поставляемого оборудования.

Использование электроэнергии в этот период, как и до войны, в основном было ориентировано прежде всего на производственную сферу и освещение административных и общественных помещений.

Третий этап электрификации начинается в 1953 г., когда были отменены существовавшие ограничения для колхозов и хозяйства

Рис. 10. Колхозная электростанция. Худ. А. М. Грицай. 1952 г.

стали подключаться к государственным электросетям. Практика строительства малых электростанций была осуждена и оставлена в прошлом. Подключение к государственным сетям было более выгодно, однако их плотность была невысокой, что существенно затянуло сроки окончательной электрификации деревни. Только в 1970 г. все колхозы и совхозы Свердловской области были обеспечены электричеством, в Пермской области удельный вес таких хозяйств достиг 95 %, несколько отставали в этом вопросе Оренбургская область и Удмуртия.

В целом потребление энергии увеличилось за 1953—1958 гг. в 2,5—3 раза. В 1960-е гг. электрификация продолжалась главным образом путем возведения трансформаторных подстанций для использования тока от высоковольтных линий электропередач. Число хозяйств, получающих энергию от собственных небольших станций, сократилось до 40 %. К 1960 г. 85,1 % колхозов и 99,3 % совхозов на Урале были электрифицированы, что способствовало более широкому использованию электричества на производстве и в быту⁹⁵.

Электрификация деревни позволила вплотную приступить к механизации трудоемких процессов. В 1955 г. 86 % совхозов региона применяли электроэнергию в земледелии, в т. ч. 56 % хозяйств использовали ее для приготовления кормов, 62 % — для водоснабжения ферм, 29 % хозяйств имели доильные аппараты⁹⁶.

В 1960—1970-е гг. потребление электроэнергии на селе возросло еще в 2—2,5 раза, преобразуя не только производственную сферу, но и быт. Электричество сделало доступным многие блага цивилизации, в т. ч. телевидение, бытовую технику и т. д. В результате выросло число каналов информации, а значит, усилилось совокупное влияние факторов, оказывающих воздействие не только на внешние, но и на внутренние аспекты урбанизации и раскрестьянивания.

В воспоминаниях крестьян электрификация тесно связана с надеждами на лучшую жизнь и во многом действительно была символом коммунизма: «От будущего ждали, что будет лучше, —

вспоминает уроженка дер. Антоновцы Кировской области. — Сначала провели электро, копали сами столбы, чтобы в доме был свет. Все не верили, что мы здесь живем, а будем слышать, что в Москве делается. В доме стали появляться граммофон, телевизоры. А как появился первый автомобиль, так тетка, увидев автомобиль, бежит по деревне и кричит: “Антобус, антобус бежит по полю-то. Без человека, и бежит”»⁹⁷.

Электричество стало условием и энергетической основой механизации, а позднее автоматизации производства, научно-технической революции. Не менее важен социальный аспект электрификации. Использование электричества в быту привело к изменению технологий жизнеобеспечения, формированию новой информационной и коммуникационной среды и смене биоритмов жизни человека, ранее связанных с природными циклами дня и ночи. Появление электрического освещения позволило расширить границы светового дня и планировать время труда и отдыха с учетом индивидуальных запросов человека. Если оценить комплексное влияние электрификации на жизнь общества, то ее можно рассматривать как революцию, результатом которой стало формирование современной цивилизации.

5. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ

Механизм взаимодействия городской и сельской среды очень сложен, особенно в культурной сфере. Те изменения, которые происходили в сельской местности, в том числе в социально-культурном плане, нередко привносились туда извне, т. е. из городской среды, темпы развития которой в условиях урбанизации и в экономическом, и в социокультурном плане были более высокими. Механизм взаимодействия в этом случае основан на принципе диффузии, который можно определить как «импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации»¹.

Для изучения процессов урбанизации сельской местности значительный интерес представляет теория культурных кругов, разработанная Ф. Гребнером в начале XX в. в рамках концепции диффузионизма. Ее автор считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра посредством перемещения через различные социальные механизмы — торговлю, войны, миграцию, личные контакты, политику и т. п. Теория культурных кругов позволяет по-новому интерпретировать появление культурно-гомогенного общества, которое свойственно индустриальной стадии. Его основной чертой является распространение массовой культуры, лишенной этнических черт и фактически отрицающей географические границы. В условиях урбанизации город выступает в качестве центра, а сельская местность — как периферия. Процесс переноса

культурных достижений и норм (расширение культурного круга) опирается на сходные механизмы диффузии, реализуемые прежде всего через те институты и практики, которые транслируются городом: образование, просвещение, медиасфера, а также торговля и технологии.

Таким образом, сдвиги в культурной сфере общества происходят не только за счет переноса (диффузии) достижений из одной национальной культуры в другую, но и за счет внутренних перемещений, которые можно рассматривать в качестве вторичных культурных кругов, обеспечивающих распространение инноваций внутри общества.

В этой связи очень важен вопрос о характере диффузии культурных инноваций. Она может проходить в форме адаптации — постепенного проникновения в новую социокультурную среду путем приспособления, подгонки внедряемого элемента к системе. Второй, более радикальный вариант — это кардинальное преобразование, ломка системы в результате инновационных перемещений. Первый путь, эволюционный, более предпочтителен, так как позволяет сочетать традиции и новации, сохраняя и приумножая имеющиеся культурные достижения. Второй путь — революционный, чреват непредсказуемыми последствиями и часто приводит к кризису культуры и ее разрушению. В этом случае многое зависит от актора инновационных преобразований, роль которого выполняет обычно государство. Стратегия внедрения инноваций находит отражение в системе политических решений и средствах их реализации.

Мы уже говорили о том, что в условиях модернизации сельская местность выступает в роли ведомой подсистемы, испытывая на себе многочисленные внешние влияния государства, политики, идеологии, рынка. Проникновение инноваций, их «диффузия», начинается с идеи, которая либо порождается самой системой как реакция на возникающие проблемы, либо привносится из внешней среды. В любом случае начальный этап диффузии имеет чисто информационную природу: сначала происходит обмен информацией, а потом уже собственно материальными, человеческими ресурсами, технологиями и пр.

Чем выше интенсивность обмена информацией, тем быстрее и глубже социокультурные изменения². Обмен информацией между городом и сельской местностью, осуществляемый через личные контакты, а также через общественные информационные каналы (образование, средства массовой информации, кино, телевидение, радио и пр.), воздействует на весь культурный комплекс: материальный, поведенческий, ценностный, трудовой, культурно-бытовой.

Интенсивность зависит от числа информационных каналов и скорости передачи информации и относится к стадияльным понятиям. В традиционном обществе интенсивность имеет достаточно низкие показатели, которые определяются тем, что контакты между городским и сельским социумами немногочисленны (торговые, религиозные, административные) и формализованы, так как реализуются в устойчивых формах (ярмарки, поломничество, бродяжничество, административные коммуникации). Для информационного пространства города и села характерны закрытость и тенденция к изоляции на микроуровне.

В условиях модернизации расширяется число каналов обмена информацией, появляются периодическая печать, книгопечатание, почта, радио, телефон, телевидение и т. п. Они приобретают массовый характер, интенсивность обмена возрастает многократно, что формирует принципиально новую социокультурную среду, очень динамичную и вариативную, способствующую более активному распространению новаций.

Цивилизационной особенностью России выступает наличие культурного раскола как следствия достаточно радикальных петровских преобразований в культурной сфере, что затрудняло информационные коммуникации и снижало их эффективность. В XVIII—XIX вв. российская деревня и город фактически говорили на разных языках, что мешало установлению контактов. Примером тому могут служить судьба декабристов, их изоляция в ссылке или провал «хождения в народ», предпринятого народниками. Преодоление раскола требовало достаточно много времени. Значительную роль в этом сыграла система

образования и просвещения, созданная в XIX в., а позднее, в советский период, в качестве дополнения к ней — пропаганда и агитация, выполнявшие параллельно воспитательные и образовательные функции.

Интенсивность информационного обмена резко возрастает в середине — второй половине XIX в. в связи с развитием отходничества и сельской миграции. При этом необходимо подчеркнуть личностный характер информационных контактов. На какое-то время эти каналы берут на себя основную информационную нагрузку по импорту инноваций в сельскую среду.

Параллельно начинает оформляться и другой мощный канал обмена информацией — система общего образования, влияние которого усиливается в XX в. Особенностью этого информационного канала является то, что он ориентирован преимущественно на детей и юношество и выполняет функции формирования личности. Тем самым система образования оказывает пролонгированное воздействие, а кроме того, учитывая нормативно-регулирующее влияние на человека, его сознание и поведение, еще и моделирующее. Система образования, дополненная другими общественно-культурными практиками и институтами (печать, кино, телевидение, радио, компьютерные сети и пр.), в XX в. становится инновационным агентом культурных трансформаций, выступая транслятором той культуры, которая сложилась в городах, формируя внутренний социальный контекст урбанизационной перестройки, т. е. новый образ жизни.

На рубеже XX—XXI вв. факторная нагрузка агентов инновационного влияния/диффузий имеет тенденцию к изменению, поскольку в информационном обществе приоритет получают собственно информационные технологии и ресурсы, в том числе радио, кино, телевидение, глобальные сети. Если образование — это институт, организуемый и контролируемый властью, т. е. инструмент его влияния, то развитие медиатехнологий обеспечивает возможность приватизации информационного обмена, перевода его снова на частный уровень. В настоящий момент эти факторы можно рассматривать как определяющие и для формирования личности,

и для трансформации социокультурной среды. Феномен глобальной компьютерной сети и его влияние на современную жизнь — самое яркое тому доказательство. Образование как формальная процедура все больше отходит на второй план, а вперед выдвигаются факторы доступности и насыщенности информационного пространства и технологии самообразования.

Таким образом, по мере углубления трансформаций социокультурной среды сельского общества, развития урбанизации, роль факторов социокультурного развития меняется, расширяется состав и число информационных каналов и их мощность, что в конечном счете обеспечивает необходимый эффект — изменение не просто условий, а образа жизни сельского населения.

В данном разделе рассмотрим более подробно влияние школы, а также других культурно-просветительских учреждений — библиотек, клубов — на культурное пространство российской деревни, при этом учитывая, что зависимость между ними нелинейная: появление школы, клуба, библиотеки в деревне не сразу и не обязательно оказывает заметное влияние, но в результате обладает совокупным синергетическим эффектом.

5.1. Сельская школа в контексте урбанизации

Общество представляет собой сложную структуру согласованных элементов, тесно взаимодействующих друг с другом. Изменения в одном из них влекут за собой перемены в других подсистемах. Таким элементом в XVIII—XX вв. выступает образование. Оно во все времена обеспечивало сохранение и распространение культуры в обществе, но в условиях модернизации миссия образования как общественного института поднялась на новый уровень.

Функции образования связаны с формированием и воспитанием такого человека, который необходим для данного общества. Кроме того, образование решает задачи социального

контроля, внедряя в сознание подрастающего поколения приоритеты и ценности, одобренные государством. Оно выполняет социальный заказ общества и создает определенный тип личности, тем самым обеспечивая в обществе социальный порядок. Как отметил К. Мангейм, «образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества»³.

Для каждой стадии развития общества характерны свои особенности, связанные с функционированием системы образования как института. На традиционной стадии грамотность была привилегией элиты, и в обществе соответственно преобладали устные коммуникации. Система образования на этой стадии формируется и развивается как элемент культуры высших слоев общества, перерастая постепенно в явление городской среды, что предопределяет в дальнейшем роль школы как транслятора норм и ценностей собственно городской культуры. Развитие образования, в том числе школьного, происходит по схеме культурных кругов, постепенно расширяя свое влияние на новые социальные группы и пространства (столица — провинция — сельская местность).

Для индустриального общества характерен рост общего культурного уровня населения в результате распространения грамотности и внедрения принципов доступности и всеобщности образования. На этой стадии складывается такая система образования, которая охватывает все категории населения как в социальном, так и в пространственном плане: ее действие распространяется не только на городскую, но и на сельскую среду. Причем в сельской местности школа выполняет более широкий круг функций, чем в городе и выступает в качестве культурного, общественно-политического и социально-адаптивного центра, создавая вокруг себя зоны инновационного влияния.

Однако на этом этапе сохраняются социально-экономические различия в качестве образования, доступности достижений культуры (в том числе между городом и селом), влияющие на дифференциацию общества. Огромную роль в жизни общества начинают

играть пресса, радио, телевидение, кино и другие средства коммуникации, способствующие формированию феномена массовой культуры.

На постиндустриальной стадии в условиях дальнейшего развития систем коммуникации создается новая информационная среда, расширяющая возможности доступа к информации и достижениям культуры всех членов общества. Глобализация процессов культурного развития приводит в конечном счете к стиранию национальных черт и региональных особенностей культуры, что находит отклик в самом институте образования, где получают развития процессы стандартизации и унификации образовательного процесса. Болонская система — яркое тому свидетельство.

Таким образом, образование становится одним из важнейших информационных каналов модернизации общества. С одной стороны, оно транслирует культурные ценности и знания молодому поколению, формирует стандарты поведения и ценностные ориентиры, а с другой — выступает важнейшим актором трансформаций в зонах взаимодействия с другими подсистемами общества. Это достаточно четко прослеживается при анализе места и роли сельской школы, оценке ее влияния на сельский социум. Более того, формирование системы сельского образования можно рассматривать как один из признаков начавшегося процесса урбанизации сельской среды, во многом определяющего ее темпы и характер.

Вплоть до XIX в. обучение грамоте в деревенской среде осуществлялось через домашние формы. В уральских деревнях, к примеру, существовал обычай коллективного найма учителей⁴. В их роли выступали церковнослужители, деревенские писари, грамотные крестьяне. Деятельность таких школ была внутренним делом крестьянского мира и ориентировалась на практические потребности крестьянства, что, в частности, отражалось на программе обучения, включающей изучение алфавита, часослова, псалтыри. Впоследствии такие формы обучения крестьянских детей получили название «школы грамоты». Они существовали вплоть до 1917 г.

и представляли собой явление, выросшее из крестьянской среды и транслирующее тот объем знаний и навыков, который был востребован в сельском обществе, поддерживал его, но не развивал.

Начало формирования системы образования в России связано с принятием Устава 1786 г., по которому в губернских городах России открывались четырехклассные главные народные училища, а в уездных — двухклассные (малые народные) училища, куда решалось принимать всех желающих, в том числе детей крестьян.

В 1786 г. народное училище было открыто в Перми, а в 1789 г. в некоторых уездных городах Пермской губернии, в т. ч. в Екатеринбурге, Верхотурье, Ирбите, Шадринске. Одновременно с появлением народных училищ в городах граф Строганов в 1794 г. открыл народное училище в селе Ильинском⁵. В народных училищах обучались чтению, письму, счету, катехизису и Священной истории. Однако на этом этапе большого распространения инициатива власти не получила, так как нерешенными оставались как финансовые, так и кадровые проблемы⁶.

Следующий шаг был сделан в начале XIX в., когда в соответствии с Уставом 1804 г. в сельских поселениях при церковном приходе предлагалось создавать приходские училища для обучения детей, которые находилось на содержании прихожан. В Пермской губернии первое приходское училище открылось 1815 г., а следующие только в 1837 и 1839 гг. (байкаловская, буткинская, песчанская школы).

Всего в селах Российской империи в 1836 г. насчитывалось до 60 школ, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения⁷. Кроме них, создавались частные школы, а также получила развитие сеть учебных заведений удельного и духовного ведомства. Но в целом к середине XIX в. она оставалась исключительно редкой. К 1857 г. в Пермской губернии по сведениям «Списков населенных мест» насчитывалось 178 народных училищ⁸ и 72 приходских школы, половина которых размещалась в селах. Кроме того, в поселениях татар и башкир Пермской губернии, где имелись мечети, появляются «магометанские» школы, численность которых в 1859 г. достигла 51⁹.

Ситуация кардинально меняется во второй половине XIX в., когда начинает формироваться сеть начальных училищ. 14 июля 1864 г. было утверждено Положение о начальных народных училищах. Оно предоставляло право общественным учреждениям и частным лицам с разрешения властей открывать начальные школы, а также утвердило перечень предметов, обязательных для преподавания: «а) Закон Божий (краткий катехизис и Священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики, и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно»¹⁰. Все училища, в том числе Министерства народного просвещения, церковно-приходские школы и школы, содержащиеся прочими министерствами и ведомствами (например, горным), организуемые частными лицами и обществами, объединялись под общим наименованием начальных народных училищ.

Основным вариантом начальных народных училищ во второй половине XIX в. стали земские школы, которые представляли собой учебные заведения с двух- и трехлетним курсом, где дети, разделенные на отделения, одновременно занимались в общей классной комнате с одним учителем. В начале XX в. появляется двухкомплектная школа с четырехлетним обучением и двумя классами.

В школе преподавали народные учителя и приходящие законоучители-священники. Учебный день составлял 6 часов с двухчасовым перерывом на обед. Кроме чтения, письма и счета, детям давались знания по отечественной истории, географии, природоведению, арифметике и русской грамматике.

По данным статистики при открытии земства в Пермской губернии было всего 238 светских школ. В первый же год земство открыло 84 новых школы, затем еще 44, на третий год 33, затем 46 и, наконец, к 1876 г. их было уже 481, т. е. рост в среднем составил по 49 школ в год. Через десять лет, к 1886 г., численность училищ достигла 693. Далее идет «темное» пятилетие, когда за весь период было построено всего 22 новых школы. Только с середины 1890-х гг. вновь начинается активное учреждение училищ: с 1896 г.

в среднем за год открывалось по 44 школы и к началу 1902 г. в Пермской губернии насчитывалось 1 011 начальных учебных заведений¹¹.

Концепция земской школы весьма примечательна, так как впитала в себя многие передовые педагогические идеи своего времени. В числе наиболее заметных деятелей земского образования того времени были Н. А. Корф и Н. Ф. Бунаков, которым принадлежит также заслуга организации учительских съездов и курсов как форм обмена опытом и повышения квалификации учителей народных школ. Важнейшими принципами обучения в земской школе были доступность, демократизм, просветительство, стремление к комплексному развитию способностей ребенка. Земские школы, ставшие вполне привычным элементом деревенской среды, можно рассматривать как одно из наиболее значимых достижений пореформенной России.

Примечательно, что, несмотря на недостаток средств и небольшие возможности сельских обществ, за счет которых содержалось земское образование, для школ старались построить приспособленные здания. В результате в деревнях появляются каменные и деревянные школьные строения с интернатами, учебными классами и помещениями для учителей (рис. 11).

Наряду с земскими школами во второй половине XIX в. заметное развитие получили церковно-приходские училища. После отмены крепостного права широко обсуждался вопрос о передаче их Министерству народного просвещения, однако позиции церкви оказались достаточно прочными и еще более усилились в период правления Александра III. В 1884 г. были приняты Правила о церковно-приходских школах¹², согласно которым создавались как одноклассные (2-годичные), так и двухклассные (4-годичные) школы. К середине 1890-х гг. количество церковно-приходских школ в России составило свыше 31 тысячи¹³. Кроме них, в ведении Святейшего синода с 1881 г. были школы грамоты, что усиливало позиции церкви в системе сельского образования. Главным предметом в таких школах был Закон Божий, обучали также церковному

Рис. 11. Школа в с. Мурзинка Пригородного района Свердловской области. Фото автора. 2012 г.¹⁴

пению, церковнославянскому и русскому чтению, письму и начальному счислению. Кроме названных предметов, преподавались Священная и отечественная история, грамматика и арифметика. Детей учили служители церкви, не имеющие педагогической подготовки и использующие малоэффективные традиционные методы обучения. Только к концу XIX в. программа церковно-приходских школ начинает постепенно расширяться, приобретая более светский характер.

Сохранение позиций церкви в вопросах образования населения свидетельствует о незавершенности процессов секуляризации. В этом смысле церковно-приходские школы, как и школы грамоты, можно рассматривать в качестве элементов традиционной системы образования. Функции инновационных центров для них не были характерны, напротив, главная задача церковно-

приходских школ и школ грамоты была связана с формированием подданного, но не гражданина. Между тем именно в данной системе была разработана концепция сельской школы, многие положения которой сохранили актуальность поныне. Может быть, потому что в данном случае теория отталкивалась от практики, тех реальных особенностей сельской местности, которые накладывали отпечаток на образовательный процесс и которые необходимо было учитывать для получения учебного результата.

Речь идет об идеях профессора Московского университета, члена-корреспондента Российской академии наук С. А. Рачинского. С опорой на опыт работы церковно-приходской школы села Татево им была сделана попытка объединить и обосновать комплексный принцип сельского образования, включавший религиозное, нравственное, трудовое и профессиональное воспитание и обучение, и связать его с потребностями крестьянской семьи и сельской общины¹⁵.

С. А. Рачинского можно рассматривать как идеолога сельского образования, поскольку он не только выделил его особенности и характерные черты, но и разработал оптимальную образовательную модель для сельских школьников. Среди особенностей сельского образования он отметил слабое участие государства и церкви в развитии начального образования, а также естественно-религиозный (традиционный) характер сельской школы, влияющий на особенности программы обучения. Кроме того, С. А. Рачинский подчеркнул, что «девять десятых из учеников наших сельских школ не ходят в школу, а живут в ней. Деревни наши так разбросаны, ученики наши так малы и так плохо одеты, что лишь из одной, много из двух, трех деревень они могут ходить ежедневно в школу. Все живущие в деревнях более отдаленных приходят на целую неделю, с запасом хлеба, целый день сидят в школе или толкуются около нее, ночуют, где попало — в классе, церковной сторожке; более зажиточные — в особо нанятых квартирах: у причетников и т. д.»¹⁶. Отталкиваясь от этой особенности сельского образования, С. А. Рачинский предложил модель школы, которая работает целый день и круглый год, не только обучая крестьянских детей

основам знаний, трудовых навыков, религиозной культуры, но и воспитывая их в традициях крестьянской семьи. Большое внимание он уделял внеклассным мероприятиям — походам и экскурсиям к святым и памятным историческим местам, во время которых дети изучали родной край, собирали фольклор, обсуждали, записывали и зарисовывали увиденное; в школе ставились спектакли, проводились разнообразные праздники и др.

Данный опыт иллюстрирует особое место школы в деревенском сообществе, которое она достаточно прочно занимает уже в конце XIX в. Это не просто учреждение, это особый мир, открывающий и для детей, и для взрослых новые горизонты, расширяющий их кругозор и представления о мире, формирующий новые нормы поведения и ценностные ориентиры.

Сельская школа второй половины XIX — начала XX в. стала ядром социокультурного пространства российской деревни. По мнению Е. А. Калининой, именно образовательные учреждения в новых условиях начинают оказывать определяющее влияние на формирование личности¹⁷. С их появлением связано создание двухуровневого образовательного пространства, чего не было ранее, — организованного (формального) и неорганизованного (неформального).

Понятие организованного (формального) образования соотносится с существованием в обществе специальных учреждений и организаций, реализующих процесс обучения, и наличием определенных предписаний и образцов, устанавливающих «стандарт» объема, содержания знаний и навыков. Стандарт ориентирован на подготовку некоторого канона личности, востребованного государством. Неорганизованное (неформальное) образование основано на стихийном несистемном усвоении знаний и навыков, преимущественно эмпирического/практического характера, в процессе общения с окружающей социальной средой и самостоятельного приобщения к культурным ценностям. К педагогически неорганизованному уровню образовательного пространства относится семейная среда, а также воздействие локальных сообществ, в том числе крестьянской общины.

Сочетание этих двух уровней образовательного пространства очень важно, так как наиболее полно обеспечивает усвоение необходимой информации. Наличие только одного уровня имеет негативные последствия. Опыт работы закрытых учебных заведений, в которых общение ребенка с семьей и окружающим миром является ограниченным, показывает, что такое образование при всех его достоинствах мешает социализации личности и его дальнейшей адаптации в обществе. Неорганизованное обучение не дает необходимой системы знаний и навыков для полного раскрытия и реализации способностей человека. Основным источником познавательной и культурной информации в двухуровневой системе образования выступает педагогически организованная среда, т. е. учебная и внеучебная образовательная, а также воспитательная деятельность школы.

В российской пореформенной деревне народная школа стала не только образовательным учреждением, но и культурно-развивающим центром. Появление школ влекло за собой создание сопутствующих культурных учреждений — библиотек, изб-читален, народных домов. При каждой народной школе организуется народная библиотека. Получают распространение новые формы просвещения, в частности народные чтения: крестьяне коллективно вместе с учителем читали Библию, пели молитвы, слушали рассказы по истории России, жития святых, знакомились с репродукциями картин русских художников, вслух читали произведения А. С. Пушкина, Н. А. Крылова, обучались ведению огородничества, садоводства и пчеловодства, знакомились с последними событиями, происходящими в стране и мире.

Следует отметить также те социальные изменения, которые стали следствием развития школьной системы, — появление в крестьянской среде грамотной молодежи, часть которой затем поступала в учительские семинарии с целью стать народными учителями. Они могли говорить с крестьянами на их языке, пользовались их доверием и выступали в качестве трансляторов инновационных идей. Однако прикосновение к городской культуре для них

не проходило бесследно. Трех лет обучения в учительской семинарии было достаточно, чтобы приобщиться к знаниям и отдельным элементам городской культуры, но не усвоить их. В результате, как пишет С. А. Рачинский: «крестьянского парня... невозможно узнать. Общество юношей иных сословий, немецкое платье, французские танцы, быстрое усвоение всех внешних признаков образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской натуры, неизбежно и бесповоротно переводят его в разряд господ (в крестьянском смысле этого слова). Он вполне отпадает от крестьянской среды и, поступивши на место вдали от своей родины, прямо примыкает к среднему слою сельского общества, состоящему из духовенства, небогатых помещиков, кабатчиков и деревенских кулаков»¹⁸. При нищенском жалованье народного учителя в сельской школе поддерживать новый образ жизни они не могли, возможности поступления в учительский институт, чтобы повысить свой общественный статус и доход, были ничтожны. Все это толкало образованную крестьянскую молодежь на поиск других вариантов устройства вдали от села.

Этот эффект сельской школы — выталкивание способной молодежи из деревни — вновь напомнил о себе во второй половине XX в. Распространение в сельской местности средних школ, дающих возможность поступления в институты, спровоцировало усиление миграционных настроений. В этом состоит противоречивое влияние системы образования на сельский социум: чем выше общий уровень грамотности, тем мобильнее становится население, активнее разворачиваются миграционные процессы, опустошая деревню.

К началу XX в. в сельской местности сложилась система начального образования, включавшая министерские и земские школы, церковно-приходские училища, школы грамоты. На территории Пермской губернии в 1894 г. их насчитывалось 1 385, в т. ч. 851 «правильно организованная» и 534 — «неорганизованных»¹⁹. Следовательно, одна школа приходилась на 9 селений, что позволяет сделать вывод о достаточно плотном охвате сельских территорий школьными учреждениями. Результат развития сельского

образования иллюстрирует показатель грамотности новобранцев. Если в 1875 г. 87,1 % новобранцев Пермской губернии были неграмотными, то в 1902 г. их число уменьшилось до 48,5 %, т. е. их стало меньше половины. А число новобранцев, имевших диплом об окончании начальной школы, выросло соответственно с 0,25 % в 1874 г. до 18,7 %, почти в 70 раз²⁰.

Рассматривая процессы развития сельского образования, нельзя не отметить те проблемы, которые существенно его тормозили. К их числу относится крайне скудное финансирование народных школ, бедственное материальное положение народных учителей и, как следствие, их катастрофический дефицит. Даже после 1908 г., когда правительством была установлена норма оклада не менее 360 рублей в год, прожиточный минимум семьи народного учителя более чем в три раза превышал эту сумму²¹. Слабое финансирование отражалось на материальной базе школ, где не хватало учебного оборудования, пособий. Из-за недостатка средств школы часто ютились в непригодных помещениях, арендованных у сельского общества. Особой проблемой была посещаемость занятий крестьянскими детьми, из которых только треть проходила полный курс обучения²². А если учесть особенности Уральского региона с его низким уровнем заселенности, то из-за недостатка школ без образования оставались до 60 % детей школьного возраста, что влияло на общий уровень грамотности населения²³.

В целом, в начале XX в. социально-культурное пространство деревни характеризовалось следующими показателями: всего в деревнях Пермской губернии насчитывалось 1 151 церковь и мечеть и 2 027 школ разного вида. На 100 сельских поселений в среднем приходилось 14 школ (табл. 5.1). При этом обеспеченность школьными учреждениями существенно различалась в зависимости от уезда: наиболее высокими показатели были в Екатеринбургском уезде (68 школ на 100 поселений), где практически в каждом сельском обществе была открыта школа. Наименьшие показатели отмечены в Предуралье — в Оханском (4,9 школ на 100 селений), Пермском (6,4 школы на 100 селений), Соликамском (5,2 школы на 100 деревень) уездах, где преобладали мелкоселенная структура и низкая плотность расселения.

Таблица 5.1
Обеспеченность религиозными и школьными учреждениями сельской местности
Пермской губернии в 1908 г.*

Уезд	Сельские общества	Селения	Жители	Церкви	Мечети	Школы		
						мини-стерские и земские	церковно-приходские	школы грамоты
<i>Всего по губернии</i>	3 348	14 137	3 109 178	940	211	1279	366	382
Верхотурский	184	625	264 527	102	—	138	42	28
Екатеринбургский	244	340	417 017	124	18	149	43	42
Ирбитский	197	313	157 376	49	1	73	33	27
Камышловский	303	395	27 0348	94	—	118	35	34
Красноуфимский	297	582	283 747	86	47	117	35	25
Кунгурский	225	1269	132 672	37	2	72	9	39
Осинский	447	934	347 318	91	85	124	32	20
Оханский	383	3277	280 893	68	—	102	35	23
Пермский	240	2506	228 636	71	10	105	38	17
Соликамский	257	2577	255 360	74	—	71	23	38
Чердынский	265	890	117 244	52	—	90	17	39
Шадринский	306	429	353 950	92	48	122	24	50

*Источники: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губ.», изд. 1908/9 г. и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14.

В структуре школьного образования в начале века преобладали светские школы, церковно-приходские училища составили 18,1 %, а школы грамоты — 18,9 %, т. е. примерно в равных долях. В этой ситуации можно говорить о формировании светской системы сельского образования, позволяющей обеспечить решение задачи всеобщей грамотности населения.

Важнейшим достижением позднеимперского периода стало формирование такой системы сельских учебных заведений, которая реализовывала принцип 3-километровой доступности школ. Важно отметить еще один момент — адаптивную стратегию развития сельского образования в дореволюционный период. Сельская школа опиралась на сложившиеся традиции, учитывала специфику сельского образа жизни и в этом отношении выступала как его составная часть, вписываясь в существующую социокультурную среду и постепенно ее преобразуя.

Разнообразие вариантов школ, особенности преподавания и организации учебного процесса, опора на сельские органы самоуправления и учет их ожиданий — черты, свойственные адаптивной модели сельского образования. Указывая на особую роль сельской школы, С. А. Рачинский писал: «Исключительное положение наших сельских школ имеет громадное влияние на всю постановку нашего школьного дела. Оно дает родителям право быть чрезвычайно требовательными к учению, достаемому ценою столь явных неудобств; оно возлагает на школу разные виды ответственности, о которых не может быть речи в школах Западной Европы и южной России. Оно, по силе вещей, превращает сельскую школу из учебного заведения в воспитательное. Школа захватывает всю жизнь ребенка и становится великой силой, налагающей на него неизгладимую печать. Какую? Это зависит от духа школы, от ее организации, от лиц, ею управляющих»²⁴.

Появление школьных учреждений в сельской среде стало, с одной стороны, проявлением охвативших сельскую местность модернизационных процессов, а с другой, было непосредственно связано с созданием одного из социальных механизмов урбанизации,

благодаря которому происходит сближение городского и сельского социума, перенос культурных ценностей и формирование на этой основе более однородной социальной общности.

Эти процессы получили дальнейшее развитие в советский период благодаря преобразованию сложившейся в пореформенный период системы образования в единую централизованную иерархическую структуру, построенную полностью на государственных началах и находящуюся под жестким контролем государства. Уже в 1917 г. все школы были переданы в ведение Наркомата просвещения, осенью 1918 г. было принято Положение об единой трудовой школе РСФСР, которое утвердило единую двухступенчатую систему среднего образования с 9-летним сроком обучения: 1-я ступень — 1—5 лет обучения (дети 8—12 лет) и 2-я — 4 года обучения (12—17 лет). В качестве важнейшего принципа образования был выдвинут принцип всеобщего. Была поставлена задача ликвидации неграмотности населения, решение которой растянулось на 1920—1930-е гг. Накануне Великой Отечественной войны более 25 % сельского населения в РСФСР в возрасте от 9 лет оставались неграмотными²⁵.

С этого момента школьная сеть становится не столько элементом формирующегося гражданского общества, как в предшествующий период, сколько государственным инструментом воспитания и моделирования общественного сознания. Причем воспитательные функции на некоторое время вышли на первый план: для молодой советской власти важен был не столько образованный, сколько «правильно» думающий человек, убежденный сторонник социалистических преобразований, что подталкивало к экспериментированию, поиску новых форм обучения, отказу от традиций, в том числе от классно-урочной системы, оценок, предметного преподавания и т. п.

В 1920-е гг. структура школьной системы была уточнена: в частности, выделялась начальная школа 1-й ступени — 4 года обучения, основная школа — 7 лет, которая, в свою очередь, включала две ступени (4 и 3 года). Начальная школа являлась базой

для низшего профессионального образования, в том числе профшкол, фабзавуча. Основная школа 1-й ступени выступала основой для средних и профессионально-технических учебных заведений — индустриальных, сельскохозяйственных, педагогических и других техникумов. Старшая общеобразовательная школа (2-я ступень) давала возможность получить высшее образование. В качестве дополнения к данной системе для решения отдельных задач в области образования создавались дополнительные «чрезвычайные» органы, например отделы всеобуча, основной задачей которых была ликвидация неграмотности.

Сельские образовательные учреждения этого периода были представлены школами 1-й и 2-й ступени (школами крестьянской молодежи). В 1920 г. в Уральской области насчитывалось 6 052 учебных заведения с 445 349 учащимися, что свидетельствует о росте школьной сети в сравнении с началом века, в том числе и в сельской местности. И это несмотря на то, что в условиях гражданской войны многие школы закрылись или были разрушены, учителя разъехались²⁶. Сокращение численности школ наблюдается в голодные годы (1921—1922), затем начинается их постепенный рост. Часто школы создавались стихийно, по инициативе сельского общества, которое арендовало избу, покупало канцелярские принадлежности и просило прислать им учителя. Иногда крестьяне сами договаривались с учителем и открывали школу без ведома Наркомпроса. К 1927/28 г. школу в Уралобласти посещали уже 60—65 % детей школьного возраста.

Важно и то, что, кроме начальной школы, в сельской местности появляются школы повышенного типа, которые получили названия школ крестьянской молодежи (ШКМ) и давали семилетнее образование, открывая для сельских детей дорогу в техникумы. Первые школы крестьянской молодежи открылись в 1922/23 г. В первый год на Урале создали 11 ШКМ, хотя по плану предполагали открыть такую школу в каждом округе. В 1927/28 уч. г. их насчитывалось уже 66 с 6,6 тыс. учащихся. Тем не менее ШКМ не хватало, в 1928 г. пришлось отказать в приеме 26 % желающих²⁷.

Помимо общеобразовательных предметов, в учебные планы ШКМ включались предметы по агрономии. В период коллективизации эти школы были преобразованы в школы колхозной молодежи. Они просуществовали до 1934 г. как основные общеобразовательные школы на селе.

Советская школа с самого начала развивалась в условиях ограниченного государственного финансирования, отсутствия единых программ и учебников. Особенно сложно обстояли дела с кадрами, поскольку положение учителя оставалось очень трудным, а подготовка новых учителей в институтах и техникумах отставала от потребности в них.

Первоначально руководство Наркомпроса отказалось от обязательных программ и планов, они носили рекомендательный характер. Только в 1921 г. были выпущены учебники для семилетних школ, но для начальных они были непригодны. Только к 1927 г. появились обязательные для всех школ программы ГУС (Главного ученого совета).

Разработку единых программ подтолкнули процессы, связанные с введением всеобщего начального обучения, — задача сложная, к выполнению которой власть подошла не сразу. В 1925 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети», в соответствии с которым ставилась задача ввести повсеместно начальный всеобщий для детей 8—11 лет начиная с 1930/31 уч. г. Для этого требовалось строительство новых школ, увеличение финансирования. В деревне для этих целей в 1931 г. был установлен специальный налог — культсбор, часть которого шла на содержание школ. Сверх того, крестьянам приходилось оплачивать ремонт школы и прочие связанные с ее содержанием расходы путем «самообложения». Колхозные дворы в 1934 г. платили по самообложению от 5 до 20 рублей²⁸.

Дополнительным стимулом к развитию школьной сети послужило решение о начале коллективизации. В этих условиях роль школы стремительно возрастала, она стала рассматриваться как форпост социалистической идеологии в деревне. Несмотря на все

трудности реализации задачи всеобща, 25 июля 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором сроки введения обязательного начального обучения детей уточнялись: с 1930/31 г. предполагалось обучать всех детей в возрасте 8—10 лет, с 1931/32 уч. г. — детей 11 лет²⁹. В дополнение к нему вышли постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 и 14 августа 1930 г., в которых наркомпросам РСФСР и автономных республик предлагалось принять меры по укомплектованию существующей сети школ 1-й ступени с таким расчетом, чтобы на одного учителя приходилось не менее 42 человек учащихся. В редконаселенных местностях, где открытие нормальных школ 1-й ступени представлялось невозможным, в качестве временной меры местными органами народного образования допускалась организация передвижных краткосрочных школ³⁰.

За 1930/31 уч. г. количество начальных школ в РСФСР возросло на 10 700, главным образом в сельской местности. Соответственно увеличилось и число учащихся — почти на 2,5 млн человек. В 1932 г. было построено 984 начальных школы³¹. Открытие новых школ происходило в непригодных помещениях — домах выселенных кулаков, культовых зданиях. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г. средняя общеобразовательная школа была унифицирована — стала 10-летней с разделением на начальную (4 года), неполную среднюю (7 лет) и среднюю (10 лет).

Таким образом, главным итогом государственной политики в области образования в 1920—1930-е гг. было осуществление программы обязательного начального всеобща. Но произошли и серьезные изменения. Если до середины 1930-х гг. содержание школ в сельской местности осуществлялось за счет налогов, собираемых с крестьян, ввиду чего они имели какие-то рычаги контроля за развитием школьного образования, то во второй половине 1930-х гг. финансирование школ передается в местный бюджет, тем самым отстраняя сельское общество от непосредственного участия в этом процессе. С этого времени все вопросы открытия/закрытия школ,

их развития решались только через органы власти и сельсоветы, без учета мнения сельского населения. Свои последствия имело и введение единых программы обучения, восстановление классно-урочной системы, поскольку специфика сельской школы в них не учитывалась. В частности, несмотря на политехнизацию учебного процесса, активно проводимую в 1930-е гг., в деревенской школе произошел отход от традиционной для дореволюционной школы связи с сельскохозяйственным трудом.

Важнейшим направлением работы школы стало идеологическое воспитание молодежи, в том числе развитие пионерского и комсомольского движения, кружковая работа. В большинстве школ действовали политический, агрономический, антирелигиозный, шахматный, физкультурный кружки, радиосекции, направленные на воспитание нового человека.

Вплоть до конца 1930-х гг. школа продолжает оставаться основным культурным центром деревни, выполняя не только образовательные, но и просветительские, организационно-культурные и политико-идеологические функции. Представления об этом сохранились в памяти крестьян: «.. В Краснояре с 1917 г. школа была центром культуры (клуба еще не было). Здесь во время коллективизации проходили собрания. Делегатка Татьяна Анфимовна Дрягина (сторожиха сельсовета) и Александра Ивановна Высоковских организовывали в школе семейные вечера. Приходили все желающие. Приносили 2—3 самовара, женщины стряпали много сдобы, чай пили раза два, а пляски до первых петухов. В эти годы пропагандировалась смычка города с деревней. В школе был драмкружок. Режиссером был избач Симон Симонович Мишарин, а Александр Николаевич Бельков играл на гармонии... В школе убирали заборку между 1-м и 2-м классами, парты убирали. Учительская была там же. Вечером, когда постановка, она превращалась в гримерную»³².

Большая роль в социалистическом переустройстве деревни отводилась сельскому учителю, который должен был не только учить детей, но и рассматривался как ключевая фигура агитационной работы в деревне. Недаром в 1930-е гг. снимается достаточно

много фильмов, повествующих о борьбе с кулаками, становлении колхозного строя, где в качестве одного из героев выступал сельский учитель. Нельзя обойти вниманием знаковые картины конца 1930—1940-х гг.: «Учитель» (реж. С. Герасимов, 1939) и «Сельская учительница» (реж. М. Донской, 1947). Фильмы интересны тем, что презентуют особую роль школы в становлении новой деревни. В них представлены два основных идеологически одобренных образа сельского учителя. Первый — героиня Веры Марецкой — Варенька, наследница идей народников, приехавшая в село до революции по зову сердца с благородными намерениями нести «свет» знания крестьянским детям и устоявшая перед всеми трудностями, в том числе угрозами кулаков, ради своей мечты. Характерно, что в фильме, несмотря на его откровенно идеологический заказ, нашла отражение проблема диалога двух миров — городского и сельского. Молодой учительнице далеко не сразу удалось найти общий язык с крестьянами, завоевать их доверие, понять и принять крестьянскую систему ценностей.

Другой образ советского сельского учителя — Степан Лаутин, сыгранный Б. Чирковым. Вернувшись в родную деревню после учебы, чтобы работать учителем и строить новую жизнь, Степан становится одной из главных фигур деревни, уважаемым человеком, к которому все прислушиваются. Он не испытывает тех проблем, что Варенька. Ему знаком деревенский мир, он понимает, как нужно общаться с крестьянами (но не с любимой девушкой!). Функции политического вожака подчеркивает тот факт, что он учит взрослых колхозников, а не детей. Последние отходят на второй план и не определяют сюжета картины. Взрослых, сложившихся людей воспитать сложнее и важнее. В кинофильме школа — это не просто культурный, это политический центр деревни, куда идут со своими сомнениями, вопросами и получают нужные ответы. Эта новая роль школы как а г и т а ц и о н н о й п л о щ а д к и и определяла ее место в сельском социуме в 1930-е гг.

Однако уже в послевоенный период функции культурно-идеологического центра постепенно перемещаются из школы в клуб,

перед которым ставятся задачи не столько организации культурного досуга крестьян, сколько их идеологического воспитания. Соответственно функции школы несколько сужаются, ограничиваясь обучением и воспитанием подрастающего поколения. Она занимает свое место в идеологическом поле, работая преимущественно с детьми. Частично такие изменения были связаны с завершением кампании ликвидации неграмотности, где участие школы было принципиально важным, частично — с развитием системы культурно-просветительских учреждений на селе, в том числе активным строительством клубов.

В послевоенный период решается задача перехода к всеобщему семилетнему образованию, предполагающая оптимизацию сети школ за счет увеличения числа 7-летних и средних при одновременном сокращении начальных. До начала 1950-х гг. численность начальных школ существенно не менялась. А в ряде областей Урала наблюдается даже тенденция к росту их числа, как, например, в Курганской и Пермской. Всего по РСФСР в 1946/47 г. начальные школы составляли в сельской местности 79,4 % общего количества школьных учреждений, к 1952 г. их удельный вес сократился до 70,3 %, а 1960 г. — до 68,0 % (табл. 5.2). Одновременно выросла почти в два раза численность 7-летних и средних школ. Сокращение начальных школ шло частично за счет перевода их в 7-летние, но чаще они просто закрывались. Особенно активно этот процесс развернулся во второй половине 1950-х гг. в результате укрупнения колхозов.

В 1950-е гг. на первый план при решении вопросов развития сельской местности вышли проблемы экономии. Еще в 1930-е гг. при планировании обеспеченности сельской местности учреждениями культуры, здравоохранения, торговли стали использовать статистические критерии. Нормы утверждались в расчете на 1 тыс. населения. В 1950-е гг. в дополнение к ним стали учитывать правило: одна школа на сельсовет. Между тем в послевоенный период шли постоянные административные преобразования, связанные с укрупнением сельсоветов, неудивительно, что это правило часто

Т а б л и ц а 5.2

*Динамика развития школьной сети в сельской местности
Уральского региона и РСФСР в целом в 1946—1961 гг.**

Область (по уч. г.)	Всего школ	В том числе			Учащихся	Учите- лей
		началь- ных	7-лет- них	сред- них		
<i>РСФСР</i>						
1946/47	104 754	83 166	18 301	3 226	10 382 028	438 894
1951/52	105 749	74 265	27 266	4 083	10 567 860	533 506
1960/61	98 726	67 071	25 052	6 339	8 863 407	556 145
<i>Курганская</i>						
1946/47	1 523	1 298	200	24	116 412	5 169
1951/52	3 114	2 077	925	109	402 721	19 447
1960/61	1 392	1 012	314	60	113 101	6 906
<i>Молотовская (Пермская)</i>						
1946/47	2 204	1 885	273	45	170 852	7 532
1951/52	2 273	1 769	449	52	184 026	9 415
1960/61	2 448	1 880	460	93	207 122	11 533
<i>Свердловская</i>						
1946/47	1 786	1 525	239	22	149 405	6 136
1951/52	1 765	1 359	371	34	147 018	7 025
1960/61	1 606	1 156	380	65	156 716	8 455
<i>Челябинская</i>						
1946/47	1 251	1 085	143	23	98 821	3 705
1951/52	1 233	931	272	29	108 092	5 006
1960/61	1 241	889	285	66	124 884	6 678
<i>Чкаловская (Оренбургская)</i>						
1946/47	2 300	1 743	450	104	198 710	9 334
1951/52	2 323	1 491	709	119	222 272	11 491
1960/61	2 281	1 442	668	164	171 862	12 014

Окончание табл. 5.2

Область (по уч. г.)	Всего школ	В том числе			Учащихся	Учителей
		начальных	7-летних	средних		
<i>Удмуртская АССР</i>						
1946/47	1 293	1 055	202	35	138 890	5 617
1951/52	1 282	946	300	34	136 271	6 701
1960/61	1 246	866	292	81	128 534	7 936
<i>Башкирская АССР</i>						
1946/47	4 906	3 809	929	160	448 790	19 864
1951/52	4 863	3 476	1 202	178	447 257	23 506
1960/61	4 546	3 123	1 150	265	354 537	24 164

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1279. Л. 10—13; Д. 2012. Л. 8—10; Д. 3373. Л. 8—10.

нарушалось. Так, например, в Майорском сельсовете Сакмарского района Чкаловской области на 8 населенных пунктов имелись 3 семилетние школы (в дер. Майорское, Янгиз, Петропавловка) и 3 начальные школы (дер. Марьевка, Сумкин, пос. Салмышский)³⁴. Такая ситуация служила поводом к закрытию начальных школ. Для деревни это был первый сигнал к переезду семей с детьми на центральные усадьбы, ближе к школе.

1950-е гг. отмечены противоречивыми тенденциями: активное строительство новых школ с хорошими кабинетами, спортивными залами, соответствующих требованиям времени; укрепление школьной материальной базы; увеличение численности учителей и уровня их профессиональной подготовки, с одной стороны, с другой — общее сокращение школьной сети, ее централизация и унификация. Однако возможности сельской местности и города были неравными. Качество образования, и не только в начальных, но и в средних школах, не позволяло выпускникам сельских школ конкурировать с городскими школьниками при поступлении в вузы.

Все это снижало статус сельской школы, она не готовила своих выпускников ни к работе в деревне, ни к учебе в городе.

В 1966 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР принимают постановление «О мерах дальнейшего улучшения работы общеобразовательной школы», в котором ставилась задача перехода к 10-летнему обучению. В 1973 г. оно дополняется постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению работы сельской общеобразовательной школы», где был предложен комплекс мероприятий, направленных на совершенствование школьной сети в сельской местности и укрепление ее материально-технической базы. В каждом колхозе и совхозе планировалось организовать свою среднюю школу, в результате чего происходит дальнейшее изменение структуры школьной сети: продолжается закрытие малокомплектных начальных школ, расположенных в небольших деревнях. Детей переводили в школы, располагавшиеся по соседству, иногда за 5—10 километров. Так, например, в Пермской области в 1970 г. было закрыто 6 начальных школ. В пос. Лесная, в связи с закрытием школы, где училось 9 человек, учащихся перевели в школу пос. Мутная, которая находилась в 7 километрах. Шесть человек из верхнелуковской школы перевели в 8-летнюю школу Нижне-Луковска, до которой нужно было добираться 12 километров³⁵. При средних школах возрождается традиция организации интернатов. Если раньше, в 1950-е гг., в интернатах проживали только ученики старших классов, то сейчас такая необходимость возникла и для младших школьников, которых вынужденно отрывали от семьи и крестьянского труда. Ситуацию усугубляла нехватка мест в интернатах. В 1975 г. в Свердловской области только 46,7 % нуждающихся детей были обеспечены интернатами, в Челябинской — 54 %, в Курганской — 59,9 %³⁶.

Все эти мероприятия непосредственно повлияли на динамику развития деревни. Если в середине 1960-х гг. в сельской местности Урала преобладали начальные школы (в Свердловской области они, например, составляли 67,7 %) ³⁷, то уже в 1970-е гг. их число резко сокращается. Всего с 1965 по 1985 г. количество сельских школ на

Урале сократилось на 1 113 (т. е. каждая третья школа была закрыта). Ликвидация школ вела к росту миграции наиболее работоспособного населения, имевшего детей, а в ряде случаев и к полной ликвидации селения. Так, например, закрытие школы в деревне Нива Николо-Павловского совхоза (Пригородный район Свердловской области) привело к тому, что из нее выехало все трудоспособное население³⁸. Характерно, что проблема малокомплектности сельских школ так и не была снята. В результате сельской миграции и обезлюдения сельской местности в 80-е гг. XX в. наблюдается увеличение численности малокомплектных школ в категории восьмилетних и средних учебных заведений.

К началу 1980-х гг. в целом завершился переход к всеобщему среднему образованию, большинство выпускников сельских школ уезжали в город на учебу, но чаще пополняли ряды неквалифицированных рабочих. Формируя установки на городской образ жизни, сельская школа подспудно готовила выпускников к отъезду из села.

Система сельского образования, сложившаяся в 1930—1980-е гг., развивалась по собственным законам, слабо учитывая закономерности функционирования сельской местности. Характерной ее особенностью было и то, что адаптивная стратегия, свойственная сельской школе конца XIX — начала XX в., ушла в прошлое. Сельская школа как часть централизованной системы образования все более выпадала из социокультурной среды деревни, превращаясь в адепта городской культуры.

Децентрализованная поливариантная модель сельского образования позднимперского периода была заменена на унифицированную, централизованную советскую школу, в которой различия между городской и сельской разновидностями стремились свести к минимуму. Школы работали по одним программам, реализовывали сходные формы классной и внеклассной работы, не учитывая специфику сельской местности. В результате сельская школа советского периода не способствовала адаптации подрастающего поколения ни в деревенскую, ни в городскую среду.

На развитии системы сельского образования негативно сказалось отстранение сельского сообщества от вопросов его развития, а также отсутствие возможности выбора такого варианта организации сельской школы, который бы наиболее соответствовал местным особенностям. Социальный заказ наряду с государством могли формировать колхозы и совхозы, участвуя в управлении школой в качестве шефов, помогая ей материально. Но этот механизм не всегда срабатывал, поскольку на протяжении всех лет советской власти основная часть совхозов и колхозов были убыточными. Все это усиливало дезинтеграцию системы образования и сельского сообщества. Конечно, среди сельских школ можно найти многочисленные примеры творческого отношения к работе с сельскими детьми, но важнее другое: во второй половине XX в. сельская школа постепенно отдалялась от деревенской жизни, ориентируясь на выполнение сугубо внутренних задач.

К началу 1990-х гг. среднее образование перестало быть всеобщим и обязательным. Появились частные школы, альтернативные варианты получения образования за рубежом и т. д. Но все это было актуально для городских жителей крупных центров. На местах, в провинции и сельской местности, школа оказалась в очень тяжелой ситуации, без финансирования, без необходимого учебно-методического обеспечения, часто без учителей. Снижение уровня контроля со стороны государства за содержанием образования сопровождалось отказом от поддержки сельских школ, что было равносильно их закрытию. Удивительно, что даже в этих тяжелых условиях школы продолжали обучать детей и вести поиск новых направлений работы, позволявших сельской школе выжить.

Анализируя работу сельской школы в постперестроечный период, А. А. Горбушов выделил две разнонаправленные тенденции: «разрушение» и «созидание»³⁹. «Разрушение» связано с утратой сельской школой своих основных функций (образование и воспитание), сведением их к формальным вариантам работы, не обеспечивающим педагогический результат, который, по мнению А. А. Горбушова, способствует созданию активной и развивающейся

социокультурной среды в деревне. К числу депрессивных школ он отнес общеобразовательные учреждения сел Гаранина и Мурзинка, где нет кадров, не обновляется материально-техническая база, мало учеников. Наиболее реальная перспектива для таких школ — закрытие, что и произошло в Мурзинке. Основная причина упадка сельской школы — сокращение численности населения, безработица, разрушение культурно-исторических традиций деревни. И хотя школы существуют здесь очень давно, с XIX в., имеют интересную и богатую историю, на сегодняшний день они не могут принципиально влиять на социокультурную среду деревни, которая стремительно деградирует. К сожалению, таких примеров много.

Другая немногочисленная категория сельских образовательных учреждений, обозначенных А. А. Горбушовым как «созидающие», — это школы, которые нашли свое место в новых условиях. Здесь реализуются различные авторские инновационные программы с развитой внеурочной деятельностью (школа-клуб; детсад-школа-клуб; школа — кооперативно-фермерское хозяйство, школа полного дня, детская усадьба)⁴⁰. Они ориентированы на формирование активной познавательной мотивации учеников и опираются на поддержку сельского сообщества. К числу таких школ относятся средние учебные заведения сел Аять, Башкарка, Большая Лая, пос. Лобва, д. Лопаево, с. Новопаньшино, с. Петрокаменское, пос. Самоцвет, д. Усть-Утка, д. Южаково, с. Черемисское.

Особый интерес представляет образовательная модель, разработанная в арамашевской и махневской средних школах. Она получила название «школа — социокультурный центр» и предполагает тесное взаимодействие всех культурных учреждений села (школы, библиотеки, сельского клуба, музея), а также всех субъектов педагогического процесса (детей, родителей, педагогов, администрации). Школы имеют свой музей, атрибутику, проводят занятия для детей из близлежащих сел, где отсутствуют учебные заведения; выполняют функции сельских методических центров; выступают инициаторами многих образовательных проектов. В 2006 г. в с. Арамашево родители на собственные средства построили спортивный зал школы, где в настоящее время могут заниматься все желающие.

В результате такой инновационной активности школы снова берут на себя функции центра единого социокультурного пространства села, в котором поддерживаются традиции и все включаются в процесс воспитания и образования. Модель школы — социокультурного центра, по мнению А. А. Горбушова, позволяет выполнять культуросозидающую функцию в сельском социуме.

Подобный опыт развития сельских школ позволяет говорить о тенденции возвращения сельской школе ее функций инновационного культурного центра села, которые были для нее характерны в земский период и впоследствии утрачены. Предпосылками для этого является развитие самоуправления в сельской местности, которое вновь принимает на себя ответственность за судьбу деревни в новых, более сложных условиях. Подчеркнем, что речь идет о выживании сельской местности и сохранении ее социально-культурной идентичности. Ни клуб, ни библиотека не способны сегодня решить данной задачи, поскольку с ними конкурируют телевидение и Интернет. Заменить же школу пока нечем, никакие современные технологии не заменят учителя, что повышает ее конкурентоспособность в культурном пространстве, способствует актуализации ее инновационной функции. Сельская школа в условиях завершающей стадии урбанизации, условиях формирования информационного общества и субурбанизации получает новые функции и роли.

5.2. Роль сельских библиотек и клубов в модернизации культурного пространства деревни в XX в.

Помимо школы новым явлением в жизни российской деревни стало появление в XIX в. других культурно-просветительских учреждений, не свойственных традиционному обществу, — сельских библиотек, клубов, медицинских, торговых и бытовых учреждений. Одновременно происходит формирование новой коммуникационной среды, разрушающей изоли-

рованность сельского мира — сначала транспортной, а затем информационной (почта, телеграф, радио, телефон и т. д.) и культурной (книги и газеты, кино, телевидение).

Библиотеки и клубы наряду со школами выступают в качестве важнейших информационных каналов и способствуют распространению новых (городских) моделей поведения, норм и ценностей. Их внедрение в деревенский быт и культуру способствовало перестройке образа жизни крестьянства, в частности переходу от активной, созидательной модели культурного поведения к пассивной и потребительской, причем не только в сфере материальных благ, но и в духовной сфере.

Сельский клуб и изба-читальня (библиотека) выступали в качестве обязательных элементов колхозной деревни, они обеспечивали некий минимальный стандарт культурной жизни, своеобразную норму, к которой стремились и которая обеспечивала выживаемость деревни во второй половине XX в. Однако появились они в сельской местности задолго до колхозов и коммун.

Первые библиотеки открываются в сельской местности Среднего Урала еще в первой половине XIX в. Так, например, Ильинская публичная библиотека (с. Ильинское Пермской обл.) была создана в 1826 г. В «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» Н. К. Чупина находим: «...В 1830 г. была в Ильинском большая библиотека преимущественно из беллетристических книг, которою пользовались и жители г. Перми — чиновники... впоследствии часто можно было встречать в Перми разрозненные книги с ярлыками Ильинской библиотеки»⁴¹.

В «Материалах для описания развития народного образования в Пермской губернии», составленных В. Шишонко, отмечено, что библиотеки находятся почти при всех учебных заведениях и разделяются на основные и подвижные⁴². Библиотеки при казенных учебных заведениях финансировались за счет Государственного казначейства, остальные поддерживались благотворительными взносами от тех лиц, которые содержали училища. В 1860 г., т. е. накануне реформы, в губернии работали следующие библиотеки:

при Пермской гимназии; при уездных училищах: Пермском, Кунгурском, Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском, Ирбитском, Верхотурском, Соликамском, Чердынском, а также в Нижнем Тагиле. Кроме того, имелись библиотеки при всех 12 приходских училищах, находящихся в уездных городах, которые содержались на городские средства.

В селах (Верхнемуллинском, Ильинском, Добрянском, Лысьвенском, Кудымкорском и др.) Пермской губернии насчитывалось 9 библиотек и 29 — в заводах (Очерском, Нытвенском, Иргинском, Верх-Исетском, Шайтанском, Сысертском, Невьянском, Каслинском, Полевском, Нижнесергинском и др.). Они содержались за счет частных средств. Во всех библиотеках насчитывалось 6 253 названия книг и 14 802 тома⁴³. Кроме того, существовали библиотеки при монастырях, семинариях, а также несколько общественных библиотек в Кунгуре, Кушве, Нижнем Тагиле.

Таким образом, библиотеки рассматривались как «вспомогательные средства просвещения» и создавались вместе со школами, обеспечивая учебный процесс. Подобная практика имела место и в пореформенный период, став одним из направлений деятельности земств.

Первые земские библиотеки также создавались при школах (ученические и учительские), затем появились библиотеки для земских врачей, сельскохозяйственные, народные и, наконец, публичные. Тем не менее четкого порядка в открытии библиотек все же не было. Все они известны как земские библиотеки (содержались за счет земств).

Выделяются два типа земских библиотек:

- Земская публичная библиотека существовала в 2-х формах: 1) библиотека при земской управе, которая предназначалась для бесплатного использования книг земскими служащими и платного обслуживания остального населения. (Публичные библиотеки при земских управах находились в ведении Министерства внутренних дел и подчинялись общим правилам о публичных библиотеках, введенным в 1884 г.); 2) публичная

библиотека при земском училище, которая была доступна всему населению.

- Земская народная библиотека — библиотека, предназначенная для крестьян, рабочих и ремесленников, т. е. для простонародья. При чем с посетителей этих библиотек не было предусмотрено взимание ни залога, ни платы за пользование книгами. (Земские народные библиотеки, располагающиеся в отдельном помещении, находились в ведении Министерства внутренних дел и могли иметь абонемент, читальный зал — так называемые библиотеки-читальни; народные библиотеки при земских школах находились в ведении Министерства народного просвещения и имели только абонемент).

Народные библиотеки, помимо земств, открывались сельскими обществами, городскими думами, просветительскими организациями и частными лицами. В создании народных библиотек принимали участие меценаты. Например, известный книгоиздатель Ф. Ф. Павленков, умерший в 1900 г., оставил в завещании капитал на открытие в России 2 тыс. народных библиотек, получивших в народе название «павленковских». В течение четырех лет после его смерти было открыто 705 библиотек, в том числе в Пермской губернии. Так, например, Мартыновская сельская библиотека (д. Мартыновцы, Пермский край) появилась в 1904 г. В 1909 г. была открыта библиотека в с. Дмитриевском в числе других 12 библиотек-читален с пособием душеприказчиков Ф. Ф. Павленкова⁴⁴.

К началу XX в. сеть земских библиотек имела следующую структуру: 1) центральная (публичная) земская библиотека; 2) районные публичные библиотеки в наиболее крупных населенных пунктах уезда; 3) народные библиотеки-читальни и школьные библиотеки в каждом районе; 4) передвижные библиотеки.

Земства стремились приблизить радиус библиотечного обслуживания к школьному нормативу (3 версты). Ближе всего к созданию подобной библиотечной сети подошли Уфимское, Московское, Пермское, Олонецкое земства.

Сеть народных библиотек развивалась весьма активно. В 1902 г. в селениях Пермской губернии насчитывалось 320 библиотечных учреждений с числом читателей ежегодно до 50 тыс. человек и выдачей до 50 тыс. книг⁴⁵. К 1909 г. общее количество библиотек в сельской местности составило 551, в том числе в Верхотурском уезде 73 (11,7 библиотек на 100 селений), в Екатеринбургском — 36 (соответственно 10,6); Ирбитском — 37 (11,9); Камышловском — 55 (14,0); Красноуфимском — 30 (5,2 библиотеки на 100 селений)⁴⁶.

Обязанности библиотекаря чаще всего выполнял учитель, иногда писарь (если библиотека находилась при волостном правлении) или грамотный крестьянин (в народных библиотеках), очень редко — священник или земский врач. Учредить специальную должность библиотекаря с достаточной заработной платой могли только немногие земства.

В развитии библиотечной сети большую роль играли политические факторы, так как библиотеки рассматривались прежде всего как инструмент идеологического и нравственного воспитания. В частности, существовала официальная установка, что массовое открытие библиотек необходимо в двух случаях: в случае войны (или какого-либо стихийного бедствия) и в случае кампании по борьбе за народную трезвость. И действительно, наиболее активное создание народных библиотек приходилось на годы Русско-японской войны и Первой русской революции.

Под жестким государственным контролем находились и фонды библиотек. Ученым комитетом Министерства народного просвещения в 1888—1905 гг. и в 1912—1915 гг. утверждались списки разрешенных для библиотек книг. Их перечень в 1890-х гг. не превышал 3 тыс. наименований. Кроме классиков русской литературы, библиотеки комплектовались недорогими научно-популярными изданиями: «Беседы о законах и порядках», «Счастье и труд», «Предсказание погоды», «Первобытные люди Дебьера» (в пер. М. Энгельгардта) и др. Большим спросом пользовались беллетристика, историческая, географическая, естественно-научная литература. Популярна была и периодика: «Современное слово»,

«Крестьянское дело», «Природа и люди», «Вокруг света», «Всходы» и другие издания.

В 1888 г. статистиком Н. Л. Скалозубовым была опубликована статья «Внешкольные образовательные средства народа: книги и картины», в которой на основе выборочного исследования он охарактеризовал круг чтения крестьян Красноуфимского уезда. В частности, он изучил сведения по двум заводам (Шайтанскому и Саранинскому), трем крупным селам (Александровскому, Кленовскому, Быковскому) и семи «глухим» деревням (Березовке, Поташке, Богородском, Чистякову, Юве, Савинову, Алтыновскому). Оказалось, что интенсивность чтения по разным категориям поселений практически одинаковая. В общей сложности было зафиксировано 2 515 выданных в библиотеках экземпляров, из которых 45 % составляли книги духовно-нравственного (религиозного) содержания и 55 % — светского⁴⁷.

Оказалось, что круг чтения грамотных крестьян имеет свои особенности (табл. 5.3): жители заводов читали преимущественно литературу светского содержания. Крестьяне, проживающие в небольших деревнях, предпочитая духовные книги, в 43,6 % случаев останавливали свой выбор на светской литературе. Жители крупных сел (пригородных и трактовых) меньше всех интересовались светской литературой, хотя она все же составляла около 38,7 %. Достаточно интересное наблюдение, которое, по-видимому, объясняется тем, что жители крупных сел имеют более высокий уровень грамотности и более широкий круг читателей, в том числе женщин. Здесь книга становится привычным элементом быта: чем шире аудитория, тем шире разброс интересов. В небольших деревнях грамотных меньше, они читали более интенсивно, чем в крупных селениях и выбирали более светский круг чтения.

Таким образом, можно говорить о преобладании в крестьянской среде интереса к церковному чтению, что согласуется с традиционным сознанием. Круг светской литературы также вполне традиционен: романы и повести («Кавказский пленник» Л. Толстого, «Анекдоты, шутки и выходки Балакирева», «Пан

Т а б л и ц а 5.3

*Книги, читаемые крестьянами Красноуфимского уезда**

Тип поселений	Всего	Духовного содержания, %	Светского содержания, %
Заводы	860	20,3	79,7
Пригородные и трактовые села	774	61,3	38,7
Глухие деревни	881	56,4	43,6

* *Источник:* Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. 5. Пермь, 1893. С. 23.

Твардовский, польский колдун» и др.) — 31,5 %; сказки — 27,3 %, исторические романы и повести — 13,6 %, справочники — 5,7 %. Книги по сельскому хозяйству, медицине, географии, естественным наукам составляли примерно по 1 %⁴⁸. Выводы о преобладании традиционных ценностей подтверждаются характеристикой картинок, украшавших жилище крестьян Красноуфимского уезда: 44,6 % из них были духовно-нравственного содержания; 40,0 % составляли портреты членов царской семьи и события истории и только 15,5 % — иллюстрации к сказкам, песням, сюжеты из жизни и природы разных стран⁴⁹. Это были картинки в дешевом исполнении, появление их в качестве украшения крестьянских жилищ можно рассматривать с позиций формирования новых элементов быта, но в целом они отражали традиционную систему ценностей и интересов.

В 1900—1910-х гг., стремясь собрать «под одной крышей» различные формы внешкольного образования, земства стали открывать так называемые народные дома, которые включали народную библиотеку, подвижной музей пособий, диапроектор, сцену, зрительный зал, классную комнату, набор репродукций и скульптур (рис. 12). В каждом народном доме была устроена квартира для заведующего и была комната для прислуги. В некоторых случаях земства учреждали музеи-библиотеки, представлявшие собой упрощенную разновидность народных домов. В 1910-х гг. появляются избы-читальни. В отличие от обычных народных

библиотек, они имели в своих фондах преимущественно периодические издания.

Рис. 12. Народная библиотека, открытая в 1900 г. Село Мурзинка Пригородного района Свердловской обл. Фото автора. 2012 г.

Поступательное развитие культурно-просветительских учреждений в сельской местности прервалось в годы Гражданской войны, когда вместе со школами были закрыты библиотеки, народные дома. Возрождение этих форм культурной жизни произошло в 1920-е гг., но уже на новой организационной и идеологической основе.

После революции прошла реорганизация школьного и библиотечного дела, результатом чего стало формирование централизованной системы культурно-просветительских учреждений. Параллельно с созданием единой системы школьного образования формируется централизованная библиотечная сеть. 3 ноября 1920 г. Совнарком принял Декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР». В соответствии с ним все библиотеки независимо от их ведомственной принадлежности объявлялись общедоступными, связывались в единую библиотечную сеть РСФСР и передавались

в ведение Народного комиссариата просвещения⁵⁰. В декрете был прописан порядок комплектования библиотек книгами, создание Центральной распределительной комиссии при Государственном издательстве и библиотечных коллекторов, однако не определены обязанности государства в области библиотечного дела, в том числе по материальной поддержке библиотек. Это привело к тому, что постепенно принцип централизации библиотечного дела был подменен принципом ведомственной принадлежности библиотек.

Таким образом, за годы революции и Гражданской войны происходит сокращение численности библиотек, меняются их задачи. Если в период существования земств библиотеки выполняли преимущественно культурно-просветительские функции, то в советской стране они принимают на себя политико-идеологические задачи и превращаются в важнейший инструмент «воспитания» и «перевоспитания» крестьянства.

Размещение библиотек основывалось на административно-территориальном принципе: в сельской местности организовывались волостные библиотеки и избы-читальни; в некоторых уездах, помимо волостных и уездных сельских библиотек, предусматривалось создание районных библиотек (по одной на несколько волостей); для обслуживания небольших и отдаленных сельских населенных пунктов устраивались передвижные библиотеки (библиотеки-вагоны, передвижки, пункты выдачи книг).

Наиболее частым вариантом сельской библиотеки после революции стали избы-читальни. К 1920 г. на Урале действовало 3 640 изб-читален (в среднем на одну избу-читальню приходилось 39 книг)⁵¹. Они комплектовались произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, агитационно-пропагандистской и сельскохозяйственной литературой, периодическими изданиями. Здесь проводились громкие чтения, доклады, лекции, беседы по прочитанной литературе. Заведующими изб-читален назначались как правило члены партии. При избах-читальнях открывались школы ликбеза, различные кружки, устраивались концерты, спектакли.

В начале 1920-х гг. наметилась тенденция к сокращению сети библиотек. В среднем по РСФСР в 1922 г. по сравнению с 1920 г. эта сеть уменьшилась на 60—70 %. Для преодоления негативных тенденций в августе 1923 г. Совнарком принял постановление о развитии политико-просветительных учреждений, предлагавшее увеличить к сентябрю 1925 г. число деревенских библиотек с 7 до 9 тысяч. В циркуляре ЦК РКП(б) «Об улучшении положения политпросветучреждений» (сентябрь 1923 г.) говорилось: «...без избы-читальни, волостной библиотечной сети и массовой ликвидации неграмотности не может быть и речи о систематическом воздействии на деревню»⁵². С этих постановлений начинается процесс возрождения библиотечной системы. Сеть сельских библиотек в РСФСР возросла с 9,8 тыс. в 1925 г. до 12,1 тыс. в 1929 г. Их фонды увеличились с 15,4 млн до 19,5 млн экземпляров⁵³. Наряду со школой библиотеки активно участвовали в кампании ликвидации неграмотности, способствовали формированию новых социалистических ценностей среди крестьянства, обеспечивали агитационную поддержку мероприятий партии и правительства.

Кроме библиотечных учреждений, культурная жизнь села в 1920-е гг. характеризуется появлением клубов, которые занимались преимущественно театрально-эстрадной деятельностью. Сначала клубный бум охватил города, а к концу 1920-х гг. и сельскую местность. В конце 1920-х г. на Урале было открыто 718 учреждений культуры этого типа.

В сельской местности клуб нередко создавался на базе сельской школы: днем учились дети, а вечером школа превращалась в клуб, где ставили пьесы, организовывали оркестр, танцы⁵⁴. Клубы могли также открываться при избе-читальне. Все зависело от того, кто брал на себя функции организации досуга молодежи, но чаще всего это была школа.

В 1930-е гг. клубы выделяются в самостоятельные учреждения. Предпосылкой стало появление пустующих построек на селе (дома раскулаченных и церковные здания), которые приспособляли под клуб (рис. 13). Строительство специальных клубных зданий со зрительским залом, сценой, комнатами для кружков и библиотеки развернулось только в послевоенный период.

Рис. 13. Здание бывшего клуба. Село Краснояр (Ревдинский ГО)
Фото автора. 2003 г.

Несмотря на централизацию школьной и клубно-библиотечной сети и ее идеологизацию, развитие социально-культурной сферы деревни в 1920-е гг. во многом соответствовало той схеме, которая была заложена еще земскими учреждениями, что проявилось в сохранении инициативы крестьянских обществ в организации и поддержке культурно-просветительских учреждений, учете потребностей и интересов сельчан.

В 1930-е гг. в условиях массовой коллективизации возрастает административное давление на все сферы жизни сельского общества, происходит дальнейшее усиление централизации и административного контроля за деятельностью культурно-просветительских учреждений. Изменяются и принципы организации социальной инфраструктуры села: вводятся нормативы обслуживания сельской местности, в соответствии с которыми в зависимости от численности населения определялось, сколько библиотек, школ, торговых точек должно быть на территории сельсовета. В результате идет концентрация культурно-бытовых

учреждений в тех поселениях, где размещался сельсовет, т. е. в локальных центрах.

В связи с введением в начале 1930-х гг. в СССР нового административно-территориального деления перестраивается вся система школьного и библиотечного обслуживания в сельской местности. В частности, на базе бывших уездных и волостных библиотек создаются районные и сельские библиотеки. Для нужд коллективизации был основан специальный фонд «Книга — колхозам» и поставлена задача открыть к 13-й годовщине Октябрьской революции 400 крупных библиотек в районах коллективизации и в больших колхозах. В 1932 г. Наркомхоз и Наркомснаб СССР совместно с профсоюзами приняли постановление об организации в каждом совхозе стационарной библиотеки с полноценным книжным фондом и оборудованием.

Накануне коллективизации одна изба-читальня обслуживала на Урале в среднем 4,7 тыс. населения, за период 1930—1931 гг. число этих учреждений увеличилось на 300. В Уралобласти насчитывалось свыше 2 тыс. библиотек разного типа, тем не менее они имелись не во всех сельсоветах. По подсчетам В. Г. Чуфарова, 37 % сельсоветов их не имели совсем. В 1932 г. на одного сельского жителя на Урале приходилось 0,3 книги при республиканской норме 0,75⁵⁵.

В годы коллективизации появляются культурно-просветительские учреждения нового типа — колхозные библиотеки и клубы. Они открывались по инициативе колхозников и содержались на деньги колхозов. К концу 1937 г. в Свердловской и Челябинской областях насчитывалось более 2,5 тыс. изб-читален и 915 колхозных клубов⁵⁶. Усилилась и их политическая роль.

Главная задача культурно-просветительских учреждений определялась как идеологическое воспитание колхозников. Основными мероприятиями были беседы, доклады, лекции, получила развитие кружковая деятельность. Среди кружков преобладали политические, общеобразовательные, агротехнические, антирелигиозные, но встречались также спортивные, хоровые, танцевальные.

Все эти формы были ориентированы на создание новых представлений о культурных нормах, на формирование новой праздничной традиции.

В 1930-е гг. в культурную жизнь уральской деревни входит радио и кино. В клубах устанавливаются радиоприемники, строятся радиоузлы. К 1937 г. колхозы и МТС Свердловской области имели 25 радиоузлов и 2,4 тыс. радиоточек⁵⁷. Начинает формироваться киносеть. В 1930—1933 г. число киноустановок в уральской деревне возросло до 1027, большинство из них было передвижными⁵⁸.

Общее представление о динамике трансформации культурно-просветительской сферы деревни дает табл. 5.4. С 1927 по 1940 г. численность клубов в сельской местности Свердловской области выросла почти в 2 раза, сельских библиотек — в 1,4 раза, изб-читален — в 1,7 раза. Динамика численности учреждений культуры коррелирует с показателями количества колхозов и совхозов, стремясь к охвату основных субъектов аграрной сферы.

Таким образом, в 1930-е г. в жизни уральской деревни появляется много нового, что приводит к постепенной перестройке ценностных и мировоззренческих ориентиров ее жителей. Определенную роль в этом играло так называемое «шефство» работников искусства над деревней. На протяжении 1920—1930-х гг. на Урале сложилась система мероприятий — концерты, спектакли, беседы и лекции, целью которых было культурное обслуживание крестьянства. Художественная интеллигенция была призвана способствовать средствами искусства популяризации идей социалистического строительства и политическому воспитанию сельчан.

Особенно активно шефство развивается в годы коллективизации. Только в 1932 г. артистами Урала было организовано в сельской местности около 800 концертов⁵⁹. И хотя сами артисты относились к этой обязанности как к наказанию, тем не менее их влияние на сознание и поведение деревенского жителя было заметным. В частности, следует отметить смену поведенческой модели: в традиционном обществе крестьяне выступают носителями и деятелями народной художественной культуры. В новой ситуации

Т а б л и ц а 5.4

*Учреждения культуры в Свердловской области (в границах 1939 г.)**

Показатель	На 15.12. 1927 г.	На 1.03. 1933 г.	На 1.11. 1937 г.	На 1.11. 1938 г.	На 1.10. 1939 г.	На 1.10. 1940 г.
Всего клубных учреждений	575	809	1154	1375	1383	1297
В т. ч. на селе	519	Нет св.	926	1099	1101	1027
Избы-читальни	407	536	507	657	646	689
Библиотеки	810	465	955	1093	1128	1234
В т.ч. на селе	574	336	612	669	707	804
Киноустановки	—	—	—	451	545	518
Музеи	11	14	14	14	15	15
Театры	Нет св.	16	10	17	11	11

*Источник: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1162. Л. 43, 44.

они становятся п о т р е б и т е л я м и к у л ь т у р ы, и в дальнейшем эта поведенческая стратегия усиливается.

На рубеже 20—30-х гг. появляются постоянные передвижные творческие коллективы. Осенью 1929 г. был создан Уральский передвижной деревенский театр. Он обслуживал Ирбитский, Челябинский, Шадринский, Курганский, Троицкий районы. В декабре 1934 г. было принято постановление СНК РСФСР «О колхозных театрах», положившее начало созданию стационарных сельских театров. В 1933 г. в с. Далматово был образован колхозно-совхозный театр. Подобные театры были открыты в с. Верещагино в 1934 г., в 1935 г. в селах Аргаяш, Куртамыш, Алнашах и др. К началу 1940-х гг. в РСФСР работали 175 колхозных театров, на Урале — 17⁶⁰.

Оценивая комплексное влияние всех новых форм информационного и культурного воздействия на сельскую среду, которые появились в 1930-е гг., следует подчеркнуть, что они были нацелены на социалистическое преобразование деревни. Деятельность клубов, библиотек, изб-читален способствовала формированию

новой культурной среды, новых досуговых форм и неизбежно влияла на образ жизни сельского населения. Свою роль в этом сыграл кинематограф 1930-х гг. Хотя количество киноустановок было небольшим: в Свердловской области на 1 октября 1940 г. их насчитывалось 518, в основном они располагались в городской местности, но первое соприкосновение с «великим немым» уже произошло. Используя передвижные киноустановки, крестьянам демонстрировали агитфильмы, создаваемые киноиндустрией советской страны. Кинематограф 1930-х гг., как и послевоенного периода, выполнял роль мифотворца и был призван оправдать политику коллективизации, сформировать позитивное отношение к колхозному строю. Одновременно кино незаметно меняло представления о стандартах жизни, расширяя кругозор сельских жителей. Эффективность этого информационного канала определялась доступностью кино для сельских жителей.

Роль культурно-просветительных учреждений на селе существенно возросла в годы войны. В их задачи, помимо обычных дел, входило разъяснение сводок Совинформбюро, читка газет, проведение политинформаций о положении на фонтах. При каждой избе-читальне создавались агитбригады, в состав которых включались участники художественной самодеятельности.

После войны, в условиях усиления политико-идеологического давления, культурно-просветительские учреждения вступают в новый этап своего развития. В 1946 г. было утверждено новое Положение о государственном сельском клубе. В соответствии с ним при каждом сельском совете создавался клуб, в задачи которого входило разъяснение текущих политических событий, ведение научно-просветительной и агротехнической пропаганды, развитие военно-физкультурной работы, организация художественной самодеятельности и культурного отдыха трудящихся. Клуб должен был иметь зрительный зал со сценой, библиотеку-читальню, комнаты для кружковой работы, спортивную площадку. Таким образом, происходит перемещение культурного центра деревни из школ и изб-читален в клубы. Читальни не могли решать новый круг задач,

начинается их постепенное преобразование в клубы, однако оно проходило медленно и в основном завершилось в конце пятой пятилетки.

Важнейшим каналом урбанизации сельской местности в послевоенный период становится радио, превратившееся в 1950-е гг. в привычный элемент информационной среды. В 1949 г. было принято постановление Свердловского обкома партии о радиофикации колхозов области, эта программа реализовывалась параллельно с планами сплошной электрификации. К концу 1950 г. было радиофицировано 500 крупных колхозов области, а в 1951 г. радио имелось уже в 1 131 сельском населенном пункте. Благодаря электрификации расширялась и сеть киноустановок. В 1947 г. в Свердловской области функционировали 432 стационарные звуковые установки и 44 звуковые передвижки. Число сельских киноустановок на Урале достигло к концу пятой пятилетки 3 219. В 1958 г. их число выросло до 4 043⁶¹. Количественные показатели развития радио и киносети свидетельствуют о том, что уже к началу 1960-х гг. были созданы необходимые предпосылки для формирования принципиально новой социокультурной среды, так как была преодолена информационная изолированность сельской местности. Следует учесть и изменение характера медиакommunikаций, связанное с хрущевской оттепелью. Тематическое, жанровое разнообразие фильмов, радиопередач, постепенная переориентация газет из агитационно-пропагандистских изданий в информационные — все это усиливало эмоциональную составляющую информационных потоков, делало их более понятными, контактными для сознания сельского жителя.

В 1950-е гг. в развитии культурно-бытовой сферы советской деревни прослеживается ряд противоречивых тенденций: с одной стороны, складываются условия и предпосылки для расширения социальной инфраструктуры, преобразования ее в качественно новые формы, связанные с созданием многофункциональных учреждений культуры, строительством новых современных зданий. В условиях оттепели реализуются программы массового капитального

строительства в деревне: с середины 1950-х гг. начинается строительство зданий районных домов культуры, а с конца 1950-х их стали возводить на центральных усадьбах колхозов и совхозов. Число сельских клубов на Урале выросло в 1958 г. по сравнению с 1945 г. с 4 025 до 5 270, количество библиотек — с 1 960 до 4 106 (табл. 5.5).

Т а б л и ц а 5.5

*Динамика сети сельских учреждений культуры на Урале
в 1945—1958 гг.**

Показатель	1945	1950	1955	1958
<i>Уральский регион</i>				
Число массовых библиотек	1 960	3 283	4 814	4 106
Книжный фонд, тыс.	1 698,1	5 130,7	13 114,8	16 571,4
Количество клубов	4 025	4 977	4 963	5 270
Количество киноустановок	Нет св.	Нет св.	3219	4043
<i>Свердловская область</i>				
Число массовых библиотек	517	829	867	814
Книжный фонд, тыс.	416,6	1 030,4	2 747,6	3 808,8
Количество клубов	881	982	1 012	1 069
Количество киноустановок	Нет св.	Нет св.	852	1006

* *Источник: Толмачева Р. П. Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Урала (1946—1958 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни, 1917—1987 гг. Свердловск, 1990. С. 90.*

С другой стороны, формируется тенденция к концентрации и укрупнению культурно-просветительских учреждений, что неизбежно отражалось на их численности. Эта тенденция представляла собой реакцию на сокращение и концентрацию всей системы сельского расселения. Объективные процессы перестройки поселенческой сети были усилены политикой государства, в частности укрупнением колхозов в начале и конце 1950-х гг. Для поселений, оказавшихся на периферии, это грозило закрытием образовательных

и культурных учреждений, снижением их доступности для сельского жителя. В целом в РСФСР число колхозных библиотек сократилось с 22,2 тыс. в 1951 г. до 18,7 тыс. в 1955 г., уменьшилось и число колхозных клубов — с 32, 1 тыс. до 25,5 тысяч⁶².

Сокращение численности библиотек и клубов продолжается и в 1960-е, и в 1970-е гг. На смену закрывающимся мелким клубам на центральных усадьбах колхозов и совхозов возводятся дома и дворцы культуры — здания на 300—400 мест. Их изначально строили с расчетом обслуживания населения окружающих «неперспективных» деревень. К началу 1970-х гг. необходимый набор учреждений культуры и быта имели только 13 % сельских поселений. В результате обостряется проблема доступности объектов сельской культуры, которые уже вписались в сельскую повседневность. В 1970 г. на Урале 65,7 % сельских населенных пунктов находились на расстоянии 2 км от ближайшего клубного учреждения, 20,0 % — на расстоянии 5 километров⁶³.

Многое зависело от плотности расселения. Так, южные территории Урала, заселенные более плотно, обеспечивали и более высокий уровень доступности культурных и образовательных учреждений, Средний и Северный Урал — более низкий. В Свердловской области по состоянию на 1970 г. 89,6 % сельских поселений были обеспечены электричеством. На расстоянии свыше 3 км от начальной школы находились 29,2 % поселений, от клуба — 32,4 %, от больницы — 89,3 %, от медпункта — 40,7 %. Телефонной связью были обеспечены 80,1 % поселений, телевидением — 75,5 %⁶⁴.

В 1975 г. Министерство культуры РСФСР провело эксперимент по централизации клубного дела, инициатором которого снова выступила Свердловская область. Для «оптимизации и совершенствования» культурной работы было предложено создать с п о р т и в н о - к у л ь т у р н ы е к о м п л е к с ы (СКК). Они объединяли все имеющиеся учреждения — клубы, библиотеки, киноустановки — и работали под единым руководством. В 1976 г. в Свердловской области действовало уже 30 СКК. Всего за годы десятой пятилетки в Свердловской области было создано 45 СКК,

которые объединили 194 клубных учреждения, 134 библиотеки, 172 киноустановки, 285 красных уголков, 25 автоклубов, 10 детских и вечерних музыкальных школ, 6 музеев, 5 сельских филармоний и свыше 50 общеобразовательных школ. К 1980 г. в Свердловской области 40,5 % всех сельских клубных учреждений вошли в культурные комплексы и централизованные клубные системы⁶⁵. Опыт свердловчан был одобрен ЦК КПСС и получил дальнейшее распространение на Урале.

Таким образом, принцип доступности, который был в свое время взят на вооружение земствами, к 1970-м гг. оказался прочно забытым. Экономическая целесообразность стала приоритетным правилом организации социокультурной сферы села в ущерб доступности. Специфика сельской местности, где дисперсность расселения всегда оставалась характерной чертой, игнорировалось. В результате сельский житель с его потребностями и нуждами оказался в тени. Улучшение культурного строительства ради улучшения, а не ради человека стало характерной чертой того времени. Кризис клубной системы стал очевидным уже в 1970-е гг. Клубы более или менее успешно решали политико-идеологические задачи, но явно не соответствовали требованиям организации досуга сельских жителей в новых условиях. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, систематически проводившихся в эти годы⁶⁶. А в условиях кризиса 1990-х гг., когда в результате сокращения финансирования стали закрываться оставшиеся культурно-просветительские учреждения, ситуация еще более ухудшилась.

В 1960—1980-е гг. важнейшими каналами формирования урбанизированного образа жизни сельского населения становятся кино и телевидение. Свердловское телевидение начинает регулярно выходить в эфир с 6 ноября 1955 г. К концу 1950-х гг. около 30 % населения области имели возможность смотреть его передачи, в т. ч. в большинстве городов и рабочих поселков. На 1 января 1957 г. в регионе насчитывалось уже около 1 100 тыс. телевизоров и радиоприемников, в том числе 400 тыс. телевизоров, и это был ощутимый прорыв⁶⁷.

В конце 1960-х гг. на Урале телевизионные программы принимали 66,7 % сельских населенных пунктов, в том числе в Курганской — 91,4 %, в Оренбургской — 49,1 %. По данным социологического обследования, проведенного в 1970-е гг., в Оренбургской области телевизоры имели 83,6% семей, в Челябинской — 84,3%, в Свердловской — 78,6%⁶⁸. Наряду с позитивными моментами, вторжение телевидения в жизнь людей, по наблюдениям социологов, способствовало формированию пассивного восприятия культурных ценностей. Опрос жителей ряда сел Челябинской области показал, что 44,4 % из них предпочитали проводить свободное время у телевизора, а не принимать участие в клубных мероприятиях.

Таким образом, в условиях новой информационной среды вырабатываются новые стандарты культурного поведения и потребления. Однако сложившаяся в сельской местности система культурно-бытового обслуживания не могла в достаточной степени удовлетворить те потребности, которые формировались средствами массовой информации. Противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения оставалось одной из основных причин оттока сельского населения в города и деградации сельского образа жизни.

В 1990—2000-е гг. сельская библиотека и клуб оказались в достаточно сложных условиях, которые заставили искать новые варианты работы с населением. На изменение их места и роли в сельском сообществе оказали влияние два основных фактора: 1) муниципальная реформа, которая изменила организационно-правовые аспекты работы учреждений культуры на селе, поставив перед ними новую задачу — обеспечивать местную власть необходимой информационной поддержкой; 2) информатизация общества, расширившая возможности и функции библиотек как информационных центров. В настоящее время они выступают связующим звеном между читателями и информационными ресурсами района, области, страны, мира.

В завершение важно подчеркнуть, что город и село в некотором смысле символизируют разные стратегии отношения к окру-

жающей природе и миру — преобразующую и адаптационную. К сожалению, преобразование в советской практике часто было неотделимо от разрушения: построение нового связывалось с уничтожением сложившихся структур. В этом смысле «городская модель» урбанизации, реализованная в советский период, изначально несла в себе агрессивное начало. Если в начале XX в. преобладала адаптационная модель урбанизации села, не сопровождавшаяся разрушительными тенденциями, то во второй половине XX в. на первый план выходит другая стратегия — активно-преобразовательная, что приводит, как при любом наступательном процессе, к значительным жертвам и потерям. Только в начале XXI в. сельские культурно-просветительские учреждения вновь возвращаются к адаптационной стратегии взаимодействия с сельским сообществом, стремясь максимально учитывать потребности и интересы сельского населения. Как и в земский период, на первый план выходят информационно-образовательная и социализирующая функции.

6. ДЕРЕВЕНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

Для оценки уровня урбанизации возникает необходимость выделения некоторых объективных критериев. Это не просто. В частности, если оценка уровня урбанизации региона в целом базируется на соотношении доли городского и сельского населения, а также на характеристике поселенческой сети (формирование агломераций и прочих форм концентрации расселения), то применительно к более узкому сегменту — сельской местности — демографический показатель не работает. Поэтому возникает потребность привлечения других критериев. Наиболее простым и доступным вариантом выглядит использование показателей обеспеченности сельской местности учреждениями образования, здравоохранения, культурно-бытового обслуживания, плотности дорожного покрытия и пр. С одной стороны, они характеризуют состояние инфраструктуры сельской местности и приобщенность ее к благам цивилизации, а с другой — позволяют дифференцировать сельские поселения.

Между тем ценность этих показателей снижается из-за используемых в советский период принципов формирования инфраструктуры сельской местности, которая развивалась в соответствии с запланированными нормами обслуживания (на 1 тыс. человек) без учета специфики поселенческой сети. В результате на слабозаселенных территориях даже при соблюдении существовавших норм обеспечения учреждениями культуры, здравоохранения и образования доступность их могла быть на порядок ниже, чем в регионах с высокой плотностью расселения. Кроме того, нормативный пока-

затель не дает нам полного представления об уровне удовлетворенности потребностей населения.

Таким образом, система общепринятых статистических показателей позволяет судить лишь о внешних количественных характеристиках урбанизации сельской местности, но не отражает ее качественного состояния. Поэтому в дополнение к вышеназванным показателям необходимо использовать те, которые дают возможность оценить изменения в образе жизни населения, связанные с процессом раскрестьянивания.

Следует отметить, что само понятие «о б р а з а ж и з н и», имея обширную историографию, по мере изучения его конкретных вариантов постоянно уточняется. Более того, будучи междисциплинарным объектом исследования, образ жизни неизбежно дифференцируется с учетом предмета тех наук, которые им занимаются, — социологии, культурологии, демографии, философии, психологии, статистики, истории и пр. Среди сложившихся подходов к дефиниции данного понятия выделяются два основных.

1. **Социологический подход.** В его рамках прослеживается стремление структурировать, измерить базовые характеристики городского и сельского образа жизни: уровень и качество жизни; формы жизнедеятельности. Эти параметры позволяют с достаточно высокой степенью точности провести диагностику изучаемого явления. В дополнение к ним нередко вводится категория «общественное сознание»¹, позволяющая уточнить ментальные характеристики образа жизни городских и сельских жителей. В отличие от статистически измеряемых параметров, она не может быть оценена количественно, поэтому нередко возникают проблемы с ее верификацией.

2. **Психологический подход.** Связан с попыткой конструирования особых типов ментальности, свойственных городскому и сельскому населению. В этом случае город (село) рассматривается как социокультурное явление, носитель особых психических свойств (Э. В. Сайко, Т. И. Алексеева, В. Л. Глазычев), который порождает специфический стиль жизни, социальные

нормы и в конечном счете формирует особый тип мировосприятия. Для его изучения используются методы социальной психологии².

Существующие методологические подходы к изучению образа жизни, как правило, не учитывают его эволюционный характер и те изменения, которые связаны с формированием современных тенденций. Точкой отсчета в этом случае служит понятие традиционного образа жизни, которое практически не разработано в социологической науке, но исследовалось в философии, культурологии, этнологии в контексте понятия «традиционной культуры». Оно, в свою очередь, базируется на представлениях о народной культуре, которая подразделяется на исторически сложившиеся подтипы: городская, слободская, крестьянская культура — и соответствующие им уклады.

Следовательно, при изучении проблем эволюции образа жизни возникает потребность разграничить его в вертикальном (временном) и горизонтальном отношении, что, в свою очередь, влияет на уточнение социального контента понятия «урбанизация». Урбанизацию необходимо рассматривать как процесс модернизации, эволюции собственно городского образа жизни от его традиционного варианта к современному (с учетом всех промежуточных стадий) и создание некоторого общего стандарта, который реализуется и в городской, и в сельской среде, но не одновременно и с определенными вариациями. Трансформацию сельского образа жизни можно охарактеризовать как вторичный процесс, поскольку ее тренд и характер определяются влиянием не только факторов макроровня, но и контактной городской среды.

В целом эволюция городского и сельского образа жизни в условиях урбанизации протекает взаимосвязанно, с обоюдным влиянием друг на друга. Урбанизация первоначально охватывает городскую среду, способствуя появлению новых стандартов и условий жизни, которые соотносятся сегодня с понятием «городского образа жизни». В дальнейшем город становится источником его распространения и внедрения в границах контактного пространства, которое постоянно расширяется. Отличительными особенностями

эволюции сельского образа жизни являются ее запаздывающий характер, низкие темпы перестройки и сохранение в течение длительного времени традиционных черт, в том числе более тесной связи с окружающей природной средой, определяющей жизненные циклы сельской повседневности.

Показатели образа жизни выступают, на наш взгляд, наиболее корректной мерой уровня урбанизации села. Дополнительно к ним можно использовать показатели социальной структуры сельского населения и благоустроенности сельской местности. Они важны еще и потому, что все изменения в образе жизни носят пролонгированный, отсроченный характер, проявляются не сразу. Сначала меняются информационная среда, условия жизни (инфраструктура), а потом уже происходят перемены в сознании, поведении, повседневных формах деятельности.

Для разработки критериев оценки с помощью показателей образа жизни необходимо сначала его дифференцировать, т. е. выделить типы, формирование которых непосредственно связано с эволюцией образа жизни. Для этого важно определить кульминационную точку в эволюционном процессе, когда представлены все переходные типы; охарактеризовать каждый из типов сельского образа жизни, уточнив его социологические и, желательно, ментальные параметры.

В качестве кульминационной точки развития сельского образа жизни рассмотрим 1960-е гг., открывающие новый этап сельской урбанизации³, — время, когда разворачивается не только научно-техническая революция, перевернувшая производство, но и «бытовая революция», кардинально меняющая быт, формируется общество потребления, начинается информационная революция. Под их совокупным влиянием происходят перемены в образе жизни и городского, и сельского населения. В сельской среде этот процесс получил название «раскрестьянивания».

Долгое время раскрестьянивание оценивалось негативно — как утрата крестьянами социально значимых и даже нравственных качеств. Представляется, что однозначная оценка в этом случае

неуместна: это объективный процесс, очень сложный и болезненный, поскольку он затрагивает людей с их представлениями и жизненными установками. Побочным следствием урбанизации стала утрата некоторых традиционных ценностей (отношение к земле, общинный коллективизм и пр.) и переориентация на новые — индивидуализм, предприимчивость, рационализм. Все это входит в противоречие с устойчивыми представлениями о «правде», «справедливости», «долге» и усиливает эмоциональную составляющую оценочных суждений. Свою роль сыграли темпы и характер перестройки: в России все произошло очень сжато, на революционном надрыве (за 70 лет), в то время как в европейских странах этот переход осуществлялся на протяжении столетий. В результате мы имеем то, что имеем: незавершенность процесса урбанизации и целый комплекс проблем, связанных с деградацией сельской местности и сельского образа жизни.

6.1. Образ жизни как отражение уровня урбанизации села

В 1960-е гг. на фоне очевидных демографических и социокультурных сдвигов в советском обществе проблема раскрестьянивания выдвигается на первый план. По оценке В. А. Ильиных, качественные изменения традиционного уклада и культуры в деревне начались во второй половине 1950-х гг., а в 1970-е гг. произошло окончательное уничтожение общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры. Крестьянство при этом превратилось в новую социально-классовую общность — государственных сельскохозяйственных наемных рабочих, сменив свой социокультурный код⁴. Такой результат обычно связывают с антикрестьянской политикой государства. С другой стороны, считается общепризнанным, что важнейшим фактором раскрестьянивания выступает урбанизация⁵, и это придает всему процессу объективный характер, позволяет рассматривать урбанизацию

и раскрестьянивание как взаимосвязанные явления, где одно выступает составной частью другого.

Выделяя раскрестьянивание как тренд и основное содержание кульминационного этапа сельской урбанизации, необходимо отметить, что оно проходило очень неравномерно, постепенно охватывая разные социально-демографические группы крестьянства и дифференцируя их по образу жизни. В этом случае важно все: половозрастные и семейные характеристики населения, профессиональная занятость, уровень образования и доходы. Следует особо выделить место и роль личного (индивидуального или подсобного) хозяйства в формировании бюджета семьи и определенной модели потребления. Важны географические параметры: быстрее всего перемены происходили в сельской местности, расположенной в контактной зоне крупных городов, медленнее — в отдаленных районах. Учитывая все эти факторы, попробуем провести типологию образа жизни сельского населения, отражающую глубину процессов урбанизации и раскрестьянивания.

Для проведения типологии были привлечены такие признаки (параметры) образа жизни семьи, как: 1) демографический тип семьи; 2) уровень жизни; 3) источники формирования и размер дохода; 4) формы и направленность трудовой деятельности; 5) система потребностей и запросов сельского населения; 6) структура и объемы личного подсобного хозяйства. Доход формирует определенный уровень благосостояния семьи и определяет ее функционирование в сфере потребления. Демографический тип отражает семейные ролевые функции и демографическое поведение. При анализе трудовой деятельности большое значение приобретает ориентация сельских жителей на личное или общественное хозяйство, она оценивается в зависимости от той роли, которую они играли в формировании бюджета семьи. Комплексное исследование всех этих параметров на уровне первичной ячейки (семьи) необходимо для проведения типологии крестьянских семей по образу жизни. Нужные сведения содержатся в бюджетах населения (колхозников, совхозных рабочих)⁶. Постоянные бюджетные

обследования начали проводиться в СССР органами статистики с 1932 г. и продолжались вплоть до 1992 г., оставив после себя уникальный комплекс документов — первичные (опросные) и вторичные (сводные таблицы) бланки с комплексной информацией о доходах и расходах населения. Преимущества первичных бланков (форма 1 — «Бюджет колхозника», форма 2 — «Контрольная тетрадь статистика по бюджетам колхозников») состоят в том, что они содержат информацию не только о доходах и расходах, бюджете времени, но о семье, жилищных условиях, приусадебном хозяйстве, структуре занятости населения⁷. На основе статистического анализа бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г. и с учетом указанных выше параметров были выделены три основных типа сельских семей, отличающиеся по своему образу жизни: 1) традиционно-крестьянский, 2) колхозно-совхозный; 3) сельско-урбанизированный⁸.

- Традиционно-крестьянский уклад (I тип) определяется ориентацией сельской семьи преимущественно на внутрихозяйственную деятельность, т. е. на развитие личного хозяйства. Для данного типа семей характерны традиционные черты образа жизни, основанные на ведении многоотраслевого полунатурального хозяйства, которое играло решающую роль в формировании благосостояния семьи и определяло быт и досуг крестьян. Следует подчеркнуть, что к началу 1960-х гг. еще сохраняются немногочисленные единоличные хозяйства, избежавшие коллективизации, но уже как анахронизм. Поэтому в 1960-е гг. не они составляли социальный базис традиционно-крестьянского образа жизни, а другие — преимущественно пожилые семьи пенсионеров, не занятых в общественном производстве, а также неполные семьи и одинокие. Они имели низкий уровень доходов, что влияло на потребление и условия жизни. Удельный вес семей, ведущих традиционно-крестьянский образ жизни, составлял в середине 1960-х гг. примерно 12 %⁹.

- Колхозно-совхозный уклад (II тип) формируется в 1930-е гг. в условиях становления колхозно-совхозной

системы и отличается обязательным участием всех трудоспособных членов семьи в общественном производстве, которое определяет не только трудовую сторону образа жизни, но и дополняет традиционную систему ценностей новыми доминантами — приоритетом общественного над частным, коллективного над индивидуальным. Недаром основным рефреном перевоспитания крестьян в колхозников всегда было преодоление «частнособственнических мелкобуржуазных» пережитков в сознании крестьян. Для решения этой задачи были задействованы не только агитационно-пропагандистский, но и весь репрессивный аппарат государства, в том числе законодательство, в соответствии с которым незанятость в общественном/колхозном производстве расценивалась как тунеядство, т. е. уголовно наказуемое деяние. В послевоенный период колхозно-крестьянский образ жизни приобретает завершенные черты, получившие отражение в Примерном уставе 1969 г. К их числу можно отнести обязательную занятость в колхозном или совхозном производстве и зависимость от него в вопросах формирования бюджета, организации труда и отдыха.

К этой категории в первой половине 1960-х гг. на Среднем Урале относилось около 70 % хозяйств, в бюджете которых удельный вес доходов от личного подсобного и общественного производства примерно уравнивался, что безусловно влияло на структуру рабочего времени семьи. Основные работники в хозяйствах этого типа были заняты в общественном производстве и только в свободное время могли работать на своем подворье, неосновные (дети, пенсионеры) — в личном хозяйстве. В данной категории преобладали многочисленные семьи, относящиеся к демографическим типам: «супружеская пара с детьми», «супружеская пара с детьми и родителями», а также «супружеская пара без детей» и часть неполных семей, находящихся в расцвете своего жизненного цикла. На структуру потребления и быт данной категории семей большое влияние оказывают стандарты городской культуры. Приусадебное хозяйство остается многоотраслевым с обязательным содержанием на своем подворье крупного рогатого скота,

свиней и овец. Наряду с работой в колхозе или совхозе приусадебное хозяйство выступает наиболее значимым фактором, определяющим весь жизненный уклад колхозной семьи.

- **Сельско-урбанизированный уклад (Ш тип)**, к которому в 1960-е гг. относится примерно 18 % семей, отличается преобладанием внесемейных экономических интересов, не связанных с личным хозяйством и ориентированных исключительно на общественное производство, причем не обязательно колхозное. Формирование такой системы экономических интересов присуще преимущественно высокооплачиваемым категориям работников (административно-управленческий аппарат, механизаторы, животноводы), которые в большей степени были затронуты процессами механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда. Кроме того, в эту категорию попадают семьи сельской интеллигенции (учителя, специалисты) и семьи, не связанные с сельскохозяйственным трудом (торговля, почта, транспорт и др.). Получая относительно высокий денежный доход от работы в общественном производстве, они не зависели в такой степени, как остальные крестьяне, от личного приусадебного хозяйства, которое постепенно приобретает черты подсобного, вспомогательного производства. В первую очередь эти семьи отказывались от наиболее трудоемкой отрасли — разведения крупного рогатого скота, занимаясь преимущественно огородничеством, также постепенно его сворачивая. Данная категория хозяйств была наиболее подвержена влиянию процессов урбанизации и раскрестьянивания, которые охватывают не только быт, досуг, но и трудовую сферу жизнедеятельности семьи. Из демографических типов к этой категории относятся главным образом супружеские пары с детьми, неполные семьи молодого и среднего возраста, по уровню материального благосостояния примыкающие к средне- и высокообеспеченным слоям деревни.

Сельско-урбанизированный образ жизни начинает складываться во второй половине XIX в., но статистически значимый вес приобретает в 1950-е гг., а наиболее активно развивается в 1970—1990-е гг.

Как показывает анализ бюджетов, на дифференциацию семей по образу жизни, кроме отмеченных выше внутренних факторов, оказывают влияние также факторы внешнего порядка: экономическое состояние колхоза или совхоза; географическое положение населенного пункта по отношению к городу и доступность его, степень развития социально-бытовой инфраструктуры, в т. ч. сети транспортных коммуникаций. Так, в удаленных от городских центров деревнях традиционные черты сельского образа жизни более устойчивы, сохраняет свое значение личное хозяйство.

Изучение бюджетов колхозников первой половины 1960-х гг. дает нам представление об очевидном расслоении сельского населения по образу жизни и свидетельствует о глубоком проникновении элементов и стандартов городской культуры в жизнь сельчан и их ценностные ориентации, смене традиционных форм жизнедеятельности новыми. Необходимо учесть, что представленное выше распределение сельских семей по образу жизни отражает ситуацию, сложившуюся в Свердловской области — регионе с высоким индустриальным потенциалом, вступившем в стадию урбанизационного перехода еще в 1930-е гг., что влияет на интенсивность и глубину перестройки. В аграрных регионах распределение будет отличаться в сторону увеличения доли первого и второго типов и снижения удельного веса третьего типа.

- В 1980—1990-е гг. начинает оформляться новый тип сельского образа жизни — у р б а н и з и р о в а н н ы й (IV тип), отражающий следующую стадию перестройки, когда происходит разрыв с основной составляющей сельского образа жизни — сельскохозяйственным производством. Это семьи, проживающие в сельской местности, но полностью ориентированные на промышленное производство или сферу услуг. Для них характерна маятниковая миграция, отсутствие приусадебного производящего хозяйства, которое заменяется на «приусадебный ландшафт» или сад. Образ жизни таких семей не отличается от городского по условиям комфортности, доступности социокультурных благ. Появление данной категории семей частично связано с с у б у р б а н и з а ц и е й

(перемещением горожан в пригородную зону), частично — с дифференциацией сельского населения по уровню доходов и выделением сельских предпринимателей и бюрократии.

Таким образом, рассмотренные выше типы семей формируются в ходе эволюции сельской местности, их соотношение можно рассматривать как объективный критерий уровня ее урбанизации. Для первого этапа урбанизации характерно преобладание традиционно-крестьянского типа с единичными вариантами 2-го и 3-го типов; для второго этапа характерно стремительное сокращение доли 1-го типа (до 10—15 %) и преобладание удельного веса 2-го типа — колхозно-совхозного; на третьем этапе стремительно возрастает доля 3-го типа — сельско-урбанизированного, который постепенно становится преобладающим и дополняется полностью урбанизированным типом.

На материалах Среднего Урала подробнее охарактеризуем те изменения, которые произошли в образе жизни сельского населения и были связаны с развитием таких важнейших системообразующих элементов, как приусадебное хозяйство, доходы и модели потребления; труд и отдых, которые определяют наполнение образа жизни и его эволюцию.

6.2. Эволюция крестьянского хозяйства на Урале в XX в.

Основу сельского образа жизни составляет крестьянское хозяйство — особое явление, которое, с одной стороны, обеспечивает связь крестьянства с землей и сельскохозяйственной деятельностью даже несмотря на коллективизацию и профессионализацию сельской сферы, а с другой — определяет режим труда и отдыха. Кроме того, крестьянское хозяйство влияет на уровень жизни сельского населения на всем протяжении XX в., хотя его роль существенно меняется. Место личного хозяйства в структуре ценностей сельского населения и его деятельности определяет его жизненный уклад.

Дворохозяйство, состоящее из устойчивых элементов — семьи, жилых и хозяйственных построек, скота, птицы, земельного надела, сельскохозяйственных орудий, представляет собой определенный генотип. Оно тесно связано с хозяйственной деятельностью семьи и воплощается в конкретно-исторических вариантах, отвечая вызовам времени, будь то традиционное крестьянское хозяйство или хозяйство горнозаводских рабочих либо приусадебное хозяйство советского периода. Все они в своей основе представляют (д о м о) д в о р о х о з я й с т в о. Характерными чертами его выступают устойчивость, приспособляемость к конкретным историческим, социально-правовым условиям, функциональность, т. е. ориентация на выполнение жизненно важных для семьи задач — обеспечение продуктами питания и формирование бюджета. Несмотря на включенность дворохозяйства в существующую систему экономических, правовых и социальных отношений, оно имеет определенную самостоятельность и внутренние закономерности развития, основанные на использовании семейного труда.

В традиционном обществе повседневная жизнь подавляющего большинства населения протекала в деревенских общинах. Деревня представляла собой не просто населенный пункт, а хорошо отлаженный социально-экономический механизм, где различные виды экономической деятельности были согласованы друг с другом. Основной производственной ячейкой общины выступал крестьянский двор — многоотраслевое семейное хозяйство, самодостаточное и стремящееся к полному самообеспечению. Его основное направление деятельности было связано с земледелием, эффективность которого определялась технологиями, но в большей степени величиной земельного надела. Именно поэтому вопрос о земле оставался на протяжении всего периода XIX—XX вв. центральным. Следует подчеркнуть о б щ и н н ы й х а р а к т е р крестьянского землевладения, который накладывал отпечаток на ментальность и социальное поведение крестьян, а также на практику землепользования в XX в.

Пахотные и внутридеревенские земли представляли собой общий земельный массив общины. Рядом со своим домом каждый

крестьянин имел небольшой участок земли. Вокруг жилой части деревни, занятой усадьбами, располагалась пашня, нарезанная на участки, которые в основном обрабатывались по принципу трехпольной или двухпольной системы. При общинной форме наделения земель крестьянину трудно было вести хозяйство по своему усмотрению: все производственные операции санкционировались деревенским сообществом. Кроме пашни, в деревне имелись общинные пастбища, общине принадлежали также пустоши и леса.

Величина земельного надела определялась наличием свободных земель и экономическими возможностями семьи, т. е. соотношением работников и иждивенцев (трудопотребительский баланс). В Пермской губернии обеспеченность землей колебалась от 0,3 до 2 десятин на душу населения. Наиболее высокий уровень обеспеченности наблюдался в западных и южных уездах, ниже — в северных и восточных уездах губернии. Так, например, в Екатеринбургском уезде в среднем на одного человека приходилось 0,36 дес. пахотной земли; в Верхотурском уезде — 0,4; в Камышловском — 1,55; Ирбитском — 1,65; Красноуфимском — 1,6; Шадринском — 2,0¹⁰. В результате в Екатеринбургском и Верхотурском уездах производство зерна было недостаточным и не обеспечивало внутренние потребности населения, проблема решалась за счет ввоза зерна из производящих уездов — Шадринского и Красноуфимского.

Низкие урожаи в Пермской губернии были следствием не только природно-географических условий, но и используемых примитивных орудий труда и технологий. Так, например, в начале 1870-х гг. земские статистики отмечали, что, несмотря на распространение 3-польного севооборота, во многих случаях в хозяйствах продолжали использовать вальную и переложную системы. Вальная обработка применялась на участках, расположенных рядом с деревней: хозяин возделывал землю каждый год, удобряя ее по возможности. Переложная — вдали от усадьбы, где земля использовалась до полного истощения, а потом забрасывалась¹¹. Основными орудиями труда оставались соха, бороны и серп с косой.

Зерновые преобладали в структуре посевов и составляли основу питания. В дополнение к зерновым культурам крестьяне обычно выращивали картофель, имели небольшой огород, который снабжал семью необходимыми овощами. Животноводство более активно развивалось в южных уездах Пермской губернии. В среднем на одно дворохозяйство в Верхотурском, Екатеринбургском, Камышловском, Ирбитском уездах приходилось 2,3 лошади, 2,3 головы крупного рогатого скота, 3,1 овец, 0,5 свиней, т. е. животноводство носило подсобный характер¹².

Таким образом, в своей экономической деятельности крестьянский двор в середине XIX в. был ориентирован на внутренние потребности, что, однако, не исключало постепенного втягивания его в товарно-денежные отношения. По мере их развития двор все более обрастал экономическими связями, причем не только в рамках общины, но и в межселенном, а также сельско-городском плане. Расширение объемов товарного производства в крестьянском хозяйстве носило вынужденный характер и было результатом развития аренды, налоговой системы, товарообмена между городом и селом. Одновременно с ростом товарности сельскохозяйственного производства шло развитие промыслов и отходничества как способов получения добавочного дохода. Но они были ориентированы на то, чтобы свести концы с концами и не перерастали в разновидность предпринимательства. Особенно это было свойственно беднейшим слоям деревни.

Таким образом, товарность крестьянского хозяйства регулировалась потребительским семейным характером крестьянского производства, использованием примитивных технологий, не позволявших получить высокий прибавочный продукт, а также отсутствием рынка свободной рабочей силы. Расширять производство, опираясь только на возможности семьи, было невозможно, требовалось привлечение дополнительных рабочих рук, а в условиях относительной однородности крестьянства это было затруднительно. Одним из наиболее распространенных способов компенсации недостатка рабочих рук в крестьянской среде оставались

«помочи», т. е. производство работ с помощью соседей, но не за плату, а за угощение и взаимную отработку. Чаще всего к использованию «помочи» прибегали богатые крестьяне¹³.

Крестьянское хозяйство вплоть до начала XX в. сохраняло преимущественно семейный и натуральный характер, использовало традиционные технологии. Экономический статус дворохозяйства определялся трудовым потенциалом семьи. Типичный крестьянский двор состоял из двух или трех поколений кровных родственников, которые полностью обеспечивали его функционирование как производственной системы. Дворохозяйство представляло собой не только экономический, но и социальный организм, поскольку определяло положение семьи и ее главы в общине. В качестве главы обычно выступал отец или старший по возрасту мужчина¹⁴.

Традиционная деревенская община начинает исчезать в России с проведением столыпинских преобразований, однако в большинстве регионов, в том числе на Урале, общинная модель аграрной экономики, основу которой составляло крестьянское хозяйство, сохранилась вплоть до конца 1920-х гг. По данным В. П. Данилова, среднее крестьянское хозяйство РСФСР в 1920-х гг. состояло из 5 человек с 2—3 работниками, имело в непосредственном пользовании 12 дес. земли, одну лошадь, одну-две коровы¹⁵.

Коллективизация изменила эту ситуацию самым кардинальным образом: в хозяйственном отношении сельский мир распался на две части — общественное (государственное или колхозное) крупное производство и личное хозяйство крестьянина, которое только внешне напоминало традиционное крестьянское подворье начала XX в. Крестьянское хозяйство теряет свой статус и становится составной частью колхозно-совхозной системы, его размеры строго регламентируются Примерным уставом, а налоговые и административные ограничения препятствуют развитию товарной направленности. Для этого нового варианта крестьянского хозяйства было введено новое обозначение: его стали называть приусадебным хозяйством, а впоследствии — личным подсобным хозяйством,

что наглядно иллюстрирует изменение его социальной и экономической роли.

Обратимся к уточнению понятия «приусадебное хозяйство», поскольку это важно для понимания произошедших перемен. Его происхождение связано с таким явлением, как усадьба. Она, в свою очередь, представляет собой своеобразное ядро традиционного крестьянского хозяйства. В Инструкции по применению положения о социалистическом землеустройстве (СУ, 919, № 39—40) усадьба определяется как «участок земли определенного размера, занимаемый жилыми и хозяйственными постройками и служащий одновременно для других хозяйственных надобностей»¹⁶. Представление о крестьянской усадьбе нашло отражение в Земельном кодексе 1922 г., где она характеризуется как специфическая форма землепользования. Усадьба принадлежала членам крестьянского двора, и без их согласия переделы, отрезки и какие-либо изъятия усадебных земель не могли производиться.

Размеры усадьбы в соответствии со ст. 126 Кодекса устанавливались сельским обществом, земля распределялась на основе уравнительного принципа с учетом имеющихся земельных фондов. Оптимальный размер усадьбы в большинстве случаев не превышал 0,5 га и лишь в местах с развитым хуторским землепользованием мог достигать 1—2 га. Фактически же площадь усадьбы могла существенно варьироваться, это зависело от планировки поселений. Если по каким-то причинам размер усадебной земли был небольшим, то это учитывалось при нарезке полевого надела, т. е. существовала практика компенсации недостатка или излишка усадебного надела в сравнении с установленными нормами за счет других земельных угодий¹⁷.

В 1930-е гг. в условиях социалистического преобразования российской деревни и обобществления пахотных земель усадьба за колхозным двором сохранялась. Традицию усадебного землепользования изменить было сложно, даже невозможно. Проще было принять и включить усадебное хозяйство в систему колхозного производства, узаконив его и придав ему статус подсобного.

По Примерному уставу сельхозартели, принятому в 1930 г.¹⁸, усадьбы относились к категории общественных земель, но оставались в пользовании семей. По решению правления колхоза размеры усадьбы могли быть изменены, что уже само по себе нарушало традиции землепользования, существовавшие в предшествующий период.

Таким образом, первичной моделью приусадебного хозяйства колхозного крестьянства и сельского населения в целом послужила скорее всего усадьба, выступавшая основным пространственно-организационным элементом традиционной деревни. С другой стороны, тот вариант приусадебного хозяйства, который формируется в 1930—1980-е гг. с учетом его функций и структуры можно охарактеризовать как разновидность дворохозяйства, которая складывается в 1930-е гг. в связи с социалистическим переустройством деревни. Несмотря на произошедшие за годы советской власти перемены в земельном строе, дворохозяйство, или в соответствии с терминологией нового времени — приусадебное хозяйство, заняло свое определенное место в колхозной системе. Правда произошло это не сразу, потребовалось время, чтобы доказать его необходимость и жизненность.

В Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1930 г. усадебные участки допускалось оставлять в единоличном пользовании, хотя на практике встречаются многочисленные примеры обобществления и усадебных земель. В начале 1933 г. приусадебные наделы на Урале имелись только у 54,6 % колхозных дворов, к концу 1933 г. — у 76,4 %. В 1932 г. средний размер приусадебного участка здесь составлял всего 0,06 га, в 1934 г. — 0,12 га¹⁹.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. закрепил право колхозников на получение земельного участка, который выделялся колхозному двору под личное хозяйство. В этом документе впервые был обозначен предельно допустимый размер надела от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га. Одновременно на нормативном уровне подтверждался принцип уравнительного землепользования; кроме земельных участков

под посевы, колхозники могли пользоваться также покосами и выпасами для содержания скота²⁰. Размеры приусадебных наделов, закрепленные Уставом, чаще всего превышали собственно усадьбы колхозников. Например, средняя площадь усадьбы в деревнях северных районов Урала, по данным С. А. Дектерева, составляла всего 0,3 га, центральных — 0,31 га, южных районов — 0,22 га²¹. Подобная ситуация была характерна для большинства Нечерноземных районов, Поволжья, старообжитых территорий Центра России и др. В некоторых колхозах Пермской области в связи с густонаселенностью усадебные участки не превышали 0,15 га на хозяйство²².

В этих случаях дополнительно к усадьбе, если ее размеры были меньше установленных норм, колхозникам предоставлялись полевые наделы, которые использовались для выращивания зерновых, картофеля, овощей. Такой механизм обеспечивал необходимую для хозяйственной жизни гибкость в соответствии с меняющимися возможностями и потребностями семьи. В результате приусадебное хозяйство колхозника (колхозный двор) выходит за рамки усадебного надела, воспроизводя в уменьшенном виде структуру традиционного крестьянского хозяйства. Таким образом, соотношение усадебного и внеусадебного наделов зависело от двух факторов — площади усадьбы и установленных в нормативных актах максимально возможных размеров приусадебного участка.

Одновременно с определением статуса и размеров колхозного двора решался вопрос с приусадебными хозяйствами работников совхозов. Здесь возникало много сложностей, в том числе идеологического плана. В 1920-е г. считалось, что в социалистических хозяйствах недопустимо создавать условия для возрождения частнособственнических настроений. В соответствии с постановлением ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (СУ, 1919, № 6, ст. 46), принятым в 1919 г., рабочим и служащим государственных сельскохозяйственных предприятий запрещалось «заводить в хозяйствах собственных животных, птицу и огороды». Только в 1933 г. постановлением СНК СССР было разрешено выделять постоянным

рабочим совхозов земельные участки под индивидуальные огороды в размере не свыше 0,25 га на семью. В 1934 г. было принято решение и о возможности приобретения скота в индивидуальное пользование. В 1936 г. уже более половины постоянных рабочих совхозов в СССР имели свой скот, около 70 % — огороды²³.

Таким образом, в течение 1930-х гг. формируется новая модель дворохозяйства сельского населения — п р и у с а д е б н о е х о з я й с т в о, которое воспроизводило основные черты крестьянского хозяйства более раннего периода, но вместе с тем имело другую правовую и социальную основу. «Приусадебное хозяйство» становится понятием, отражающим различные социальные варианты индивидуального (семейного) землепользования. В частности, можно выделить три основных варианта: колхозный двор, приусадебное хозяйство работников совхозов, а также индивидуальные хозяйства горожан (садовые и огородные участки). Они различались размерами и механизмами землепользования и регулирования.

Для колхозного двора, который формируется на базе традиционной деревни (подворный принцип организации территории), было характерно деление земельного надела на два и более участка: 1. Усадьба с жилыми, надворными постройками и огородом. Размер усадьбы определялся в соответствии с существующими нормами отвода земли под застройку. В 1930—1950-е гг. в большинстве случаев он не превышал 0,20—0,35 га, в последующий период сокращается до 0,10—0,15 га. Площадь усадьбы практически не менялась и не подлежала дополнительному регулированию. 2. Полевой надел, который отводился правлением колхоза на отдельном поле и использовался в основном под картофель, реже — под другие культуры. Этот надел утверждался общим собранием колхозников в соответствии с заявками дворов в дополнение к усадебному наделу и зависел от степени трудового участия семьи в колхозном производстве, а также от потребностей семьи колхозника. Площадь полевого надела могла меняться и выступала в качестве объекта регулирования. Внеусадебные земли подлежали переделу фактически в соответствии с общинными традициями.

Помимо земель под посадки колхозному двору выделялись на общественных землях покосы, которые, как и полевой надел, могли перераспределяться. Реализацию прав колхозника на пользование полевым наделом и покосами обеспечивал колхоз, а точнее, его правление, от позиции которого во многом зависело благополучие колхозного двора.

Практика разделения приусадебной земли на два участка — усадьбу и полевой надел — сохраняется на протяжении всего советского периода, но с течением времени претерпевает определенные трансформации. В традиционных поселениях, не подвергшихся реконструкции, по мере снижения роли подсобного хозяйства в формировании бюджета происходит постепенное сокращение и ликвидация полевого надела. В перспективных селах с многоэтажной и многоквартирной застройкой идет сокращение и ликвидация усадебного надела, а точнее, он преобразуется в приквартирный участок, который нередко выносили за пределы селитебной зоны, в этом случае происходило слияние собственного усадебного и полевого наделов.

При организации совхозного подворья реализуется другая модель приусадебного хозяйства. Это в первую очередь касается совхозов и совхозных поселков, которые стали возникать в результате нового строительства. Еще в 1930-е гг. формируется новый тип поселения — совхозный поселок. Характерной чертой его стал отказ от индивидуального дворохозяйства и внедрение в практику жилищного строительства домов на 2—4 семьи, общежитий, а позднее, в 1960—1970-е гг., и многоэтажных домов. Совхозные поселки проектировались и создавались как поселки городского типа. Совхоз выделял своим работникам земельный надел, основная часть которого приходилась на полевой участок. Под собственно усадьбу отводилось от 0,06 до 0,12 га. Такая модель землепользования обеспечивала более жесткий контроль поземельных отношений со стороны дирекции и государственных органов, в том числе возможность внеэкономического воздействия на работников совхозов посредством регулирования земельных наделов.

Индивидуальное хозяйство рабочих и служащих, проживающих в городах и рабочих поселках, характеризуется наименьшей площадью земельных наделов — до 0,15 га, которые нарезались на отведенном и закрепленном за предприятием земельном массиве. Получили развитие две основные разновидности землепользования горожан: 1) сад и 2) огород. В первом случае участок передавался в постоянное пользование городской семьи, на нем разрешалось возводить постройки (садовые домики, хозяйственные помещения) и выращивать овощи, ягоды, фрукты. Во втором — участок отводился во временное пользование на общем поле и предназначался под овощные культуры и картофель без права возводить сооружения и сажать плодово-ягодные культуры. Площадь садового участка составляла в городской черте 0,04—0,06 га, вне города могла достигать 0,12 га²⁴. Индивидуальное землепользование рабочих и служащих, как и хозяйственная деятельность, подвергались наиболее жесткой регламентации и контролю²⁵.

В законодательных документах нашла отражение еще одна форма индивидуально землепользования — служебные наделы. Они выделялись работникам железной дороги, предприятий связи, лесного хозяйства и леспромхозов. Величина надела для всех категорий, за исключением леспромхозов, составляла до 0,25 га. Работники леспромхозов получали земельные участки от 0,5 до 0,75 га (Земельный кодекс РСФСР, ст.110—111)²⁶. Это достаточно специфическая форма, но по механизму землепользования она близка к совхозному приусадебному хозяйству, поэтому нет оснований для выделения ее в качестве отдельного типа.

Хочется отметить, что приусадебное хозяйство сохранило многие традиционные черты. По сути, это была модификация трудового крестьянского хозяйства, подверженного влиянию внутренних и внешних факторов, среди которых важнейшими были политика и право, устанавливающие верхние пределы производственных показателей, а также трудопотребительский баланс семьи и тип поселения. Итак, под воздействием внутренних и внешних факторов на протяжении 1930—1980-х гг. шел процесс постепенного

свертывания и изменения организационной структуры приусадебного хозяйства. Обеспечивая жизненно важные потребности семьи, приусадебное хозяйство как в жизни сельских жителей, так и в жизни горожан играло принципиально значимую роль, возроставшую в условиях экономического кризиса.

Основная тенденция развития приусадебного хозяйства в 1930—1980-е гг. связана с общим сокращением размеров земельных наделов, усложнением структуры землеустройства, ограничением животноводства и других форм хозяйствования, ориентированных на рынок. Это осуществлялось под влиянием как внешних факторов (политика), так и внутренних (демографические процессы и изменение образа жизни сельского населения).

Отношение к приусадебному хозяйству как временному, переходному явлению было свойственно органам власти на протяжении всего изучаемого периода. И это неоднократно приводило к попыткам ускорить процесс его ликвидации. Постепенное свертывание приусадебного хозяйства (как по размерам, так и по структуре) стало одним из наиболее ярких проявлений насильственного раскрестьянивания.

Уже во второй половине 1930-х гг. предпринимаются шаги по ограничению личного хозяйства колхозников. Наиболее значимым в этом отношении мероприятием стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.²⁷, в результате которого условия приусадебного землепользования были существенно ужесточены. Превышение установленных норм земельных наделов стало рассматриваться как уголовное преступление: «Разбазаривание и расхищение земель идет по линии незаконных прирезок, мнимых разделов семей, либо в порядке прямого наделения колхозников приусадебными участками за счет полевых общественных земель колхозов... Разбазариванию способствует и неразбериха в земельном хозяйстве колхозов, когда приусадебные участки и общественные земли колхоза перемешиваются между собой...»²⁸ Чуть позднее постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП (б) от 28 июля 1939 г.

приусадебные наделы рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, были ограничены до 0,15 га включая площадь под постройки.

Постановления 1939 г. породили первую массовую кампанию по переделу приусадебных участков. Так, в Свердловской области у колхозников и единоличников было изъято в 1939 г. около 10 тыс. га земли²⁹. В дальнейшем мероприятия по контролю приусадебного землепользования в сельской местности проводились достаточно регулярно, хотя и не всегда качественно. В определенные моменты ревизии приусадебного землепользования превращались в массовые кампании, приобретая широкий общественный резонанс. Можно выделить несколько дат, когда мероприятия по проверке размеров земельных участков колхозников осуществлялись наиболее активно: 1939, 1946, 1954, 1956, 1964 гг. Регулярность их проведения является отражением того, что нарушение норм землепользования носило не случайный, а закономерный характер, усиливаясь в периоды кризисов, когда подсобное хозяйство становилось основным способом выживания.

Наиболее распространенные нарушения приусадебного землепользования в этот период были связаны с превышением установленных законодательством норм. По сведениям источников земельные наделы как у колхозников, так и у рабочих и служащих нередко превышали их в 1,5—2 раза. Так, в 1949 г. в Пермской области земельными наделами от 0,5 до 0,7 га пользовались 2 105 дворов (1,15 %)³⁰. В 1952 г. в этой же области было выявлено 15 640 нарушений на площади 1 057,31 га³¹. Изъятые земли возвращались колхозам, хотя здесь было все не так просто. Нередко отрезки были фиктивными. В отчете писалось одно, а на практике земля сохранялась за прежними пользователями. И действительно, проблема отрезков приобретала трагическое звучание, поскольку изъятые у крестьян земли в результате не обрабатывались, зарастали сорняками и выбывали из сельскохозяйственного оборота.

Нельзя не отметить и еще одну важную цель правительственных решений — ограничение роста индивидуального землепользования и формирование тенденции уменьшения земельных наделов. Контрольные мероприятия нередко дополнялись другими, непосредственно нацеленными на решение этой задачи. Так, в связи с принятием постановления Совета Министров СССР от 26 марта 1954 г. «О порядке рассмотрения заявлений колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности на территории колхозов, об уменьшении размеров приусадебных участков» по районам и областям прошла проверка землепользования, в ходе которой одновременно рассматривались заявления на сокращение участков. Например, по Пермской области за 1954 г. было подано 1 764 заявления, выявлено 3 392 случая нарушения правил землепользования, возвращено колхозам 160 га земли³².

Количество «возвращенных» колхозам в 1950-е гг. земель не поражает воображение своими масштабами, как это было во время кампаний 1939 и 1946 гг. Что же происходит? Сокращается число захватов или, наконец, система учета достигла должного уровня? Думается, что ни то ни другое. Видимо, наблюдается проявление объективной по своей сути тенденции, связанной с общим сокращением приусадебного пользования в силу прежде всего демографических причин, уменьшением численности сельского населения.

Роль постановления 1954 г. в эволюции приусадебного землепользования достаточно слабо изучена. С одной стороны, оно характеризует позицию властей на сокращение индивидуального землепользования, с другой, видимо, ту реальную практику, которая отражала потребность определенных категорий сельского населения в уменьшении участков. Семья, не имея достаточного количества рабочих рук, подчас не в состоянии была обрабатывать даже те небольшие наделы, которые полагались ей по уставу. А так как размеры налогообложения зависели от размера надела, то заинтересованность в официальном сокращении участка была прямая. В постановлении впервые был предложен механизм пересмотра приусадебных наделов.

Таким образом, созданная в конце 1930-х — начале 1950-х гг. система регулирования колхозного дворохозяйства была направлена на сокращение приусадебного землепользования, но в еще большей степени этот результат достигался за счет увеличения налогового бремени. Введенное в 1939 г. налогообложение колхозного двора не учитывало его реального экономического состояния и рассчитывалось исходя из размеров закрепленного за хозяйством земельного надела и его посевной структуры. В 1940-е гг. средняя ставка сельхозналога устанавливалась в размере 8,5 руб. с сотки, что составляло примерно 770 руб. на двор³³. Помимо сельхозналога были введены натуральные повинности, которые также рассчитывались с «сотки». В Московской области, например, крестьянский двор в течение года сдавал в среднем мяса 41,3 кг, молока — 237 л, шерсти — 1,03 кг³⁴. В Свердловской области в 1950 г. было уплачено налогов в среднем 529, 2 руб., что было выше, чем в Оренбургской области и Башкирии, но ниже, чем в среднем по РСФСР³⁵.

После смерти Сталина начался непродолжительный период спокойного развития индивидуальных хозяйств: понизились налоги, выросли закупочные цены, с 1958 г. крестьянские хозяйства были освобождены от обязательных натуральных поставок — все это благотворно отразилось на состоянии приусадебных хозяйств. Но уже с 1958 г. началось очередное наступление на личные хозяйства колхозников, работников совхозов и городских жителей. Особенно оно затронуло животноводство, но отразилось и на размерах приусадебных наделов³⁶. По состоянию на 1 января 1963 г. средние земельные наделы в приусадебных хозяйствах существенно сократились и составляли в среднем по Уралу от 0,2 до 0,3 га, а по отдельным регионам, например Курганской и Челябинской областям, и того меньше³⁷. Постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» способствовало временному смягчению основной тенденции, земельные наделы колхозников, рабочих и служащих были опять восстановлены до прежних размеров³⁸.

В дальнейшем право на ведение приусадебного хозяйства (которое в этот период начинают называть личным подсобным хозяйством) было закреплено в новом Примерном уставе колхоза, принятом в 1969 г. Устав подтвердил максимальный размер земельного надела под приусадебное хозяйство (до 0,5 га, включая земли, занятые под постройки). Размер участка определялся общим собранием, его могли варьировать с учетом количества членов семьи и степени их трудового участия в общественном производстве³⁹. В этой редакции Примерного устава впервые проговаривается механизм предоставления земельного надела в сельских поселениях нового типа с многоквартирной застройкой. Около жилых домов (квартир) участок мог выделяться в меньшем размере (0,06—0,12 га), остальная часть надела выносилась за пределы селения.

Земельный кодекс РСФСР 1970 г. закрепил сложившуюся на протяжении предшествующих десятилетий практику индивидуального землепользования для всех категорий населения⁴⁰. Граждане могли получить в индивидуальное пользование участки земли только на основании решения администрации сельскохозяйственных предприятий, промышленных предприятий или учреждений, которые выступали в качестве основных землепользователей. При этом устанавливались следующие нормы: для колхозников (в соответствии с Уставом колхоза) — до 0,5 га; постоянным рабочим, специалистам и служащим совхозов — до 0,3 га на семью; рабочим, служащим, специалистам, проживающим и работающим в сельской местности, — до 0,25 га; рабочим, служащим, пенсионерам, инвалидам, проживающим в сельской местности, — до 0,15 га (ст. 66).

Несмотря на пророчества партийных и государственных руководителей об обреченности приусадебного хозяйства и его скором исчезновении, приусадебное землепользование продолжало развиваться и в 1970-е, и в 1980-е гг., хотя и не совсем ровно. Во второй половине 1970-х гг. оно получило определенный стимул к расширению в связи с принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих и коллективном

садоводстве и огородничестве», а позднее Продовольственной программы. В этот период приусадебное хозяйство окончательно утвердилось в качестве подсобного, и необходимость его была признана не только экономистами, но и политиками.

Динамика численности приусадебных хозяйств достигает своего максимума к 1977 г. и затем начинает снижаться, что было вызвано в большей степени уже не политическими решениями, а процессами обезлюдения сельской местности. При этом если показатели доходности приусадебного хозяйства сельских жителей (колхозников и работников совхозов) имели тенденцию к снижению, то аналогичные показатели горожан, напротив, к росту. По состоянию на 1 ноября 1979 г. в РСФСР в пользовании населения (34,7 млн семей) находилось 7,83 млн га земли. Приусадебные участки имели 99 % колхозников, 39 % рабочих и служащих, проживающих в городах, поселках городского типа и сельской местности. Средний размер приусадебных участков составлял у колхозников 0,32 га, рабочих совхозов — 0,21 га, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, — 0,17 га⁴¹. Роль личных подсобных хозяйств в обеспечении населения продуктами питания оставалась достаточно высокой. Так, например, доля сельскохозяйственной продукции, произведенной в ЛПХ в 1979 г., составляла: картофель — 59 %, овощи — 31 %, плоды и ягоды — 53 %, мясо — 30 %, молоко — 29 %, яйца — 33 %⁴².

Таким образом, приусадебное хозяйство длительное время рассматривалось как явление временное, чуждое социалистической природе советского общества. Соответственно и политика по отношению к нему была ориентирована на его постепенное свертывание и ликвидацию. Вместе с тем отказаться полностью от индивидуальных форм хозяйствования и землепользования власти не могли в силу их экономической целесообразности и эффективности и, что, пожалуй, еще более важно, — закономерности существования. Приусадебные хозяйства занимали свою экономическую нишу и заменить их в системе продовольственного обеспечения населения на протяжении всего периода советской истории было нечем.

Используя материалы бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г., попробуем реконструировать структуру и основные направления деятельности приусадебного хозяйства этого периода, выделить основные закономерности его функционирования. При характеристике необходимо учитывать не только внешние влияния (политика, право), которые формировали общую тенденцию к ограничению индивидуальных хозяйств. Большую роль продолжали играть внутренние факторы, свойственные приусадебному хозяйству как разновидности дворохозяйства. В общих чертах его развитие основывалось на тех же закономерностях, что и крестьянское трудовое хозяйство и опиралось на трудопотребительский баланс семьи колхозника.

Структура приусадебного хозяйства в целом совпадала с традиционной формой. Оно состояло из семьи, земельного надела (приусадебного), скота и птицы, жилых и хозяйственных построек, инвентаря, повторяя все элементы дворохозяйства, но в уменьшенных размерах. Экономический потенциал приусадебного хозяйства определялся не земледелием, как во второй половине XIX — начале XX в., а животноводством. Причем земледелие на приусадебном участке развивалось с акцентом на внутрисемейное потребление, а вот животноводство выполняло функции как обеспечения семьи продуктами питания, так и получения дополнительного дохода через торговлю. Поэтому зажиточность хозяйства определялась поголовьем скота и его товарностью.

Основу приусадебного хозяйства составлял земельный надел, который варьировался в зависимости от численности семьи (табл. 6.1). В Свердловской области при общем преобладании в рассматриваемый период участков размером 0,21—0,25 га (41,2 %), небольшие семьи, состоящие из 1—2 человек, чаще имели надел более мелкий, до 0,1—0,2 га, а крупные семьи — надел свыше 0,25 га. Источники отмечают также колебания площади земельного надела конкретной семьи во времени в зависимости от жизненного цикла этой семьи.

Т а б л и ц а 6.1

*Зависимость площади приусадебного участка от численности семьи
в Свердловской области в 1963 г., %**

Площадь приусадеб- ного участка, га	Число членов семьи, чел.						Всего
	1	2	3	4	5	6 и более	
До 0,1	0,90	1,36	0,90	0,00	0,00	0,00	3,17
0,1—0,15	3,17	3,17	3,16	1,81	0,90	0,45	12,67
0,16—0,20	1,36	3,17	1,36	3,62	0,45	0,90	10,86
0,21—0,25	2,26	7,69	9,04	7,69	6,34	8,14	41,17
0,26—0,30	0,90	2,30	2,70	0,90	2,30	3,20	12,20
0,31—0,35	0,45	0,00	0,00	0,45	0,90	0,45	2,26
0,35 и более	0,00	2,71	4,98	4,52	2,71	2,71	17,65
<i>Итого</i>	<i>0,05</i>	<i>20,36</i>	<i>22,17</i>	<i>19,00</i>	<i>13,57</i>	<i>15,84</i>	<i>100</i>

*Составлено по бюджетам колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

На величину надела заметное влияние оказывала позиция колхоза в этом вопросе. Например, больше половины семей в колхозе «Путь к коммунизму» Талицкого района и «Ленинский путь» Пышминского района имели участки площадью более 0,34 га, а в сельхозартелях им. Свердлова Сысертского района, «Путь Ленина» Туринского района и других максимальный надел не превышал 0,25 га⁴³.

Около пятой части приусадебного участка занимали жилые и хозяйственные постройки. Центром дворового ансамбля выступала бревенчатая изба, окруженная постройками хозяйственного значения — сараем, хлевом для скота, баней. Жилье в 1960-е гг. было электрифицировано, и это, пожалуй, самое главное достижение, обеспечившее возможность участия хозяйств в бытовой революции, развернувшейся в это время. В домах сохранялось печное отопление, питьевую воду получали преимущественно из колодца (82,8 % семей), только 2 % пользовались колонкой.

Сфера производственной деятельности колхозного двора была представлена совокупностью таких отраслей, как земледелие,

животноводство, птицеводство, а также промыслами, которые регулировались Примерным уставом, Уставом колхоза и находились под контролем правления колхоза, от которого зависело обеспечение хозяйства кормами, пастбищами, техникой и конным инвентарем, электроэнергией, удобрениями, стройматериалами. Таким образом, приусадебное хозяйство колхозников теснейшим образом было связано с колхозным производством.

Главным элементом дворохозяйства является семья, которая определяет его потенциал и мотивацию. Особенностью приусадебного хозяйства было то, что основные работники в семье были преимущественно заняты в общественном производстве, а для работы на личном подворье могли выделить только часть своего свободного времени, при этом основная трудовая нагрузка по ведению хозяйства ложилась на женщин, стариков и детей.

В 1960-е гг. ведущей отраслью приусадебного хозяйства было животноводство, земледелие носило подсобный характер. Основная площадь приусадебного участка отводилась под огород для выращивания картофеля, свеклы, моркови, лука, капусты, огурцов, томатов и т. п. 1,4 % хозяйств имели зерновые посевы, предназначенные для скота и птицы. Такая трансформация структуры посевов характерна для нового этапа урбанизации 1960—1980-х гг. В более ранний период (1930—1940-е) зерновые посевы занимали основную часть участка, поскольку только так колхозники могли обеспечить себя хлебом. Особенностью Среднего Урала было незначительное развитие садоводства: только 36 % хозяйств имели садовые посадки.

По материалам бюджетной статистики середины 1960-х гг. объемы производства на личном подворье были таковы: со своих наделов крестьяне получали не менее 800 кг картофеля, каждая четвертая семья собирала от 2 400 до 3 200 кг, а 45,3 % — свыше 3 200 кг картофеля. Основная масса колхозников обеспечивала себя картофелем полностью, 11,3 % приобретали картофель дополнительно у граждан и только 2,3 % получали часть потребляемого картофеля в колхозе.

Валовой сбор овощных культур в большинстве обследованных семей не превышал 200 кг, но ряд хозяйств (7,2 %) получали со своего огорода более 500 кг овощей. В целом же более трети крестьянских семей (37 %) полностью обеспечивали себя овощами, 32 % закупали их у частных лиц и в торговле, 46 % получали овощи в колхозе в качестве натуроплаты. Урожай приусадебного хозяйства использовался главным образом на личные нужды, однако часть его шла на продажу, что составляло стабильную статью дохода в семейном бюджете.

Важнейшей отраслью крестьянского подворья было животноводство. Практически все колхозные семьи, за небольшим исключением, в 1960-е гг. имели скот и птицу. Основу личного стада составлял продуктивный скот, обеспечивавший семью молоком, мясом, шерстью. На личном подворье содержали крупный рогатый скот (80,1 % семей), свиней (76,5 %), овец (67,4 %), реже — коз (7,7 %). Животноводство в большей степени, чем земледелие, было ориентировано на торговлю: 45 % хозяйств продавали телят по договору или через рынок; 21 % семей забивали скот на мясо и использовали его на питание и для продажи. Разведение крупного рогатого скота давало наиболее значительные денежные поступления в бюджет. Так, хозяйства, содержащие 2—3 головы крупного рогатого скота, получали более 500 рублей в год, в то время как в небольших хозяйствах доходы от продажи скота и птицы составляли 100—200 руб.

Объем и динамика животноводства на личном подворье находились в тесной зависимости от демографических характеристик семьи. Всякое ее изменение непосредственно отражалось на состоянии самого хозяйства. Среди демографических типов по объемам животноводства выделяются супружеские пары с детьми и родителями, супружеские пары с детьми — в большинстве своем семьи, находящиеся в расцвете своего жизненного цикла, обладающие достаточно высоким трудовым потенциалом.

Несмотря на преимущественно натуральный характер крестьянского подворья, практически все хозяйства в большей или меньшей

степени участвовали в товарно-денежных отношениях. В этой связи большой интерес представляет проблема соотношения натуральной и товарной тенденций в развитии крестьянского хозяйства, а также выделение факторов, стимулирующих его товарную направленность. По материалам бюджетных обследований в 1963 г. в Свердловской области 41,2 % семей колхозников получали доход от продажи продуктов своего хозяйства от 100 до 300 руб. в год, 23,5 % — от 301 до 500 руб. Небольшое число хозяйств (5 %) получали денежный доход по этой статье свыше 1 тыс. рублей в год. От продажи продуктов земледелия крестьяне в среднем получали 190 рублей в год, а от реализации скота и птицы — 145 рублей.

Насколько приусадебное хозяйство влияло на образ жизни и дифференциацию крестьянства по уровню материального благосостояния? Трудно ответить однозначно, так как существовали различные модели хозяйственного поведения крестьян. И все же в большинстве случаев личное подсобное хозяйство было ориентировано не на получение доходов, а на потребление; не были исключением и товарно-денежные операции. Существовавший во многих семьях недостаток необходимых денежных средств вынуждал крестьян компенсировать его за счет продажи сельскохозяйственной продукции, полученной на своем подворье. В ряде случаев продавались не только излишки, но и часть необходимого продукта. Получив единовременные денежные доходы, впоследствии до 1/3 семей вынуждены были докупать себе картофель, овощи, мясо и т. д. В среднем доход от продажи продуктов своего хозяйства в 1960-е гг. не превышал 100—300 руб. в год, что не могло принципиально изменить уровень материального благосостояния. Имевшие место ограничения производственной деятельности личных хозяйств, а также занятость основных работников в общественном производстве не позволяли личным подворьям в советский период перерасти рамки натурального хозяйства.

Таким образом, приусадебное хозяйство в условиях колхозно-совхозной системы особой дифференцирующей нагрузки не несло и выполняло скорее к о м п е н с а т о р н у ю ф у н к ц и ю,

удовлетворяя потребности сельской семьи в продуктах питания и восполняя недостаток денежных средств. Как основа формирования высоких доходов приусадебное хозяйство в 1950—1960-е гг. выступает крайне редко.

Товарное хозяйство, нацеленное на получение прибыли, может развиваться только при наличии достаточного числа рабочих рук и времени для работы в своем хозяйстве, возможности реализации продукции на рынке, развитии транспортных коммуникаций. Но прежде всего это становится возможным при условии создания правовых гарантий для предпринимательской деятельности, которые начинают складываться в 1990-е гг. с принятием Законов «О собственности в РСФСР», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О земельной реформе»⁴⁴. В новой социально-правовой ситуации появляется возможность преобразования приусадебного хозяйства в товарное, фермерское. Однако данная форма хозяйства не стала преобладающей. К 1997 г. число фермерских хозяйств достигло 279 тысяч⁴⁵. По сельскохозяйственной переписи 2006 г. в сельской местности РФ было зарегистрировано 126 208 крестьянских фермерских хозяйств; 21 288 индивидуальных сельскохозяйственных предприятий; 12 443 300 личных подсобных хозяйств⁴⁶. Такое распределение наглядно демонстрирует те пути, по которым шло развитие индивидуальных хозяйств в постсоветский период: во-первых, сохранение личных подсобных хозяйств, которые определяют общую ситуацию и характеризуются преимущественно натуральной направленностью сельскохозяйственного производства; во-вторых, это товарные хозяйства (фермерские и индивидуальные предприятия), численность которых имеет тенденцию к сокращению. В Свердловской области фермерские хозяйства и индивидуальные предприятия составили в 2006 г. 2 178, а к 2009 г. их число уменьшилось до 1 596⁴⁷.

Не останавливаясь особо на проблемах развития фермерского движения, отметим тем не менее, что крестьянские фермерские хозяйства имеют существенные отличия от традиционных крестьянских хозяйств и их советской разновидности — приусадебных

хозяйств: 1) многоотраслевое производство заменяется моноотраслевым, специализированным; 2) вместо ручного труда применяются техника и механизированные технологии; 3) помимо семейного труда активно привлекаются наемные рабочие; 4) все производство ориентировано на рынок, а не на внутреннее потребление. Таким образом, фермерское хозяйство представляет собой итоговый вариант развития крестьянского подворья в условиях рыночной экономики и индустриализации. Эта альтернативная форма хозяйствования в нашей стране пока реализуется в очень ограниченных масштабах, и есть серьезные сомнения в ее жизнеспособности, поскольку ни государство, ни общество не оказывают существенной поддержки сельскохозяйственным производителям.

6.3. Модели потребления крестьянства

Образ жизни как категория тесно связан с такими показателями, как доходы и потребление, которые, в свою очередь, находятся под влиянием экономических, демографических факторов и определяют качество жизни. Важной характеристикой потребления является его ориентация на внутренние или внешние по отношению к семье и семейному хозяйству ресурсы. В традиционном обществе обеспечение потребностей семьи осуществляется за счет внутреннего производства, т. е. фактически самообеспечения (традиционная модель потребления). В условиях индустриального общества, благодаря специализации, развитию сельской торговли и коммуникаций, структура потребления крестьянской семьи постепенно переориентируется на внешние источники. В результате складывается новая, современная модель потребления, основанная на городских стандартах, когда практически исчезают различия между городским и сельским населением в объемах и структуре потребления.

Рассматривая проблему крестьянского потребления в историческом контексте, необходимо также выделить переходный вариант потребительской модели, которая складывается в России во второй

половине XIX в. и получает распространение в 1930—1950-е гг. в условиях распространения колхозно-совхозной системы. Для нее характерно формирование двойного стандарта — обыденного и показного (демонстративного), которые сосуществуют, дополняя и корректируя друг друга. Обыденный уровень потребления базируется на традиционных принципах и определяет образ жизни. Демонстративный вариант строится на использовании элементов городской материальной культуры (обстановки, одежды, бытовых предметов и пр.) и предназначен для презентации общественного статуса семьи, связанного с представлениями о «зажиточности». Необходимо подчеркнуть, что зажиточность — это категория социально-экономическая, а не классовая. Понятия «кулак», «батрак» и представления о зажиточных и бедных крестьянах коррелируют, но не совпадают. Первая группа понятий в большей степени относится к моделям экономического поведения, вторая — к моделям потребления.

Термин «демонстративное потребление» был введен еще в конце XIX в. американским экономистом Т. Вебленом, создавшим «теорию праздного класса». Феномен демонстративного потребления был им зафиксирован по отношению к новым представителям класса буржуазии, выбившимся из низов благодаря предпринимательской деятельности. Для потребительского поведения нуворишей были характерны сверхтраты на товары и услуги, призванные подчеркнуть их новый статус. В XX в. с появлением среднего класса демонстративное потребление становится еще более типичным общественным явлением. В 1920-х гг. ряд экономистов отметили тенденцию эволюции «демонстративного» потребления в «модное», связав его с потребительством как стандартным вариантом поведения в современном обществе. Несмотря на то, что демонстративное потребление первоначально считалось признаком состоятельности, исторические факты и современные исследования экономистов свидетельствуют о том, что оно характерно и для бедных людей, позволяя им формировать о себе более выгодные представления и претендовать на более высокий статус⁴⁹. Оно встречается в обществе, где дифференциация по уровню доходов

существенна и открывает зажиточным слоям значительно больше возможностей для реализации.

Таким образом, демонстративное потребление тесно связано с процессами социально-экономического расслоения общества и в целом отражает маргинализацию образа жизни, некоторый переходный момент в жизни человека, семьи, социальной группы.

Принципиальное отличие переходной (демонстративной) модели от современного урбанизированного варианта — это индивидуализация потребительского поведения и особая мотивация, характерные для общества потребления. В современном обществе потребление строится на функциональном принципе и имеет подчеркнуто рациональное обоснование. Основные сферы материального потребления (обстановка, жилье, одежда и обувь, бытовая техника, тип питания и пр.) формируют интегрированный, неразделенный предметный мир человека, соответствующий его представлениям об удобстве, полезности, функциональности и социальном статусе. Значимую роль в этом играет мода. Так, например, в настоящее время большую популярность получили представления о здоровом образе жизни и соответствующей модели потребления. В результате выделяются функциональный, рациональный, ценностный, модный и прочие типы потребления. Не углубляясь в их характеристику, отметим, что все они реализуют определенные жизненные приоритеты человека и являются составной частью его образа жизни. Отражая разные подходы к потреблению, современная модель опирается не на ресурсы семьи, как производственной ячейки, а на ресурсы всего общества в целом, приобретая все более глобальные черты. И в этом видится основная закономерность развития сферы потребления — сочетание тенденций глобализации с индивидуализацией. Современные модели потребления различаются в зависимости от уровня доходов и социального положения, но не по географическому принципу: в сельской местности она будет строиться по тем же канонам, что и в городской.

Как и другие процессы модернизации, создание новой модели потребления шло неравномерно и адресно. Изменения в потреблении коснулись в первую очередь «зажиточных» крестьян — той категории, которая начинает оформляться в пореформенный период в результате социально-экономической дифференциации и с которой непосредственно связано развитие товарно-денежных отношений в деревне и разрушение натурального характера крестьянского хозяйства. Параллельно в этом процессе участвуют крестьяне-бедняки, которые также становятся субъектами товарно-денежных отношений в деревне, продавая свой труд, но они поддерживают традиционную модель потребления, ориентированную на минимизацию и натурализацию всех основных статей расхода. Поэтому их нельзя рассматривать как агентов модернизации в сфере потребления. А вот зажиточные крестьяне представляют значительный интерес, поскольку индекс их покупательной способности влиял на темпы развития сельской торговли и изменение условий жизни на селе в целом.

Представление о зажиточности было свойственно крестьянскому миру во все времена и включает два основных аспекта: во-первых, оно не связано с приобретением иного социального статуса, т. е. категория зажиточных крестьян не воспринимается как «чуждая»; во-вторых, критерии зажиточности базируются исключительно на количественных характеристиках (больше, чем у других, земли, скота, техники, доходов и пр.).

Применительно к более раннему периоду (XIX в. — конец 1920-х гг.) к категории зажиточных относили прежде всего те хозяйства, которые отличались более высокими производственными показателями (земельный надел, поголовье скота, число работников), что определяло их более высокие доходы и уровень потребления, чем у большинства крестьянских семей. Следует подчеркнуть производственную составляющую понятия зажиточности, важнейшими источниками формирования которой становятся внутренние ресурсы крестьянского двора — демографические, земельные, производственные, техноло-

гические и пр. Так, например, описывая крестьянские хозяйства Пермской губернии в пореформенный период, земские статистики относили к категории богатых хозяйств тех, кто имел 3—4 лошади, 3—4 дойные коровы, 6 овец, 3 свиней (не считая молодняка); к «середнякам» — хозяйства с 2 рабочими лошадьми, 2 коровами, 3 овцами, 2 свиньями; а к «беднякам» — хозяйства, где было 1—2 лошади, 1 корова, 2—4 головы мелкого рогатого скота⁵⁰.

Одновременно отмечалась относительность этих критериев, поскольку в южных уездах губернии сельскохозяйственная деятельность, в том числе животноводство, развивалась более активно, и это отражалось на количественных параметрах крестьянских хозяйств. В частности, зажиточными на юге Шадринского уезда считались семьи из 4—5 человек, которые имели в среднем 12—15 десятин земли, 4—6 голов рабочего скота, 6—10 голов крупного рогатого скота, 10—15 овец, 5—10 свиней, т. е. по своим характеристикам почти в 2 раза превосходили богатые хозяйства северных уездов Пермской области. Таким образом, «зажиточность» необходимо воспринимать как релятивное понятие, критерии и содержание которого постоянно меняются вместе с окружающей средой и стандартами жизни.

Между зажиточностью и объемами потребления существует прямая связь, но она опосредуется таким понятием, как м о д е л ь п о т р е б л е н и я, которое необходимо для понимания мотивации хозяйственной деятельности и механизмов распределения полученного совокупного дохода.

Для традиционной модели потребления характерна нацеленность на удовлетворение потребностей семьи за счет использования внутренних источников, что принято называть натуральным производством. Натуральность выступает как важнейшая черта крестьянской экономики. В условиях модернизации она начинает постепенно разрушаться, накладывая свой отпечаток на особенности трудовой стратегии и процессы дифференциации хозяйств. В частности, уже во второй половине XIX в. отмечается развитие товарности крестьянских хозяйств, но причины этого явления

для разных категорий крестьян различны. Так, например, середняки сохраняли преимущественно натуральный характер производства и концентрировали усилия на своем хозяйстве. Бедняки были вынуждены подрабатывать на стороне, так как собственное хозяйство не могло прокормить семью. Богатые семьи, получив прибавочный продукт, могли его продавать, а доход использовать для расширения производства и потребления. Итак, в начале XX в. денежные поступления от заработной платы или продажи продукции у средне-статистического крестьянина составляли менее половины совокупного дохода, а его модель потребления складывалась следующим образом: значительная часть произведенного продукта уходила в пищу (зерновые и картофель), некоторая часть денежных доходов — на приобретение промышленных товаров (текстиля, чая и масла), практически не было трат на предметы культуры (книги, картинки), крайне мало средств вкладывалось в расширение производства — оборудование и инвентарь⁵¹. Такая структура расходов была вполне типичной и не зависела от социальной категории. Сохраняя натуральные черты, она свидетельствует прежде всего об определенных сдвигах в образе жизни.

Опосредованным показателем формирования новой потребительской модели выступает развитие с е л ь с к о й т о р г о в л и и р е м е с л. Применительно к середине XIX в. источники фиксируют в целом низкий уровень развития ремесла в Пермской губернии. Только в Перми, Екатеринбурге, Кунгуре и Нижнем Тагиле отмечены ремесленные заведения с наемными рабочими и достаточно высоким объемом производства. В других городах оно не выходило за пределы семьи. Во второй половине XIX в. ремесленное производство заметно активизируется, особенно в заводских поселениях. Из сельских промыслов во второй половине XIX в. в Пермской губернии получили развитие ткачество, шерстобитный промысел (села Карташево, Елдуин, Пьянково), шитье тулупов, сундучный промысел, шитье платья и шапок (с. Полевское), шорное, бондарное производство и пр. Промыслами занимались практически все крестьянские хозяйства, но были и свои

особенности. Для бедного крестьянства характерно было производство лаптей, бондарной, гончарной продукции, плетение рожи, циновок⁵². Более сложные производства (ковры, сундуки, медная посуда и пр.) получили развитие там, где они приобретали формы предпринимательства.

Развитие сельских промыслов, а также ремесленного и промышленного производства в городах имело особое значение для разрушения натуральной модели потребления. Появляются новые предметы обстановки, одежды, продукты питания, которые постепенно получают распространение в сельской местности.

Особенностью новой — п е р е х о д н о й — модели, которая складывается на рубеже XIX—XX вв., стал двойственный характер потребления: в обыденной жизни оно носило сугубо традиционный характер, а для демонстрации обществу, гостям — парадно-показной. Так, например, изучая обыденную культуру горнозаводского населения Урала, С. В. Голикова отмечает, что в интерьере домов заводских поселений уже во второй половине XIX в. появляются кровати, диваны, горки сундуков и даже трюмо и этажерки, которые украшались вышивками, салфетками, полы застилались половиками или ткаными коврами, но не они определяли быт семьи. Городские предметы обстановки украшали «чистую» половину дома, которая предназначалась для гостей или вообще не использовалась и стояла заколоченной. Вся семья при этом ютилась в пределе («кухне»)⁵³, обстановка и оборудование которой сохраняли традиционный вид.

Деление дома на «чистую» горницу и жилую половину получило распространение и в крестьянской среде. В вопросах потребления горнозаводские селения шли на шаг впереди, но принципиально не отличались от сельских. Двойной стандарт потребительской модели формируется и в сельской местности. Он сохранился вплоть до середины XX в. и проявлялся в украшении парадной горницы и приобретении статусных вещей — патефона, часов, создании особого праздничного гардероба, которые должны были демонстрировать обществу достаток семьи. При этом

обыденный уровень соответствовал традиционной модели потребления; он, собственно, и определял качество жизни. Воспоминания об этом сохранились в рассказах крестьян: «Раньше говорили: “Лето — припасиха, зима — подбериха”. А теперь где припасать-то? Денежки везде нужны. Как ни говори, до войны лучше жизнь была. Труженик везде успеет. Мы наряжались во все свое. Много я ткала. Выткешь набойное и вышьешь — как красиво! Питание без денег. Мяско-то свое, молочко-то все свое. Грибов насолишь, засушишь. Все как-то было, и аппетит был хорош. И ягод наготовишь. Картошки очистишь, сваришь, грибов принесешь, масло льняное, если постом, а мясоедом — так сметанка. Всё сеяли: гречу, просо, пшеницу, горох, рожь.... Всё умело было, всё по пути шло» (из воспоминаний Д. Г. Свиной, дер. Зайцы Кировской обл.)⁵⁴.

А вот другая картинка, уже из 1920-х гг.: «Народ одевали в холщовую (портяную) одежду. Мужики носили рубахи-косоворотки из пестряди с поясом с кисточками, штаны кипсовые полосатые. Холст ткали сами хозяйки, сами красили в разные краски. Женщины тоже носили портняные юбки с оборками. Летом носили в будни босики из бересты и лапти. Зимой — валенки, шили кошули (шубный мех покрывали портяниной). В праздники одежда была иная. У мужчин были хромовые сапоги, брюки из вигони, рубаха сатиновая в полоску и пояс с кисточкой. Женщины одевали платья сатиновые с оборками, цветной платок с кистями, на ноги — ботинки с резинкой на боку или высокие со шнурком (двадцать глазков). Одежду очень берегли. Праздничная одежда хранилась отдельно в клетях»⁵⁵.

В результате коллективизации и утверждения колхозно-совхозной системы кардинально меняются источники формирования бюджета семьи. Уровень жизни и доходы колхозного крестьянства измеряются уже в другой системе координат и непосредственно связаны с положением дел в колхозе, но не только. Важнейшим источником доходов и потребления на протяжении всех лет советской власти оставалось приусадебное хозяйство. Причем на ранних этапах колхозного строя оно было едва ли не единственным источником,

поддерживающим жизнь крестьянской семьи, поскольку оплата за работу в колхозе носила символический характер и в большинстве случаев не могла обеспечить прожиточный минимум. В результате в 1930-е гг., военный и послевоенный период потребительская модель семьи колхозника опиралась в основном на внутренние ресурсы (приусадебное хозяйство и натуральная плата от колхоза) и воспроизводила двойной стандарт с общим низким уровнем потребления.

Понятие зажиточности в рамках колхозного строя сохраняется, однако критерии и содержание его другие. В этот период под зажиточными понимают прежде всего семьи, уровень жизни которых выше, чем у большинства, т. е. зажиточность оценивается с точки зрения материального благосостояния и характеризуется показателями денежных доходов и расходов. Производственные показатели крестьянского (приусадебного) хозяйства отходят на второй план и уже не определяют границы социально-экономической дифференциации.

Годы первых пятилеток, война, послевоенное восстановление экономики были полны трудностей и лишений. Победа в войне, создание мощной промышленности стали свидетельством силы государства, но какой ценой? Низкий уровень жизни основной массы населения, отсутствие элементарных условий для нормального труда и отдыха, неблагоустроенные села и города, нередко голод были типичными чертами сталинской эпохи. Реальные доходы населения в 1930-е гг. по сравнению с 1927 г. снизились более чем в два раза, и вплоть до смерти Сталина уровень потребления 1928 г. не был достигнут⁵⁶. Подавляющее большинство населения, за исключением относительно немногочисленной категории привилегированных лиц, вели постоянную борьбу за выживание. И в этой потребительской иерархии крестьяне занимали одно из последних мест.

Год смерти Сталина (1953) положил начало новому этапу развития государства, который принято называть хрущевской оттепелью. Среди прочего он связан с изменением социально-

политического климата, в том числе с частичным возвратом к общечеловеческим ценностям, среди которых — человек и его право на достойную жизнь. Впервые за долгие годы было обращено внимание на необходимость повышения уровня благосостояния советского народа. Подтверждением тому служит динамика размера среднего дохода (табл. 6.2), рост душевого потребления продуктов питания, улучшение жилищных условий в связи с развертыванием массового типового строительства, увеличение средней продолжительности жизни, появление в семьях советских граждан предметов длительного пользования (телевизоры, холодильники, стиральные машины и др.), о которых раньше они не могли и мечтать.

Т а б л и ц а 6.2

*Динамика национального дохода и доходов граждан СССР
в 1950—1970-е гг.**

Показатели	1950	1953	1955	1960	1970
Национальный доход, млрд руб.	118,3	161,3	198,9	145,0	285,5
Средняя месячная заработная плата рабочих и служащих для семьи из 2 чел., руб.	70,2	63,4	63,6	66,9	114,6
Средний месячный доход семьи колхозника из 2 чел., руб.	29,1	29,2	44,7	50,7	105,2

*Источник: Уровень нашей жизни в 1913—1993 : аналит. справ. М., 1995. С. 24—25.

На решение задачи подъема уровня жизни были направлены многие постановления и решения власти, принимаемые в 1953—1965 гг.: с 1956 г. началось поэтапное повышение заработной платы рабочим и служащим, занятым в сфере материального производства, принимается закон о пенсиях. В 1960 г. завершается перевод рабочих и служащих на 7—6-часовой рабочий день. В 1967 г. была введена 5-дневная рабочая неделя с двумя выходными. В 1968 г. до 60 руб. поднимается минимальная заработная плата рабочих и служащих. Не менее значимы те социальные преобразования, которые

были проведены в отношении крестьян: снижение налогов почти в 2 раза⁵⁷, а с 1958 г. отмена всех натуральных поставок с колхозного двора; введение обязательного денежного авансирования. Все это способствовало повышению уровня жизни колхозников. В 1950—1958 гг. доходы колхозов РСФСР в среднем выросли в 7 раз, соответственно на один колхозный двор было получено совокупного дохода 2 418 руб. против 259 руб. в 1950 г.⁵⁸ С 1 июля 1966 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» была введена гарантированная денежная оплата труда. В соответствии с постановлением при распределении доходов в колхозах средства выделялись в первую очередь на оплату труда. Решались и вопросы пенсионного обеспечения колхозников.

Хрущевское десятилетие — это время, когда в условиях общего роста уровня жизни крестьянства снова начинают действовать механизмы социально-экономической дифференциации, способствуя разделению его на категории в зависимости от доходов. Ранее эта дифференциация была очень условной, так как ситуацию определяло общее нищенское положение колхозников, по отношению к которым понятие зажиточности применять было некорректно⁵⁹.

Уровень жизни крестьянства характеризуется такими статистическими показателями как совокупный доход семьи и реальные доходы. При исчислении совокупного дохода суммируются все денежные и натуральные поступления в бюджет семьи, а также выплаты и льготы из общественных фондов потребления. Для периода 1950—1960-х гг. показатели совокупного дохода имеют устойчивую тенденцию роста. Так, в 1950 г. средний месячный доход семьи колхозника из 2 человек по СССР составлял 29, 1 руб., в 1955 г. — 44, 7 руб.; в 1960 г. — 50, 7; в 1970 г. — 105, 2 руб. (см. табл. 6.2). По Свердловской области среднегодовой денежный доход колхозников (на семью) составил в 1951—1955 гг. 596, 7 руб., в 1956—1958 гг. — 8 01,9 руб. в 1962—1965 гг. — 1 460, 5 рублей⁶⁰.

Структура совокупного дохода колхозной семьи формировалась из нескольких источников: доходов от работы в колхозе

и МТС; поступлений от продажи сельскохозяйственных продуктов, произведенных в личном хозяйстве; доходов от работы в государственных и кооперативных организациях; пенсий и пособий; доходов от кустарно-ремесленной деятельности и прочих поступлений. Если в начале 1950-х гг. в качестве основного источника доходов выступало личное хозяйство (по РСФСР доходы от ЛПХ в 1953 г. составляли 45,7%), то во второй половине 1950-х гг. возрастает роль колхозов в формировании бюджета семьи. Увеличиваются выплаты по трудодням, вводится обязательное денежное авансирование. В результате уже в 1958 г. удельный вес доходов от работы в колхозе по РСФСР возрастает с 33,3 % в 1953 г. до 41,3 % в 1958 г. и в дальнейшем определяет структуру совокупного дохода⁶¹. По Свердловской области доля доходов от колхоза была выше, чем по РСФСР, и составляла в 1960 г. 49,0 %, а в 1964 г. — 58,8 %⁶².

Еще более точную картину социально-экономической дифференциации дает показатель реального дохода, так как он оценивает доход на одного члена семьи и более полно учитывает демографические характеристики семейного коллектива. В 1963 г. в Свердловской области малообеспеченные семьи, имевшие душевой доход менее 360 руб. в год, составляли 45,2 %; среднеобеспеченные семьи с душевым доходом 361—900 руб. — 50,7 %; зажиточные (свыше 900 руб. в год на одного члена семьи) — 4,1 %. Основной для выделения этих категорий послужила группировка, полученная в результате обработки первичных данных бюджетных обследований (табл. 6.3) с учетом среднего показателя дохода, который составил в Свердловской области в 1963 г. 541 руб., а по СССР — 498 руб. в год, и прожиточного минимума, размер которого по данным статистики был равен 35 руб. в месяц. В частности, семьи, получавшие доход на одного члена до 35 руб. в месяц, характеризовались как малообеспеченные⁶³.

Анализируя доходы колхозников, мы можем констатировать наличие распределения, свойственного обществу с общим низким уровнем материального благосостояния: непропорционально велика доля малообеспеченных и очень мал удельный вес зажиточных семей.

Т а б л и ц а 6.3

*Распределение семей колхозников Свердловской области
в 1-й пол. 1960-х гг. по размерам реального дохода**

Доход на од- ного члена семьи, руб.	до 240	241– 300	301– 360	361– 420	421– 480	481– 600	601– 720	721– 900	901– 1200	1201 и более
Удель- ный вес семей кол- хозни- ков, %	16,3	15,8	13,1	10,9	10,4	15,4	8,6	5,4	3,2	0,9

* Рассчитано по: Бюджеты колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

От чего зависел доход крестьянских семей в 1960-е гг.? На размер и вариацию доходов оказывал влияние комплекс демографических, социальных, экономических факторов, в числе которых можно выделить возраст семьи, количество работников и иждивенцев, уровень оплаты труда работников, размеры и товарность личного хозяйства, а также размер выплат и льгот из общественных фондов потребления, поступающих в бюджет колхозников. Если раньше зажиточность зависела от внутренних ресурсов крестьянского хозяйства, то в условиях колхозно-совхозной системы приоритет получают такие показатели, как прибыльность колхоза и профессиональная занятость колхозников.

Основу социально-экономической дифференциации крестьянских семей и в прошлом, и в советский период составляли демографические показатели (возраст семьи, ее состав, семейная нагрузка, т. е. число нетрудоспособных, приходящихся на одного работника). Давно замечено, что благосостояние семьи зависит от ее возраста: семьи с высоким уровнем дохода чаще всего встречаются в средней и старшей возрастных группах. На этом этапе

жизненного цикла демографическая ситуация наиболее благоприятна: подрастают дети, которые могут активно помогать в личном хозяйстве, часть их вступает в трудоспособный возраст, а основные работники в семье достигают максимального уровня квалификации, влияющего на рост оплаты труда⁶⁴.

Другой важнейший демографический показатель — трудовая нагрузка (соотношение числа основных работников в семье к количеству иждивенцев). Несмотря на то, что номинальный показатель денежного дохода, как правило, выше в многочисленных семьях, по уровню жизни они оказываются в более тяжелом положении, чем одинокие или малочисленные семейные коллективы. Для них характерна более высокая нагрузка на трудоспособных членов, которым приходится содержать от двух до трех, а иногда и более человек. По данным бюджетной статистики зажиточные семьи с доходом на одного члена более 900 руб. в год относятся к малочисленным, состоят из 1—2 человек и в большинстве случаев не имеют иждивенцев, в то время как среди крестьянских хозяйств, насчитывающих 6 и более человек, свыше половины относится к малообеспеченным⁶⁵.

Особо следует отметить такой показатель зажиточности, как размер оплаты труда колхозников. Доходы от работы в колхозе включали натуральные и денежные поступления. Вплоть до 1953 г. денежные выплаты по трудодням были очень незначительными (в Свердловской области они составляли не более 12 % заработанного в колхозе), в основном оплата трудодня носила натуральный характер.

В Свердловской области натуральные выплаты на трудодень в 1950 г. составляли: зерно — 1,15 кг; картофель — 0,08 кг; овощи — 0,17 кг; сено — 0,24 кг; в 1958 г.: зерно — 1,17 кг; картофель — 0,01 кг. Таким образом, снижается натуральная составляющая доходов и возрастают денежные выплаты. К 1963 г. удельный вес денежных доходов возрос до 71,6 %, а натуральные выплаты сократились почти в 3 раза⁶⁶. Подобные изменения в структуре оплаты труда способствовали росту денежных поступлений в бюджет

семьи. Появление свободных денег в карманах колхозников стало важнейшим условием их включения в потребительскую сферу общества. Они становятся активными покупателями промышленных товаров, меняя тем самым атрибуты своей повседневной жизни — обстановку в домах, одежду, питание.

Размер оплаты труда в колхозе непосредственно зависел от состояния данного хозяйства, его прибыльности, характера выполняемых работ, количества отработанных семьей трудодней. «Передовые» хозяйства Свердловской области в 1965 г. выдавали на 1 трудодень около 5 руб., отстающие — менее 2 руб. (как, например, в сельхозартели «Великий путь» Гаринского района). В результате число зажиточных колхозников в богатых колхозах было выше. Так, в колхозе-миллионере им. Свердлова Сысертского района более половины обследуемых семей в 1963 г. имели доход от работы в общественном хозяйстве свыше 900 руб. в год, такое же положение отмечено в колхозе «Родина» Ирбитского района. И, напротив, большинство обследуемых семей в колхозе «Родина» Туринского района получали по трудодням меньше 500 руб. в год.

Более высокий уровень оплаты труда наблюдался в основном в сельскохозяйственных районах и областях Урала, например в Челябинской, Оренбургской, Курганской областях. В Свердловской области средний показатель был существенно ниже. В 1958 г. уровень оплаты труда в колхозах Урала составлял в среднем 74,6 % к показателям по РСФСР.

Богатый колхоз стал одним из обязательных условий зажиточности. И здесь играют роль не только более высокая оплата труда, но и те социально-бытовые условия, которые создавались в преуспевающих хозяйствах: жилищное и культурно-бытовое строительство, пенсионное обеспечение, социальные выплаты и льготы. Хороший клуб, магазин, больница, электрификация и механизация сельскохозяйственных работ — все это также влияло на образ жизни. В конце 1950-х гг. некоторые экономически мощные колхозы стали строить свои пансионаты и дома отдыха. К концу 1970-х гг. в стране имелось около 200 колхозных и межколхозных санаториев, пансионатов и профилакториев на 14 тыс. мест.

Оплата труда колхозников существенно различалась в зависимости от характера выполняемых работ. Среди профессиональных категорий сельского населения наиболее высокооплачиваемыми были работники административно-управленческого аппарата и специалисты. В частности, заработок председателя колхоза во всех обследуемых хозяйствах превышал 2 тыс. руб. в год, а в колхозе им. Свердлова Сысертского района и им. Кирова Камышловского района — свыше 3 тыс. рублей. За ними по размерам оплаты труда шли заместители председателя, агрономы, зоотехники, главный бухгалтер, заведующие фермами и гаражом, бригадиры. По выборочным данным эта категория составляла 7,2 %, оплата их труда превышала 700 руб. в год. Таким образом, уже в советской деревне складывается слой «крестьянской аристократии», которая имела доходы более высокие, чем рядовые колхозники, а также преимущество в использовании общественных фондов колхозов, льгот и т. д. Достаточно высоко оплачивалась также работа механизаторов и животноводов. Так, более половины обследуемых семей, где глава работал механизатором, получали доход свыше 900 руб. в год. Среди занятых в животноводстве, а особенно в полевых работах, более половины семей зарабатывали менее 500 руб. в год.

Следует особо выделить социально смешанные семейные хозяйства, в состав которых, кроме колхозников, входили рабочие или служащие. Здесь основным источником доходов служили поступления за работу в государственных предприятиях и учреждениях. В этой категории семей годовой размер заработка в среднем превышал 1 тыс. рублей и был значительно выше уровня обычных доходов колхозников. В исследуемой выборке в 3,6 % хозяйств глава семьи постоянно работал в государственном секторе, другие члены семьи могли трудиться на транспорте, в советских и государственных учреждениях. Практически в каждой третьей семье отмечены факты эпизодических подработок в государственном секторе помимо основной работы в колхозе, доход от этого вида деятельности в большинстве случаев не превышал 150 руб. в год.

Л и ч н о е х о з я й с т в о колхозников — еще один важнейший источник формирования бюджета крестьянской семьи. Размеры поступлений в бюджет от ЛПХ находятся в прямой зависимости от числа членов семьи и в обратной — от числа работников, занятых в общественном производстве. Так, семьи, получавшие доход от своего хозяйства свыше 1 тыс. руб., состояли в основном из 4 и более человек, исключение составляют несколько семей из 2 человек. Все они имеют 1—2 работников. Напротив, в семьях, имеющих 3 и более работников, поступления от продажи продукции своего хозяйства не превышали 700 рублей. Характерно, что продажей собственной продукции занимались часто малообеспеченные семьи, испытывавшие недостаток денежных средств.

В первой половине 1960-х гг. возрастает значение общественных фондов потребления, как государственных, так и колхозных, в формировании доходов крестьянских семей. Рост доходов по этой статье происходил за счет улучшения пенсионного обеспечения. Минимальный размер пенсии в 1964 г. был установлен в 12 рублей, максимальный — 102 рубля⁶⁷. Тем не менее размеры пенсий и пособий не могли обеспечить приемлемый уровень жизни, поэтому практически все пенсионеры продолжали трудиться в личном и общественном хозяйстве. По результатам анализа бюджетов в 1960-е гг. 60,6 % семей получали пенсии и пособия из общественных фондов потребления (ОФП), в каждой третьей семье доходы по этой статье не превышали 50 рублей в год. Такое же количество семей получали от 51 до 150 рублей и только 4,1 % — более 300 рублей, к ним относятся семьи, в которых пенсионеры и инвалиды состояли на государственном обеспечении. (При сравнении с городским населением следует отметить, что в этот период рабочие и служащие получали выплат и льгот из ОФП в 2,5 раза больше, чем крестьяне.)

Таким образом, в 1950—1960-е гг. дифференциация колхозного крестьянства и формирование зажиточной категории зависят от показателей дохода. К зажиточным в 1950—1970-е гг. относились семьи высокооплачиваемых работников колхозов и совхозов: специалистов, административно-управленческого аппарата,

механизаторов, частично животноводов. Получая высокий денежный доход от работы в колхозе, они уже не зависели в такой степени, как остальные крестьяне, от личного приусадебного хозяйства, поэтому оно постепенно приобретает черты подсобного, вспомогательного производства. Характерно, что именно в этой среде быстрее прививаются стандарты городской культуры и образа жизни, а раскрестьянивание достигает своего логического завершения.

Хрущевское десятилетие стало не только временем существенных социально-экономических и политических сдвигов в обществе, но и переломным периодом, с которым связано создание общества потребления в советской вариации и с о в р е м е н н о й м о д е л и п о т р е б л е н и я.

Изменения происходят не сразу. В первой половине 1960-х гг. отмечаются преобладание в структуре потребления расходов на питание и предметы первой необходимости и, напротив, непозволительно низкие затраты на удовлетворение культурно-бытовых запросов, что свидетельствует об общем низком уровне благосостояния (табл. 6.4). При этом структура потребления колхозников и горожан (рабочих и служащих) существенно не различается.

Питание было главной статьей расходов колхозников и составляло в Свердловской области около 50 %, его качество и ассортимент соответствуют отраслевой структуре приусадебного хозяйства, уровню развития общественного производства в целом и доходам населения в частности. Несмотря на улучшение структуры питания колхозников в 1960-е гг., особенно по таким показателям, как мясо, молоко, рыба и др., ассортимент и количество потребляемых ими продуктов, особенно в отношении овощей, фруктов, мясо-молочной продукции, был хуже, чем у городских жителей, и существенно отличается от рациональных норм (табл. 6.5). Структура питания в крестьянских семьях складывалась из продуктов, произведенных в личном хозяйстве, которое полностью обеспечивало крестьян молоком, яйцами, мясом и на 93 % овощами⁶⁸. Торговля в середине 1960-х гг. мало влияла

Т а б л и ц а 6.4

*Структура расходов населения Урала в 1965 г., %**

Статья расхода	Уральский регион (колхозники)	Свердловская область (колхозники)	Свердловская область (рабочие и служащие)
Питание	50,7	50,2	41,0
Непродовольственные промышленные товары	25,9	26,9	20,0
из них на одежду, обувь	18,1	19,2	17,0
Алкоголь и табак	6,2	7,0	6
Культурно-бытовые нужды	2,8	3,7	3
Налоги и сборы	1,4	1,3	8
Прочие	13,0	10,9	22,0

*Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 63—64; Д. 7896. Л. 212.

на рацион колхозников, обеспечивая их продуктами промышленного производства, конкретный перечень которых зависел от обеспеченности торговых предприятий бакалейными и гастрономическими товарами.

Чаще всего крестьянская семья в 1960-е гг. покупала в магазинах хлеб, причем часть приобретенного хлеба помимо личного потребления использовалась для хозяйственных нужд, в т. ч. для корма скота. По итогам статистических разработок в 1961 г. на эти цели расходовалось в месяц в среднем 268,2 кг хлеба на 100 хозяйств⁶⁹. Две трети крестьянских семей покупали в магазине маргарин и жиры, максимальные расходы на эти продукты не превышали 30 руб. в год, а в большинстве случаев (71 %) составляли 3—6 рублей. Достаточно распространенной статьей семейного расхода было приобретение кондитерских изделий, на которые тратилось в большинстве семей (63 %) до 24 руб. в год, а в каждом десятом хозяйстве расходы превышали 50 рублей. При этом наибольшие затраты приходились на те семьи, в которых насчитывалось

Т а б л и ц а 6.5

*Потребление продуктов питания в РСФСР различными группами населения в 1959 г. (на одного чел. в год)**

Продукты питания	Колхозники	Рабочие совхозов	Рабочие промышленности	ИТР и служащие	Рациональные нормы
Хлебопродукты, кг	188,9	139,3	134,5	122,8	120,4
Картофель, кг	188,3	137,1	121,7	114,0	96,7
Овощи и бахчевые, кг	78,2	71,3	73,0	75,0	146,0
Мясопродукты, кг	33,3	32,0	51,8	55,9	81,8
Молокопродукты, кг	287,1	300,3	296,7	346,3	433,6
Яйца, шт.	174	169	133	159	292
Рыбопродукты, кг	5,6	6,0	13,2	14,0	18,2
Сахар и кондитерские изделия, кг	13,8	14,5	23,8	24,1	36,5

*Составлено по: Безнин М. А. Материальное положение рабочих и колхозников, 1950—1965 гг. Вологда, 1989. С. 36—37; Матюха И. Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967. С. 129.

от 1 до 3 детей; многодетные семьи, имея низкие реальные доходы, тратили на конфеты и печенье гораздо меньше.

Чуть больше половины крестьянских хозяйств (55,2 %) покупали в магазинах чай и очень редко кофе, расходуя на них в среднем 1—2 руб. в год. Из мясных продуктов в магазинах крестьяне чаще интересовались колбасами и мясокопченостями, затраты на них в половине семей достигали 15 руб. в год, а в некоторых хозяйствах (2,7 %) они превышали 60 рублей. Такое же положение отмечается с приобретением рыбной продукции — консервов, соленой и копченой рыбы. Более половины семей расходовали на их покупку до 15 руб. в год.

Обращает на себя внимание очень высокий удельный вес расходов на алкогольные напитки. Только в 0,9 % обследованных семей не зафиксирована эта статья расходов, а ее среднеарифметический показатель соответствует 109 руб. в год. При этом 21,3 % хозяйств

тратили на эти цели до 30 руб. в год, а 8,6 % покупали винно-водочные изделия на сумму 241 и более рублей. Кроме того, существенную статью в расходах колхозников составляли закупки сахара, количество которого в значительной степени определялось потребностями семьи, ее составом. Сахар выступал также в качестве сырья для производства самогона, увеличивая затраты семьи по данной статье.

Высокие показатели расходов на спиртные напитки и традиционное для крестьян производство браги и самогона свидетельствуют о негативных моментах в образе жизни крестьянства. Проблема народного пьянства поднималась еще земскими статистиками, которые отмечали, что «вино простым народом потребляется безвременно и притом сверх меры», порождая пьянство⁷⁰. Винокуренные заводы Пермской губернии в 1867 г. производили до 0,5 ведра спирта на каждого жителя; кроме того, в крестьянской среде складывается обычай варить пиво и брагу, для чего многие выращивали на своих усадьбах хмель. В Шадринском уезде по берегам рек Исети и Течи были заросли дикого хмеля. Сельские общества откупали участки по 2—3 версты и собирали его. На семью приходилось до полупуда. Причем отмечалось, что на рынке этот товар не появлялся: весь уходил на внутреннее потребление.

В советское время самогонование было особенно распространено в довоенный и послевоенный периоды. В 1960-е гг. его производство сокращается, чему способствовали не только систематически проводившиеся акции милиции по изъятию самогонных аппаратов у населения, но и появление возможности приобретения алкоголя в системе розничной торговли. Часто алкогольные напитки покупались не только для личного потребления, но и для оплаты за услуги: помощь в строительстве и ремонте дома, вспашку огорода и т. д. При этом доля расходов колхозников на алкоголь была такой же, как и в городах, хотя в абсолютном выражении они тратили меньше.

Судить однозначно об уровне пьянства в деревне по расходам на алкоголь сложно. По воспоминаниям крестьян, перелом в отношении

к спиртному приходится на послевоенный период: «До войны в нашей округе молодежь не пила совсем. Лет до 20, т. е. до армии, мало кто знал вкус вина. Вообще народ в то время пил только по праздникам, а чтобы в будни кто ходил по деревне пьяным — у нас такого бы признали дураком. После войны — вот стали много пить. Может, тяжелая судьба людей сказалась? Мужики, которые вернулись живыми, они привыкли пить на фронте. Там частенько пить приходилось»⁷¹. О строгом отношении к вину как праздничному угощению вспоминают и другие респонденты. И совсем иная картина складывается из воспоминаний фельдшера, детство которого прошло в городе: «Пили в городе сильно и много. В нашем доме была “Казенка”, там все продавалось — от чекушки до литра, все с разными наклейками и недорого. Если праздник какой-то, весь дом пьяный. Сначала песни поют, а потом драки начинаются, мужики жен своих да детей гоняют. Но вот чтобы женщины пили — не видела. Не пили до войны женщины. Пили в основном рабочие, интеллигенция гораздо меньше... Молодежь тоже пила здорово. В школе, помню, учились в классе седьмом, правда, все взрослые были, лет по 18. Так мальчишки принесут на урок бутылку и под партой выпивают. Сейчас даже представить такое нельзя, а раньше было. Ой, в нашем доме особенно — все с одного завода мужики. Как получка, так и слышно: жены ругаются, а мужики песни орут»⁷². В 1960-е гг. алкоголь на селе становится более доступным, меняется и отношение к нему. Пьянство, в чем всегда подозревали деревню, становится реальной проблемой.

В целом же в 1960-е гг. магазинная торговля мало влияла на рацион колхозников, обеспечивая их такими продуктами, самостоятельное производство которых было затруднено. Определенную роль в поступлении некоторых продуктов питания — мяса, молока, овощей, рыбы — играла внутридеревенская торговля.

Главным источником формирования структуры питания оставалось в этот период личное подсобное хозяйство. Уровень доходов семьи оказывал воздействие на рацион питания, позволяя высокообеспеченным категориям питаться более калорийно и рационально

по сравнению с малоимущими и средними слоями. При этом в самых стесненных обстоятельствах оказывались многодетные семьи, в которых по всем видам продуктов уровень потребления был существенно ниже рациональных норм.

Анализируя структуру потребления колхозников в 1960-е гг., нужно отметить еще один момент — рост значимости предприятий общественного питания. Питание населения складывается из домашнего и общественного, при этом преобладание одного из видов довольствия зависит от ряда факторов, в том числе от уровня развития сферы общественного питания, доходов, традиций потребления. Для урбанизированного общества характерно расширение сферы общественного питания, которая становится элементом обыденности. В сельской местности система общественного питания начинала складываться в 1930-е гг., но носила сезонный характер, заметно не влияя на ежедневный рацион. По материалам бюджетов в 1960-е гг. колхозники питались главным образом дома, пользование услугами столовых было эпизодическим и не оказывало существенного влияния на общую структуру потребления: 21,7 % колхозников вообще не пользовались услугами предприятий общественного питания⁷³; остальные в большинстве случаев тратили на него не более 20 руб. в год и только 4,6 % — свыше 81 рубля. В это число вошли также семьи, дети в которых обедали в дошкольных и школьных учреждениях. Таким образом, для крестьян в исследуемый период система общественного питания не играла существенной роли, а ежедневный рацион складывался, в основном, из внутрисемейного потребления продуктов питания.

Если структура питания колхозников в 1960-е гг. воспроизводит в целом традиционные черты, то другие сферы потребления семьи начинают активно меняться, в результате чего материальный мир крестьянской семьи постепенно приобретает городские черты. В первую очередь это относится к одежде и обуви, мебели и предметам обстановки, бытовой технике, транспортным средствам. В более ранний период приобретение «городских» предметов быта было эпизодическим явлением, диктовалось соображениями

престижа и было связано с созданием демонстрационной модели потребления. В 1960-е гг. ситуация меняется, городские предметы начинают определять обыденный уровень, меняют представления о норме и образе жизни (рис. 14).

Затраты крестьян на промышленные товары в 1963 г. по сравнению с 1953 г. выросли на 70 %. Согласно результатам бюджетных обследований этого периода в деревнях стали появляться мотоциклы, стиральные машины, пылесосы и даже автомобили. В среднем за 1963 г. по Свердловской области крестьянская семья тратила на одежду и обувь 309 руб. в год, на газеты, товары культурного назначения и спортивные принадлежности — 10 рублей. Но достигнутый уровень потребления продолжал оставаться крайне низким и уступал по своим показателям уровню потребления рабочих и служащих.

В сельских домах появляется современная мебель, радиоприемники, проигрыватели, первые телевизоры, бытовые приборы

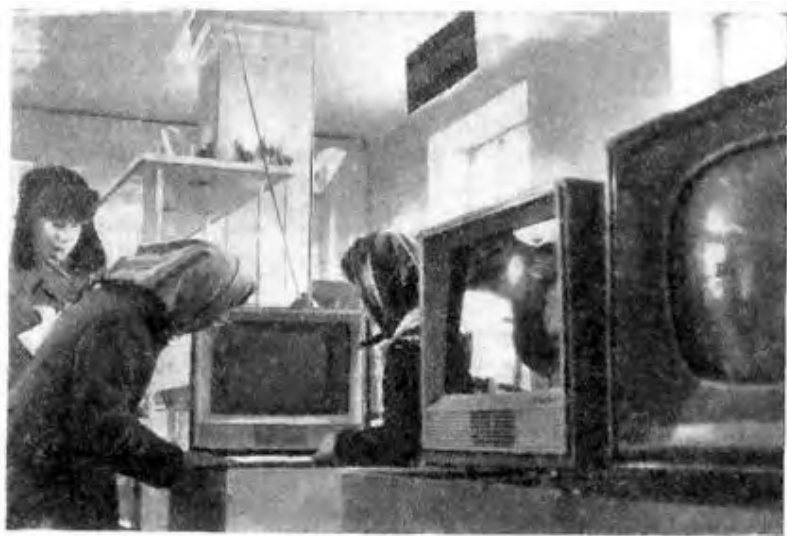

Рис. 14. Телевидение приходит в сельский быт. Выбор телевизора в сельском универмаге (Кустанайская область)⁷⁴

(табл. 6.6). Если в 1960 г. холодильник был редкостью, то уже через 10 лет он стоял в каждом втором доме.

Общий уровень насыщения предметами культурно-бытового назначения, промышленными товарами в этот период не только в сельской местности, но и в городах был недостаточным для удовлетворения растущих потребностей общества, что, в частности, нашло отражение в стойком дефиците товаров. Так, приобретение населением СССР тканей в 1965 г. составляло всего 61 % к рациональной норме, бельевого трикотажа — 35 %; верхнего трикотажа —

Т а б л и ц а 6.6

*Обеспеченность крестьян Урала бытовыми приборами
и товарами культурного назначения в 1963 г.,
в среднем на 100 хозяйств, шт.**

Наименование товара	Уральский регион	Свердловская область
Телевизор	0,3	3,6
Радиоприемник	21,2	58,7
Электропроигрыватель	0,2	5,8
Стиральная машина	1,2	27,4
Пылесос	—	0,3
Электроутюг	Н. св.	79,5
Фотоаппарат	1,7	7,5
Швейная машина	48,0	75,4
Часы ручные	Н. св.	137,1
Мотоцикл	4,8	11,4
Велосипед	39,2	71,5
Автомобиль	0,2	0,2
Аккордеон, баян	10,2	2,8
Книги	806,1	994,3
Газеты	88,2	105,5

*Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3272. Л.1; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32а. Д. 7172. Л. 78.

22 %, обуви — 67 %⁷⁵. Еще хуже обстояло дело с бытовой техникой. К 1965 г. в расчете на 100 семей в СССР в среднем приходилось 24 телевизора (19 % рациональной нормы); магнитофонов — 2 (5 %); холодильников 11 (10 %); стиральных машин 21 (26 %); пылесосов — 7 (12 %)⁷⁶. Много это или мало? Много по сравнению с тем, что было, но в то же время все эти блага не были общедоступными. Приведенные цифры достаточно красноречивы и свидетельствуют об определенных сдвигах, пока еще очень незначительных.

Если учесть весь спектр изменений, которые происходят в условиях жизни сельского населения, — рост доходов, изменение структуры расходов, то они свидетельствуют о том, что в СССР в 1950—1970-е гг. формируется общество потребления в его особой, советской, разновидности. Для него характерен общий низкий уровень жизни с нерациональной структурой потребления, наличием постоянного дефицита, использованием нелегальных способов приобретения товаров, созданием особых механизмов их перераспределения.

Общество потребления — одна из стадий индустриального общества, а вернее, — высший этап его развития, характерной чертой которого становится сближение потребительских моделей жителей города и села, унификация и стандартизация основных потребностей, и не только материальных, но и культурных. Общество потребления в СССР, как и на Западе, формируется уже в 1960-е гг., а своей максимальной точки достигает в 1980-е гг., влияя на создание урбанизированной модели потребления в сельской местности.

Более поздний период характеризуется неоднозначными процессами, приведшими к глубокому кризису сельской местности и дифференциации жителей села с учетом не только экономического, но и географического фактора: доходы и потребление жителей деревень, находящихся в зоне влияния городов, отличаются более высокими показателями, а их структура в целом соответствует современной городской модели. В отдаленных от городских центров деревнях происходит архаизация образа жизни и возвращение

к традиционной модели потребления, ориентированной на натуральное хозяйство или, что еще хуже, полную деградацию. Эти процессы непосредственно связаны с состоянием аграрной экономики и особенностями ее трансформации в условиях рыночного хозяйства: по мере удаления от городов и плодородных почв рыночное хозяйство становится все более убыточным. Данные закономерности были описаны еще в XIX в. в трудах немецкого экономиста И. Г. Тюнена (1783—1850) и проявились в России в полной мере в начале XXI в.

По итогам обследования бюджетов домашних хозяйств денежные доходы 10 % наиболее обеспеченных селян в 1996 г. примерно в 27 раз превышали доходы соответствующей низкодходной группы населения (по городскому населению — в 14 раз). На селе снова вошло в обиход понятие бедности, причинами которой стали безработица и низкий уровень оплаты труда сельских тружеников. Особую тревогу вызывает тот факт, что бедность становится нормой, порождая среди жителей российского села апатию, безысходность и многочисленные социальные болезни — пьянство, наркоманию, нищенство и пр. Причем денежные доходы сельских семей ниже прожиточного минимума остаются примерно на 30 % меньше доходов «бедных» групп населения в городах⁷⁷.

По мнению А. Никулина, кризис сельской местности в настоящее время определяется следующими факторами: 1) почти полное исчезновение крестьянства как носителя особого образа жизни и ментальности; 2) углубление социально-экономической дифференциации; 3) формирование и расширение ареалов хронической сельской бедности⁷⁸.

6.4. Труд и отдых крестьян

В условиях урбанизации происходят изменения не только в социокультурной среде деревни, синхронно меняются повседневные формы жизнедеятельности, прежде всего трудовые. Их трансформация

неразрывно связана с модернизацией аграрной сферы и внедрением механизации в сельскохозяйственные процессы, профессионализацией сельского труда. Уже в 1930-е гг. в качестве самостоятельной профессиональной группы выделяются механизаторы, ставшие героями первых пятилеток и романтизируемые кинематографом. Позднее оформляется особая категория специалистов — носителей сельскохозяйственного знания — агрономов, ветеринаров, зоотехников и т. д. Показателем профессионализации стало и появление в 1960—1970-е гг. более узких женских специальностей — доярки, птичницы, телятницы, свиноводы и пр., а также мужских — трактористы, комбайнеры.

Изменение характера и содержания труда получило отражение в графике трудовой занятости, который становится все более «городским» и регламентируется трудовым законодательством. Выходной день и отпуск в 1960-е гг. становятся неотъемлемым социальным правом крестьянства, для реализации которого был создан необходимый механизм и введены социальные гарантии. Новое отношение к труду и отдыху, отличное от традиционного взгляда, нередко воспринимается современным обществом как нравственная проблема, связанная с утратой крестьянством определенных моральных качеств, таких как трудолюбие, чувство хозяина, бережное отношение к природе и т. д. Действительно, в деревне изменился весь строй жизни, что не могло не сопровождаться различными негативными последствиями, в числе которых оказались, в частности, проблемы организации свободного времени.

Традиционный крестьянский жизненный уклад включал два основных вида деятельности: труд (сельскохозяйственный и домашний) и праздники. Понятие свободного времени (отдыха) у крестьян отсутствовало. В крестьянском мире бытовало представление о праздности (безделье) как грехе, свойственном лодырям и лентяям. Причем безделье соотносилось с уклонением именно от сельскохозяйственного труда и не оправдывалась никакими доводами. Негативное отношение к праздности звучит лейтмотивом в воспоминаниях крестьян: «В деревнях были отдельные

пьянчужки — один-два на деревню. Это были лодыри, которые не хотели работать. В деревенскую страду их можно было видеть с удочкой на реке или с поклажей за спиной, несущих что-нибудь в город, осенью — с ружьем, спешащих на охоту»⁷⁹. Характерно, что рыбалка и охота — традиционные занятия горожан на отдыхе в деревне — не рассматривались как достойное занятие для крестьянина, когда вокруг много работы.

В крестьянском обществе одобряемыми и санкционированными были только два вида деятельности — сельский труд и праздник. Однако праздник воспринимался не как отдых от труда, а скорее как работа для души, т. е. оба состояния были связаны с деятельностью. И действительно, как будний, так и праздничный день были наполнены делами, следовавшими в устойчивой последовательности, поддерживаемой традицией. Народная поговорка «Рукам — работа, душе — праздник» в этом отношении может быть интерпретирована с позиций дуалистического понимания жизни (будней и праздников) как двух рабочих состояний — физического труда и духовной деятельности.

В традиционном обществе труд имеет свои особенности: во-первых, отсутствие специализации и владение всеми необходимыми видами трудовых навыков, обеспечивающих функционирование крестьянского хозяйства; во-вторых, ненормированность трудовой нагрузки, которая определялась исключительно напряженностью сельскохозяйственного цикла и имела сезонную привязку.

Чередование хозяйственных работ определяли традиционный жизненный уклад крестьянской семьи, в основе которого лежал природный календарь. Сельскохозяйственный цикл начинался весной после Масленицы, когда сходил снег. Сначала проводились многократная пахота и боронование, затем посев и унавоживание земли. В Пермской губернии с ее континентальным климатом и непродолжительным летом сельскохозяйственный цикл сжимался до четырех с небольшим месяцев — с конца апреля до начала сентября. Посев обычно начинали 24—25 апреля, в северных уездах

позднее — в первых числах мая, озимые высевались в конце июля, а с начала августа уже начиналась уборка. Хлеб жали и связывали сначала в снопы, которые укладывали в суслоны, а затем в скирды. Чтобы хлеб не осыпался, уборку нужно было провести в 2—3 недели⁸⁰. В июле, после завершения посевных работ и до начала жатвы, проходил сенокос. Этот весенне-летний период был самым напряженным, когда работа шла буквально без сна и отдыха, и в ней был задействован весь трудовой потенциал семьи — от стариков до детей.

По расчетам Л. В. Милова, объем затрат крестьянского труда на сельскохозяйственные работы (с половины апреля до середины сентября) для индивидуального крестьянского хозяйства за вычетом воскресений составлял 128—130 дней, из них на сенокос уходило 30 дней, на земледельческие работы — 100 дней. В расчете на одну десятину (без жатвы и обмолота) приходилось 22 рабочих дня. Крестьянин за эти 22 дня должен был выполнить такой объем работы, который в более благоприятных условиях занимал 40 дней, что и определяло сверхнапряжение его труда⁸¹. При таком бюджете времени качество земледелия могло быть только примитивным.

Но и уборка хлеба не означала конца крестьянских работ: до снегов убирали картошку, овощи, запасали ягоды и грибы, дергали и мяли лен, занимались строительством и подготовкой к зиме.

Декабрь и январь были самыми спокойными месяцами в крестьянском календаре, наполненными праздниками, но не отдыхом, так как работа находилась и в это время: женщины пряли и ткали холсты, мужчины уходили на заработки или занимались домашними промыслами, готовились к новому сельскохозяйственному сезону. «В крестьянском труде после Масленицы нет перерывов. Одно вытекает из другого, только успевай поворачиваться. (Может, поэтому и говорят: круглый год.) И труд, и отдых, и будни, и праздники так закономерны и так не могут друг без друга, так естественны в своей очередности, что тяжесть крестьянского труда скрадывалась», — писал в своей книге В. Белов⁸². Эта протяженность и непрерывность сельскохозяйственного труда

выступает как основа крестьянского образа жизни, где отдых от крестьянских забот — это исключение, праздник, имевший обоснование в Божественном законе.

Вот почему праздничный календарь необходимо рассматривать в контексте традиционного образа жизни как деятельность, дополняющую основной трудовой график. Праздник — это смена деятельности, обеспечивавшая психологическое переключение с хозяйственных забот на личностные потребности человека, связанные с его важнейшими функциями — созданием семьи, психологической разгрузкой, общением и творческой самореализацией. Тем самым праздники организовывали те аспекты жизни крестьянства, которые были связаны с общественной (общинной) стороной образа жизни, обеспечивали социокультурную интеграцию людей.

Традиционные праздники подразделялись на календарно-религиозные, семейные и общественные. Последние включали так называемые «царские дни»: день восшествия на престол, дни рождения и тезоименитства царствующих особ и т. д. Все они находились в сфере влияния религии и освящались ею. Другим важнейшим регулятором праздничного цикла была хозяйственная деятельность, привязанная к календарю. С учетом этих факторов на протяжении веков складывался праздничный годичный цикл, который упорядочивал жизнь деревни, придавал ему устойчивость и предсказуемость. Праздники служили точками отчета, сигналом для подготовки и проведения определенных работ, определяя не только хозяйственные практики, но и семейные — свадьбы, рождение детей и пр. По святцам планировалось время постов, свадеб, начала различных сельскохозяйственных работ.

В праздники жизнь подчинялась своим правилам: запрещалось работать («День свят — все дела спят»), но запрет не распространялся на домашние дела (приготовление пищи, уборка дома, уход за скотом). Каждый праздник включал обрядовую сторону, в которой закреплялась определенная последовательность действий. Отмечено, что деятельностная структура традиционного праздника основана на использовании одних и тех же атрибутов и действий,

что придавало им сходные черты: обход дворов (чтобы в каждый дом пришло благополучие); персонификация праздника в песнях и обрядах (игры, гадания, церковные службы); употребление пищи, состав которой мог меняться в зависимости от времени года; почитание умерших предков⁸³. Продолжительность праздника могла варьироваться от нескольких дней до нескольких недель, но всегда больше одного дня. «Как праздник, — вспоминает П. И. Иванова (дер. Погешур Кировской обл.), — все гуляли, в соседние деревни ездили. Как праздник — никто не работает всю неделю. Хоть лето, хоть зима — всей деревней пируем»⁸⁴.

Годовой отчет времени начинался с праздника, посвященного пробуждению весны, — Масленицы, после чего наступало время ежегодных полевых работ, завершавшихся к Покрову дню. Характерной чертой праздничной традиции стало совмещение и интеграция народного и церковного календарей. Ее можно рассматривать как проявление синкретичности крестьянского сознания, в котором переплелись христианские и языческие верования. Именно праздники выступают в качестве наиболее ярких примеров подобного восприятия окружающего мира, основанного на православной доктрине, но постоянно разрывающего ее границы.

Роль церкви в крестьянском мире была очень значимой, она определяла мировосприятие крестьян, поддерживала их эстетические и религиозные чувства. Воспоминания о церкви как месте отдыха и восстановления души и тела встречаются достаточно часто: «Отдыхали люди в церкви, душу свою перед Господом Богом очищали, в грехах каялись. А какая была красотища в церкви»; «Я не богомольная. Пускай мне скоро 90 лет. Но чего-то все равно есть. Вот раньше ходили исповедоваться. Так после исповеди и помазанья где и сила бралась. Домой придешь, дак горы ворочаешь»⁸⁵.

Не останавливаясь на религиозной составляющей крестьянских праздников, обратимся к их деятельностной, обрядовой стороне, в которой церковные службы и таинства выступали как один из составных элементов, но не единственный. Не менее значимыми были светские элементы праздника, связанные с гуляниями,

играми, танцами, на которых молодежь разных деревень знакомилась, находила себе пару, веселилась.

В Пасху ходили на качелях качались... Летом гулянья все были в честь религиозных праздников. В Троицкую субботу тоже веселились. На второй день был праздник «Земля-именниница» (Духов день), в этот день нельзя было прикасаться к земле, ни копать, ни рыхлить. «Заговенье». Все из округи ходили в дер. Мыленки. Пели частушки, плясали барабушку, краковяк, польку, вальс, кадрили или колхозную. После Заговенья — «Бородинское моление». В этот день носили икону, служили службу в церкви, а потом танцы. Потом 7 июля — «Иванов-день», у Кашолков плясали. 12 июля — праздник Петра и Павла, мы ходили в Блиниковщину, тоже километров за десять. 8 ноября — «Митревская» — день победы над татарами, в этот день ездили в гости, ели, пили, угощались. Когда начиналось Рождество, начинались вечеринки в избах. Ребенки ходили по деревне и созывали: «Сегодня приходите на вечерку в такой-то дом». Вторая рождественская неделя называлась «Страшные вечера». В эту неделю все гадали, бегали шишкуны (чудища), переодевались, пели песню. В «Крещенские» лепили из теста крестики, их святили в церкви, а затем раскладывали везде: в домах, во хлеву у скота, чтобы не влез дьявол. В это время еще привозили передвижное кино. В каждую неделю перед Троицей в деревнях возили навоз, выметали улицы, мыли все в избах (из воспоминаний учителя деревни Афоницы Кировской обл. Н. Г. Селезнева)⁸⁶.

Календарно-религиозный праздничный цикл дополнялся семейными событиями, центральными из которых в жизни крестьянской семьи были свадьбы и похороны. Похоронная обрядность, особенно традиция поминовения, накладываясь на церковный календарь, создавала свой поминальный цикл, важный для каждой семьи.

Особое место в праздничном календаре занимал воскресный день, когда верующие посещали церковь. Хотя празднование воскресенья имеет глубокие исторические и религиозные корни, отношение к нему как к выходному дню складывается существенно позднее. В России оно было связано с утверждением крепостничества: запрещение пользоваться трудом крепостных по воскресеньям

встречается в России уже в XVII в. Промышленный переворот и индустриализация способствовали утверждению воскресенья как законодательно оформленного выходного дня работников, положив начало законодательству о труде во многих странах.

В нем нашли представления о дне недели, когда работа считается нежелательной, т. е. нерабочем дне, но в крестьянской среде эти представления имели свое толкование. Воскресный день рассматривался крестьянами как время посещения церкви: «В церковь мы ходили по воскресеньям, на все церковные божественные праздники. В воскресенье до обеда не работали, в обедню не работали, ходили в церковь». Получается, что полного запрета на работу в воскресенье не существовало, более того, он постоянно нарушался в весенне-летний период, когда каждый час светлого времени был на счету. Но само по себе утверждение воскресенья как выходного можно рассматривать как результат развития праздничной традиции в новых условиях.

Таким образом, жизненный уклад крестьян, построенный на смене и чередовании труда и праздников как основных видов деятельности сохранялся очень долго, вплоть до 1960-х гг., в том числе в условиях колхозно-совхозной системы.

Создание колхозов и совхозов, ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств повлияли на трудовой график крестьянства, но не принципиально. Пока преобладали традиционные технологии и механизация сельскохозяйственных работ оставалась нереализованной задачей, общий цикл повседневной жизни подчинялся традиционным ритмам и определялся календарной очередностью сельскохозяйственных работ. Отличия от традиционного образа жизни состояли в том, что наряду с работами в колхозе и совхозе крестьянская семья должна была выкраивать время для приусадебного хозяйства, за счет которого деревня выживала в 1930—1940-е гг. Это влияло на повышение интенсивности труда колхозников, которые весь световой день с утра до вечера (летом с 5 до 22 часов) должны были трудиться на колхозных работах — в полеводстве, животноводстве и т. п. Работы в своем хозяйстве (огород и уход

за скотом) выполнялись преимущественно нетрудоспособными членами семьи, большая нагрузка падала на хозяйку (это была сфера ее ответственности), которая должна была успеть сделать все домашние дела до выхода на общественные работы. «Работать я начала в колхозе, — вспоминает Н. Ф. Стремоусова (дер. Кривошеи Кировской обл.), — Был у нас бригадир, который назначал работу, утром часов в пять стукнет в окно, скажет: “Сегодня туда-то иди”. Куда пошлет, туда и идем: навоз возили на лошадях в поле, машин не было никаких. Слыхали про них как про сказку какую... Потом боронили, сеяли. Все приходилось делать. А бригадир-от скажет в пять часов, а встаешь-то часа в три, а то и раньше. Надо ведь и печь истопить, сварить и для скотины и для себя, корову подоить, накормить. И бежишь ранехонько на работу...»⁸⁷; «Придешь ночью — да стирать надо, потом на речку бежишь полоскать, а спать-то уже некогда — со скотиной, стряпать надо, да опять на работу. Детей почти и не видали. Работали — ни праздников, ни выходных не знали»⁸⁸.

Итак, труд в личном хозяйстве поглощал значительную часть свободного времени колхозников, главным образом женщин, а также детей и стариков. Женщины тратили на работу в своем хозяйстве в 4 раза больше времени, чем мужчины. По данным бюджетных обследований колхозников Свердловской области в 1963 г. большинство семей (71,9 %) работали в своем хозяйстве в течение года от 900 до 1200 часов⁸⁹. Постоянного внимания требовало животноводство, которое отнимало ежедневно 2—3 часа времени. Работа на приусадебном участке носила сезонный характер, т. е. максимум трудовой нагрузки на приусадебном участке падал на летний период и составлял в большинстве семей от 100 до 300 часов, а в 25 % хозяйств — от 301 до 500 часов. В среднем более половины семей в уральской деревне отрабатывали в своем хозяйстве в течение года от 301 до 600 человекоднев, 2,7 % трудились 100—300 человекоднев, 35,3 % — свыше 600 человекоднев. Интенсивность трудовой нагрузки зависела от размеров семьи и величины хозяйства. Распространение получила практика привлечения к работе в хозяйстве людей, не являвшихся членами

семьи. Этот факт был зарегистрирован в 62 % хозяйств, наемный труд чаще всего использовали летом, в период сенокоса, уборки. Потребность в дополнительном труде была связана с отсутствием достаточного количества рабочих рук в семье.

Анализируя трудовую занятость колхозников, необходимо отметить, что работа в колхозе — крупном многоотраслевом хозяйстве — объективно способствовала росту специализации и профессионализации, но не сразу. На раннем этапе в порядке вещей была частая сменяемость и взаимозаменяемость выполняемых работ. Крестьянин продолжал оставаться универсалом, занимаясь теми работами, которые были необходимы:

Табельный день у нас был с пяти часов утра, бежишь на конник запрягать и вперед до вечера, — от зари до зари, пока светло, все па- шешь. Зимой, если молют, дак с трех утра, разные ведь работы-то были. Коней ведь мы вот гоняли, даже мешки ведь заставляли воро- чать. Зимой сено возили с лугов. Весна придет, тут уже пашня, посевная, потом навоз возят. Все до соломенки вывезут. Запахивают этот навоз, потом сенокос... Рано до солнца встаешь — косишь. В шесть-семь часов — завтракать идешь, повернули сено — потом обед. Потом в копны метать, потом опять косим часов до десяти вечера — это сенокос, потом уборка. Сколь коней сменишь, все бега- ешь. 400 снопов свяжешь — палку получишь [трудодень]. Циновки расстилали, зерно убирали, дак не единого зернышка мимо не упадет. Циновка ткалась из мочала. Ребятишки лен теребили. Осенью му- жики строят, женщины со льном барабаются да молотят его. Мужики зимой лапти плели, валенки катали, плотничали. Раньше ведь не да- вали лежать-то, телевизор-то глядеть. Да и не было его. (М. М. Кри- вошеина, дер. Зимник Кировской обл.)⁹⁰

С ростом механизации сельскохозяйственного производства складываются профессиональные группы механизаторов, полево- дов, доярок, телятниц, птичниц. Но самой многочисленной на протяжении всего колхозного периода оставалась категория ра- ботников, получившая в 1960-е гг. название разнорабочих. Для разных категорий рабочих трудовой график приобретает свои специфические черты.

Наибольшей стабильностью, невзирая на сезон, отличалась трудовая занятость работников животноводства, административно-управленческого аппарата, а также механизаторов (табл. 6.7). При анализе занятости колхозников очевидно, что количество работников во всех названных категориях колеблется в зависимости от времени года. В зимние месяцы рабочую силу в основном оттягивало животноводство, строительство, а также работы, связанные с агрономическими мероприятиями, в т. ч. вывозка навоза, сортировка семян, снегозадержание и т. д. На них были заняты более половины колхозников. Значительную группу колхозников в изучаемый период составили механизаторы, в основном — мужчины, их количество оставалось относительно стабильным, лишь немного увеличиваясь в летние месяцы на период уборочных работ, когда техника использовалась максимально полно, и привлекались дополнительные руки. Удельный вес этой категории работников составлял 12,7 % зимой и 13,1 % — летом (см. табл. 6.7).

Т а б л и ц а 6.7

*Профессиональная занятость колхозников Свердловской области
в 1963 г., %**

Категории работников	Летний период	Зимний период
Не выполняли работ	4,1	12,2
Механизаторы	13,1	12,7
Животноводы	22,2	25,3
Разнорабочие-полеводы	19,0	28,9
Административно-управленческий аппарат	7,2	6,8
Другие**	15,8	2,3
Нет сведений	18,6	11,8

*Составлено по бюджетам колхозников (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

**В эту категорию вошли сторожа, кочегары, уборщицы и прочий обслуживающий персонал.

Достаточно стабильную группу составляли работники административно-управленческого аппарата колхоза, их удельный вес колебался от 6,8 до 7,2 %. В состав управленцев входили председатель колхоза, его заместители, заведующие фермами, гаражом, бригады, бухгалтер, кладовщики, а также специалисты — агрономы, ветеринары, фельдшеры и пр. Эти должности требовали определенной квалификации и знаний, что, однако, в 1960-е гг. далеко не всегда выполнялось. В большинстве случаев заведующие фермами, бригады, бухгалтеры, т. е. среднее звено управления, специального, а часто и среднего образования не имели. В этой категории большинство составляли мужчины (75 %).

Сезонные колебания наблюдаются при анализе занятости категории разнорабочих, включающей в зимние месяцы до 28,9 % трудоспособных. Летом они распределялись по полеводческим бригадам либо становились сторожами, плотниками, поварами, т. е. занимались трудом, обслуживающим сельскохозяйственное производство. В полеводстве и животноводстве основная масса занятых была представлена женщинами, мужчины чаще были механизаторами, трудились на строительстве, в обслуживающей сфере. С течением времени удельный вес этой категории сокращается в связи с профессионализацией. Как отмечают М. А. Безнин и Т. М. Димони, если в 1939 г. выделялось 12—13 сельскохозяйственных специальностей, то в 1970-е гг. — уже 159. В 1939 г. 80 % селян России работали «без обозначения специальности», а в 1970 г. доля тех, кто не имел профессии, составила 47 %, т. е. значительно снизилась⁹¹.

В зимний период выделяется группа колхозников (12,2 %), не участвующих в колхозных работах, чаще всего это пенсионеры. Летом, когда возрастает объем сельскохозяйственных работ, количество их резко сокращается (до 4,1 %), т. е. максимально полно используются все трудовые резервы села. Низкий уровень оплаты труда рядовых колхозников вынуждал их систематически подрабатывать на государственных предприятиях и частным образом. Подобные факты отмечены в каждой третьей крестьянской семье. Дополнительный заработок не только помогал пополнить семейный

бюджет, но и обеспечивал более полную занятость колхозников в течение года.

Даже в середине 1960-х гг., когда происходят серьезные сдвиги в разных сферах жизнедеятельности сельского населения, в том числе в доходах и потреблении, трудовая деятельность в основном еще сохраняла традиционные черты. Для нее оставались характерными смена различных видов труда в зависимости от времени года, низкий уровень специализации и квалификации преимущественно ручного труда колхозников, особенно в полеводстве. Колхозники в массе своей были заняты на тяжелых физических работах в полях и на фермах. Слой сельской аристократии (специалисты, механизаторы), с которыми было связано формирование нового отношения к труду и отдыху, оставался очень узким.

Перелом в жизненном укладе крестьян-колхозников приходится на 1980-е гг., когда по всем параметрам (организация труда и отдыха, насыщенность хозяйства бытовой техникой, досуг) образ жизни сельского населения приблизился к городскому стандарту. По наблюдениям С. Г. Карпова, примерно треть суточного времени рабочие, служащие и колхозники тратили на работу. Лишь женщины-колхозницы тратили на нее несколько меньше времени, но были более загружены домашним хозяйством. Колхозники больше времени, чем горожане, уделяли приусадебному хозяйству, однако его удельный вес в бюджете времени сократился до 4—5%. Чуть меньше времени у сельских жителей оставалось на отдых и развлечения, но эти различия были несущественными⁹².

Таким образом, то, что в традиционном обществе рассматривалось как норма, — работа от зари до зари и снижение напряженности труда только в зимний период, когда приостанавливались основные сельскохозяйственные работы, отсутствие выходных и отпусков — в условиях индустриального общества уже выглядит аномалией. «Городской» режим трудовой занятости, который основан на нормировании и законодательном регулировании трудовой недели, чередовании трудовых будней и отдыха, начинает постепенно утверждаться в деревне, вызывая неоднозначные

последствия. Увеличение свободного времени колхозников становится серьезной проблемой, так как не воспринимается крестьянским сознанием как «правильное», особенно в периоды сельскохозяйственной страды. Подсознательное чувство вины и отсутствие традиций «выходного дня» подталкивало к развитию таких негативных явлений, как пьянство.

Еще быстрее, чем характер трудовой деятельности, меняется праздничная культура села. Под сильным политико-идеологическим прессингом шло постепенное замещение религиозных праздников советскими, формирование новой семейной обрядности, расширение номенклатуры праздников за счет появления профессиональных, революционных, трудовых, военно-патриотических. В настоящее время этот список дополняют корпоративные праздники — дни города, дни компаний и пр. Так или иначе в рамках культурно-воспитательной работы их связывали с формированием нового быта, новой культуры.

Уже в 1920 г. советское правительство отменило 9 дней отдыха, связанных с основными церковными праздниками, а также «царские дни»⁹³. 5 декабря 1928 г. были опубликованы правила, подписанные Лениным, об еженедельном выходном дне и о некоторых других праздниках: 1 января — Новый год; 22 января — День 9 января 1905 г.; 12 марта — День низвержения самодержавия; 18 марта — День Парижской коммуны, 1 мая — День I Интернационала, 7 ноября — День пролетарской революции. В 1922 г. в советском праздничном календаре оставалось только 8 церковных и новые революционные праздники; кроме того, в 1924 г. были введены взамен Крещения (19 января) и Благовещения (25 марта) два новых дня отдыха — 2 мая и 8 ноября⁹⁴. Изменение праздничного календаря преследовало цель создания новой светской революционной праздничной традиции и выведения праздничной культуры из-под влияния церкви. В этом же направлении пытаются трансформировать и семейную обрядность — свадьбы, похороны.

Внедрение нового праздничного календаря происходило очень сложно и медленно, особенно в сельской местности, которая

выступала хранительницей праздничной традиции. Здесь все основные церковные праздники, несмотря на официальное осуждение, отмечались вплоть до 1960-х гг. Наряду с ними приживаются новые советские праздники — октябрьские и Первомайские, Новый год. Появляются и колхозные праздники, связанные с формированием новых трудовых традиций: праздник первой борозды, первого снопа, окончания уборки: «Какие колхозные праздники осенью делали! — вспоминают крестьяне. — Больно есть было нечего, так в такой праздник колхозный стол был богато накрыт. Первым блюдом была картошка. А из свеклы и моркови какие блюда делали... Нажарят, напрягут. Больно-то тогда никто не пил. Выпьют чуть-чуть и веселятся целую ночь под гармошку. Народ и отдыхать умел, и работать»⁹⁵.

В деревне новые праздники воспроизводили традиционную схему, но с использованием революционных элементов. Вместо церковной службы организовывали митинг; вместо крестного хода — демонстрацию. Кульминационным моментом новых праздников оставалось совместное деревенское застолье и гулянье с песнями и плясками.

Такая переходная ситуация, характеризующаяся переплетением элементов традиционной и новой советской праздничной культуры, сохранялась до 1950-х гг. — времени, когда происходят глубокие изменения в социокультурной среде деревни. С утверждением клубной системы функции организации обрядов и праздников, в том числе семейных, берут на себя клубы, чему способствовал опыт города по введению новой обрядности. В 1959 г. в Ленинграде открылся первый Дворец бракосочетания, положив начало формированию сети аналогичных учреждений в других городах. В 1970 г. их в стране насчитывалось уже 600⁹⁶. Разработка новой обрядности велась в русле очередной антирелигиозной кампании и была нацелена на отвлечение молодежи от церкви. В этой ситуации возрождение многих народных обрядов рассматривалось как вполне допустимый вариант. В рамках подготовки свадебного торжества проводились помолвка и сговор как дань историческим

традициям. Сложнее проходила трансформация похоронного обряда: здесь позиции церкви оставались более прочными, а обрядность не претерпела существенных изменений.

Принципиальным отличием праздников 1960—1970-х гг. стало использование новых технологий — музыкальной техники, записей, выступлений профессиональных артистов, которые постепенно начали вытеснять вековые музыкальные традиции сельского праздника, который из деятельностной сферы постепенно перемещается в потребительскую, подрывая коммуникационные и эстетические основы празднования как особого вида деятельности, тесно связанного с творческим и личностным началом. Логическое завершение трансформации праздничной культуры, которое мы можем наблюдать сейчас, — это превращение праздника в разновидность представления, где гости и хозяева праздника играют роль зрителей, которых развлекают профессиональные аниматоры.

Таким образом, изменение образа жизни, связанного с режимом и содержанием сельского труда, а также праздничной культуры способствовало усложнению структуры социального времени. Если в рамках традиционного образа жизни выделялись только два вида деятельности — труд и праздники, то в новых условиях наряду с ними оформляется третья составляющая повседневности — отдых, связанный с таким незнакомым и непонятным для крестьянина явлением, как свободное время. В календаре сельского жителя появляются выходные и отпускные дни, а проблема свободного времени становится одним из центральных вопросов организации быта сельских жителей. Ее решение связывали с созданием новых клубов и библиотек, призванных повысить культуру досуга. Однако ни клубы, ни распространившееся в 1980-е гг. телевидение не смогли ее смягчить. Требовалось формирование новых традиций досуга, изменение отношения к свободному времени как к ценности, необходимой для развития личности. А для этого были необходимо время и условия, обеспечивающие доступность информации и новых видов деятельности (спорт, учеба, активный отдых и пр.), дополняющих традиционные варианты.

Рассматривая процессы изменения крестьянского жизненного уклада, мы сталкиваемся еще с одной проблемой — з а к о н о д а т е л ь н ы м о ф о р м л е н и е м права на отдых и его обеспечение. Применительно к сельской среде это право, включенное в состав гражданских прав советского человека как обязательный элемент, имело свою специфику. Сельский житель, работник колхозов и совхозов, смог его реализовать далеко не сразу, намного позднее, чем горожанин, и не в самом полном виде.

Следует отметить, что право на отдых относится к категории социально-экономических прав человека, нашедших отражение в международных документах, что свидетельствует о его значимости с позиций гражданского общества. В частности, во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 г. (ст. 22), и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г. (ст. 7) признается право каждого человека на справедливые и благоприятные условия труда, включая отдых, досуг, разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск. Таким образом, право на отдых тесно связано с другими правами — правами на работу и социальное обеспечение.

Оформление рассматриваемой нормы права на уровне международного и конституционного законодательств стало результатом длительного и сложного процесса развития взглядов на права личности, а также рабочего движения, где требование сокращенного рабочего дня стало одним из основных лозунгов экономической борьбы пролетариата, а в дальнейшем и требованием программ рабочих партий. Развитие пролетарского движения за ограничение рабочего дня было следствием промышленной революции и «дикой» индустриализации, где погоня за наживой и прибылью становилась главной целью, а естественные ограничители трудовых усилий, как это свойственно крестьянскому труду, отсутствовали. Это означает, что право на труд и на отдых формировалось в рамках становления индустриального общества, соответственно

оно было актуальным для тех социальных групп и классов, которые связаны с промышленным производством. В стороне от этого процесса изначально оказались крестьяне, для которых более насущными были требования права на землю и самостоятельность (волю). Проблемы регулирования труда и отдыха для них решались на основе представлений об естественных природных циклах и не были столь актуальными, как для индустриальных классов.

Право на отдых рассматривалось как одно из достижений советского конституционализма. Подобная норма была подтверждена в конституциях большинства других социалистических стран и стала одним из наиболее очевидных доказательств «народности» и «справедливости» советской власти. Основное содержание права на отдых было связано с решением таких вопросов (гарантий), как конституционное и законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, установление выходных и праздничных дней, а также предоставление трудящимся права на ежегодный оплачиваемый отпуск.

Впервые право на отдых формулируется в советском законодательстве в Конституции 1936 г., где в ст. 119 указано: «Граждане СССР имеют право на отдых. Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов». В дальнейшем в Конституции 1977 г. это конституционное право было подтверждено, расширены гарантии его реализации для рабочих и служащих (ст. 41), а также впервые были упомянуты колхозники.

Очевидно противоречие: конституция — основной закон, определяющий права и обязанности **в с е х г р а ж д а н**, независимо от их социальной принадлежности. Между тем гарантии реализации этого права изначально предоставлялись только рабочим и служащим. Колхозное крестьянство, формально обладая этим правом, не имело условий для его реализации вплоть до 1960-х гг. И даже

по Конституции развитого социалистического общества (1977) гарантии этого права переадресовывались колхозам, которые самостоятельно должны были регулировать продолжительность рабочего времени и отдыха.

В качестве материальных гарантий реализации права на отдых указывалось «расширение сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений» и т. д. И таковые действительно имелись, но доступны были только через государственную систему социального страхования и профсоюзы, которые вплоть до конца 1960-х гг. охватывали своей деятельностью только часть советского общества. Крестьянство, составлявшее в этот период наиболее массовую социальную группу, находилось вне зоны действия механизмов, обеспечивающих реализацию права на отдых.

Как и 100 лет назад, в 1920—1950-е гг. жизнь крестьян регулировалась на основе традиции с учетом сельскохозяйственного цикла, который определял и продолжительность рабочего дня (от рассвета до заката), и количество выходных дней. Между тем традиционные механизмы регулирования труда и отдыха в сельскохозяйственном производстве в условиях модернизации были уже недостаточны. Механизация сельского хозяйства стала заметным явлением уже в 1930-е гг., в дальнейшем идет внедрение электрификации, интенсификации, которые формируют новые трудовые ритмы, близкие по сути к индустриальным, т. е. также нуждающиеся в нормативном регулировании.

Вплоть до 1969 г. все вопросы нормирования сельскохозяйственного труда никак не регламентировались на законодательном уровне, рассматривались как внутреннее дело хозяйства и решались на уровне устава колхоза. Исключением, пожалуй, можно считать издание Постановлений об обязательном минимуме трудодней для колхозников (1939, 1942), в которых были определены нижние границы трудового участия, но не ограничивался возможный максимум⁹⁷. Это означало, что они имели мобилизационный характер и не были связаны с реализацией конституционных прав.

Если учесть бесправное с точки зрения хозяйствующего субъекта положение колхозов, их полную подчиненность государственным планам и механизмам управления, то понятно, что такая ситуация выразилась в нарушении прав колхозников на отдых и продолжительность рабочего дня, а об обеспечении этих прав какими-то «материальными» гарантиями в виде здравниц и домов отдыха вообще говорить не приходилось. Вопросы организации труда и отдыха регламентировались уставом колхоза и в большинстве случаев не подкреплялись какими-то гарантиями, так как финансовые возможности их реализации практически отсутствовали. В соответствии с Примерным уставом 1935 г. колхозы могли формировать социально-культурные фонды для оказания помощи инвалидам, старикам, а также для других целей, куда могли отчислять до 2 % средств валовой продукции. Учитывая конфискационный характер политики по отношению к колхозам, реально эти фонды не формировались.

Таким образом, единственными государственными актами по вопросам социального обеспечения колхозников на долгое время оставались Примерный устав сельхозартели и Примерный устав общественной кассы взаимопомощи. Но они не определяли ни порядка, ни норм материальной помощи. Крепкие хозяйства могли принимать свои положения о социальном обеспечении, но они не влияли на ситуацию в целом. Такое положение в области социального обеспечения колхозников сохранялось вплоть до издания Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов от 15 июля 1964 г.

На 1 января 1959 г. около 4/5 сельхозартелей страны оказывали материальную поддержку своим членам, на Урале такие выплаты производили 85,2 % хозяйств. Размеры их были незначительными — около 6—8 руб. ежемесячно в зависимости от экономического состояния колхоза. В 1964 г. принимается Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, в результате чего формируется единая система пенсионного обеспечения. Минимальный размер пенсии для колхозников устанавливался в размере 12 руб., максимальный — 102 рубля. К концу 1965 г. численность колхозных пенсионеров

составила по стране около 8 млн человек, на Урале в 1966 г. пенсии получали 253,6 тыс. человек⁹⁸.

Реализация прав на отдых предусматривалась также Примерным уставом колхоза 1969 г., в котором впервые были подтверждены основные гражданские права колхозников — право на труд и гарантированную оплату, право на безопасные условия труда, а также на отдых⁹⁹. Вместе с тем в уставе нашел отражение обязательный минимум трудового участия, который определялся общим собранием. Продолжительность рабочей недели устанавливалась самими колхозниками и указывалась в Правилах внутреннего распорядка. В большинстве колхозов была введена 6-дневная рабочая неделя с еженедельными выходными, но в разгар сельскохозяйственных работ эти правила не соблюдались.

Новый устав также закрепил норму, которая становится достаточно обычной в 1960-е гг., — оплачиваемые отпуска колхозникам. Колхозы сами определяли продолжительность отпуска и размеры его оплаты. В уставе приведены рекомендуемые нормы: для основных категорий работающих продолжительность отпуска должна была составлять не менее 15 дней; для председателей, руководителей, специалистов и других работников с ненормируемым рабочим днем предусматривался дополнительный отпуск — 6—12 дней. Размер оплаты за отпуск определялся колхозом в процентах от среднемесячного заработка. Отпуск предоставлялся колхозникам при условии отработки установленного минимума трудодней. Некоторые льготы предусматривались колхозникам, имеющим почетные звания. Они получали денежное вознаграждение, а также бесплатные путевки в санатории и дома отдыха.

Все выплаты производились из централизованного фонда социального страхования, куда по решению III Всесоюзного съезда колхозников (1969) отчислялись колхозами 2,4 % из средств фонда оплаты труда. За счет средств фонда колхозникам выплачивались пособия, приобретались путевки в санатории, дома отдыха, пансионаты. Таким образом, крестьянство оказалось включенным в общегосударственную систему социального страхования, которая

обеспечивала не только пенсионные выплаты и пособия, но и материальную поддержку в реализации права на отдых, поскольку появлялась возможность частичной или полной оплаты путевок в санатории и дома отдыха за счет централизованных фондов. Работа по организации и руководству фондами социального страхования была возложена на профсоюзы.

В 1960-е гг. формируется и другая предпосылка, обеспечивающая некоторые гарантии по реализации права на отдых колхозников — строительство собственных домов отдыха, санаториев и пансионатов. Этому способствовали положительные сдвиги в экономическом положении колхозов, связанные с реформами 1953—1958 гг. и ростом материального благосостояния колхозников. В 1950-е гг. растут объемы жилищно-бытового и культурного строительства в деревне и наиболее богатые колхозы строят дома отдыха и пансионаты для отдыха своих колхозников. Так, например, в колхозе им. Кирова Балашихинского района во второй половине 1960-х гг. был построен пансионат, в котором отдохнули почти все колхозники. Колхоз «Красная нива» Мытищинского района Подмосковья в 1968 г. выделил бесплатные путевки для лечения 1/3 колхозников в санаториях, а в 1969 г. в санаториях и домах отдыха побывала почти половина членов колхоза¹⁰⁰.

В 1970-е гг. рекреационное строительство за счет средств колхозов, совхозов, а также фондов социального страхования приобрело еще более широкий размах и способствовало созданию небольшой, но все же более заметной в сравнении с предшествующим периодом санаторно-курортной сети. В СССР было построено около 300 здравниц, 400 пионерлагерей, в т. ч. «Золотой колос» в Алуште, «Нива» — в Ессентуках, «Катунь» — в Белокурихе, «Прикамские нивы» — в Усть-Качке. Для расширения базы отдыха и лечения ЦК профсоюза работников сельского хозяйства арендовал гостиницы «Интурист» в Сочи и Ялте. Конечно, это была капля в море, но в сводных отчетах профсоюза о количестве работников колхозов и совхозов, которые отдохнули в санаториях и домах отдыха, были отмечены уже сотни тысяч человек, а не единицы, как ранее.

В 1978 г. колхозники в СССР получили за счет средств соцстраха 1 150 тыс. льготных и бесплатных путевок. С 1965 по 1978 г. их количество составило 12 млн. Расходы по социальному страхованию на санаторно-курортное обслуживание выросли с 23 млн в 1971 г. до 43 млн рублей в 1978 г. А всего в 1970—1978 гг. колхозникам было выплачено по социальному страхованию 489 млн рублей¹⁰¹.

Анализируя вопросы реализации права на отдых среди крестьян-колхозников, следует уточнить некоторые организационные моменты, связанные с формированием в СССР сети санаторно-курортных учреждений и их использованием. Развитие системы санаторно-курортного обслуживания, а также других учреждений отдыха рассматривалось в Конституции как одна из гарантий реализации права на отдых. Соответственно возникает вопрос об их доступности для рядового гражданина и для крестьянина в частности.

За годы советской власти в стране сложилась система санаторно-курортного обслуживания, которая включала два вида санаториев — профсоюзные и ведомственные. В 1919 г. был принят декрет «О лечебных местностях общегосударственного значения», который положил начало национализации курортов. 13 мая 1921 г. в Постановлении СНК «О домах отдыха» было указано, что дома отдыха организуются губпрофсоветами в целях предоставления рабочим и служащим возможности проведения отпуска, т. е. главная роль в этом деле отводилась профсоюзам, на них возлагался контроль за распределением путевок¹⁰². В дополнение к профсоюзам стали появляться также ведомственные санатории (строительство которых велось за счет союзных и республиканских министерств, ведомств, крупных предприятий, творческих объединений), хотя и в этом случае управление ими находилось в руках отраслевых профсоюзов. В дальнейшем система получения санаторно-курортного лечения через профсоюзы укрепилась, и те категории граждан, которые не были охвачены профсоюзным движением, автоматически выпадали из нее. Это касалось, в частности, крестьян, а впоследствии — колхозников.

Вплоть до 1965 г. профсоюзное движение не затрагивало колхозников. Хотя в стране имелся профсоюз рабочих и служащих сельского хозяйства, его влияние распространялось лишь на работников совхозов, МТС, заготовительных органов. Его история начинается с июня 1919 г., когда в Петрограде был создан профсоюз батраков, регулировавший условия труда, оплату работников земельных органов, совхозов, введение 8-часового рабочего дня¹⁰³. В 1931 г. были образованы 4 профсоюза: союз рабочих земледельческих совхозов; союз рабочих животноводческих совхозов; союз рабочих МТС и батраков; союз рабочих сахарной промышленности. После длительной череды реорганизаций в 1953 г. на их основе был создан единый профсоюз рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок, переименованный в 1977 г. в профсоюз работников сельского хозяйства.

С 1958 г. в связи с реорганизацией МТС и передачей их колхозам было принято решение об организации в колхозах профсоюзных групп, так как часть механизаторов и специалистов перешла из МТС в колхозы. За ними было сохранено членство в профсоюзах, а также право на государственное социальное страхование. Пополнение профсоюза в этот период шло также за счет реорганизации колхозов в совхозы и изменения социального статуса колхозников. В 1965 г. было утверждено Положение «О профсоюзном комитете колхозов», которое узаконило право колхозников участвовать в профсоюзном движении и сделало доступным для этой категории населения учреждения санаторно-курортного комплекса, принадлежащие ВЦСПС, и другие социальные блага. В 1979 г. 11,5 млн колхозников (95 % всех постоянно работающих) стали членами профсоюза. В 1980-е гг. в составе профсоюза насчитывалось уже более 28 млн человек — тружеников совхозов, колхозов и работников отраслей, обслуживающих сельское хозяйство¹⁰⁴.

Таким образом, изучение исторических аспектов реализации права на отдых для различных социальных групп в советской практике достаточно отчетливо демонстрирует отсутствие равных возможностей и гарантий. Для рабочих и служащих это право не

только декларировалось государством на уровне Конституции, но и обеспечивалось трудовым законодательством, законами по социальному страхованию и формирующейся системой санаторно-курортного обслуживания. Причем в данном случае мы не оцениваем уровень удовлетворения потребностей в отдыхе и восстановлении здоровья, так как принцип социальной избирательности присутствовал и здесь. В полной мере этим правом могли пользоваться представители номенклатуры и административно-управленческого аппарата. Так, например, в 1970 г. рабочие получили лишь 48 % путевок¹⁰⁵. Возможности приобретения путевок даже за оплату были ограничены пропускными способностями рекреационных учреждений.

Что касается колхозников-крестьян, то для них это право даже в Конституции было введено только в 1977 г. и не было обеспечено гарантиями. Реальная практика соблюдения права на отдых начинает складываться только в 1960-е гг. В силу отсталости сельскохозяйственной сферы, ее убыточности она так и не получила заметного развития. Едва ли треть колхозников хоть раз в жизни побывала в санаториях, домах отдыха, хотя исключения и положительные примеры найти, конечно, можно.

Такая ситуация связана не только с несовершенством и заданной социальной ориентацией системы социального обеспечения в советском обществе, но и со спецификой сельскохозяйственного труда, где долгое время труд и отдых регламентировались на основе традиции, и только в условиях формирования индустриального общества и урбанизации деревни сюда начинают проникать новые формы проведения досуга, отдыха.

Социальное неравенство в реализации права на отдых сохраняется и в современных условиях. Оно усугубляется не только многоукладностью экономической сферы и снижением уровня государственных социальных гарантий, но и такими факторами, как уровень жизни. Причем сельское население в этом отношении продолжает оставаться наиболее ущемленным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Урбанизация как важнейшая составная часть модернизационных преобразований представляет собой закономерное явление, суть которого нередко трактуется достаточно однобоко. Чаще всего ее рассматривают как процесс развития городов и концентрации основной массы населения в городских поселениях. При этом игнорируется системный характер урбанизации, которая неизбежно затрагивает не только собственно городскую поселенческую сеть, но и сельскую местность, придавая ей новые черты и качество. В сельскую местность внедряются городские стандарты жизни, формируется новая социально-культурная среда, отражаясь в сознании и образе жизни сельчан. Эти процессы перестройки сельского социума нередко обозначают в научной литературе термином «раскрестьянивание», так как в результате происходит трансформация социальных характеристик сельского населения, позволяющая говорить о складывании в сельской местности во второй половине XX в. социальных общностей, характерных для индустриального общества.

Преобразование сельской местности — сложный процесс, который начинается еще во второй половине XIX в. с включения в структуру сельских поселений новых элементов социальной инфраструктуры, благоустройства и развития коммуникаций, внедрения новых принципов организации жилого пространства, а также изменения образа жизни. Однако вплоть до настоящего времени это преобразование не завершилось.

Можно выделить ряд каналов, через которые происходит проникновение элементов городской культуры и образа жизни в сельскую среду: миграция, система образования и культурно-бытового

обслуживания, средства массовой информации и т. д. Особое место среди факторов влияния занимает политика государства в отношении села, которая объективно была ориентирована на преодоление различий между городом и деревней. Государственная политика невольно выступала носителем существующих в обществе представлений (мифологических по своей сути) о месте и роли сельской местности в меняющемся обществе и формировала идеологические установки, направленные на форсированное свертывание сельской поселенческой сети и преобразование села в город.

Начальный этап урбанизации охватывает вторую половину XIX в. — 1920-е гг., когда происходит постепенное накопление качественных изменений, создающих предпосылки кардинальной перестройки сельской местности. В это время сельская поселенческая сеть приобретает новые черты: меняются функции, характер и даже внешний облик сельских поселений. Складывается социальная инфраструктура, ориентированная на выполнение дополнительных социальных функций — образование, здравоохранение, получают развитие транспортная сеть и связь. Все это не было свойственно традиционной деревне. Кроме того, в 1861 г. появляется новая форма административно-территориального управления и самоуправления — с е л ь с к о е о б щ е с т в о. Оно являлось формой существования крестьянской общины и опиралось на традиционные институты, но вместе с тем выступало носителем определенных инноваций. Наряду с выполнением прежних функций сельское общество отвечало за деятельность ссудосберегательных касс, сохранность амбаров, исправность дорог, больниц и богаделен, ему придаются функции местной власти, т. е. появление сельского общества можно рассматривать как новый этап в развитии социальной организации крестьян.

К началу Первой мировой войны в столичных губерниях и в регионах, которых коснулась индустриализация, новые черты расселения начинают проявляться достаточно явственно. Вокруг Москвы и Петербурга появляются дачные поселки, растет удельный вес несельскохозяйственных поселений, благодаря деятельности земств медленно, но верно происходит преобразование условий жизни на селе. Однако мировая война, а затем революция и граж-

данская война не только затормозили эти процессы, но и привели к восстановлению традиционной схемы расселения.

На начальном этапе урбанизации влияние политических решений носит опосредованный характер. Развитие сельского образования, здравоохранения, торговли, культурно-бытовой сферы определялось не столько вмешательством государства, сколько внутренними механизмами, в том числе общинными традициями. Инициаторами и носителями модернизационной тенденции выступали земства и институты общинного самоуправления.

Ситуация несколько меняется в 1920-е гг. в условиях формирования советской государственности, характерной чертой которой выступает централизация и жесткий контроль всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе образования, культурно-просветительской работы, общественно-политической жизни. Одновременно происходит ликвидация различных форм самоуправления, игравших значительную роль в жизни деревни. Соответственно возрастает влияние политического фактора, и государство становится единственным инициатором и идеологом перестройки сельской местности, определяя направленность и содержание урбанизации деревни.

Отличительной чертой начального этапа сельской урбанизации является то, что образ жизни сельского населения сохраняет преимущественно традиционные черты. Основные изменения были связаны с формированием двойного стандарта потребления (обыденного и демонстрационного), который предполагал наличие некоторых элементов городской культуры (мебель, предметы быта, одежда). Однако общий низкий уровень жизни не позволял полностью изменить потребительскую модель, она сохраняла традиционный характер.

Второй этап урбанизации приходится на 1930—1950-е гг. Его основной чертой стала с о ц и а л и с т и ч е с к а я р е к о н - с т р у к ц и я советской деревни, которая затронула как производственную, социальную сферу, так и культурно-бытовые условия жизни крестьян. Причем основное внимание государства было сосредоточено на решении первых двух задач, а проблемы переустройства сельской местности затрагивались лишь попутно. Среди наиболее значимых направлений государственной политики, имевших урбани-

зационный эффект, следует отметить систему мероприятий, направленных на ликвидацию безграмотности, внедрение обязательного начального образования и формирование клубно-библиотечной сети в сельской местности как основного канала политико-идеологического воспитания крестьянства. Условия функционирования колхозно-совхозной системы повлияли на складывание колхозно-совхозного образа жизни, который отличался от традиционного усилением интенсивности труда колхозников при сохранении общего низкого уровня жизни. Рост эксплуатации крестьянства, использование внеэкономических методов принуждения, в том числе ограничение свободы передвижения крестьян, дают основание некоторым историкам делать выводы о возрождении в деревне крепостнических отношений. Подобная точка зрения представляет собой упрощенное толкование ситуации, сложившейся в деревне на ранней стадии индустриализации, основанное только на учете некоторых внешних проявлений отношений между властью и крестьянами. Коллективизация представляет собой специфическую форму агроперехода, связанного с созданием крупного интенсивного сельскохозяйственного производства в сжатые сроки и административными методами с явными правовыми и экономическими перекосами, что непосредственно отразилось на уровне и образе жизни крестьянства.

Третий этап урбанизации (1960—1980-е) характеризуется формированием комплексного подхода к реконструкции сельской местности, который затронул не только производственную и культурную сферы, но также поселенческую среду, придав логическую завершенность урбанизационной перестройке российской деревни. Причем для данного этапа в большей степени, чем ранее, было характерно игнорирование особенностей функционирования сельского социума, в результате чего урбанизация приобретает очевидно деформированный характер.

В области сельского хозяйства реализуется политика интенсификации сельскохозяйственного производства. Несмотря на противоречивые результаты, объективно она содействовала индустриализации аграрной сферы и дальнейшей социальной трансформации сельского социума, в том числе характера труда и отдыха крестьянства. В этот период в сельской местности реализуется целый ряд программ,

связанных с повышением благоустройства, развитием дорожной сети и транспорта, электрификацией и газификацией. Однако их ориентация только на перспективные поселения существенно ограничивала результативность, не затрагивая абсолютное большинство населенных пунктов. Особенно тяжелые последствия для судьбы российской деревни имела политика сселения неперспективных деревень, приведшая к появлению пустошей и снижению уровня освоенности сельских территорий.

Принятие в 1982 г. Продовольственной программы стало признанием кризисного положения в сельской местности. Некоторые положительные тенденции, наметившиеся в 1980-е гг. в ходе реализации основных направлений Продовольственной программы, были прерваны разразившимся в конце 1980-х гг. кризисом и последующими рыночными преобразованиями. Лишенная достаточных людских и материальных ресурсов, сельская местность оказалась в катастрофическом положении. Снизились не только показатели сельскохозяйственного производства и уровня жизни населения, произошло разрушение той социально-бытовой инфраструктуры, которая сложилась в предыдущий период. Вместе с тем говорить о свертывании процессов урбанизации не приходится. Напротив, в определенном смысле она развивается более агрессивно, усиливая социальную напряженность в деревне.

Таким образом, основным двигателем перестройки сельской местности в XX в., связанной с формированием новой урбанизированной социокультурной и бытовой среды, выступило государство. Реализуя свои задачи в области социальной и аграрной политики, власть, особенно в советский период, становилась носителем модернизационной тенденции. Однако результаты этой политики были противоречивыми. Она в значительной степени деформировала естественные процессы трансформации сельской местности и способствовала формированию кризисной ситуации в деревне, которую мы можем наблюдать в начале XXI в.

Важнейшим результатом и содержанием урбанизации стала трансформация сельского образа жизни от его традиционного варианта к урбанизированному. Этот процесс тесно связан с понятием раскрестьянивания и является закономерным и объективным.

Его суть состоит в постепенной утрате социальной группой (крестьянством) своих социально-экономических и культурологических признаков (свойств).

Раскрестьянивание имеет две стороны — внешнюю и внутреннюю. Внешнее раскрестьянивание проявляется в физическом сокращении численности крестьянства, которое стало следствием, во-первых, индустриализации и развития сельской миграции и, во-вторых, изменения типа демографического поведения, связанного с переходом к малодетной семье и регулированию рождаемости. В послевоенный период внешнее раскрестьянивание дополняется внутренним, под которым понимается изменение форм жизнедеятельности крестьянства, трансформация традиционного образа жизни. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывает быт, культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей, преобразуя их жизнь таким образом, что утрачиваются родовые черты и особенности крестьянства как социальной группы. Результаты внутреннего раскрестьянивания становятся очевидными уже в послевоенный период, а к 1960-м гг. приводят к дифференциации крестьянства по образу жизни и выделению наряду с традиционно-крестьянским и колхозно-совхозным образом жизни сельско-урбанизированного и, позднее, урбанизированного. Выделение сельско-урбанизированного уклада прослеживается уже по бюджетам колхозников 1960-х гг. и свидетельствует о качественных сдвигах в сельской местности в доходах, потреблении, труде и отдыхе.

Четвертый этап — дезурбанизация — разворачивается в сельской местности в 1990—2000-е гг. Он протекает трудно и на данный момент охватывает пригородные территории крупных городов, где горожане приобретают (строят) второе (летнее) жилье или переселяются в возводимые коттеджные поселки, принося с собой новый жизненный уклад. Результаты данного процесса пока не очевидны. Но можно предположить, что в условиях дезурбанизации произойдет перераспределение функций между городом и селом. Сельская местность постепенно становится рекреационной зоной, производственная функция отходит на второй план и приватизируется городом. Эта новая функция и будет определять специфику и роль сельской местности в условиях постиндустриального общества. Будущее покажет.

Библиографические ссылки и примечания

К введению

- ¹ См.: *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М., 1977. С. 205.
- ² Урбанизация [Электронный ресурс] // Большой толковый социологический словарь терминов онлайн. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/u/urbanizatsija.html>.
- ³ См.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 13, 27.
- ⁴ Там же. С. 72.
- ⁵ *Давидович В. Г.* Расселение в промышленных уздах СССР. М., 1960. С. 3.
- ⁶ См.: *Пивоваров Ю. Л.* Современная урбанизация. М., 1976; *Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М.* Расселение в СССР. М., 1981.
- ⁷ См.: *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества. Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. М., 1981. С. 238–239.
- ⁸ См., например: *Лаппо Г. М.* Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производительных сил СССР. М., 1978. С. 3—25; *Его же.* Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР // Динамика расселения в СССР. Вопросы географии. [Сб.] 129. М., 1986. С. 125.
- ⁹ См.: *Полян П. М.* Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М., 1988. С. 77.
- ¹⁰ См.: *Браде И., Перцик Е. Н., Питерский А. С.* Районная планировка и разработка схем расселения. Опыт и перспективы. М., 2000. С. 44.
- ¹¹ См., в частности: *Гольц Г. А.* Урбанизация как феномен культуры : закономерности социально-информационного разнообразия // Изв. РАН. Сер. География. 1994. № 3. С. 24—37.
- ¹² См.: *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
- ¹³ См., например: *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* М., 2001; *Иоффе Г. В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987; *Комель Т.* Стадиальная концепция урбанизации : методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М., 1987.
- ¹⁴ См.: Территориальные социально-экономические системы Урала: территориальная организация производства и расселение Урала. Пермь, 1977; *Уральская Е. М.* Сельское расселение и типология сельских населенных пунктов Свердловской области // Вопр. эконом. истории и эконом. географии. Свердловск, 1964; *Ее же.* Сельские несельскохозяйственные поселения Свердловской области //

Вестн. МГУ. Сер. 5, География. Вып. 5. М., 1966; *Ее же*. Расселение Свердловской области и его районирование : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1968; Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития : сб. ст. Уфа, 1986; и др.

¹⁵ См.: *Демидова Г. П.* Вопросы развития Нижнетагильской городской агломерации : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1971; и др.

¹⁶ См.: *Важенин Г. Ф.* Уральское село: образование, культура, быт. Свердловск, 1970; *Его же*. Город и деревня: новый этап сближения. Свердловск, 1976.

¹⁷ См., например: Социальное развитие села: анализ и моделирование. Новосибирск, 1980; *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979; и др.

¹⁸ См., в частности: *Иофа Л. Е.* Города Урала : экономико-географическое исследование. М., 1951; и др.

¹⁹ См., например: *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.

²⁰ См.: *Сеняевский А. С.* Российский город в 1960—1980-е годы. М. 1995; *Его же*. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003; *Его же*. Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Урал. ист. вестн. № 5/6 : Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. Екатеринбург, 2000. С. 139—152; и др.

²¹ См.: *Сеняевский А. С.* Российский город в 1960—1980-е годы; *Его же*. Урбанизация России в XX веке...

²² Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. М., 2000.

²³ См., в частности: *Лотарева Р. М.* Города-заводы России, XIII — первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993.

²⁴ См.: *Алферова Е. Ю.* Уральский город пореформенного времени: тенденции демографического развития // Пробл. социально-политической истории Урала. Челябинск, 1991. С. 68—79; *Ее же*. Города Урала второй половины XIX в. как центры торговли // Промышленность Урала в период капитализма. Социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 168—191.

²⁵ См.: Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII — начале XX века. Екатеринбург, 2002; Уральский город в XVIII — начале XX в.: проблемы социальной истории. Екатеринбург, 2004; *Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. М., 2003; и др.

²⁶ См.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; и др.

²⁷ *Оруджиева А. Г.* Формирование системы городов Урала в двадцатом столетии : науч. докл. : препринт. Екатеринбург, 2005.

²⁸ Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг. : анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2005.

²⁹ См.: Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000.

³⁰ См.: Григорович М. А. Современные социально-географические тенденции развития поселков городского типа старопромышленного региона (на примере Среднего Урала) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2006.

³¹ См.: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.

³² См.: История советского крестьянства. Т. 2 : Конец 1927—1937 г. М., 1986; История советского крестьянства. Т. 3 : 1938—1945 гг. М., 1987; История советского крестьянства. Т. 4 : 1945 — конец 50-х годов. М., 1988.

³³ См., например: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Его же. Советская доколхозная деревня. Социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928—1941. М., 1982; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни, 1965—1980 гг. М., 1982; и др.

³⁴ См., например: Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). Томск, 1979; Её же. Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981; Обще-ственно-политическая жизнь уральской советской деревни : сб. науч. тр. Свердловск, 1985; Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни : сб. науч. тр. Свердловск, 1987; Социально-демографическое развитие уральского села : сб. ст. Свердловск, 1988; Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917—1985 гг. : сб. науч. тр. Свердловск, 1988; Социальная активность тружеников уральской советской деревни : сб. ст. Свердловск, 1990; Развитие культуры уральской советской деревни, 1917—1987 гг. : сб. ст. Свердловск, 1990; История народного хозяйства Урала : в 2 ч. Свердловск, 1990; Мот-ревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1990; и др.

³⁵ См.: Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930—1980-е гг. : тез. науч. докл. Вологда, 2003.

³⁶ Корнилов Г. Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / под ред. Хироси Окуда. Токио, 2005. С. 286—314.

³⁷ См.: Ильиных В. А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчи-вого развития // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 1. М., 2002. С. 644—654.

³⁸ См., например: Берсенева В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994; Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Наухацкий В. В. Аграрная

политика в СССР в 1965—1990-х годах: проблемы разработки и реализации. Ростов н/Д, 1996; и др.

³⁹ См., например: *Земсков В. Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118—147; *Славко Т. И.* Кулацкая ссылка на Урале, 1930—1936. М., 1995; и др.

⁴⁰ *Романченко В. Я.* Государственные сельские хозяйства России : Ист. опыт, проблемы, уроки развития. Саратов, 2000; и др.

⁴¹ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. М. ; Вологда, 1991; *Есиков С. А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.). Тамбов, 1998; *Его же.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004; *Лабузов В. А., Сафонов Д. А.* Оренбургская деревня на завершающем этапе Гражданской войны (1920—1922 гг.). Оренбург, 2002; и др.

⁴² См.: *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939—1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002; *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война : (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; *Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А.* Сельское население в Западной Сибири в 1960—1980-е гг. Новосибирск, 2003; *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.

⁴³ См., например: *Наушацкий В. В., Кабанов А. Н.* Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965—1991 гг. Ростов н/Д., 2001; *Попов А. А., Сметанин А. Ф.* Советская северная деревня в 60-е — первой половине 80-х гг. Сыктывкар, 1995; и др.

⁴⁴ См., например: *Русинов И. В.* «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопр. истории КПСС. 1990. № 8. С. 50—63; *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России : Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996; *Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке...

⁴⁵ См.: *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. 1991. № 6. С. 176—181; *Корнилов Г. Е.* Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века // History of the Russian Peasantry in the 20th Century [Vol. 1]. Tokyo, 2002. P. 33—54.

К разделу 1

¹ См.: Словарь экономических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://krcor.ru/dict/y.html#УРБАНИЗАЦИЯ>.

² *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Социология : в 3 т. Т. 3 : Социальные институты и процессы. М., 2001.

³ Эту особенность выделяют, в частности, Г. М. Лаппо, А. Г. Вишневский, А. И. Трейвиш (см.: Российский город — симбиоз городского и сельского [Электронный ресурс] // Население и общество. 2005. № 221/222, 7—20 ноября. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit06.php>).

⁴ Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации [Элек-

тронный ресурс] // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: <http://www.gks.ru/PEREPIS/t1.htm>.

⁵ См.: *Озерова Г. Н., Покишиевский В. В.* География мирового процесса урбанизации. М., 2001; *Перцик Е. П.* География городов (геоурбанистика). М., 1995; *Латто Г. М.* География городов. М., 1997; *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М., 1967; и др.

⁶ См., в частности: *Пивоваров Ю. Л.* Основы геоурбанистики : учеб. пособие для студентов. М., 1999.

⁷ См.: *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 3.

⁸ Урбанизация [Электронный ресурс] : слов. эконо. терминов . URL: <http://krcor.ru/dict/y.html#УРБАНИЗАЦИЯ>.

⁹ См. подробнее: *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение / пер. Н. Тюкиной. М., 2006.

¹⁰ Урбанизация [Электронный ресурс] // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=680860>.

¹¹ См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998. С. 11.

¹² См.: *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е гг. Л., 1990; *Его же.* Историческая социология России. СПб., 2009.

¹³ *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 203.

¹⁵ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 111.

¹⁶ См., например: *Сенявский А. С.* Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Урал. ист. вестн. № 5/6 : Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. Екатеринбург, 2000. С. 140; Опыт российских модернизаций, XVIII—XX вв. М., 2000. С. 72—88; *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.

¹⁷ Опыт российских модернизаций, XVIII—XX вв. С. 72.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Williams R.* The Country and the City. L., 1973; *Красавченко Т. Н.* Уильямс (Williams) Реймонд (Генри) (1921—1988) [Электронный ресурс] // Культурология, XX век : энциклопедия / под ред. С. Левит. М., 1998. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/522.htm>.

²⁰ См., например: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; *Пивоваров Ю. Л.* Современная урбанизация. М., 1976; *Вишневский А. Г.* Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972; Опыт российских модернизаций, XVIII—XX вв. С. 76—88.

²¹ См.: *Карев В. В.* История Средних веков. М., 1999.

²² *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М. 1937. С. 123.

²³ Грамота на права и выгоды городам Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12798&cat_ob_no=.

²⁴ Учреждения для управления губерний Всероссийская империя, 1775 г., ноября 7 [Электронный ресурс]. URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12797&cat_ob_no=.

- ²⁵ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 627.
- ²⁶ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. С. 46—47.
- ²⁷ Белафин А. Как и когда возник город Пермь [Электронный ресурс]. URL: <http://perm.ho.ua/>.
- ²⁸ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. СПб., 1874. С. 1.
- ²⁹ Подсчитано по: Там же. С. 1—6.
- ³⁰ См.: Кучумова Л. И. Община в системе поселений России // Сельские поселения России: исторический и социокультурный анализ. М., 1995. С. 12.
- ³¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928. С. 98.
- ³² См.: Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках // Сб. указов РСФСР. 1924. № 73.
- ³³ См.: Ковалев С. А. Сельское расселение : геогр. исслед. М., 1963. С. 122.
- ³⁴ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 100.
- ³⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. С. 253.
- ³⁶ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 400—423.
- ³⁷ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10 : Свердловский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11 : Тагильский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3 : Ирбитский округ. Свердловск, 1928.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2.
- ³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928. С. 95—98.
- ⁴⁰ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 3: Ирбитский округ; Т. 6 : Кунгурский округ; Т. 10 : Свердловский округ; Т. 11 : Тагильский округ; Т. 14 : Тюменский округ; Т. 16 : Шадринский округ.
- ⁴¹ Ильин М. Рассказы о пятилетнем плане. М., 1932. С. 137—156.
- ⁴² См. подробнее: Брумфилд У. К., Рубл Б. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2002. С. 73.
- ⁴³ Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996. С. 136—143.
- ⁴⁴ Подсчитано по: Там же. С. 138.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См. подробнее: Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 176—208.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1277. Л. 100.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 2777. Л. 2
- ⁴⁹ Подсчитано по: Там же. Оп. 336. Д. 3996. Л. 7, 50, 64—70; Д. 6121. Л. 2, 23, 68, 79, 82—83, 89, 98, 102, 114; Сельские населенные пункты РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 66, 76—78.
- ⁵⁰ Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в.: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 330.
- ⁵¹ Безнин А. М., Димони Т. М. Аграрный строй и поземельные отношения

в России в 1930—1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003. С. 10.

⁵² Берсенева В. Л. Развитие сети культурно-просветительных учреждений в колхозах Урала (1966—1975 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни, 1917—1987 гг. Свердловск, 1990. С. 119.

⁵³ Постановление СНК СССР от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального огородничества» // Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 490.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 3131. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Д. 4622. Л. 41.

⁵⁶ Там же. Оп. 46. Д. 7190. Л. 3.

⁵⁷ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 385.

⁵⁸ См.: Там же. С. 193.

⁵⁹ См., подробнее: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в. ... С. 243.

⁶⁰ Подсчитано по: Там же. С. 253.

⁶¹ Подсчитано по: Там же. С. 276—277.

⁶² См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 123.

⁶³ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 161—170.

⁶⁴ См.: Уральский экономический район. Основные итоги переписи населения 1989 г. Екатеринбург, 1991. С. 2.

⁶⁵ См.: Там же. С. 2—4.

⁶⁶ См.: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке... С. 440.

⁶⁷ См.: Там же. С. 457, 473.

⁶⁸ См.: Там же. С. 505.

⁶⁹ Керт Г. М. Топонимия в современном мире // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20.

⁷⁰ Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917—1941) [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/andreev2.htm>.

⁷¹ См.: Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области : топоним. слов. Екатеринбург, 2000.

⁷² См.: Список населенных мест Пермской губернии : в 12 т. Пермь, 1909.

⁷³ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. Л. CD—CDXIII.

⁷⁴ Там же. Л. CDXI—CDXII.

⁷⁵ Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993; Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917—1941 гг.); Шмелева Т. В. Советские имена улиц в современном городе // Советское прошлое и культура настоящего : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2009. Т. 2; и др.

⁷⁶ Подсчитано по данным Информационно-справочной системы «Города и села Свердловской области в XX веке».

⁷⁷ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникших поселений» // СУ РСФСР. 1926 г. № 60. Ст. 460.

⁷⁸ Лаппо Г. М. Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста // География. 2004. № 22, 24.

⁷⁹ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3, 6, 10, 11, 14, 16.

⁸⁰ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.

⁸¹ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 205. Л. 26.

⁸² Там же. Оп. 11. Д. 233. Л. 20.

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 1. Л. 1.

⁸⁵ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 204. Л. 3.

⁸⁶ Там же. Оп. 11. Д. 212.

⁸⁷ См.: Лаппо Г. М. Имена городов...

⁸⁸ Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917—1941)...

⁸⁹ См.: ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.

⁹⁰ См.: ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 2895. Л. 28, 31.

⁹¹ См.: Там же.

⁹² См.: Там же. Л. 37—38.

⁹³ См.: ГАРФ. 7523. Оп. 11. Д. 216.

⁹⁴ См.: Там же. Оп. 16. Д. 166. Л. 76, 84

⁹⁵ См.: Там же.

⁹⁶ Щербатая О. Г. Сталинская национальная политика [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/sherbataja_o_g/stalinskajanaxnapolitika.shtml.

⁹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 39. Д. 276. Л. 5—10.

⁹⁸ См.: Там же. Оп. 16. Д. 164. Л. 1, 6, 7.

⁹⁹ См.: Там же.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 75. Д. 483. Л. 38, 45, 54, 56.

¹⁰¹ Там же. Л. 130.

¹⁰² Там же. Л. 141.

¹⁰³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494.

¹⁰⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191.

¹⁰⁵ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 529. Л. 16.

¹⁰⁶ См.: ГАОО. Ф. 1014. Оп. 7. Д. 24. Л. 181.

¹⁰⁷ См.: ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 3078. Л. 2.

¹⁰⁸ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 702. Л. 34.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Оп. 75. Д. 530. Л. 1, 5, 10.

¹¹¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упоря-

дочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 22. С. 300.

¹¹² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 700. Л. 86.

¹¹³ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114.

¹¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 824. Л. 17.

¹¹⁵ См.: Там же. Ф. 385. Оп. 17. Д. 45926. Л. 18.

¹¹⁶ См.: Там же. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 643. Л. 26.

¹¹⁷ См.: Там же. Д. 908. Л. 6.

¹¹⁸ См.: Там же. Д. 909. Л. 99; Оп. 101. Д. 661. Л. 82.

¹¹⁹ См.: Там же. Ф. 385. Оп. 17. Д. 4310. Л. 165.

¹²⁰ См.: Там же. Д. 4324. Л. 45—50.

¹²¹ См.: Там же. Д. 4783, 4789.

¹²² См.: Там же. Д. 4910—4911.

¹²³ См.: Там же. Д. 5047. Л. 7.

¹²⁴ Цит. по: *Есенин С. А.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1977. С. 218; Т. 2. С. 81.

К разделу 2

¹ См.: *Родоман Б. Б.* Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исслед. методол. пробл. географии в Эстонской ССР : тез. докл. Таллин, 1987. С. 75—82.

² См.: *Комель Т.* Стадиальная концепция урбанизации. Методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 86.

³ См.: *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.

⁴ См.: *Иоффе Г. В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987.

⁵ См.: Там же. С. 181.

⁶ См. об этом: *Fielding A. J.* Counterurbanisation in Western Europe // *Progress in Planning*, 1982. No. 17 (1). P. 1—52; *Geyer H. S., Kontuly T. M.* A theoretical foundation for the concept of differential urbanization // *Intern. Regional Science Rev.* 1993. No. 15 (2); *Richardson H. W.* Polarisation reversal in developing countries // *Pap. of the Regional Science Assoc.* 1980.

⁷ См.: *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 1993. С. 42.

⁸ *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 93.

⁹ См., например: *Флоринская Ю. Ф.* Новые формы занятости населения малых российских городов // *Миграция населения. Вып. 2 : Трудовая миграция в России : прил. к журн. «Миграция в России».* М., 2001; *Бадыштова И. М.*

Трудовая миграция как средство выживания семьи в России // Там же.

¹⁰ См.: *Корель Л. В.* Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М., 1977; и др.

¹¹ См., например: *Бугай Н. Ф.* Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». М., 1992; *Горбачев О. В.* Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е гг. // *Вопр. истории.* 2003. № 2; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (1930—1959) // *Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции.* М., 1994; Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX — середина XX в.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2010; *Полян П. М.* Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; и др.

¹² Рассчитано по: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. СПб., 1874.; *Алферова Е. Ю.* Уральский город пореформенного времени: тенденции демографического развития // *Пробл. социально-политической истории Урала.* Челябинск, 1991. С. 77.

¹³ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX в. М., 2000. С. 217.

¹⁴ См.: *Жбанков Д. Н.* Отхожие промыслы в Смоленской губернии в 1892—1895 гг. Смоленск, 1896.

¹⁵ См.: *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире.* М., 1992. С. 37.

¹⁶ Рассчитано по: *Население Урала, XX век.* Екатеринбург, 1996. С. 136, 138.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920 — начало 1950-х гг. Ч. 1. Н. Тагил, 1996. С. 131.

¹⁹ *Бердинских В.* Речи немых... С. 67.

²⁰ См.: *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939—1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002. С. 192.

²¹ *Бердинских В.* Речи немых... С. 46.

²² Там же. С. 194.

²³ См.: *Плисецкий Е. Л.* Современные миграционные процессы в России [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm>.

²⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1958.

²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9709. Л. 74.

²⁶ См.: Миграции сельского населения Уральского района. Свердловск, 1976. С. 17.

²⁷ См.: Постановление 28 августа 1974 года № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Совета_Министров_СССР_от_28.08.1974_№_677.

²⁸ См.: *Евграфов Е. М.* Кинофотодокументы как исторический источник. М., 1973; *Баталин В. Н.* О некоторых приемах внешней критики кинодокументов // *Сов. архивы.* 1986. № 1. С. 23—28; *Кабанов В. В.* Источниковедение истории со-

ветского общества. М., 1997; Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998; и др.

²⁹ См.: Дашкова Т. Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 — начала 1950-х гг. // История страны — История кино / под ред. С. С. Секиринского. М. 2004; *Ее же*. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11—12; Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // История страны — История кино...

³⁰ Приведенные данные не являются абсолютно полными. В энциклопедию вошли сведения о подавляющем большинстве снятых кинокартин, однако говорить об исчерпывающей полноте все же не приходится. Коэффициент погрешности не превышает допустимых пределов.

³¹ Под «актуальными» фильмами понимаются те, которые отражают советскую жизнь в режиме реального времени, т. е. повествуют о настоящем. Ретроспективные фильмы (о прошлом) к анализу не привлекались, хотя они также могут выступать в качестве источников информации по образам прошлого.

³² Подсчитано по: Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. М., 2003. 1 DVD-ROM.

³³ См., например, «Крутые горки», 1956, реж. Н. Розанцев, продолжающий эту же традицию фильм «Председатель», 1964, реж. А. Салтыков; и др.

³⁴ См. «Дело было в Пенькове», 1957, реж. С. Ростоцкий; «Простая история», 1960, реж. Ю. Егоров» и др.

³⁵ Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 285—303.

³⁶ Методика построения динамических моделей поселений разработана Л. И. Бродской. См. подробнее: Бродская Л. И., Мазур Л. Н. Развитие сельских поселений Среднего Урала в XX в. : методологические аспекты построения динамических моделей // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 227—250; Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке... С. 192—201.

³⁷ Здесь и далее, если нет дополнительных ссылок, показатели рассчитаны на основе информационно-справочной системы «Города и села Свердловской области в XX в.» (см. подробнее: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке... С. 168—182).

³⁸ Герштейн Я. Л. Ирбит и его окрестности. Екатеринбург, 1995. С. 168—169.

³⁹ Летопись уральских деревень. Сысертский район. Вып. 2. Свердловская область, 1995. С. 59—60.

⁴⁰ См., подробнее: Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке : стат.-этногр. описание. Екатеринбург, 2003.

⁴¹ См., в частности: Смирнов И. Н. Этнодемографическая характеристика структуры марийской сельской семьи // Археология и этнография Марийского края. Вып. 18 : Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Йошкар-Ола, 1991. С. 39, 42.

К разделу 3

¹ См.: *Коффорд А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле : в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 5.

² См.: Там же. Т. 2. С. 694.

³ См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 36.

⁴ См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 29—30.

⁵ См. подробнее: Агрикультура Урала в XVIII — начале XX в. : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002.

⁶ См.: *Токавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 266.

⁷ См.: Земельный кодекс РСФСР 1922 г. // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 156—179.

⁸ См.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 160.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 1—16. Свердловск, 1928.

¹² См.: Землепользование и перспективы землеустройства на Урале. Свердловск, 1926. С. 9.

¹³ См.: Там же. С. 126, 132.

¹⁴ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.

¹⁵ См.: *Зеленин И. Е.* Совхозы в первое десятилетие советской власти, 1917—1927. М., 1978. С. 81.

¹⁶ См.: Там же. С. 83.

¹⁷ См.: *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928—1941. М., 1982. С. 22.

¹⁸ См. подробнее: *Мазур Л. Н.* Аграрная политика 1930-х гг. как фактор эволюции российской деревни (по материалам Урала) // Урал. ист. вестн. № 9 : Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург, 2003. С. 227—239.

¹⁹ См.: История советского крестьянства : в 4 т. Т. 2. М., 1986. С. 301.

²⁰ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.

²¹ См.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 219.

²² См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²³ См. подробнее: *Томилин В. Н.* Наша крепость: машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период, 1946—1958 гг. М., 2009. С. 46—47.

²⁴ Там же. С. 48.

²⁵ См.: Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/galleries>.

- ²⁶ См.: *Ковалев С. А.* Сельское расселение: географическое исследование. М., 1963. С. 124.
- ²⁷ *Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 253.
- ²⁸ См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1057. Л. 11.
- ²⁹ См.: Там же. Л. 10, 12.
- ³⁰ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³¹ См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 891. Л. 234.
- ³² См.: Там же. Д. 1051. Л. 44.
- ³³ См.: Там же. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 60.
- ³⁴ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 5. М., 1985. С. 402.
- ³⁵ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³⁶ См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 24, 71.
- ³⁷ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³⁸ См.: Там же.
- ³⁹ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 151—152.
- ⁴⁰ В 1934 г. в результате административно-территориальной реорганизации из территории Средне-Волжского края была выделена Оренбургская область.
- ⁴¹ В 1938 г. Оренбургская область была переименована в Чкаловскую и сохраняла это название до 1959 г.
- ⁴² См.: ГАОО. Ф. 846. Оп. 2. Д. 77. Л. 2.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 2443. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
- ⁴⁴ См., подробнее: *Кишин А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926—1937) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 187—227.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Д. 156. Л. 2; Д. 157. Л. 92.
- ⁴⁷ Там же. Д. 211. Л. 24, 71.
- ⁴⁸ См. далее в разд. 4.
- ⁴⁹ См. подробнее: *Мазур Л. Н.* Уральская деревня в годы войны (1941—1945 гг.): поселенческий аспект // Великая Отечественная война в контексте истории XX века : материалы Междунар. конф., г. Адлер, 27—31 мая 2005. Краснодар, 2005. С. 133—137.
- ⁵⁰ См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. Т. 3. М., 1959. С. 500, 534—536.
- ⁵¹ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 195; Оп. 50. Д. 211. Л. 4.
- ⁵² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1040. Л. 46.
- ⁵³ Там же. Д. 902. Л. 87.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 369. Л. 27.
- ⁵⁵ Там же. Д. 284. Л. 61.
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1051. Л. 53 (расчет составлен по колхозу им. Кирова Красноуфимского района Свердловской области).

- ⁵⁷ Там же. Д. 1040. Л. 4.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 1170. Л. 161.
- ⁵⁹ Алексеев А. И. Многоликая деревня (население, территория). М., 1990. С. 91.
- ⁶⁰ См.: Толмачева Р. П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981. С. 23.
- ⁶¹ См.: История Урала. Т. 2. Пермь, 1963. С. 358.
- ⁶² См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 4170. Л. 143, 188, 197.
- ⁶³ См.: Там же. Л. 205.
- ⁶⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8 : 1946—1955. М., 1985. С. 359—391.
- ⁶⁵ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 1307. Л. 39.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1307. Л. 39.
- ⁶⁷ См.: Мотревич В. П. Освоение уральской целины // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. С. 54.
- ⁶⁸ См.: РГАЭ. Ф. 486. Оп. 21. Д. 378. Л. 31.
- ⁶⁹ См.: Там же. Ф. 8216. Оп. 1. Д. 73. Л. 24.
- ⁷⁰ ГАОО. Ф. 1081. Оп. 4. Д. 2401. Л. 1—5.
- ⁷¹ Там же. Ф. 1014. Оп. 7. Д. 546. Л. 12.
- ⁷² Мотревич В. П. Освоение уральской целины... С. 56.
- ⁷³ См.: Романченко В. Я. «Совхозизация» сельского хозяйства в России: исторические сроки и социально-экономические результаты (1950—1980 гг.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Тамбов, 2000. С. 269—273.
- ⁷⁴ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9 : 1956—1960. М., 1986. С. 229—235.
- ⁷⁵ См. подробнее в разд. 6.
- ⁷⁶ См.: Постановление пленума ЦК КПСС от 24—26 марта 1965 г. «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10 : 1961—1965. М., 1986. С. 426—431.
- ⁷⁷ См.: Постановление пленума ЦК КПСС от 10—15 февраля 1964 г. «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции» // Там же. С. 398—414.
- ⁷⁸ См.: Нестерова К. С. Повышение эффективности сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1977. С. 35.
- ⁷⁹ См.: Развитие сельского хозяйства в Свердловской области за годы советской власти (1917—1987 гг.). Свердловск, 1987. С. 46.
- ⁸⁰ См.: Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 13 : 1976—1980. М., 1987. С. 96—109.

⁸¹ См.: История народного хозяйства Урала (1946–1985). Ч. 2. Свердловск, 1990. С. 186.

⁸² См.: Шарыгин М. Д., Макарова Г. Т., Свисткова А. М. Агропромышленный комплекс Уральского Нечерноземья. Пермь, 1986. С. 12.

⁸³ Закон СССР от 6 марта 1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex12668.htm>; Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 30, 27 дек. Ст. 416; Закон РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 461-1 «О крестьянском (фермерском хозяйстве). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34764>; Закон РСФСР от 23.11.1990 г. № 374-1 (ред. от 28.04.1993) «О земельной реформе» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=1947>.

⁸⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодн. М., 1991. С. 392.

⁸⁵ Там же. С. 426, 436.

⁸⁶ Там же. С. 460.

⁸⁷ Морозов А., Подгорбунских П. Проблемы фермеров Урала // Урал. нивы. 1991. № 12. С. 8—9.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Берсенов В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1995. С. 128.

⁹⁰ См., например: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 436—437; Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996.

⁹¹ См.: Сенявский А. С. Российский город, 1960—1980-е гг. М., 1995; Денисова Л. Н. Российская нечерноземная деревня 1960—1980-х гг. // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С. 618—632.

⁹² План участка «Новое в деревне» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открытой в 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://bcxb.ru/pavils/pavils39.htm>.

⁹³ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1939. С. 571.

⁹⁴ Участок «Новое в деревне». Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://bcxb.ru/pavils/pavils39.htm>.

⁹⁵ Обобщение опыта и рекомендации по наиболее рациональной планировке и застройке сельских населенных пунктов совхозов и колхозов РСФСР. М., 1966. С. 1—6.

⁹⁶ См.: Алексеев А. И. Проблемы управления сельской местностью // География и хозяйство. Роль географической науки в обеспечении ускорения социально-экономического развития страны. Л., 1987. С. 76.

⁹⁷ Изучение расселения и происхождения сельских населенных пунктов имеет достаточно обширную историографическую традицию. Первый опыт анализа сельского расселения относится к концу XIX в. В частности, этим вопросам посвящены работы П. А. Соколовского и В. П. Семенова-Тян-Шанского. Разработка соответствующих тем велась в 1920-е гг. Однако этап активного изучения процессов расселения приходится на более поздний период — 1960-е гг.

⁹⁸ Давидович В. Г. Об основах теории и практики расселения // Динамика систем расселения. М., 1977. С. 9.

⁹⁹ См., например: *Гусейн-Заде С. М.* Модели размещения населения и населенных пунктов. М., 1988.

¹⁰⁰ См., например: Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.) : стат. сб. М., 1980; Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) : стат. сб. М., 1991.

¹⁰¹ Результаты исследования получили отражение в следующей работе: Развитие сельских поселений : (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1977.

¹⁰² Вопросы развития сельских населенных мест за рубежом. М., 1975. С. 10.

¹⁰³ См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 441; *Горбачев О. В.* На пути к городу. Сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 65.

¹⁰⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9 : 1956—1960. С. 193—210.

¹⁰⁵ Цит. по: Типы жилых домов и культурно-бытовых зданий для строительства в сельской местности. М., 1960. С. 2.

¹⁰⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9 : 1956—1960. С. 487.

¹⁰⁷ Некоторые современные требования к проектированию сельских населенных мест. М., 1960. С. 5.

¹⁰⁸ Практика планировки и застройки сельских населенных мест РСФСР. М., 1960. С. 46.

¹⁰⁹ Там же. С. 47.

¹¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 719. Л. 26.

¹¹¹ *Иоффе Г. В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 183.

¹¹² См.: Некоторые современные требования к проектированию сельских населенных мест. М., 1960. С. 5.

¹¹³ См.: Там же. С. 9.

¹¹⁴ См.: Основные принципы разработки схем районной планировки сельскохозяйственных районов. М., 1960. С. 2.

¹¹⁵ См.: Практика планирования и застройки сельских населенных мест РСФСР. С. 2.

¹¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7251. Л. 21.

¹¹⁷ См.: *Кирсанов Д. Ф.* Сельское расселение: социально-экономический аспект. Киев, 1988. С. 23.

¹¹⁸ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 245. Л. 115.

¹¹⁹ Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). М., 1980. С. 220.

¹²⁰ См.: Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М., 1966. С. 34.

¹²¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 22.

- ¹²² См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 547. Л. 2.
- ¹²³ Подсчитано на основе распределения населенных мест по типам по данным 1939 г.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.
- ¹²⁴ См.: *Алексеев А. И.* Проблемы управления сельской местностью ... С. 71.
- ¹²⁵ См.: Переустройство сельских населенных мест : материалы совещания-семинара. Минск, 1968. М., 1969. С. 244.
- ¹²⁶ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 982.
- ¹²⁷ Там же. Оп. 45. Д. 9693. Л. 131.
- ¹²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7251. Л. 71.
- ¹²⁹ См.: Переустройство сельских населенных мест... С. 27.
- ¹³⁰ Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997. С. 164—165.
- ¹³¹ См.: Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. С. 6.
- ¹³² См.: Переустройство сельских населенных мест... С. 75.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7250. Л. 3—4.
- ¹³⁵ См., в частности: Генеральная схема расселения на территории СССР : доклад к выставке «Градостроительство в СССР». М., 1977.
- ¹³⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 12 : 1971—1975. М., 1986. С. 394—409.
- ¹³⁷ См.: *Ковалев С. А., Мизгачева Л. В., Степанова Л. В.* Региональные различия современного сельского расселения в СССР // Динамика расселения в СССР. Вопросы географии. [Сб.] 129. М., 1986. С. 157.
- ¹³⁸ См.: Региональные проблемы развития городских и сельских поселений СССР. М., 1988. С. 137.
- ¹³⁹ См.: *Иоффе Г. В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 185.
- ¹⁴⁰ См.: *Гохберг М. Я., Соловьева Н. А.* Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С. 56.
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 3957. Л. 31.
- ¹⁴² См.: Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). М., 1980. С. 209.
- ¹⁴³ См.: Там же. С. 220.
- ¹⁴⁴ *Иванов К. П.* Эколого-географическое исследование сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // География и хозяйство. Роль географической науки в обеспечении ускорения социально-экономического развития страны. Л., 1987. С. 82.
- ¹⁴⁵ Сборник нормативных документов по планировке и застройке сельских населенных пунктов РСФСР. М., 1982. С. 4—16.
- ¹⁴⁶ См., например: «Луковое поле» (реж. В. Шабатаев, 1990); «Зеленинский погост» (реж. Б. Лизнев, 1989); «Лешкин луг» (реж. А. Погребной, 1990—1996); и др.

К разделу 4

¹ См. об этом: Жилище в России, XX век. Архитектура и социальная история. М., 2002. С. 77.

² Говард Э. Города будущего. СПб., 1911; Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры: лицо города. М., 1990. С. 85—95; Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада // Вест. Евразии. СПб., 2007.

³ См.: Город-сад (Барнаул) [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Город-сад_\(Барнаул\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Город-сад_(Барнаул)).

⁴ См.: Жилище в России, XX век. Архитектура и социальная история. С. 56—57.

⁵ Охитович М. К проблеме города // Сов. архитектура. 1929. № 4. С. 130—134.

⁶ См.: Жилище в России, XX век... С. 78.

⁷ История Соцгорода Уралмаш [Электронный ресурс]. URL: <http://ougk.ru/uslugi/domami/dogovora/socgoroda/>.

⁸ См.: Ильин М. Рассказы о пятилетнем плане. М., 1932. С. 137—156.

⁹ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 16 : Шадринский округ. Екатеринбург, 1928. С. 4, 6, 14.

¹⁰ См.: Коровин А. Ф. Энциклопедия Каменского района. Каменск-Уральский, 1993. С. 16.

¹¹ См., подробнее: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул, 2008. С. 144—159.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Там же. С. 152

¹⁴ ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 193.

¹⁵ Концепция «агрогородов» была сформулирована несколько раньше, в конце 1920-х гг., в связи с развертыванием совхозного и колхозного строительства.

¹⁶ См.: Планировка и строительство колхозов, совхозов и МТС: материалы совещания. М., 1940.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 111. Л. 332—333.

¹⁸ Там же. Л. 332.

¹⁹ Там же. Д. 284. Л. 22.

²⁰ Там же. Д. 176. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 7. Л. 145.

²² Там же. Д. 265. Л. 22—24.

²³ Там же. Д. 369. Л. 39—46.

²⁴ РГАЭ. Ф. 8216. Оп. 1. Д. 73. Л. 24.

²⁵ ГАОО. Ф. 1081. Оп. 4. Д. 2401. Л. 1—5.

²⁶ Там же. Л. 1—24.

²⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 664. Л. 43.

²⁸ См.: Типы жилых домов и культурно-бытовых зданий для строительства в сельской местности. М., 1960. С. 5.

²⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1274. Л. 34.

³⁰ Там же. Д. 1276. Л. 122.

- ³¹ Там же. Д. 762. Л. 259.
- ³² Там же. Д. 763. Л. 221.
- ³³ Там же. Д. 3458. Л. 143.
- ³⁴ Там же. Д. 2731. Л. 102.
- ³⁵ В 1965 г. в конкурсе участвовало 187 населенных пунктов, в т. ч. пос. центральной усадьбы совхоза «Красная Звезда» Курганской области: он получил диплом III степени, пос. Мартюш Свердловской области (диплом II степени), пос. центральной усадьбы совхоза «Свердловский» (диплом I степени), поселки Кременкуль и Лазурный в Челябинской области (оба получили дипломы II степени) (см.: РГАЭ. Ф. 131. Оп. 2. Д. 58. Л. 2—5).
- ³⁶ В 1968 г. приказом Министерства сельского строительства был создан Центральный научно-исследовательский экспериментальный и проектный институт по сельскому строительству — ЦНИИЭПсельстрой (РГАЭ. Ф. 131. Оп. 2. Д. 191. Л. 1).
- ³⁷ См. подробнее: Переустройство сельских населенных мест. М., 1969.
- ³⁸ Сборник нормативных документов по планировке и застройке сельских населенных пунктов РСФСР. М., 1982. С. 4—16.
- ³⁹ По данным сайта о загородной недвижимости Екатеринбурга [poselkiekb.ru!](http://www.poselkiekb.ru/Catalog/Objects/cottage?page=3) URL: <http://www.poselkiekb.ru/Catalog/Objects/cottage?page=3> (дата обращения: 10. 01. 2012).
- ⁴⁰ См.: На путях из Земли Пермской в Сибирь : очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII—XX вв. М., 1989. С. 48.
- ⁴¹ См.: Свод данных, помещенных в «Сельских населенных мест Пермской губернии», изд. 1908/9 гг. Пермь, 1910. С. 62—63.
- ⁴² Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. (этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991. С. 52.
- ⁴³ См.: Традиционное жилище народов России, XIX — начало XX века. М., 1997. С. 40.
- ⁴⁴ Крупянская В. Ю., Полицук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX — начало XX в. М., 1971. С. 120.
- ⁴⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. СПб., 1975. Л. CCCXXXII.
- ⁴⁶ Там же. Л. XXXCCC.
- ⁴⁷ Там же. Л. CCCXXXVII.
- ⁴⁸ Там же. Л. CCXIV.
- ⁴⁹ Там же. Л. CCXVI.
- ⁵⁰ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии» ... С. 17.
- ⁵¹ История крестьянства СССР. Т. 4. М., 1988. С. 188.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 265. Л. 31.
- ⁵³ Там же. Л. 49.
- ⁵⁴ Там же. Л. 56.
- ⁵⁵ Там же. Д. 83. Л. 2—2об.
- ⁵⁶ Там же. Д. 200. Л. 27.
- ⁵⁷ Там же. Д. 719. Л. 46.

- ⁵⁸ Там же. Д. 664. Л. 72—73.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1276. Л. 196.
- ⁶¹ Там же. Д. 1275. Л. 181.
- ⁶² Там же. Ф. 259. Оп. 45. Д. 3144. Л. 43, 54, 57, 74.
- ⁶³ Там же. Л. 73.
- ⁶⁴ См.: *Мардов Й., Англинскас В.* Руины колхозных построек: некоторые вопросы оценки современной реальности сельскими жителями Литвы // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. Ч. 1. Омск, 2010. С. 37—43.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 263. Л. 57, 65.
- ⁶⁶ Там же. Л. 10—18.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 259. Оп. 45. Д. 1463. Л. 2—4, 111, 131.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 46. Д. 658. Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. Д. 2075. Л. 1—2.
- ⁷¹ ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 4166. Л. 142.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 2075. Л. 68.
- ⁷³ Там же. Л. 12, 68.
- ⁷⁴ ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 3265. Л. 39.
- ⁷⁵ Там же. Д. 4157. Л. 85.
- ⁷⁶ Там же. Д. 3223. Л. 53.
- ⁷⁷ Там же. Л. 55.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 3623. Л. 1.
- ⁸⁰ Там же. Д. 5505. Л. 3.
- ⁸¹ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 405.
- ⁸² *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX в. М., 2011. С. 46.
- ⁸³ См.: Первые шаги электрификации России [Электронный ресурс]. URL: <http://electrolibrary.info/history/electrofikaciya.htm>.
- ⁸⁴ См.: *Смирнов Г. Л.* Электрификация колхозов. М., 1951. С. 5.
- ⁸⁵ Там же. С. 4.
- ⁸⁶ См.: *Мамяченков В. Н.* Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960). Екатеринбург, 2002. С. 258.
- ⁸⁷ См.: История советского крестьянства. Т. 3 : Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945 гг. М., 1987. С. 323.
- ⁸⁸ *Смирнов Г. Л.* Электрификация колхозов. С. 3.
- ⁸⁹ См.: *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945). С. 26—27.
- ⁹⁰ См.: *Смирнов Г. Л.* Электрификация колхозов. С. 24.
- ⁹¹ См.: *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 32.

⁹² См.: *Смирнов Г. Л.* Электрификация колхозов. С. 25.

⁹³ *Мотрович В. П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). С. 13.

⁹⁴ См.: *Мазур Л. Н.* Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Соц. активность тружеников урал. сов. деревни. Свердловск, 1990. С. 75.

⁹⁵ История народного хозяйства Урала (1946—1985). Свердловск, 1990. Ч. 2. С. 72.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Цит.по: *Бердинских В.* Речи немых... С. 122.

К разделу 5

¹ См.: *Алексеева Е. В.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006. С. 9.

² См.: *Клахон К. К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 84—85.

³ *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 479.

⁴ См.: *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 9.

⁵ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. СПб., 1875. Л. CCLXXI.

⁶ См.: *Смягликова Е. М.* Образовательная политика Российской империи во второй половине XVIII века // Научное обозрение. 2005. № 4. С. 118—120.

⁷ См.: *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. ... С. 35.

⁸ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. Л. CCLXXI.

⁹ *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. ... С. 38, 47, 67.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 3. С. 1342—1350.

¹¹ См.: Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 140—141.

¹² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. СПб., 1887. С. 372—374.

¹³ См.: *Сидоров С. В.* Инновации в развитии сельской школы в России второй половины XVIII — начала XX века [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Sidorov_Innovations/.

¹⁴ Основанное в 1633 г. село Мурзинка известно своими самоцветными копиями. До земской реформы здесь была церковно-приходская школа, преобразованная в 1882 г. в земское училище. В нем обучались дети из 16 деревень, в основном мальчики. Здание для школы было построено в 1896 г. и сохранилось до настоящего времени (см.: *Бардина Н.* Еще хранит сокровища «Мокруша» // История Нижнего Тагила от основания до наших дней [Электронный ресурс]. URL: http://history.ntagil.ru/5_3_15.htm).

¹⁵ См.: *Василькова Ю. В., Василькова Т. А.* Социальная педагогика : курс лекций. М., 2000. С. 240.

¹⁶ *Рачинский С. А.* Сельская школа (1881 г.) [Электронный ресурс] // Хрестоматия по истории педагогики / под ред. С. А. Каменева; сост. Н. А. Желваков. М., 1936. URL: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped017.html>.

¹⁷ *Калинина Е. А.* Образовательная среда в контексте локальной истории (из опыта изучения начальных школ одной карельской волости) [Электронный ресурс] // «История города и села: теория и исследовательские практики» : интернет-конференция / Межвуз. науч.-образоват. центр «Новая локальная история» Ставропол. гос. ун-та, Рос. гос. аграр. ун-та — МСХА им. К. А. Тимирязева. URL: <http://www.newlocalhihi>.

¹⁸ *Рачинский С. А.* Сельская школа ...

¹⁹ См.: *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. ... С. 88.

²⁰ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. Л. CCLXXI.

²¹ См.: *Сидоров С. В.* Инновации в развитии сельской школы в России второй половины XVIII — начала XX века.

²² См.: История развития системы образования на Урале. Екатеринбург, 2004. С. 36.

²³ Там же. С. 35.

²⁴ *Рачинский С. А.* Сельская школа ...

²⁵ См.: История развития системы образования на Урале. С. 50.

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ См.: *Бахтина И. Л.* Сельские школы повышенного типа на Урале в 1920-е годы [Электронный ресурс] // Проект Ахей. URL: http://mmj.ru/ural_history.html?&article=276&cHash=9f10960be2.

²⁸ См.: *Кочаненков С. С.* Деревня в 30-е годы [Электронный ресурс] // Очерки по истории родных мест. Жизнь смоленской деревни. URL: <http://sites.google.com/site/rodnyemesta/derevna-v-30-e-gody>.

²⁹ Народное образование в СССР : сб. норматив. актов. М., 1987. С. 110.

³⁰ Там же. С. 477.

³¹ См.: *Колыхалов Д. В.* Введение всеобщего обязательного начального обучения в Советской России в 1923—1941 гг. [Электронный ресурс] // Палладиум. 2010. URL: <http://pspa.ucoz.ru/load/0-0-0-10-20>.

³² *Юркова Н.* Перемены в жизни села : рассказала А. Е. Флягина // Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997. С. 47—49.

³³ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 2777. Л. 2.

³⁴ См.: ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 146. Л. 33.

³⁵ См.: ГАПК. Ф. 564. Оп. 3. Д. 3818. Л. 5.

³⁶ См.: История развития системы образования на Урале. С. 95.

³⁷ Там же. С. 94.

³⁸ См.: *Вьюкова О. П.* Сельские общеобразовательные школы Урала в 1970—1980 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни, 1917—1987 гг. Свердловск, 1990. С. 137.

³⁹ См.: *Горбушов А. А.* Инновационные процессы в сельской школе как феномен ее генезиса // Изв. Урал. ун-та. 2007. № 50. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 21. С. 41—46.

⁴⁰ См.: *Горбушов А. А.* Развитие сельской школы на Урале (XVIII — начало

XXI в.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007. С. 18—20.

⁴¹ Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Пермь, 1878. С. 497.

⁴² См.: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений с приложением карты. Екатеринбург, 1879. С. 264.

⁴³ Там же. С. 265.

⁴⁴ См.: История библиотек ЦБС [Электронный ресурс]. URL: [http:// ilbi.perm.ru/zbs/zbs.html](http://ilbi.perm.ru/zbs/zbs.html).

⁴⁵ Кривошеков И. Материалы для изучения Пермского края // Сб. Перм. зем-ства. Пермь. 1904. № 2. С. 70.

⁴⁶ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изд. 1908-09 г. и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14.

⁴⁷ Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. 5. Пермь, 1893. С. 23.

⁴⁸ Там же. С. 25.

⁴⁹ Там же С. 28—29.

⁵⁰ Декрет СНК «О централизации библиотечного дела в РСФСР» от 3 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1917/?id=2836>.

⁵¹ См.: Третьяков В. В. Повышение культурного уровня уральского крестьянства в первые годы советской власти (1917—1920 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни, 1917—1987 гг. С. 16.

⁵² Библиотечное дело в СССР в первые годы советской власти (1917—1920 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univer.omsk.su/pages/hbwork/>.

⁵³ Там же

⁵⁴ См.: Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997. С. 45.

⁵⁵ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1970. С. 335.

⁵⁶ Налобина С. В. Культурное развитие уральской советской деревни в 1929—1937 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни ... С. 40.

⁵⁷ Там же. С. 43.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Андрианова Г. С. Культурно-просветительная деятельность художественной интеллигенции Урала на селе (1917—1941) // Развитие культуры уральской советской деревни. ... С. 56—57.

⁶⁰ Там же. С. 58.

⁶¹ Толмачева П. П. Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Урала (1946—1958 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни ... С. 94—95.

⁶² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 2777. Л. 2.

⁶³ Берсенев В. Л. Развитие сети культурно-просветительных учреждений в колхозах Урала (1966—1975 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни ... С. 119.

- ⁶⁴ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 433. Л. 22—24.
- ⁶⁵ См. об этом: *Рафикова Н. Д.* Культурный уровень колхозного крестьянства Урала в 1976—1985 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни ... С. 149.
- ⁶⁶ См., подробнее: *Попов А. А., Сметанин А. Ф.* Советская северная деревня в 60-х — первой половине 80-х гг. Сыктывкар, 1995. С. 24—143.
- ⁶⁷ Народное хозяйство Свердловской области. Свердловск, 1967. С. 23.
- ⁶⁸ *Берсенева В. Л.* Развитие сети культурно-просветительных учреждений в колхозах Урала. ... С. 121.

К разделу 6

- ¹ См.: *Кобяк О. В.* Городской образ жизни [Электронный ресурс] // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. 2003. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/gorodskoi-obraz-zhizni>.
- ² См., например: *Иванова Т. В.* Социально-психологические проблемы городской ментальности : дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2004.
- ³ См. об этом раздел 1.
- ⁴ См.: *Ильиных В. А.* Этапы и тенденции процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. URL: <http://muz.hum.sbras.ru/iva75.htm>.
- ⁵ См.: *Великий П. П., Бочарова Е. В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации агросферы [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/19/1271957166/Velikiy.pdf>.
- ⁶ См.: *Мазур Л. Н.* Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала в первой половине 1960-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 195—197.
- ⁷ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 143—145; Ф. 1812. Оп. 2.
- ⁸ Понятие сельско-урбанистического образа жизни было использовано Р. В. Рывкиной для характеристики сельских семей, жизнь которых в наибольшей степени попала под влияние городских стандартов потребления и поведения (см.: *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979).
- ⁹ Здесь и далее подсчитано на основе годовых бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).
- ¹⁰ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. СПб., 1875. Л. ССХСХVII.
- ¹¹ Там же. Л. ССХСХVI.
- ¹² Там же. Л. ССХСХV.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 29—36.
- ¹⁵ См.: *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 29.
- ¹⁶ Инструкция по применению положения о социалистическом землеустрой-

стве // Сб. законодат. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 61.

¹⁷ Земельный кодекс РСФСР. 1922 г. // Сб. законодат. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. С. 156—179.

¹⁸ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Там же. С. 467—469.

¹⁹ См.: *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985). Екатеринбург, 1991. С. 43.

²⁰ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Сб. законодат. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. С. 467—469.

²¹ Там же. С. 44.

²² ГАПК. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 4515. Л. 230.

²³ См.: *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928—1941 гг. М., 1982. С. 210—211.

²⁴ Ответы и вопросы колхозников, рабочих и служащих по приусадебному землепользованию. М., 1960. С. 48.

²⁵ Так, например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. было запрещено содержание скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках (см. подробнее: *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 140).

²⁶ Земельный кодекс РСФСР. М., 1974.

²⁷ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27.05.1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Сб. законодат. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. С. 566—568.

²⁸ Там же. С. 566.

²⁹ См.: *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985). С. 66.

³⁰ ГАПК. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 3086. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 3057. Л. 11.

³² Там же. Д. 3139. Л. 73.

³³ См.: *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х гг. Вологда, 2011. С. 22—23.

³⁴ См.: Там же. С. 19—20; см. также: *Мамяченков В. Н.* Роковые годы: материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960 гг.). Екатеринбург, 2002. С. 199.

³⁵ См.: *Мамяченков В. Н.* Роковые годы ... С. 199.

³⁶ См. подробнее: *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 132—150.

³⁷ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 339. Л. 10.

³⁸ Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 13 ноября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» устанавливались следующие размеры участков: для рабочих и служащих совхозов — 0,3 га; для рабочих и служащих, работающих в сельской местности — до 0,25 га; для рабочих и служащих других категорий — 0,15 га (см.: Систематическое собрание законов РСФСР, Ука-

зов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т. 8. М., 1968. С. 79—80).

³⁹ Примерный устав колхоза. М., 1969 (п. 42).

⁴⁰ Земельный кодекс РСФСР. М., 1974.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 7190. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Здесь и далее, если нет дополнительных ссылок, приводятся данные, полученные в результате анализа первичных бланков бюджетов семей колхозников Свердловской области за 1963 г. (см.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

⁴⁴ Закон СССР от 06.03.90 № 1305-1 «О собственности в СССР» [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex12668.htm>; Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР» [Электронный ресурс] // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 27 декабря 1990 г. №30. Ст. 416; Закон РСФСР от 27.12.1990 г. № 461-1 «О крестьянском (фермерском хозяйстве)» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34764>; Закон РСФСР от 23.11.1990 № 374-1 (ред. от 28.04.1993) «О земельной реформе». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=1947>.

⁴⁵ Развитие фермерских хозяйств [Электронный ресурс]. URL: http://www.agropart.ru/?Ekonomichekies_reformy_selmszskogo_hozyaistvaRazvitie_fermerskih_hozyaistv.

⁴⁶ Показатели производства сельскохозяйственной продукции и удельный вес малых форм хозяйствования в 2009—2010 г. [Электронный ресурс]. М., 2011. URL: <http://akkor.ru/wp-content/uploads/2011/10/2011.10.06-pokazateli-proizvodstva.pdf>.

⁴⁷ Анализ численности крестьянских фермерских хозяйств и индивидуальных предприятий в 2006 — 2009 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://akkor.ru/wp-content/uploads/2010/10/analiz_chislen_kfh_2006-2009.pdf.

⁴⁸ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

⁴⁹ См. Матч В. Прилично ли жить в роскоши в разгар экономического кризиса // Итоги. № 49 (651) (01.12.08). URL: <http://www.itogi.ru/obsch/2008/49/135039.html>.

⁵⁰ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 : Пермская губерния. Л. CCCXIV.

⁵¹ См.: Шанин Т. Крестьянский двор в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 36.

⁵² Списки населенных мест Российской империи. Т. 31: Пермская губерния. Л. CCCXXV—CCCXL.

⁵³ См.: Голикова С. В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 58—59.

⁵⁴ Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 18.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ См.: Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // Отеч. история. 1998. № 1. С. 102.

⁵⁷ В 1952 г. в среднем одна семья колхозников в РСФСР платила 628 руб. налогов, в 1960 г. — 350,1 руб. (см.: *Мамяченков В. И.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 234).

⁵⁸ См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 428.

⁵⁹ См.: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930—1980-е годы : тез. науч. докл. Вологда, 2003. С. 31.

⁶⁰ См.: *Мотревич В. П.* Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946—1958 гг. // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917—1985 гг. Свердловск, 1988. С. 97; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 42, 63; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 139.

⁶¹ См.: История советского крестьянства : в 4 т. Т. 4. М., 1988. С. 331.

⁶² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 53; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 42, 62.

⁶³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 14; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 53.

⁶⁴ См., подробнее: *Мазур Л. Н.* Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала. С. 167—201.

⁶⁵ См.: Там же.

⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 61.

⁶⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 472—478.

⁶⁸ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 62; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 7996. Л. 92. Приведенные данные содержатся в аналитических записках Статуправления Свердловской области за 1963 г. и являются несколько завышенными.

⁶⁹ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 2945. Л. 47.

⁷⁰ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31: Пермская губерния. Л. CCCLI.

⁷¹ *Бердинских В.* Речи немых... С. 112.

⁷² Там же. С. 130—131.

⁷³ Здесь и далее, если нет дополнительных ссылок, приводятся данные, полученные в результате анализа первичных бланков бюджетов семей колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

⁷⁴ Детская энциклопедия [Электронный ресурс]. 2-е изд. Т. 6. М., 1967. URL: <http://ceolte.com/view/1010/>.

⁷⁵ См.: *Баранова Л. Я., Левин А. И.* Потребности, доходы, потребление : эконом. словарь-справочник. М., 1989. С. 152.

⁷⁶ Там же. С. 155.

⁷⁷ Потребительская кооперация — социально-ориентированная система рыночной экономики. Развитие села и деревни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univer5.ru/ekonomika/potrebitelskaya-kooperatsiya-sotsialno-orientirovannaya-sistema-ryinochnoy-ekonomiki-30/Page-3.html>.

⁷⁸ См.: *Никulin А.* Куда селянину податься?! Особенности постсоветского существования российского села [Электронный ресурс] // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 21. URL: <http://index.org.ru/journal/21/nikulin21.html>.

- ⁷⁹ Бердинских В. Речи немых... С. 81.
- ⁸⁰ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. Л. ССХСХVI—ССХСХVII.
- ⁸¹ См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 213.
- ⁸² Белов В. Лад. [Электронный ресурс]. Ч. 1 : Круглый год. М., 1989. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/lad/lad1.htm>.
- ⁸³ См.: Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справочник. М., 2009. С. 185.
- ⁸⁴ Бердинских В. Речи немых... С. 41.
- ⁸⁵ Там же. С. 78, 146.
- ⁸⁶ Там же. С. 92—93.
- ⁸⁷ Там же. С. 85.
- ⁸⁸ Там же. С. 105.
- ⁸⁹ Здесь и далее, если нет дополнительных ссылок, приводятся данные, полученные в результате анализа первичных бланков бюджетов семей колхозников Свердловской области за 1963 г. (см.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).
- ⁹⁰ Бердинских В. Речи немых... С. 54—55.
- ⁹¹ См.: Безнин М. А., Димони Т. М. Сельский социум России 1930—1980-х гг.: контуры концептуальной переоценки // Гос. аграр. политика в России XX века в контексте модернизационного процесса. Вологда, 2006. С. 181—189.
- ⁹² См.: Карпов С. Г. Социальные процессы в российской деревне в 1960—1990-е гг. Вологда, 2007. С. 18—19.
- ⁹³ См.: Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974. С. 14.
- ⁹⁴ См.: Там же. С. 15.
- ⁹⁵ Бердинских В. Речи немых... С. 104.
- ⁹⁶ См.: Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. С. 76, 82.
- ⁹⁷ В 1939 г. был установлен обязательный минимум трудодней для трудоспособных колхозников — 100, 80 и 60 трудодней в год (в зависимости от краев и областей). В 1943 г. он был повышен: до 120—150 трудодней.
- ⁹⁸ См.: Акифьева Н. В. Рост доходов колхозников Урала в 1959—1970 гг. // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1988. С. 103.
- ⁹⁹ См.: Иванов А. С. Права и обязанности членов колхоза. М., 1970.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. С. 22.
- ¹⁰¹ См.: Профсоюзу работников сельского хозяйства — 60 лет. М., 1979. С. 60.
- ¹⁰² См.: Козлов И., Слуцкий С. Профактиву о санаторно-курортном обслуживании трудящихся. М., 1984. С. 7.
- ¹⁰³ См.: Профсоюзу работников сельского хозяйства — 60 лет. С. 4.
- ¹⁰⁴ См.: Там же. С. 8.
- ¹⁰⁵ См.: Санаторно-курортное обслуживание и отдых трудящихся. М., 1985. С. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1. МОДЕРНИЗАЦИЯ И СЕЛЬСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ:	
ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	18
1.1. Особенности российской модернизации	18
1.2. Опыт периодизации сельской урбанизации	37
1.3. Региональные модели урбанизации	63
1.4. Отражение процессов урбанизации в топонимике	71
2. СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ И НА УРАЛЕ	96
2.1. Миграция как фактор и информационный канал урбанизации	96
2.2. Сельская миграция в советском художественном кино: мифы и реальность	114
2.3. Уральская деревня и сельская миграция	130
3. ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СЕЛА	141
3.1. Аграрные реформы как фактор урбанизации сельской местности	142
3.2. Система сельского расселения в фокусе политических решений	181
3.3. Художественный кинематограф о проблемах советской деревни	216

4. МОДЕРНИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	238
4.1. Изменение архитектурного облика российской деревни	241
4.2. Сельское строительство и реконструкция советской деревни	261
4.3. Советский опыт благоустройства сельской местности	281
4.4. Электрификация на селе в 1920—1980-е гг.	291
5. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ	300
5.1. Сельская школа в контексте урбанизации	304
5.2. Роль сельских библиотек и клубов в модернизации культурного пространства деревни в XX в.	331
6. ДЕРЕВЕНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ	352
6.1. Образ жизни как отражение уровня урбанизации села	356
6.2. Эволюция крестьянского хозяйства на Урале в XX веке	362
6.3. Модели потребления крестьянства	385
6.4. Труд и отдых крестьян	411
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	436
Библиографические ссылки и примечания	443

Научное издание

Мазур Людмила Николаевна

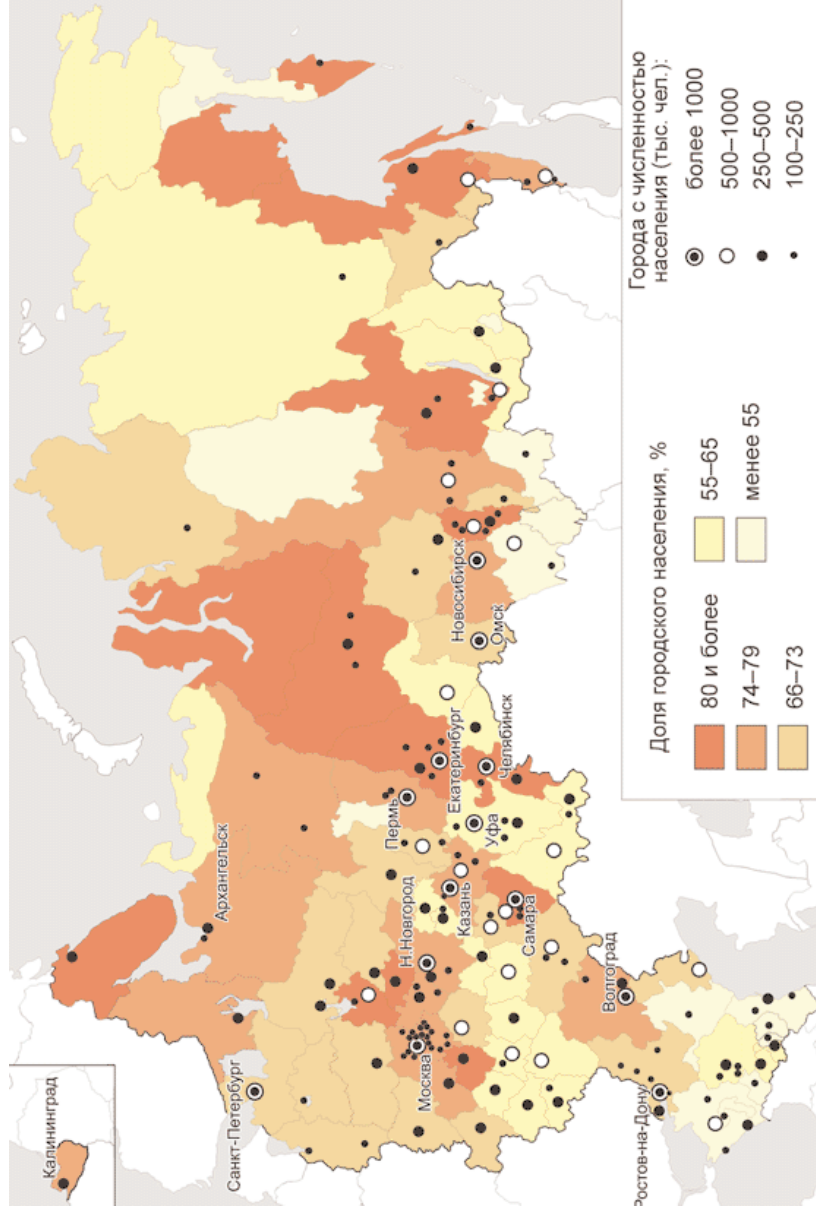
РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — XX В.)

Редактор и корректор	Р. Н. Кислых
Компьютерная верстка и подготовка оригинал-макета	О. В. Горбачев
Дизайн обложки	Е. Р. Даурова
Цветная вклейка:	
карта 1 — см.: Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс] / URL: http://www.socpol.ru/atlas/maps/1_1_2map.gif ;	
карта 2 подготовлена	<i>С. И. Цеменковой</i>

Подписано в печать 03.10.2012
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Уч.-изд. л. 23,5 Усл. печ. л. 27,44. Тираж 400 экз. Заказ

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Отпечатано в ИПЦ УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

1. Степень урбанизированности регионов Российской Федерации (2004)

Масштаб 1 : 4 000 000

2. Экономико-географические районы Свердловской области:

- 1 — Северный горнозаводской; 2 — Центральный горнозаводской;
- 3 — Южный горнозаводской; 4 — Юго-Западный сельскохозяйственный;
- 5 — Юго-Восточный сельскохозяйственный; 6 — Северо-Восточный лесопромышленный